

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2017

ВАДИМ ПАНОВ • ДМИТРИЙ КАЗАКОВ •
МАЙК ГЕЛПРИН • ЯРОСЛАВ ВЕРОВ

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

ВАДИМ ПАНОВ • ДМИТРИЙ КАЗАКОВ •
МАЙК ГЕЛПРИН • ЯРОСЛАВ ВЕРОВ

2017

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2017

ВАДИМ ПАНОВ
ДМИТРИЙ КАЗАКОВ
МАЙК ГЕЛПРИН
ЯРОСЛАВ ВЕРОВ
И ДРУГИЕ

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

Издание подготовлено
совместно с издательством
«Снежный Ком М»

2017

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
НЗ2

Составители сборника *Г. Гусаков, И. Минаков*

Серия основана в 2003 году

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

**НЗ2 Настоящая фантастика-2017 : фантастические по-
вести и рассказы. — Москва Издательство «Э»,
2017. — 608 с. — (Русская фантастика).**

ISBN 978-5-699-97996-7

Венера — это вторая Земля, но, чтобы сделать венерианский ад пригодным для существования человека, нужно победить не только извержения вулканов, тепловые бури и кислотные дожди, но и загадочное Красное кольцо, приманивающее зловещих Огневиков...

Сгусток вещества и энергии замер в трехмерной пустоте, готовясь к транспространственному смещению. По многовековой традиции, сгусток назывался «космическим кораблем», а смещение — «межзвездным полетом». Странная традиция. Что общего с кораблем у хрупкой ажурной конструкции, похожей на опоясанную кружевами гирлянду мыльных пузырей?..

Кто не ошибается? Двести пятьдесят лет назад, когда только было подписано Соглашение о дружбе разумных планет, в космос отправились три корабля. Ни один из них не вернулся, и поэтому было принято решение не посылать четвертый. До тех пор, пока не пришло сообщение о планете, населенной очень близкими к нам существами...

Вадим Панов, Ярослав Веров, Дмитрий Казаков, Майк Гелприн и другие в традиционном ежегодном сборнике, выпущенном по итогам Международного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг-2016»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алферов В., Битюцкий С., Бор А., Вереснев И.,
Веров Я., Володихин Д., Гелприн М., Духина Н.,
Ивицкий А., Казаков Д., Лебединская Ю.,
Лукин Д., Матыцына П., Немытов Н.,
Никулин Ю., Лазаренко И., Панов В.,
Панченко Г., Савеличев М., Сибгатуллин А.,
2017

ISBN 978-5-699-97996-7

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ВСЕЛЕННАЯ –
РАЗУМ ИЛИ КОСМОС?

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

НА ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЕ ВЕНЕРЕ...

На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной,
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

Н. Гумилев

1. ПРИБЫТИЕ

 на висела в пустоте и темноте. Свернувшись, будто эмбрион в утробе матери. Может, так оно и было? Может, она — всего лишь зародыш? И предстоит пройти долгий путь превращений, пробежать миллиарды лет эволюции за каких-то девять месяцев, чтобы стать ревущим, сосущим, пачкающим младенцем?

Нет. Не так. Зародыши не умеют думать. Не могут осознавать себя. Они — заготовки личности, но не сами личности.

Я — это я. Я присутствую в этой пустоте и темноте. Осознаю себя. Осознаю свою телесность. Я даже знаю, как выгляжу. Там, где нет пустоты и темноты.

Я — женщина. Некрасивая. Взрослая. Умная.

Последнее — лишнее. К внешности не имеет отношения. Капля лести самой себе. К чему? Перед кем? Веды вокруг — никого и ничего.

Хочется свернуться еще крепче. Но тело не дает. Тело обитателя Земли. Отнюдь не божественных пропорций.

Дышать? Но ведь я дышу. Хотя и чувствую в этом странность. Будто с каждым вздохом вбираю не воздух. Что-то иное. Более плотное.

Жидкость! Да, точно. Перенасыщенную кислородом жидкость. Такой дышат космисты.

Никуда без воды. Даже эмбрион в утробе матери плавает в воде. Океанической воде. В воде первоокеана. Мы начинаем из него свою жизнь. В нем мы выходим из нашей космической колыбели.

Так где же я?

И где я была до этого?

Нет, не смерть. Это точно не смерть. Стучит сердце. Работают легкие. Чувствую тело. Руки. Пальцы. Мои пальцы.

В пустоте возникает движение. Что будет, если открыть глаза?

Пустота имеет цвет. Багровый.

Есть верх. Есть низ. Мне надо вверх. Уверена в этом. Приходится расцепить пальцы, распрямить тело и сделать несколько движений, нарушив равновесие.

Я больше не парю. Я плыву. Вверх. Плыву и дышу. Дышу и плыву. Ужасно долго и скучно.

И выплываю. Вырываюсь на поверхность. И поначалу не понимаю. И начинаю задыхаться. Откашливаюсь.

Внешняя гидравлика оказалась отключена, поэтому, когда перепонка люка лопнула, Ариадна получила болезненный толчок в спину. Внутреннее давление почти выкинуло ее из шлюпа, и если бы кто-то не подхватил поперек тела, лежать бы ей на поелах, как выкинутой на берег беспомощной рыбке.

С головы сдернули дыхательную маску и почти сунули в водоприемник, который на сленге космистов

величался «блеводницей». Что, собственно, соответствовало истине. А как иначе назвать мучительный и физиологически неприятный процесс избавления легких, а заодно и желудка от перенасыщенной жидкости, которой дышали все космисты?

— Спа-си-бо... — ухитрилась проговорить Ариадна между приступами рвоты. Она не видела своего добровольного помощника, так как головой продолжала торчать в выдавшей виды «блеводнице», которую вряд ли кто чистил или дезинфицировал в последнее время. Когда-то блестящий раструб покрывали ржавые потеки, а из сливного отверстия воняло так, что выворачивало наизнанку.

— С вами все в порядке? — Голос снаружи приобретал в раструбе гулкость.

— Да... да, спасибо. — Она сплюнула последние остатки красноватой дыхательной жидкости и выпрямилась.

Меньше всего Ариадна ожидала обнаружить себя в центре внимания сотен человек.

— Кто это? — невольно вырвалось у нее.

— Пожалуйста, прошу вас... — Тихий, жалкий голос, осторожные касания. — Шлюп... Нам нужен шлюп...

— Они — дезертиры, — с презрением сказал огромный черный человек.

И тот, кто хватал Ариадну за локоть, не дожидаясь, пока она освободится от управляющих нитей шлюпа и стащит с головы командный шлем, съезжился, отступил на шаг. Однако продолжал протягивать в горестной мольбе руки, неприятно напоминая нищего с картин Брейгеля.

Ариадна наконец-то содрала шлем, пучки нитей истончились, пожелтели, принялись надрываться. Разрыв связи со шлюпом порождал в теле зуд.

★ — Вы не в праве их обвинять, — Ариадна протянула шлем и вложила его в молящие руки. — Посадите в шлюп женщин и детей...

— Да-да, конечно, — забормотал страждущий. — Женщин и детей...

Огромный черный человек с отвращением смотрел, как тот побрел по залу, где прямо на полу сидели люди. Подчиняясь его безмолвным знакам, поднимались женщины, подзывая как можно тише детей. Словно никто не решался нарушать безмолвие Лапуты, разбавляемое лишь гулом работающих атмосферных двигателей.

— Народный комиссар проекта ТФВ Телониус. — Черный человек повернулся к Ариадне. — Но вы это знаете.

— Народный контролер проекта ТФВ Ариадна, — в тон ответила она. У нее чесался язык добавить, что и Телониус это знает — кто еще мог прибыть на шлюпе с орбитальной базы вне расписания, да еще так просто распорядиться кораблем. — Сколько здесь людей?

Телониус дернул могучими плечами, скривился. Ариадне на мгновение показалось, что он сейчас выругается, но нарком сдержался, процедил:

— Здесь нет людей. Только «возвращенцы». И какая разница — сколько? Все они — лишние.

— Когда «возвращенцев» направляли сюда на работу, вы не считали их ни лишними, ни обузой, — заметила Ариадна в широченную спину Телониуса, двигаясь вслед к выходу из зала.

— Они шли добровольно, так как знали — десяткам миллиардов воскрешенных понадобится новая Земля.

Идти пришлось медленно, переступая через пожитки, вытянутые ноги, а то и через скрюченные неудобным сном фигуры людей. Некоторые из ожидавших облачены в скафандры, чьи колпаки свешивались

на спину сморщенными масками, похожими на театральные личины смеха и печали — у кого как. При этом системы индивидуальной вентиляции работали на полную мощность, разгоняя духоту не только под оболочкой, но и вблизи, облегчая участь ожидающих.

— Послушайте, Телониус, а нельзя задействовать дополнительные кондиционеры? Дайте взрослым и детям продышаться.

— Правильно, товарищ! Мы будем жаловаться! Всем нужен свежий воздух! Сколько можно терпеть! — немедленно раздался голоса в поддержку Ариадны. Несмотря на показное равнодушие, она находилась в центре внимания.

— Не говорите чепухи! — перекрыл чей-то рык жалобные голоса, и Ариадна было подумала, что это Телониус, но наткнулась на бешеный взгляд стоящего у самого выхода человека в форме администрации проекта. Шевроны оказались неряшливо спороты, поэтому точно определить его бывшее звание оказалось невозможно. — Энергии хватает лишь на минимальную жизнедеятельность Лапуты! Если уж драпаем, то не будем создавать проблем остающимся!

— Мы в аду! — Истошный крик перекрыл разноголосицу, и словно волна прокатилась по «возвращенцам». Они вскидывали опущенные головы, привставали, пытаясь разглядеть — кто кричал.

Ариадна тоже не сразу заметила ее — тонкая тень, возникшая над сидящими.

— Вы не понимаете?! Мы — умерли! Нет никакого воскрешения! Нет Федоровского процесса! Мы в царстве мертвых! Отсюда нет возврата... нет...

Женщину потянули вниз, но она кричала и отбивалась, и Ариадна увидела, что у нее нет кистей, их заменяли примитивные механические протезы. К бьющейся в истерике женщине подбежал человек

★ в комбинезоне медицинской службы, на ходу стягивая рюкзак с большим красным крестом.

— Кто она? — спросила Ариадна.

— Нерис, — сказал Телониус. — Соломея Нерис.

— Та самая? — не поверила своим ушам Ариадна и еще раз посмотрела туда, где уже толпились люди, скрывая женщину с протезами. — Художница?

— Бывшая, — мрачно уточнил Телониус. — Вы ведь знаете, у «возвращенцев»...

— Да, — прервала его Ариадна. — Знаю.

И поехала. Ей почудилось, будто она догадалась, почему у Соломеи оказались столь грубые протезы.

— Сколько всего воскрешенных среди участников проекта? — спросила Ариадна Телониуса.

— Все, — резко ответил он. Помолчал и добавил: — Венера должна стать для них новым домом, землей обетованной, раем. Но теперь они убедили себя, что попали в ад, и готовы на все, чтобы сбежать на Землю и задыхаться там, в тесноте. Им плевать на остальных. На своих родителей, предков им тоже плевать. Главное, что возвратились они! Впрочем... «Возвращенцы» они и есть «возвращенцы».

— Вы так говорите, будто вы против Федоровского процесса...

— Да, — резко рубанул Телониус. — Мы ни черта не понимаем в том, что происходит. Почему возвращаются те, кто умер. Мы лишь придумываем удобные гипотезы.

— Человечество достигло такого уровня психо-технологического развития, которое инициировало Федоровский процесс... — начала было Ариадна, но Телониус раздраженно махнул рукой.

— Оставьте эти сказки для лежковерных! И «возвращенцев». Что, впрочем, одно и то же...

Когда Ариадна вслед за Телониусом сошла с подъемника, ей на мгновение показалось, будто она не-

ведомым чудом перенеслась на старую Землю, знакомую ей по картинкам, Землю до экологических катаклизмов. Перед ней холмистая равнина, густо поросшая травой, кустарниками и деревьями, между которыми нитями вились тропинки. В буйстве зелени притаились жилища, по внешнему виду неотличимые от земных. Иллюзия настолько полная, что Ариадна невольно ухватилась за перила, покачнувшись от острой ностальгии. Только в такие секунды понимаешь — как же долго ты отлучена от Земли.

Но иллюзия исчезает. Взгляд невольно отыскивает то, что ее порождает и выдает. Зеленый остров отделен желтоватым куполом от бешеной атмосферы Венеры. Кислородно-азотная смесь, которой надута оболочка воздушного острова, обеспечивала ему великолепную плавучесть в тяжелой углекислой атмосфере планеты. За пределами оболочки виднелся кольцевой пандус со вздутиями и отверстиями многочисленных ангаров. Оттуда выскальзывали причудливые тени венерианских самолетов. Машины взмывали над платформой и отвесно ныряли с такой скоростью, будто ничто не держало их в атмосфере и через минуты падения им предстояло разбиться о пока еще мертвую поверхность планеты.

Все обслуживающие механизмы, двигатели, лаборатории, фабрики, стыковочные узлы, стартовые площадки орбитальных кораблей упрятаны под поверхностью, и не хотелось возвращаться в царство пылящих кондиционеров, тяжкого гула двигателей Лапуты, вздохов пневмоэкспрессов, бульканья в водопроводных трубах и прочего техногенного шума, почти ничем не отличимого от такой же какофонии в орбитальных поселениях. Ариадна предполагала, что там же, среди механизмов, располагались каюты персонала, ибо никаких домов на поверхности не хватит

вместить тысячи и тысячи душ, обитающих в атмосферном городе.

Телониус шагнул на дорожку. Ариадна еле поспевала за ним. Через минуту они вышли к двухэтажному дому, Телониус пнул перепонку двери и взмахом руки предложил Ариадне войти.

— Будете находиться здесь, — сказал он. Именно так — «находиться», отчего у Ариадны возникла ассоциация с арестом, заключением под стражу и вообще — принудительной изоляцией. Она собиралась отпустить по этому поводу ядовитую шпильку, но, посмотрев на набычившегося Телониуса, который, скорее всего, ожидал от нее чего-то подобного, сдержалась. Она не любила оправдывать чьих-либо ожиданий, кроме тех, которые от нее ждут по должности. Кивнула и переступила порог.

— Мое пристанище, — сказал Телониус. — Вы никого не стесните, а сам я здесь не бываю.

— Где же вы спите? — Ариадна не удержалась.

— Где застанет сон. — И ей представилось, как сон застаёт Телониуса посреди какого-нибудь коридора в недрах острова, он немедленно ложится на поелы и засыпает. Обязательно богатырским сном, с храпом, заглушающим шум машинерии.

Телониус вдруг повернулся к Ариадне и сказал:

— Я читал вашу книгу.

— Какую именно?

— Ту, где вы укрылись под псевдонимом Доктор Панглос. «Этот лучший из миров», так она называлась?

— Ее и написал Доктор Панглос.

— Скорее поверю, что это сделал восставший из могилы Вольтер, — оскалился Телониус, раздул ноздри, набычился, и Ариадне на мгновение показалось, что народный комиссар наклонится и боднет ее огромной головой.

— Ваше право. Федоровский процесс делает подобное предположение вполне вероятным...

— Прекратите! Кто бы ни написал этот пасквиль, вы разделяете его положения?

— О недопустимости переделывать мироздание под наши сиюминутные нужды? Да, разделяю, — спокойно сказала Ариадна.

Телониус глубоко вздохнул, выпрямился.

— Единственный проект, который можно определить как «переделку мироздания», — мой проект, — Телониус сделал ударение на слове «мой». — Именно его вы и решили сделать объектом пристального внимания?

Ссориться в первые же часы с Телониусом не входило в ее планы, но что она могла ожидать? Иной реакции и быть не могло,

— Телониус, — как можно мягче постаралась сказать Ариадна, — вы прекрасно осведомлены — источник наших полномочий как народных комиссаров — свободное волеизъявление людей...

— Увольте меня от лекций по современному анархизму!

— Уволю, не беспокойтесь. Идеи Доктора Панглоса близки не только мне, но и многим людям. Изгадив собственную планету попытками переделать ее под своекорыстные нужды, мы теперь выносим данные модус вивенди и модус операнди в космос. Вы можете объяснить — зачем человечеству еще одна землеподобная планета?

— А разве вы только что не говорили с таким энтузиазмом о Федоровском процессе, об оживлении всех, когда-либо живших на Земле? Разве не для этого и нужна терраформированная Венера? Стать для «возвращенцев» Землей Обетованной?

— Чепуха! Места для всех вполне хватит и на Земле. Разрешите мы воскрешенным сразу же оставаться

на ней, без всякого карантина и обязательной отработки в космосе, мы бы давно вернули планете утраченный облик — очистили моря и сушу, восстановили атмосферу.

Телониус помолчал, потом сказал:

— Впрочем, вы полезны. Вы вдохновляете меня. Злите. Это заставляет продолжать сражаться с тем, что нельзя победить.

2. ПРИМАРКА

Волны. Море. Океан.

Багровый. Вязкий.

Как кровь.

Мир двухцветен. Верх — черный. Низ — красный. Чтобы оставаться на границе между цветами, приходится изо всех сил грести. Похоже на воду. Но только похоже. Волны. То возносят, то опускают. Когда Ариадна оказывается на очередном гребне, она пытается высмотреть берег. И ей кажется, она видит темную полосу. Туда и надо плыть.

Вот только дышать воздухом трудно. Есть выход — вновь погрузиться с головой и набрать в легкие перенасыщенную кислородом жидкость. Но она не хочет этого делать. Будто в том, что она дышит воздухом, а не жидкостью, — хоть какой-то крошечный шагоч... вот только к чему? И от чего?

Толика самостоятельности.

Так ребенок отталкивает руку матери, пытаясь сделать первый шаг.

Трудно. Очень трудно. Но сделать его нужно самому. Без посторонней помощи.

Ариадна плыла. Загребала густую жидкость. Широко разевала рот, вгоняя в легкие скудный, разреженный воздух.

Дыши! Дыши! Глубже дыши!

В доме оказалось пусто. Совсем. Ни единой вещи, которая указывала — здесь прописан народный комиссар проекта терраформирования Венеры. Лишь стандартное оборудование подобных жилищ — кресла и лежанки, кухонный комбайн, видеофон не новой конструкции, на дурацких изогнутых ножках, словно сошедший с картин ретрофутуристов. Ткнув в клавишу, Ариадна убедилась — вполне работает и обеспечивает высший уровень допуска к нужной информации. Телониус не утруждался выдумывать пароли доступа в базы знаний.

Единственной вещью, которая выдавалась из общей стандартности, оказался рояль весьма древней конструкции. На его металлических боках с декоративными завитушками красовались странные подпалины, будто инструмент потерпел в свое время катастрофу на том корабле, где когда-то был установлен. Ариадна погладила смятый ударом металлический бок и с удивлением убедилась, что рояль подключен к питанию — от него исходило тепло, а подушечки пальцев закололо клавишными сенсорами. Но ей было не до музыки, и она вернулась к видеофону.

Через час Ариадна поймала себя на том, что продолжает горбиться над экраном, вчитываясь в ежедневные отчеты о ходе проекта. От неудобной позы и накопившейся после перелета усталости на спине проступил пот, и вообще от нее попахивает немывтым с долгой дороги телом.

Под душем она смыла пленку комбинезона и голышом дошла до напылителя. Ариадна заказала стандартное одеяние лапутян, повертелась под раструбом, распределяя пленку равномерно по телу. Подумала перекусить, но решила воздержаться. Требовалась предельная ясность ума, а пищеварение, как Ариадна искренне считала, заволакивало эту ясность расслабленностью сытого тела. Поэтому она ничего не ела

во время инспекционных поездок, порой сбрасывая по несколько килограммов, истончая до предела и так тощее тело. Вот и сейчас она легко пересилила голод. Собралась продолжить знакомство с отчетностью проекта, но сверху вдруг кто-то спросил:

— Ты хочешь погубить Минотавра?

Ариадна растерянно осмотрелась, пока не увидела девчонку, что лежала на высоченном шкафу, подставив ладошку под щеку, придерживая раскрытую книгу с проступающими буквами «Мифы Древней Греции».

— Какого Минотавра? — спросила Ариадна. Вид у девочки оказался столь же странным, как и ее месторасположение. Она была в самом настоящем древнем скафандре, который собрался на детском теле множеством складок. Скафандр был потрепан и потерт, оранжевые линии сигнальной системы почти слились с остальной грязновато-белой поверхностью.

— Это его дом, — сказала девчонка. — Он тебя сюда привел, я видела.

Только теперь Ариадна сообразила, кого та имеет в виду.

— Я никого не хочу погубить, — сказала она. — Я проверяю работу над проектом. Вот и все.

Как разговаривать с детьми, Ариадна представляла смутно, поэтому решила говорить так, как со взрослыми — уважительно и доходчиво.

— Здесь написано по-другому. — Девчонка потрясла книжку, и опять же с удивлением Ариадна поняла, что книга — бумажная. — Ариадна дала Минотавру клубок, чтобы он спустился в царство мертвых за своей матерью Эвридикой и не заблудился там, в Лабиринте. Минотавр проник в Лабиринт царства мертвых, нашел мать, но на обратном пути его подстерег страж царства, непобедимый Тезей, муж Ариадны. Ревнивый Тезей убил Минотавра и с помощью нити

Ариадны сам вернулся из царства мертвых в мир живых.

Ариадна готова была поклясться, что никогда не слыхала столь странное переложение древнего мифа. Впрочем, в мифологии она не сильна.

— Я не собираюсь убивать твоего отца, — сказала Ариадна.

— Минотавр мне не отец. Мои родители драпанули, а я осталась.

— Драпанули? — не поняла Ариадна. — Это как?

— Ну... так. — Девчонка приподнялась и изобразила, будто машет крыльями. — Они из «возвращенцев». Работали здесь архитекторами. А потом сели в ракету и отправились на Землю.

— А ты осталась здесь?

— А я осталась здесь.

— Одна?

— Одна. Что тут такого? Чего я на этой Земле не видала? Здесь интереснее. Здесь мой дом.

Что-то Ариадну в поведении и словах девочки смущало, но она не могла понять — что именно? Не решив, чем и как продолжить разговор, принялась внимательно себя ощупывать, проверяя, как комбинезон высох на ней. С полевыми распылителями всегда жди подвоха — пропустят какую-нибудь складку на теле, и — привет, прореха, которую не залатаешь.

— Кстати, — ей вдруг пришло в голову, что они так и не представились, но откуда-то девчонка разузнала ее имя. Хотя сообщение о ее прилете пришло заранее, и Телониус-Минотавр наверняка объяснил воспитаннице, что скоро в их доме появится еще один жилец, — меня ты знаешь, но я тебя — нет. Как тебя зовут?

— Нить, — девчонка перекатилась и рухнула со шкафа вниз. Но прежде чем Ариадна успела испугать-

ся за нее, она стояла перед ней, протягивая руку. — Смешно, да? Нить Дружинина. Примарка.

— Нить Дружинина, — повторила Ариадна, словно пробуя на вкус имя новой знакомой. — Примарка. А что это такое? Народность?

— Я здесь родилась, — объяснила Нить. — На Венере. Тех, кто родился на Венере, называют примарами.

Девчонка тряхнула головой, намотала на палец выкрашенную в молочный цвет прядку волос, и только теперь Ариадна с изумлением поняла — волосы у Нити настоящие! Не парик, в каких любили щеголять вынужденно обритые модницы, а вполне себе человеческие. Конечно, эпидемия, разносимая космическими вшами, давно миновала, последние вспышки зафиксированы несколько лет назад на какой-то совсем дикой периферии в Поясе астероидов, но человечество чересчур жестко поплатилось за свою беспечность и предпочитало дуть на воду, чтобы еще раз не обжечься на кипятке.

Ариадна хотела спросить Нить, кто ей разрешил ходить с настоящими волосами и распространяется ли разрешение на всех примаров, но передумала. Лишь поставила мысленную галочку в списке нарушений, которые она, как народный комиссар по контролю, обнаружила всего за несколько часов пребывания на Венере.

— Так это твой рояль? — кивнула Ариадна на несуразный для аскезы Минотавра инструмент. Наверняка родители Нити перед тем, как «драпать», пытались привить ей музыкальный вкус — весьма распространенное занятие среди тех, чьи дети рождались не на Земле.

— Его, — вновь тряхнула волосами Нить. — Его мать была знаменитой пианисткой.

— Была?

— Ну да. До тех пор, пока не погибла. А когда воскресла, то утратила свой дар. Ну, как это обычно и бывает у «возвращенцев». — Нить коротко засмеялась, и Ариадна невольно вспомнила Соломею с грубыми протезами на месте уже ненужных ей рук.

— Где я могу найти Телониуса? — Ариадна решила, что продолжать расспрашивать ребенка в отсутствие родителей или попечителей о состоянии дел на инспектируемом объекте — незтично. Правильнее взять за рога того, кто таковую информацию может и должен ей предоставить. А вопросов к Минотавру у нее вполне достаточно. Предстояло еще договориться об инспекции объектов на поверхности Венеры, которые и составляли сердце терраформирования, — так называемых Фабрик. — Или он уже спит там, где его застал сон?

— Он никогда не спит, — возразила Нить. — Он сражается. Бьется.

— Сражается? — не поверила своим ушам Ариадна. — С кем? Ах да... уж не с Тесеем, которому я так и не вручила путеводной нити из лабиринта, поскольку никакой нити у меня и нет?

— Его зовут Пан, — серьезно сказала девочка.

3. БОЕЦ

И когда ей уже казалось, что она никогда не доплывет до берега, колени касаются дна. Руки нащупывают твердь. Она встает. Делает шаг, другой. Голова кружится. Но Ариадна продолжает шагать. К берегу.

Темнота только кажется непроницаемой. Легкое свечение пронизывает все вокруг. Недостаточно, чтобы увидеть даль, но вполне хватает на близкие предметы. Плоские слоистые камни.

Вязкая жидкость океана последний раз пытается удержать, а потом с чавканьем отпускает.

★ *Пустынный берег. Черные камни. Еле слышный шорох накатываемых волн. В который вплетается посторонний звук. Будто нечто трескается. Ариадна добрегает до большого камня и тяжело опускается на плоскую поверхность. Смотрит туда, откуда вышла. И ничего не понимает.*

Больше всего похоже на кадры, наложенные друг на друга. Будто кто-то фотографировал ее. Делал голограммы, а потом спроецировал. Вот она плывет. Вот она встает. Вот она идет. Десятки, сотни фигур. Овеществленные время и движение. Словно она покрыта сотнями пленок, и с каждым движением они слетали с нее и застывали. Точные копии. Которые сейчас разрушаются. Трескаются. Кренятся. Рассыпаются.

Где я?

Кто я?

Почему я?

Сидя на одном месте, ответов не добыть. Вставать не хочется, усталость уговаривает остаться, но Ариадна пересиливает себя. Когда рушится последняя копия, что застыла рядом с камнем на расстоянии вытянутой руки, она поднимается и делает первый шаг, затем другой, оглядывается. И опять видит застывшие фигуры самой себя. Этого не избежать. К этому следует привыкнуть. Даже забавно. И зеркала не надо — шаг вперед и поворот, и вот смотришь на себя, какой была мгновение назад. Можешь даже ткнуть в себя, субстанция еще не застыла, не стала хрупкой. Пальцы погружаются в нее, как в вязкую жидкость.

А затем — невероятное. Смещение, и вот ты опять внутри этого мгновения и смотришь на себя, которая пытается тебя потрогать. А если повторить? Повернуться к предыдущей фигуре и опять коснуться ее? И вновь — смещение. И ты еще на мгновение назад.

Ариадна смотрит на свои отражения, но возвращаться к камню, на котором застыла огна из ее фигур, не желает. Делает шаг вбок. Меняет направление движения. Время ветвится. Ряд отражений раздваивается. И вновь можно вернуться к развилке и опять изменить путь.

Только ли направление? Или это — время? Мир, в котором время пространственноподобно? Тогда каково здесь пространство? Времяподобно?

Не будь у Ариадны такого проводника, она бы ни за что не отыскала Телониуса в лабиринтах Лапуты. Нить провела ее на нижние горизонты атмосферного города, откуда с грузовых платформ стартовали беспилотники, тяжелыми стрекозами переваливали с края в бездну, туда, где бушевали сернокислотные атмосферные вихри, сквозь которые им предстояло прорваться, доставляя на поверхность партии оборудования. Топали голенастыми ногами погрузчики, загребали широкими лапами очередные порции, подчиняясь только одним им понятной логике и очередности, из-за чего порой им приходилось перекладывать множество коробок, добираясь до ящика, притаившегося на самом нижнем ряду. Люди тоже встречались, но они не обращали внимания на Ариадну и Нить, сосредоточенно размахивая палками-светляками, регулируя поток погрузчиков и распределяя их между стоящими в ряд беспилотниками. Почему это нельзя сделать централизованно, через управляющую машину, Ариадна не поняла, поэтому сделала себе мысленную заметку — разобраться.

Двухголовое тело с четырьмя руками, четырьмя ногами, огромным туловищем извивалось, топорщилось, скрежетало в желтой полутьме служебной палубы, освобожденной от грузов. Бойцовскую площад-

★ — ку окружали ящики и тюки, на которых наверняка располагались зрители, но сейчас битва происходила по гамбургскому счету. Две фигуры сходились, сливались, раздавались глухие удары, тяжелое дыхание и механический скрип. Затем единое тело распадалось, раздваивалось, будто чернильная амеба, и тогда на фоне блекло светящейся облачности, что вязко клубилась за пределами площадки, отчетливо прорисовывались тени. В одной из них Ариадна признала Телониуса, а вот вторая хотя и напоминала человека, но человеком не была. Огромная даже по сравнению с Минотавром, собранная из прямых линий и простых фигур, словно сошедшая с картин древнего художника Пикассо. И если в тишине бойцовой арены хорошо различалось тяжелое и хриплое дыхание Телониуса, то от загадочной фигуры исходило лишь странное гудение, похожее на шум включенного на полную мощность охладителя.

— Пан, — шепотом сказала Нить, о которой Ариадна почти забыла, в изумлении наблюдая, как фигуры вновь сходятся в центре площадки.

Минотавр резко выбрасывает вперед сжатую в кулак руку, другую, нанося в корпус противника страшные по силе удары, отчего тот делает шаг назад, чтобы не опрокинуться на спину, но потом пригибается, бьет в ответ, Телониус уклоняется, но второй кулак противника все же поражает его грудь, и человек тяжело отлетает, обрушивается на тюки и остается лежать.

— Вы — сумасшедший, — сказала Ариадна, оттирая тампоном кровь из рассеченной брови Телониуса. — Но меня больше интересует, как вам удалось обойти законы роботехники? Неужели эта... машина не понимает, что причиняет вам вред?

Телониус отвел руку Ариадны и сел. Морщась, потер бок.

Ариадна посмотрела на робота, который башней возвышался над ними. Невообразимо древняя модель, полностью бронированная, приспособленная для штурма Венеры, с ее кислотными облаками и дождями, парниковым эффектом и выжженной почвой. Теперь он служил спарринг-партнером для Минотавра.

— У вас могут быть сломаны ребра, надо сделать рентген.

— Я действовал с максимальной осторожностью, — голос у Пана оказался таким, будто разговаривал не робот, обладающий синтезатором голоса, а холодильник, модулирующий собственное гудение для имитации человеческой речи. — Мои удары соизмерялись с крепостью человеческих костей и упругостью мышц.

Минотавр отстранил Ариадну и неожиданно ловко, одним движением оказался на ногах. Лицо и голый торс покрывали высохшие потеки крови из многочисленных ссадин. Ариадна поразилась сходству народного комиссара с мифическим чудовищем. Злоба и мощь. Мощь и злоба. И еще голод. Она с изумлением обнаружила в себе, что вид полууголого черного человека пробуждает в ней животные желания, в животе растекается тепло, и не хочется подниматься, будто коленопреклоненная поза принята ею не для оказания первой медицинской помощи, а для выражения покорности перед хозяином Лабиринта. Возьми и владей...

— Сумасшествие, — пробормотала Ариадна, теперь и сама не понимая, кому ставит диагноз.

Пан, словно фокусник, вытащил откуда-то огромное полотенце и перебростил Телониусу. Тот принялся яростно вытираться, кряхтя и фыркая.

— У вас такая манера ведения дел, Ариадна? Тайком наблюдать за объектом контроля?

— Объект контроля — не вы, — Ариадна встала. — Объект контроля — проект в целом.

★ — Скажите еще, что я для вас чересчур мелок, — усмехнулся Минотавр. — Ну да бог с ним. Хотите следить — следите, только под руку не попадайтесь. Рука у меня тяжелая. Да, Пан?

Пан издал протяжное низкое гудение, и Ариадна решила, что таким образом робот изображает смех. Но потом гудение прервалось, и робот сказал:

— Получен сигнал, Телониус.

Минотавр перестал яростно оттираться, замер, опустил полотенце на ближайший тюк.

— Ошибки нет?

— Беспилотники подтверждают сообщение. Район плато Первопроходцев.

— Добро. Пускай готовят машину, я сейчас буду.

— Что происходит? — спросила Ариадна.

— Мне придется вас оставить, народный комиссар, — Телониус направился к выходу с площадки. — Хочу прогуляться по Венере. А вы занимайтесь... занимайтесь, чем хотите.

4. КРАСНОЕ КОЛЬЦО

Ариадна смотрит на небо, но оно так и остается непроницаемой чернотой. Это не тучи. Это — тьма. Тьма кремешная. Крышка. И ни одного огонька. Ни звездочки, ни спутника. Ни солнца. Единственная мера времени, доступная в этом мире, — накатывание красных волн океана на темный берег. Но что, если и это — фикция? Всего лишь повторение того, что было? Ариадна пытается следить за волнами, уловить мгновение, когда их рисунок повторится, но ничего не получается. Чересчур одинаково. Не запомнить.

Тогда — идти дальше. Не обращая внимания на возникающие за ней копии. Это даже удобно. Если она

заблудится, их можно использовать для возвращения в исходную точку.

Вот и время. Каждый шаг приближает к чему-то. Словно нечто вспыхивает на фоне черноты. Искры. Удар кресала о камень. Ариадна поднимает голову и шагает.

Вспышка.

Еще шаг.

Еще вспышка.

Так, теперь остановиться, прикрыть веки и попытаться восстановить то, что отпечаталось в памяти. Это картинка в ней. Нужно только дотянуться.

Конечно! Звездное небо! Множество светящихся огней. Не такое, как ей запомнилось там, где она была раньше. Где она была раньше? Не отвлекайся! Смотри.

А если попробовать двигаться быстрее? Например, бежать? Глупость. Но если сработает? Вот и подходящее место. Словно кто-то протоптал здесь дорожку. Словно здесь кто-то уже совершал пробежки, задрал лицо к черноте, чтобы в ней проступили сверкающие огни.

Ариадна несколько раз вдыхает. До чего же разрежен воздух, будто в горах. Высоко в горах. И бежит. Точнее, переставляет налитые свинцом ноги. Воздух обретает упругость воды, затем — твердость камня. Ариадна силится удержать бег. Дыхание разрывает грудь. Становится жарко. И тут же — чертовски холодно. Казалось бы, невозможно совместить, но ей одновременно жарко и холодно.

Но усилия окупаются сторицей. Словно на фотопластинке проступают пятнышки звездного неба.

Сначала негатив.

Черное на сером.

Затем в одно мгновение — резкая перемена.

Выверт.

Вспышка.

Чужое небо. Совершенно чужое небо.

Небо Ван Гога.

Ариадна не помнит, кто такой этот Ван Гог. Но убеждена — его небо.

Крупные диски звезд, вокруг которых заворачиваются световые спирали, расходясь лохматыми концами и сливаясь в межзвездной пустоте потоками искр всех цветов и оттенков.

На такое можно смотреть бесконечно.

Небо — живое!

И близкое!

Протяни руку, и пальцы погрузятся в потоки красок.

С высоты казалось, будто по желто-багровой поверхности планеты разбросаны дырчатые черные кубики. Плато Первопроходцев не отличалось ничем от множества других плато Земли Аштары — нечему уцепиться взглядом. На фоне поверхности, окружавшей Фабрику, Красное кольцо почти не заметно, только если присмотреться, можно различить словно бы подрагивающий ободок, очерчивающий черные кубики.

— Фабрика-три, я — Минотавр, доложите ситуацию, — глухо сказал Телониус, но в ответ получил все тот же выплеск могучего рева помех.

Ариадна сидела в одном из задних кресел, предназначенных для пассажиров, разглядывала в выпуклое зеркало над пультом искаженное, распухшее отражение Телониуса. Особое сходство с мифическим чудовищем ему придавал шлем с выступом дыхательного агрегата, изогнутыми рогами-антеннами и выкаченными зеркалами-буркалами светофильтров и дальномеров. Десантно-штурмовой комбинезон обтягивал тело Минотавра дополнительным каркасом псевдомышц,

руки паковались в трехпалые перчатки, а ноги — в раструбы охладителей, похожих на чудовищные копыта, откуда курился еле заметный дымок хладагента, что придавало Телониусу совсем уж inferнальный вид.

Верный Пан разместился рядом с Минотавром. Для огромного робота здесь не хватило бы места, поэтому кресло второго пилота было выдрано, а из безобразной дыры торчали провода, напрямую подсоединенные к разъемам Пана. Робот сидел на полу, но башку ему все равно пришлось втянуть в плечи, чтобы не задевать металлическим теменем электрические коммуникации и трубки гидравлики.

— Сколько их? — спросила Ариадна.

— Четырнадцать человек, — ответил Телониус. — Стандартная рабочая смена.

— Четырнадцать? Ну, конечно... — Ариадна посмотрела на соседнее кресло, где затаилась Нить. Девчонка выползла в кабину из какого-то убежища только тогда, когда «Циклоп» пробил кислотный облачный слой и перешел из отвесного падения в горизонтальный полет. Приложив пальчик к губам и скорчив виноватую рожицу, Нить забралась в кресло. Телониус наверняка ее заметил, но промолчал, может, посчитав слова излишними. Времени и так в обрез, чтобы ради бедовой девчонки, зайцем проникшей в «Циклоп», возвращаться в Лапуту. А значит, и Ариадне не резон вмешиваться в семейные дела. Она сама здесь на птичьих правах. Ее мандат не предусматривал обязательного участия в подобных ситуациях. Соответствующий пункт расплывчато оставлял это на усмотрение полномочных лиц. То есть на усмотрение Минотавра.

Тем временем Красное кольцо вокруг Фабрики стало изменяться. На нем возникли регулярные вздутия, и Ариадне пришло в голову сравнение с Уроборосом, проглотившим стадо слонов. Слоны брели друг за дру-

гом прямо в пасть змея, а он их глотал, проталкивая их туши дальше к хвосту.

Ариадна на мгновение прикрыла глаза. Что за бред?! А когда открыла их, то увидела, как из кольца бьют ослепительные фонтаны света.

Включилась диспетчерская, и женский голос произнес:

— Огневики отпочковались, Минотавр.

— Вижу, — процедил Телониус. — Скажите мне то, что я не вижу.

— Пытаемся пробросить резервный канал, но пока ничего не получается...

— Слышу, — еще злее процедил Телониус. — Давай, девочка, давай. Что-нибудь, что я не вижу и не слышу!

Девочка замолчала, как показалось Ариадне — в растерянности. Но вот динамики в кабине «Циклопа» вновь ожили:

— Орбитальные лазеры приведены в полную готовность, Минотавр. Ждем приказа, — на этот раз голос был мрачен и принадлежал мужчине.

— Добро. Ждите. Иду на посадку. Как только вытаску всех, не медлите. Сделайте там еще один филиал ада.

— Ад в аду? Сделаем, Минотавр. Удачи и спасения.

«Циклоп» резко пошел вниз, будто кто-то обрезал нить, которая удерживала этот летучий утюг.

5. ФАБРИКА

Ариадна спотыкается и летит на землю. И только тогда понимает, что камень преткновения спас ее. Иначе — удушье. Она словно вырвалась из петли. Словно кто-то все же повернул вентиль баллона. Воздуха в нем мало, очень мало. Но это лучше, чем ничего. Гораздо лучше.

Встать. И идти. И смотреть. Ко всему привыкаешь. Что дальше? Нужна цель.

Где она?

Ариадна замирает и видит, как она продолжает идти. Несколько Ариадн отслаиваются от нее, будто мыльные пузыри надуваются, грожат, но продолжают шагать, в свою очередь почкуясь на все новые и новые Ариадны, которые расходятся в стороны, перебирая варианты движения. Некоторые ответвления быстро гаснут, лопаются, исчезают, другие глятся гораздо дольше, исчезая в запутанных лабиринтах нагромождения слоистых камней.

Неуверенный шаг, но ничего страшного не происходит — она сливается с впереди стоящей фигурой самой себя. словно лопнул мыльный пузырь. Даже брызг нет. Сзади? Сзади как и раньше — прошлое отвергает. Оказывается прочнее грядущего.

Путеводная нить ее мыльных пузырей — вот тот путь, по которому она пойдет. Или пошла? Детерминированность или свобода? Хочется вкушать свободы, поэтому Ариадна пытается сделать шаг в сторону, свернуть в боковой проход, но не получается. Курс заган.

Она, будущая, выбрала из множества попыток, блужданий именно его. И не ей, настоящей, оспаривать выбор ее будущей.

Она взбирается на гребень, изредка оборачиваясь, чтобы еще раз увидеть все тот же океан до самого горизонта, багровый океан, из которого вышла.

Над океаном действо.

Только теперь стало видно, насколько Фабрика огромна. Сотни их распределены по Венере, и еще тысячи продолжали закладываться, возводиться, всту-

★ —
пать в строй, запускать производство наноботов. Работавшую в нормальном режиме и на проектной мощности Фабрику легко отличить — из дырчатых кубов непрерывно бьют струи темного дыма, выбрасывая триллионы и триллионы крошечных, невидимых глазу механизмов в миллионах различных модификаций. Они рассеивались в облачном слое, внедрялись в почву, чтобы приступить к пока еще не фиксируемой самыми чуткими приборами работе по выстраиванию и запуску сложнейших физико-химических процессов, конечным результатом которых и станет преображенная Венера. Венера без кислотных облаков и суперротации, Венера без раскаленных пустынь и сильнейших атмосферных бурь, Венера без парникового эффекта, Венера, пригодная для того, чтобы стать домом миллиардам воскрешаемых людей, «возвращенцам».

Однако и то, что выглядело с высоты тонким, едва различимым красным кольцом, охватывающим Фабрику, вблизи предстало весьма грозным явлением. Словно где-то разверзлось жерло вулкана и изливало густую, багровую, раскаленную лаву, и эта лава текла непрерывной могучей рекой по замкнутому кругу, без единого прохода на превращенную в остров территорию Фабрики.

Ариадна пыталась вспомнить, что ей известно про Красное кольцо, но сведения Информатория оказались еще скуднее, чем ее собственная память.

Перед полетом на Венеру она, как обычно, провела несколько десятков бесед со специалистами, которые плотно занимались и планетой, и проектом, говорила с первоосвоителями, теми, кому довелось в авангарде высаживаться на поверхность негостеприимной планеты, читала архивные материалы, и, несомненно, упоминания о Красном кольце ей попадались на глаза.

Природа феномена не установлена. Ученые лишь соглашались, что это весьма своеобразная форма кристаллических пород Венеры, но назвать ее жизнью ни у кого не поворачивался язык. Красные кольца возникали по непонятным причинам из многочисленных трещин в раскаленной поверхности планеты, выдавливаясь оттуда густой и поначалу хаотичной массой, которая затем формировала вот такие почти идеальные окружности. Через несколько суток кольца распадалась, втягивались обратно в трещины.

Но Ариадна была убеждена твердо — в этой скудной информации никогда не упоминалось о том, что Красные кольца порождают Огневики.

Похожие на сгустки пламени Огневики атаковали Фабрику. Там, где они соприкасались с защитным силовым полем, возникало радужное свечение, сплетенное из правильных геометрических фигур — шестиугольников, квадратов, кругов, и Ариадна не сразу догадалась, что видит отпечатки структуры Огневиков, упрятанной в пылающую оболочку.

Ариадна хотела спросить Минотавра, что он собирается делать дальше, но не успела. Могучий удар в днище подкинул «Циклопа», завертел вокруг оси, резко вздернул за один край, другой, намереваясь перевернуть машину. Ремни впились в тело, и Ариадне показалось, что еще немного, и они расчленят ее, а если не расчленят, то сломают кости и разmozжат внутренности, но дикая скачка столь же внезапно прекратилась, свет в кабине погас, и Ариадна поняла, что машина перешла в свободное падение.

Включилось аварийное освещение — тусклое и прерывистое, как стробоскоп. С трудом повернув голову, Ариадна встретила взглядом с Нитью и с запоздалым раскаянием подумала: все же стоило вернуть ее обратно на Лопуту. Но Нить, судя по всему, ничуть не испугалась происходящего. Она вроде даже подмигну-

ла Ариадне, словно ничего экстраординарного не случилось. Или так и было? Все шло в рутинном режиме, и эти толчки, удары, аварийное освещение — лишь особенность выхода из зоны суперротации в спокойные слои венерианской атмосферы?

Нет, не может быть! Что-то происходило отнюдь не в штатном режиме! Ариадна это чуяла благодаря богатому опыту работы в космосе. Нить что-то говорила, но Ариадна не слышала, так как «Циклопа» положили на гигантскую наковальню и принялись молотить по танку огромным молотом, пытаясь то ли расплющить его, то ли расколоть, как орех. Но как и всякий опытный космист, Ариадна умела читать по губам — обязательный навык в космосе, где звуковые каналы связи в чрезвычайных ситуациях прерывались с большей легкостью, нежели визуальные.

И опять она обманулась в предположениях, которые вихрем промчались в голове, подыскивая слова, что укладывались в шевеление бледных губ девчонки. Молитва? Жалоба? Просьба о помощи? Слова успокоения ей, Ариадне?

Нет, нет и нет!

«Это лучший из миров».

Вот что повторяла Нить. Ту знаменитую фразу, внешне обретающую вторую жизнь спустя почти шестьсот лет с тех пор, как французский мыслитель и писатель вложил ее в уста одного из героев. С тех пор афоризм растерял ироническую коннотацию, взамен обретя серьезность идейной максимы, почти императива.

Это лучший из миров!

6. ОГНЕВИК

От черного ступка спускается, извивается тончайшая нить, поначалу еле заметная, но затем все четче прорисовываясь, набираясь словно бы грубой

материальности, сворачиваясь в спутанные клубки, но затем вновь распрямляясь, делая очередной рывок к поверхности океана. Между ними будто невидимая преграда, нечто препятствует черному сгустку забрасывать нить все глубже и глубже, сопротивляется, отталкивает, но затем уступает, и нить ниспадает ниже, ниже. Ариадна различает, что это скорее тугой вихрь, причудливо изгибающийся смерч, жадно тянувшийся к океану. И вода ощущает его приближение, в ее глубине возникает тусклое багровое свечение, мельтешение огоньков, похожих на крошечные коконы, эти коконы поднимаются навстречу смерчу, танцуют, толкают друг друга, точно борются за право оказаться первыми на поверхности. А затем смерч касается океана, один из коконов проникает внутрь черноты, становится еле видимым, продвигаясь все выше и выше, к черному сгустку. Но в вихре образуются спазмы, он дергается из стороны в сторону, извивается, будто проглоченный кокон ядовит и его надо немедленно исторгнуть обратно, выблевать. И, в конце концов, это удается — с громким хлопаньем светящийся кокон падает на берег, неподалеку от Ариадны.

Она не движется, ждет, но от нее отделяются полупрозрачные фигуры, которые расходятся в стороны, затем по искривленным траекториям, будто их притягивает, соединяются у бледного кокона, уплотняются, и Ариадна внезапно обнаруживает себя там, рядом с ним, протяни руку и дотронешься до рыхлой поверхности. И рука послушно дотрагивается, сгребает бледную субстанцию, которая громко чавкает, и Ариадна с безразличностью отбрасывает ее в сторону.

Внутри что-то есть.

Более твердое, темное.

Ариадна рвет оболочку, разбрасывает в стороны сочащиеся противной жижей куски и видит то, что уже знает — должна увидеть.

Темная полоса висела в тускло-багровом небе — след прорыва «Циклопа» к Фабрике. Машина накренилась на одну гусеницу, в оспинах и подпалинах, и не верилось, что сверхзащищенный и сверхвооруженный атомный танк нечто может подпалить и изъязвить.

— Зачем Телониус хочет уничтожить Фабрику? — спросила Ариадна Пана, которого Минотавр оставил с ней — присматривать. — Ведь Красное кольцо именно это и делает.

— Нет, — сказал Пан. — Красное кольцо не уничтожает Фабрику, оно ее перестраивает с помощью Огневиков. Перестраивает все процессы.

— Для чего?

— Нет информации, — помедлив, ответил Пан, и у Ариадны возникло подозрение, будто робот солгал, хотя позитронный мозг подобных роботов не мог лгать.

Ариадна ощущала себя как после чудовищно тяжелого разгона в поле Юпитера, когда корабль глубоко ныряет в гравитационный колодец гиганта, чтобы набрать вторую космическую скорость и устремиться по нужной орбите, сберегая драгоценную воду для эмиттеров Кузнецова. Хотелось сесть, а еще лучше — лечь. Она подошла к выступу вентиляционного колодца, почти опустилась на него, но внезапно обнаружила себя вновь стоящей. Мышцы напряглись, покалывание включенного в боевой режим экзоскелета окатило с ног до головы, изгоняя усталость и апатию.

Нить!

Нить, про которую она и думать забыла, ибо та не попадалась ей на глаза с момента посадки! Теперь девчонка веселым, прогулочным шагом, широко размахивая руками, подпрыгивая, направлялась к Красному кольцу, как раз туда, куда втянулся вспоротый лазером «Циклопа» Огневик. Огневик восстанавли-

вал старую форму, студенисто подрагивая, вытягивал ложноножки и приобретал неприятное сходство с человеческой ладонью, которая готовилась вновь прихлопнуть «Циклопа» и людей.

Глядя на бедовую девчонку, Ариадна ясно представила: та не только марширует, но и напевает во все горло. Ее старинный скафандр не имел стандартных каналов связи, а потому от Нити ничего не доносилось, и нельзя было вызвать ее и строго приказать возвращаться под защиту «Циклопа». Ариадна со злостью подумала о Минотавре, который не обращал на воспитанницу никакого внимания и даже слова не сказал, чтобы Ариадна за ней присмотрела.

Словно посторонняя сила подхватила Ариадну и понесла вслед за Нитью на пределе возможностей экзоскелета, отчего она даже не бежала, а совершала огромные прыжки, взмывая, отталкиваясь и вновь взмывая, с отчаянием понимая, что даже в таком режиме она вряд ли успеет. Девчонка двигалась чертовски резво, а чудовищная пятерня Огневика словно почувствовала приближение человека и стала наклоняться, то ли собираясь прихлопнуть Нить, то ли стиснуть в пламенеющем кулаке и вознести на такую высоту, откуда Ариадна даже в экзоскелете не сможет ее достать.

Назойливый писк предупреждал о чудовищном расходе энергии. Ариадна с ужасом и ненавистью ждала — вот-вот включится режим принудительного энергосбережения, ибо в противном случае сдохнут системы жизнеобеспечения — фильтрация кислорода и терморегуляция. Но не сбавляла ход, точно безмозглый ночной мотылек, устремленный к пламени свечи.

— Стой! Нельзя! Опасность! — в наушниках раздавался механический глас Пана. Он наверняка бежал за ней, но громоздкому роботу не угнаться за человеком в экзоскелете!

★ Огненная рука неотвратно опускалась на Нить, которая внезапно остановилась, обернулась, и Ариадна ясно увидела ее смеющееся лицо. Ей вдруг пришла жуткая мысль, которую она не успела додумать до конца, но что-то связанное с ловушкой, с рефлексом спастись из беды другого человека, а еще о странном равнодушии Минотавра к присутствию на борту «Циклопа» воспитанницы.

Но тут все резко прекратилось.

Огневик перехватил ее в прыжке, стиснул, опалил нестерпимым жаром и потащил к бурлящей лаве Красного кольца.

Далеко внизу смеялась Нить Дружинина, откинув колпак скафандра, привычным движением наматывая прядку волос на пальчик. Ей были нипочем ни чудовищная температура, ни отсутствие кислорода, ни соседство Красного кольца.

7. ОКЕАН МАНЕЕВА

— Ты не устаешь это делать снова и снова? — Ариадна понимает голову и видит говорящего с ней. И почему-то совсем не удивляется. Словно бы знала об этом с их самой первой встречи, когда странная девчонка лежала на шкафу и читала легенду о Минотавре.

Нить стоит в полосе прибоя, как есть, без эфемерной оболочки древнего скафандра, и багровые волны тяжело накатывают на голые ноги девочки. Она смотрит на Ариадну со странным выражением, столь несоответствующим ее видимости костлявого подростка. Интерес, жалость, злость, удивление волнами прокатываются по лицу Нити. А еще усталость и тоска. Будто Ариадна действительно снова и снова является на этот берег, к величайшему удивлению и раздражению девочки.

— Что это за место? — Невежливо отвечать вопросом на вопрос, но Ариадна понимает — Нить и не ждет объяснений, ей даже кажется, как ни странно, что девочка спросила кого-то другого, кто незримо здесь присутствует.

— Океан Манеева, — говорит Нить так, будто сказанное объясняет все, дает ответы на множество иных вопросов, которые могут возникнуть у Ариадны.

— Не понимаю, — признается Ариадна. Неожиданный укол вины, тень сомнения в собственном непонимании, будто она все же получила исчерпывающее объяснение, но потеряла, а хуже — позабыла к нему ключ.

— Ты неблагодарна, — выносит вердикт Нить и делает шаг назад, отчего волны захлестывают ее теперь по пояс, и кажется, что девочка это сделала лишь для того, чтобы хоть так прикрыть часть наготы. — Он спустился за тобой в Океан, нашел среди миллиардов душ и вернул в ваш мир, но ты предала его... предала... — последние слова она шепчет.

— Я не предавала Минотавра! — Ариадна повышает голос, слова Нити уязвляют.

— Тезея. Ты предала Тезея, — Нить отводит руку, и будто по мановению поверхность океана вздыбливается. Колоссальная волна набирает силу и вот-вот обрушится на берег стеной цвета крови, но по ней словно проходят невидимые руки скульптора, формируя грубую заготовку, а затем преображая ее в огромный бюст. Голова человека. Гладкий череп, закрытые глаза, стянутые в нить губы, могучий упрямый подбородок. Интеллект, упрямство и гордыня — вот что мог прочитать по лицу даже самый неискушенный физиогномист.

— Он любил тебя. Тосковал по тебе. Искал тебя во всех посмертных лабиринтах. Пока не пришел на этот берег, к Океану Манеева. Он нарушил все законы ми-

★ — роздания. Вывел из покоя и равновесия. Вздуроражил. Вывал волны и ветры. Искал тебя среди миллиардов душ, пока не нашел и не вывел обратно в свой мир... А ты... ты... — Нить вскинула руку, устала указательный палец на Ариадну. — Ты не захотела вспомнить, что любила его... ты забыла! Забыла! Забыла!

— Ты не права, Нить, — раздался голос, и Ариадна не сразу поняла, кто говорит. Словно шум бури, рев ветра и грохот волн по странной причуде сложились в подобие человеческой речи. И лишь подняв глаза выше, она убедилась в своей догадке. Говорило чудовищное лицо, что багровой горой воздымалось из Океана Манеева. — Я тебе говорил...

— Я права, права! — Нить капризно ударила кулаком по поверхности багровеющей субстанции, и та плеснула тяжелыми брызгами. — Не защищай ее! Ты не видел... ты не видел, как она смотрела на Минотавра! Он дрался с роботом, а она смотрела! Так смотрела... — Девочка запнулась, закрыла глаза ладонями, сгорбилась.

— Она не виновата, Нить. — Лицо разомкнуло уста. — Таков закон ноосферы. Только воскресив всех, можно воскресить каждого в его полноте и целостности... Воскрешая избранных, приходится мириться с их ущербностью... кто-то лишается таланта... кто-то лишается любви...

— Поэтому ты вернешь и Минотавра? — Нить вновь выпрямилась, полуобернулась к багровеющему лику. — Ведь без него у тебя ничего не получится... и ее... ты опять вернешь ее, чтобы она мешала Минотавру, вредила ему, отвлекала! Оставь ее здесь! Оставь! Не нужно никакого воскрешения! Оставь Венеру в покое!

Ариадна смотрела и слушала, и почти ничего не понимала. Словно оказалась на заключительном акте драмы, и теперь по репликам со сцены пытается вос-

становить то, что происходило в предыдущих действиях.

— Я не могу, — произносит лик. — Ариадна нужна ему. Это не любовь. Это ненависть. Она тоже вернется... но не сможет помешать Минотавру, клайменоли помогут. Венера должна стать пригодной для всех воскрешенных, должна стать для нас раем... обновленной Землей...

— Они считают ее адом, — зло сказала Нить. — И рвутся на Землю... их ты тоже одаришь клайменолями?

— Не ведают они, что уготовано им...

— Я все равно опять ее убью, — говорит Нить, в голосе нет ненависти, злости, лишь обреченность. — И ты не сможешь помешать. Не сможешь мне помешать отдавать ее Огневикам... толкать с края Лапуты... заставлять клайменоли не напоминать ей дышать... Ты ведь знаешь, как она задыхается? Ведь первый... самый первый раз она погибла от удушья? Отдала весь кислород тебе, чтобы ты жил... а она умерла! Это был ее выбор, и тебе следовало с ним смириться! А не приходиться на берег Океана Манеева...

8. КЛАЙМЕНОЛИ

Свернувшийся в позе эмбриона темный человек.

Ариадна осторожно касается его лысой головы, гладит неожиданно нежным движением, будто временно хочет разбудить, но чтобы его пробуждение наступило как можно мягче, постепенно уступая уют сна напору бодрствования. Могучее, мускулистое, словно вырезанное из эбенового дерева самим Микеланджело тело вздрагивает, по нему будто пробегает электричество, по каждому мускулу, сочленению, глаза открываются, встречаются взглядом с Ариадной.

— Ари... Ариадна? — с усилием произносит человек, и вместе с этими звуками из него исторгаются потоки темно-багровой жидкости, той самой, из которой и состоит океан.

Пробуждающий клайменоль легко стукнул по виску, и в голове возникло жужжание, как от вибробудильника. Клайменоль зрения ударил по векам, и Ариадна открыла глаза. Телониус сидел там же и в той же позе, что и накануне вечером.

«Трогательная забота», — подумала Ариадна, а еще ей пришло в голову: как хорошо, что для этих мыслей ей никакие клайменоли не нужны. Мысли продолжали самостоятельно течь непрерывным полноводным потоком, невзирая на катастрофу с ее нервной системой. Стукнул губной клайменоль, и Ариадна сказала:

— Доброе утро, Минотавр. Напрасно вы не спите, мне не нужна сиделка... — Губной клайменоль легким касанием прервал ее. А может, он сообщал о том, что пора чистить зубы?

Множество шариков застучало по телу, подавая сигналы вставать с кровати и пройти в туалетную комнату для утреннего омовения. Даже в душе они кружили вокруг плотным облачком, указуя, где стоять, как поворачиваться, дабы тугая струя воды выгнала из сочленений последние остатки дремы.

Клайменоль стукнул по уху, Ариадна услышала Минотавра:

— Как себя ощущаете? — Именно так и сказал — не обычно вежливое «чувствуете», а «ощущаете».

Губной клайменоль напомнил о необходимости отвечать:

— Спасибо, Телониус. Странное ощущение, если говорить откровенно. Но врачи обещают, что все придет в норму. — Ариадна посмотрела себе на грудь, по которой мерно стучал клайменоль, напоминая о необ-

ходимости делать вдохи и выдохи. — Что с людьми? С Фабрикой?

Клайменоль стукнул по губам, прерывая речь, другой коснулся уха:

— Фабрика уничтожена, — сказал Минотавр. — Не Огневиками, по моему приказу. Вот, взгляните. — Сработал глазной клайменоль, и Ариадна увидела на экране видеофона трансляцию с беспилотника, который, судя по всему, кружил над тем местом, где когда-то высился колоссальный куб Фабрики. Теперь там оплавленная проплешина с длинными выбросами какого-то белесого вещества, обведенная правильным кругом — место, где лежало Красное кольцо.

— Это лейкоциты, — клайменоль заставил говорить. — Защитные системы мироздания, Телониус. Мы никогда не сталкивались с такими объектами, но мы не занимались перестройкой целых планет, понимаете? Представьте, что вы решили в доме, в котором живете, передвинуть стены, прорубить дополнительные окна. Как, по-вашему, на это отреагирует тот, кто дом проектировал и строил? Он постарается не допустить этого. Начнет с мягких уговоров. Вот вам и «возвращенцы», которые разочаровались в проекте терраформирования и бегут на Землю вопреки запретам. А если уговоры не подействуют, то капитальную перестройку остановят принудительно. И вокруг Фабрик возникают Красные кольца и Огневики...

Ариадна хотела остановиться, перевести дух, но клайменоль настойчиво стучал по губам — говори, говори, говори!

— Мироздание кем-то построено, Телониус. Не нами. Мир очень красив, Телониус. Мы не понимаем всей глубины замысла, и оттого он кажется нам порой безобразным, нелогичным. Но это не оправдание перекраивать его под свои сугубые нужды... — клай-

★ — меноль стукнул по ушам, и Ариадна с облегчением замолчала. Ее черед слушать.

Минотавр стоял у круглого окна и смотрел на облака Венеры. Стоял набычившись, втянув огромную голову в широченные плечи, облитый багровым отсветом, будто кровью. Ариадна внезапно вспомнила, что точно так он стоял перед очередной атакой на Пана, на железного спарринг-партнера, победить которого даже у него, Минотавра, не имелось никаких шансов, но он продолжал биться, со всей мочи впечатывая кулаки в стальной корпус древнего робота.

Все напрасно, пронеслось в голове у Ариадны, все напрасно, Нить. Как бы вам ни хотелось, но он не остановится, ничто его не остановит.

Вы, превратившие меня в полностью послушное вам существо, ошиблись, не рассчитали. Вы великолепные архитекторы мироздания, но никудышные инженеры человеческих душ. Вы не сможете его переубедить, он не остановится. Никогда. До самой смерти, а если ему опять придется умереть, я снова спущусь за ним к Океану Манеева. Ведь я — Ариадна, и путеводная нить все еще в моих руках.

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ТАЛАНТ РИСОВАТЬ ЗВЕЗДЫ

Сгусток вещества и энергии замер в трехмерной пустоте, готовясь к транспространственному смещению. По многовековой традиции сгусток назывался «космическим кораблем», а смещение — «межзвездным полетом». Странная традиция. Что общего с кораблем у хрупкой ажурной конструкции, похожей на опоясанную кружевами гирлянду мыльных пузырей?

И кто сравнит с полетом смену трехмерной локали? Предки, придумавшие эти названия, были такими наивными. Они рассуждали о скорости света, космологической постоянной, метрике Шварцшильда, разрабатывали теории струн и бран. Предки верили, что живут во Вселенной!

Корабль упрощал себя, готовясь к фазовому переходу. Гасли энергетические цепи, отключались защитные поля, автоном-модули и подсистемы обеспечения, засыпали борт-интеллекты. Спал законсервированный в соты экипаж. Лишь малочисленная вахта бодрствовала, обеспечивая функционирование трех главных составляющих корабля. Вахтенный инженер обслуживал энергетическую начинку, вахтенный кибернетик — интеллектуальную, вахтенный стюард следил за состоянием навигатора. Вскоре и они заснут — провалятся в обморок? в кому? — на своих рабочих ложементах. На миг. Или на миллиарды лет? Как сосчитать, когда пространство сжимается в точку, а время растягивается в бесконечность?

Затем корабль исчез, прекратил свое существование как материальный объект. Информационный дамп был к тому времени успешно снят, и ни одно событие в трехмерной реальности, которую корабль покидал, не могло повлиять на его появление в точке назначения. Разве что...

Алидор проснулся. Расположение светящихся огоньков перед глазами сообщало, что наступило утро, а их изумрудно-зеленый цвет — что это утро доброе. Стандартно-доброе утро стандартного рабочего дня многомесячного трансгалактического рейса. Он шевельнул пальцами. Повинуясь команде, насыщенная кислородом консервирующая пена отступила, впиталась в пористые стенки кувезы. Крышка истончилась, стала прозрачной, распалась пожухлыми лепестками.

★ Кувеза подобострастно приподняла изголовье, и Алидор ступил на пружинящий пол соты.

Остатки высохшей пены неприятно стягивали кожу, раздражали, но это проблема трех шагов и десяти секунд. Алидор сделал эти шаги, остановился в фокусе ионного душа. Следующий шаг — в тугую ярко-оранжевую мембрану. Мембрана прильнула к чистой, гудящей после массажа коже, натянулась, облепила всего. Лопнула, одевая в рабочий комбинезон. И тут же затянута снова, отделяя его от соты.

В «предбаннике» Алидор задержался немного дольше. Во-первых, он поиграл мускулами, разминая их статическими упражнениями. Разумеется, за время консервации они не потеряли упругость, но ощущать тело было приятно. Во-вторых, Алидор заметил зеленый глазок над четвертой сотой. Даже если их разбудили одновременно, женщине требуется больше времени, чтобы перейти в режим бодрствования. Особенности анатомии, физиологии и психологии.

Мембрана четвертой соты вспучилась, вылепливая прекрасный торс. Лопнула. Диона, как всегда обворожительная, — рабочий комбинезон не мог испортить ее красоту, — вышла в «предбанник». Увидела Алидора, улыбнулась.

— Доброе утро, милый!

— Доброе утро! — Алидор привлек к себе жену, обнял, поцеловал. И убедился — верно, ни один мускул не потерял упругость.

Однако время для супружеских ласк пока было неподходящим. Алидор с сожалением отстранился, шагнул в наружную мембрану. Рабочий день начался.

Голубовато-серая мембрана не растягивалась, не прилипала к телу. Она попросту исчезла, пропуская их в кают-компанию. Вахтенный стюард вскочила с кресла, соблюдая субординацию.

— Доброе утро капитан! Доброе утро, доктор!

— Доброе утро, стюард.

Следующей традиционной фразой было: «На борту все благополучно?» Но Алидор ее не произнес. По еле заметно дрожащим губам девушки и нервному румянцу на щеках понял — не благополучно.

— Кто? — спросил коротко.

— Навигатор Орвус.

Алидор сумел удержать возглас, только желваки перекатились под кожей. Диона оказалась не такой стойкой, охнула.

— Что с ним?! Он жив?

— Да. Жив и функционирует... кажется. Я не смогла с ним связаться.

— Подробнее! — потребовал Алидор.

— Я проснулась и, согласно регламенту, отправила запрос навигатору и вахте. Кибернетик и инженер ответили, навигатор — нет. Тогда я попробовала вступить с ним в непосредственный контакт. Он и на это не откликнулся. Я подключилась к его системе жизнеобеспечения, и... — девушка запнулась — ...там критические ошибки.

Она хотела что-то добавить, но Диона уже не слушала, выскочила из кают-компания. Алидор поспешил за ней.

Большую часть навигационной рубки занимал прозрачный резервуар, заполненный густой, насыщенной кислородом жидкостью. Он был таким большим, что прилепившийся к нему ложемент вахтенного стюарда и консоль системы жизнеобеспечения казались игрушечными. И существо, плавающее в резервуаре, выглядело непомерно огромным. Раздувшаяся, разбухшая плоть, покрытая белесой лоснящейся кожей, теряющиеся в складках жира конечности, голова, ставшая одним целым с торсом: более всего существо

★ походило на созданный извращенным воображением аэростат и менее всего — на человека.

Жидкость в резервуаре была прозрачной, потому казалось, что навигатор парит в невесомости, привязанный к стенам десятками шнуров. Собственно, так оно и было. Но не к стенкам резервуара тянулись интерфейсные кабели, а к бортовым интеллектам, снабжающим навигатора необходимой информацией, выполняющим его команды.

Диона вновь охнула, возмущенно оглянулась на стюарда:

— Как ты допустила такое?!

— Он был в нормальном состоянии, когда я заснула...

Слушать оправдания доктор не пожелала, оттолкнула девушку, подбежала к консоли. Не тратя время на попытки визуального и вербального контакта, вставила шунты в лобный и височные разъемы, опустилась в ложемент.

Алидор тоже подошел к консоли.

— Что с ним, можешь сказать?

Диона отмахнулась. Не мешай, мол, дай разобраться. Капитан обернулся к Эвите:

— Говоришь, был нормальным? Сколько же он пробыл в сингулярности... Что заставило его медлить, что мешало выполнить смещение?

Вопросы были риторическими, но Эвита, украдкой облизнув губы, решила высказаться:

— Капитан, мне показалось, что Т-смещение еще не закончилось. Мы по-прежнему в сингулярности.

Алидор смерил подчиненную скептическим взглядом. Эвита, крупная, как и положено стюарду, была почти на полголовы выше, но это не мешало капитану смотреть на нее сверху вниз.

— Стюард, позволь напомнить, что пока идет смещение, борт-интеллекты не могут функционировать,

автоматика корабля отключена. Следовательно, некому разбудить вахту.

Капитан объяснял общеизвестное. Но Эвита не сдавалась.

— А если это он нас разбудил? — Девушка кивнула на резервуар. — Понял, что случилась беда и...

— Фантазируешь, — капитан покачал головой. — Ладно, сейчас разберемся.

Он повернулся, вышел из рубки. Эвита помедлила, размышляя, как быть: остаться или идти за ним? Остаться означало маячить перед глазами у доктора, чувствуя себя без вины виноватой. Она выбрала второй вариант.

Алидор поднимался на капитанский мостик. Святая святых корабля, стюарду, даже вахтенному, делать там нечего. Но если не гонят, то почему бы не заглянуть одним глазком? Эвита юркнула в приоткрытую дверь. И замерла, судорожно прижавшись спиной к переборке.

Она словно оказалась в открытом космосе, в пустоте без конца и без края. Понадобилось не меньше минуты, чтобы органы чувств уловили тонкую оболочку, ограничивающую эту пустоту. Не бесконечность, всего лишь сфера, заполненная темнотой. Узкая прозрачная эстакада уходила от двери к центру сферы, к крошечной площадке, на которой не было ничего, кроме кресла и консоли управления. Капитан шел по эстакаде, а у Эвиты колени дрожали от этого зрелища. Стюард — не пилот, ему дозволено страдать агорафобией.

Капитан опустился в кресло, активировал консоль. Ничего не изменилось, поверхность сферы осталась непроницаемо черной. Тогда Алидор включил интерком и, едва над консолью засветилось голубоватое облачко экрана, спросил:

— Гайта, что с кораблем?

— Тестирую. Пока отклонений не обнаружено. Сохранение и восстановление дампа прошли штатно. Все системы функционируют, в обшивке модулей повреждений нет.

— Ладно, работай. — Алидор повел рукой, сменяя лицо на экране: — Лейк, борт-интеллект активированы?

— Так точно, капитан. Проснулись и пашут. Но есть одна проблемка: какая-то ерунда транслируется с внешних датчиков. Интеллекты не могут понять, что находится вне корабля... — Он нервно хихикнул. — И есть ли вообще это «вне». Скорее всего, механические неполадки. Я скажу Гайте, чтобы починила?

— Скажи.

Изображение на экране опять сменилось, теперь без участия капитана. Лицо Дионы не предвещало хороших новостей из навигационной рубки.

— Алидор, Орвуса нужно срочно отправлять на консервацию. Я диагностировала обширное кровоизлияние в мозг неизвестного генезиса. Похоже на чудищное нервное перенапряжение. В любом случае, я ничем не могу ему помочь. Только немедленная консервация...

— Нет! — оборвал ее капитан.

— Что? — Доктор, не ожидавшая отказа, уставилась на него.

— Я не разрешаю извлекать навигатора. Ты можешь его привести в чувство, хоть ненадолго? Электрический разряд, инъекция — не знаю! Ты же врач, придумай что-нибудь!

Лицо Дионы застыло.

— Ты понимаешь, о чем просишь?

— Да, я понимаю. И это не просьба, это приказ. Если ты можешь привести навигатора в чувство — сделай.

Несколько секунд доктор молча смотрела на капитана. Затем отключилась. Алидор медленно повернулся, замер, выискивая в темноте силуэт Эвиты. Увидел, наконец. Произнес:

— Ты права, фантазерка.

Эвита хотела уточнить, в чем именно она права. И тут на черной поверхности сферы вспыхнула звезда. Вторая. Третья...

Алидор вскочил с кресла:

— Молодец, Орвус! Давай, давай же, вытаскивай нас!

Звезд становилось все больше. Белые, желтые, голубые и красноватые, яркие и еле различимые, они зажигались, и пустота переставала быть пустотой, превращалась во Вселенную.

Вновь вспыхнуло облачко интеркома. Радостный Лейк закричал:

— Капитан, датчики заработали! Пока не все, но...

Алидор отмахнулся от него, замороженный волшебным зрелищем: на фоне звезд возникал, набирая плотность, бело-голубой шар планеты. Капитан вдруг засмеялся, оглянулся на Эвиту:

— Ты поняла? Это же Земля! Он прервал рейс и возвращает корабль! Скоро мы будем дома!

Эвите хотелось радоваться вместе с друзьями, но что-то в происходящем было неправильно. Возникающая перед ними картина была знакома и вместе с тем... слишком знакома.

Капитан разглядел растерянность на ее лице, оборвал смех. И тут же вновь вспыхнул экран интеркома. Лицо Дионы выглядело не просто застывшим. Его словно высекли из льда.

— Навигатор Орвус умер, — сообщила доктор.

Алидор медленно опустился в кресло. Звезды покрывали лишь малый сегмент сферы, вся прочая ее поверхность оставалась черной, пустой.

★ Трансгалактический рейс был для Эвиты первым. Она и предположить не могла, что он закончится так страшно! Разумеется, навигаторы смертны, как все люди. Но никогда никто из них не умирал во время рейса. Во всяком случае, Эвита о подобных происшествиях не слышала. Тело Орвуса сделалось таким тяжелым и громоздким, что стюард в одиночку не смог извлечь его из иммерсионного резервуара, доктору пришлось помогать, придерживать за ноги. Капитан не вмешивался в процесс, наблюдал со стороны. Потом они транспортировали тело в спальный модуль, консервировали в согу. Потом Эвита спускала жидкость и чистила резервуар — уже в одиночестве. Процедура стандартная, знакомая. Только не во время рейса!

Со вскрытым резервуаром навигационная рубка выглядела непривычно пустынной, заброшенной. Эвита устроилась в своем рабочем ложементе, полистала пустые диаграммы биопараметрии, просмотрела безответные запросы бортовых интеллектов. И внезапно осознала — для нее работы на корабле больше нет. А вскоре выяснилось, что не она одна пришла к такому выводу.

Обычно на корабле соблюдается регламентированный этикет. Но в этот раз капитан им пренебрег — вошел в каюту Эвиты без предупреждения. Девушка ойкнула, попыталась заслонить самую личную, самую дорогую свою вещь — словно это было возможно! Впрочем, капитана не интересовало, чем она занимается вместо дежурства в навигационной рубке.

— Вахта стюарда отменяется, — объявил он. — Можешь отправляться на консервацию.

— Сейчас? — растерялась Эвита.

— Да. Тебя что-то задерживает?

— Я... — девушка зарделась от смущения. Но все же решилась признаться. Отодвинулась в сторону, по-

зволя капитану рассмотреть мольберт. — Я хотела бы дописать картину.

Пока что это была даже не картина — эскиз, едва намеченный грифелем. Тонкая пунктирная линия эстакады, заканчивающаяся крошечной площадкой, и сидящий в кресле человек.

Алидор хмыкнул, разглядывая художество, пожал плечами:

— Ладно, рисуй. Только недолго!

— Недолго! — поспешила заверить Эвита. — Я за два дня закончу. Или за три...

На следующий день, когда вахта собралась в кают-компанию на завтрак, Эвита отметила, что место по правую руку от капитана пусто.

— А где Диона? — поинтересовалась она.

— Законсервирована.

Эвита удивилась было, но тут же нашла объяснение — больных на борту нет, значит, нет работы для доктора. Чем слоняться по кораблю, изнывая от безделья, лучше изъять лишние дни из жизни.

Капитан и Гайта завтракали молча, кибернетик то и дело жаловался на странное поведение борт-интеллектов. Но Лейк есть Лейк, вечно о чем-то болтает. Эвита слушала его вполуха. Пока кибернетик не заявил:

— Над Европой сегодня грозовой фронт проходит. Совсем как настоящий...

Гайта покосилась на него неодобрительно. Эвита тоже посмотрела на кибернетика. Затем перевела взгляд на капитана. И спросила:

— А почему мы не будим планетарных пилотов?

Все как по команде прекратили жевать. Эвита почувствовала на себе взгляды Лейка и Гайты. Капитан на нее не смотрел, просто сидел и молчал. Минуту,

★ — две. И начал жевать снова. Вслед за ним — остальные. На вопрос Эвиты никто не ответил.

Уже на выходе из кают-компания Лейк придержал ее за локоть.

— Хочешь знать, почему мы не летим к Земле? Потому что никакой Земли там нет!

Засмеялся и убежал, оставив девушку с разинутым от изумления ртом.

Работа над картиной шла туго. Сначала все получалось именно так, как Эвита запомнила: полупрозрачная эстакада, ведущая сквозь пустоту к голубой планете, и человек, сидящий посреди этой пустоты, с нетерпением вглядывающийся в свою родину. Но дальше...

Она любила играть с кисточками и красками, сколько себя помнила. И всегда это была просто игра, Эвита не осмеливалась сравнить себя с живописцами прошлых веков. Бескрайние степи, прорезанные зеленью урочищ, белоснежное кипенье весенних садов и багрянец осени — пейзажи ее детства. Извлечь их из памяти и перенести на полотно — так она коротала тягучие дни и недели вахты на полупустом корабле. Ничего предосудительного в ее развлечении не было. С одной стороны. С другой — это была бесполезная трата времени, которое можно использовать для повышения собственного профессионального уровня. Поэтому Эвита предпочитала рисовать украдкой, об увлечении новенького стюарда пока знали только товарищи по вахте. И навигатор.

Орвус узнал о живописи, когда Эвита взялась за непривычную для себя тему. Ей вдруг очень захотелось нарисовать Землю — всю, целиком! Казалось бы, нетрудная задача. Но Земля получилась какой-то ненастоящей, словно глобус. Эвита добавила на холст

несколько созвездий — как помнила. Жалкая мазня, годная лишь на то, чтобы отправить ее в утилизатор!

Разумеется, она не призналась в своей неудачной попытке навигатору. Но разве от борт-интеллектов что-то можно скрыть? Те еще доносчики! Орвус не ругал ее и не хвалил притворно, просто сказал во время очередного медобследования:

— Ты неправильно изобразила расположение звезд относительно Земли. Таким оно не было никогда за все время существования Вселенной. И быть не может.

Эвита закусила губу, промолчала. Тогда Орвус спросил напрямик:

— Скучаешь по дому? Хочешь поскорее вернуться?

— А вы?

Навигатор молчал долго. Уже закончился сеанс биопараметрии, Эвита сверила показания с эталоном, убедилась, что подопечный здоров и работоспособен, когда он ответил:

— Мне нельзя пока думать о доме. — И поспешно добавил: — Все, мы входим в сингулярность. Инженер и кибернетик уже спят, ложись и ты.

Эвита послушно устроилась в ложементе, активировала контур гипносна, закрыла глаза. Последнее, о чем она думала, засыпая, — уничтоженная картина.

Она вспомнила о ней спустя несколько часов после пробуждения, когда вслед за капитаном пробралась на мостик. И едва появилось свободное время, взялась писать ее заново. Она надеялась, что теперь-то знает, как оживить картину, как сделать плоское изображение трехмерным. Казалось — ответ вот он, перед глазами! Увы, только казалось.

Алидор пришел на третий день, как и договаривались.

— Закончила? — Он бесцеремонно поднял покрывало с мольберта. И не удержал удивленный воз-

★ — глас: — Ого! Это ты сама сделала? Однако память у тебя великолепная. Сколько минут ты была на мостике? И все запомнила.

Он наморщил лоб, рассматривая картину. Постучал костяшками пальцев по бело-голубому диску Земли.

— А здесь ты ошиблась, облачного пятна в Северном полушарии не было. Это тебя Лейк ввел в заблуждение, когда о грозовом фронте сказал, верно?

Эвита энергично закивала. Почему-то страшно было признаться, что грозовой фронт она добавила, пытаюсь вдохнуть в картину жизнь. И сделала это не после рассказа кибернетика, а до — накануне вечером.

Капитан улыбнулся, довольный своей сметливостью. Скомандовал:

— Теперь — марш на консервацию.

— Нет, у меня еще не готово! — Эвита замотала головой.

— Как не готово? Вот Земля, вот звезды, капитанский мостик. Даже меня нарисовала! Чего не хватает? Все на месте.

Эвита не знала, как правильно объяснить. Все на месте... красивая, тщательно выписанная картина. Плоская.

— Пустота... У меня не получается ее изобразить. Она неправильная, плоская!

Капитан медленно повернул к ней голову. Посмотрел удивленно. Не сверху вниз, почти как на равную.

— Девочка, ты даже не представляешь, насколько она неправильная.

На ужин никто не явился. Эвита прождала полчаса. Потом ей в голову пришла мысль, что в отсутствие доктора об экипаже заботится вахтенный стюард. Пусть от вахты ее освободили, но пока не законсервовали, обязанности она должна выполнять. Она попробовала вызвать товарищей по интеркому. Не

ответил никто. Тогда Эвита, вздохнув, отправилась на поиски.

Лейка она застала на рабочем месте. Кибернетик стоял у переборки, прижавшись к ней лбом и раскинув руки. Не стоял — как-то странно ерзал. Эвита выпучила глаза:

— Лейк, что ты делаешь?!

— Не мешай, я провожу эксперимент. Мне надо доказать борт-интеллектам, что это они сумасшедшие, а не я.

— Борт-интеллекты сумасшедшие? — Эвита вконец опешила.

— Да. Они утверждают, что корабль находится на границе трехмерности и двумерности. Что эта переборка — двумерная. Как скажешь, — я становлюсь двумерным? Хоть немножко?

— Нет... Лейк, пойдем лучше ужинать.

— Не мешай!

Капитана ни в каюте, ни на мостике не было. Эвита решила оставить его поиски на потом, но искать не пришлось — они столкнулись нос к носу у шлюза модуля силовых установок. Капитан странно пошатывался, и взгляд его явно не мог сфокусироваться.

— Вы не пришли на ужин, — напомнила Эвита.

— К Фридману ужин! Я уже получил необходимые калории... вместо надежды.

Он криво усмехнулся и посторонился, пропуская девушку в модуль.

Отсек инженерного контроля располагался в самой середине этого пузыря. Едва Эвита открыла дверь, как уловила странный, незнакомый запах. Гайта почему-то сидела на полу, голая по пояс и босая. Бритый татуированный череп ее блестел от капелек пота. Два длинных цилиндрических стакана из серебристого металла стояли перед ней.

★ — Садись, — скомандовала инженер, не дав визитерше рта раскрыть. Плеснула из одного стакана в другой прозрачную жидкость. — Выпьешь со мной.

— Что это? — Эвита осторожно присела на пол, скрестила под собой ноги. Рядом с миниатюрной Гайтой она сама себе казалась несуразно огромной.

— Этиловый спирт с дистиллированной водой в пропорции два к трем.

— Этиловый спирт — яд.

— Яд. Но не смертельный. Пей!

Эвита взяла стакан, поднесла к лицу — витавший в отсеке запах сразу усилился — пригубила. И поперхнулась. Гортань обожгло, дыхание сбилось.

— Я не могу... это пить...

— Можешь, можешь. Задержи дыхание и проглоти. Как я.

Инженер поднесла свой стакан ко рту, сделала быстрый глоток, шумно выдохнула. Испарина на ее чрепе стала гуще.

Эвита послушно повторила алгоритм. Что-то жгучее прокатилось по пищеводу, заполнило желудок. И начало растекаться по телу, уже не обжигая, а согревая. В ушах тихонько зазвенело.

— Молодец, — похвалила Гайта. И тут же поменяла тему разговора: — Капитан уговаривал тебя идти на консервы? Мне тоже предлагал, еле откупились спиртом. Вишь, нашел удобный для себя способ закончить все разом. Чуток добавит активности биорадикалам наполнителя, и команда расплавится в протоплазму, словно и не было. А я так не хочу!

— В протоплазму? Но это же... убийство?

— В нашем случае это эвтаназия, — засмеялась Гайта. — Избавление от страданий.

Алкоголь добрался до мозга, поэтому Эвита никак не могла уловить, в чем соль шутки. На всякий случай тоже засмеялась.

— А что капитан скажет, когда мы вернемся на Землю? Если вместо команды в сотах окажется протоплазма?

— На Землю? Вернемся? Без навигатора? — Инженер засмеялась пуще прежнего. — Ну у тебя и юмор! Не знала, что стюарды умеют так шутить!

— Почему шутить? — Эвита потеряла смысл разговора, но было все равно весело. — Борт-интеллекты рассчитают координаты, запустим двигатели...

Гайта, не в силах усидеть, упала на пол, корчась от смеха.

— Двигатели! Координаты! Ты просто чудо, девочка!

Ей понадобилось не меньше минуты, чтобы справиться с приступом заразительного, но непонятного Эвите веселья. Наконец Гайта снова села, восстановила дыхание. И, хитро прищурившись, спросила:

— Как по-твоему, чем занимается навигатор, пока вахта спит? И почему на корабле всегда только один навигатор? Почему в команде четыре сменные вахты и даже у капитана есть помощники, а навигатор — единственный и незаменимый?

Эвита растерялась от серьезности вопросов. Разумеется, ответы на них она знала. Но аргументы, такие неоспоримые прежде, под действием алкоголя вдруг сделались зыбкими, малоубедительными. Все же она ответила, ощущая себя ученицей колледжа:

— Навигатор определяет новое местоположение корабля во Вселенной и проводит его туда сквозь сингулярность. Такой талант — большая редкость. Потому навигаторов едва-едва хватает, чтобы укомплектовать команды межзвездных кораблей.

Инженер криво усмехнулась.

— Да, редкость... Но разве из-за этого рисковали бы безопасностью? Причина в другом. Навигатор ничего никуда не «проводит». Открою тебе «страшную

★ — тайну» — никакой Вселенной вообще не существует! Вернее, она существует исключительно в воображении Демиурга, Бога, Абсолютного Разума — называй как хочешь, непринципиально. И мы тоже — в его воображении. И чтобы мы оказались в другом месте этой воображаемой Вселенной, Абсолют должен нас там вообразить, улавливаешь суть? Спросишь — разве возможно заставить его это сделать? Ответ — да, навигаторы могут. Они — мостик между нашей придуманной трехмерностью и безмерной реальностью абсолютного воображения. Они вписывают информационный дамп в нужное место, «придумывают» нас там. В этом и состоит их талант. И если на корабле окажется два навигатора, они могут нечаянно вписать корабль в два разных места Вселенной.

Алкоголь сделал свое дело — голова Эвиты начинала кружиться. А может быть, она кружилась от услышанного?

— И что тогда будет? Если корабль сместится в два места сразу...

— Неизвестно. В экипажах первых экспериментальных Т-кораблей было по два навигатора. Ни один из тех кораблей из экспедиции не вернулся.

Эвита сглотнула вдруг подступивший к горлу комок тошноты.

— Откуда ты все это знаешь? Ты же не навигатор!

— Мой отец навигатор. Не делай круглые глаза — они такие же люди, как мы. Во всяком случае, рождаются обычными людьми и у них тоже бывают дети. Когда Коллегиум Клана Навигаторов доверил отцу корабль, он взял меня к себе в экипаж. Мы часто говорили с ним во время вахты... пока он был жив.

Эвита вдруг догадалась:

— Навигатор Орвус — твой отец?! Я не знала...

— Тебе не обязательно знать, ты всего лишь стюард. Отец пытался мне объяснить, как это — быть на-

вигатором. Он надеялся, что я унаследовала его гены и большой талант проклюнется во мне. Но мой талант оказался заурядным, маленьким. Я так и осталась в Клане Инженеров. — Гайта опустила голову, вперила взгляд в стакан. И добавила дрогнувшим голосом: — Даже сейчас я ничего не смогла...

Непонятно почему Эвите сделалось обидно и захотелось плакать. На глаза навернулись слезы.

— А у меня никакого таланта вообще нет и не было... Поэтому я всего лишь стюард!

Гайта удивленно посмотрела на нее. Протянула руку, погладила по голове, словно маленькую:

— Ты чего разревелась? Подумаешь, стюард! Любая профессия почетна. Зато ты пишешь картины, а я вот не умею.

— При чем тут картины? Рисование — это так, баловство, развлечение!

— В древности именно это называли талантом. А то, чем занимаемся мы, было обычным ремеслом... Все, хватит болтать. Еще выпьешь? У меня осталось чуток.

Эвита отрицательно замотала головой.

— Как хочешь.

Гайта проглотила остатки спирта, выдохнула. Поднялась на ноги. Ее заметно качнуло, но она удержалась, пошла к двери.

— Надень что-нибудь! — спохватилась Эвита. — Неэтично ходить по кораблю в таком виде!

— Поцелуй в зад Шредингера! — беззлобно посоветовала Гайта и вывалилась в коридор.

Эвита поспешила следом. Голова продолжала кружиться, потому она никак не могла сообразить, куда они направляются. Только когда инженер взялась за рукоятки запора на люке, сообразила — это же внешний шлюз!

— Стой, там вакуум!

★ Гайта будто не слышала. Открыла люк, шагнула в шлюз. Помахала рукой напоследок:

— Советую соглашаться на протоплазму. В нашем случае это лучший вариант.

Шаровой механизм провернулся, вспыхнула алая надпись: «Внимание! Шлюз разгерметизирован!» Погасла. Затем шлюз вновь повернулся, возвращая люк на прежнее место. И Эвита осознала — Гайты больше нет.

Она попятилась, словно шлюз мог открыться сам собой, засосать ее и вышвырнуть в космос. Повернулась... и едва не упала: в конце коридора стоял капитан, наблюдал за происходящим.

— Вы... вы... почему вы ей позволили? Почему не приказали остановиться?!

— Смысл? — Капитан пожал плечами. — Кстати, у тебя времени — до утра, чтобы закончить свои игрушки.

Разбудил Эвиту шум в коридоре. Нехороший шум. Она поспешно натянула комбинезон, выглянула из каюты.

Кибернетик пытался ходить по стенам. Он подпрыгивал, размахивая руками, срывался, падал на пол, вскакивал, снова прыгал. И вопил:

— Она двумерная! Двумерная! Двумерная, Эйнштейн вас всех забирай!

— Лейк, ты что творишь?

— Она двумерная! Эти проклятые интеллекты говорят — здесь все двумерное! Корабль двумерный! Тогда чем стена отличается от пола? А?!

Дальше по коридору открылась еще одна дверь — капитанской каюты. Алидор вышел, направился к источнику шума.

— Успокойся, пожалуйста! — единственное, что нашлась сказать кибернетику Эвита.

Капитан и вовсе не стал с ним разговаривать. Подошел и ударил кулаком в затылок, коротко и резко. Лейк врезался лицом в переборку, сполз на пол, опрокинулся навзничь, заливая комбинезон хлынувшей из носу кровью. Алидору этого показалось мало. Он наклонился над кибернетиком, опять занес кулак.

— Стойте! — бросилась на него Эвита. — Вы что, хотите его убить?!

— Было бы неплохо. Видишь, он сошел с ума.

— Это вы сошли с ума! — Она была сильнее капитана, потому смогла оттолкнуть его. — Хватит смертей! Я позабочусь о Лейке, отнесу его в соту!

— Отнеси, — легко согласился Алидор. — И себя законсервируй заодно. Хватит тянуть время.

Эвита вспомнила вчерашний разговор в модуле силовых установок. Он более не казался ей шуткой.

— Вы... Гайта говорила, вы хотите избавиться от экипажа? Расплавить в протоплазму! Вы в самом деле сумасшедший!

— Умная была у нас инженер, недаром дочь навигатора, — капитан иронично скривил губы. — Только это не помогло — ни ей, ни нам. А ты — глупая! Не захотела легкой смерти в неведении, оставайся на корабле и подыхай долго и мучительно.

— Почему?! Почему мы должны умирать? Не понимаю! Мы же почти вернулись!

— Почти — не считается. Навигатор не успел вписать нашу информационную матрицу в реальность. Мы не вошли в трехмерную локаль Солнечной системы, мы лишь сунули в нее самый кончик носа. — Он вдруг схватил ее за руку, потянул к шлюзу: — Идем, я покажу!

— Нет! — Эвита уперлась ногами в пол. — Нельзя без скафандров, там вакуум! Я не позволю вам убить ни меня, ни себя!

★ — Хорошо, хорошо! — Капитан поднял руки, показывая, что сдается. — Наденем скафандры, если тебя это успокоит.

Открытый космос был в точности таким, каким Эвита увидела его на капитанском мостике: голубой шарик Земли, разноцветные огоньки звезд и — бесконечность. Только здесь отсутствовала тонкая скорлупа корабля, отделяющая ее от этой бесконечности. Девушка судорожно вцепилась в плечо капитана, чтобы не сорваться и не упасть туда.

— В другую сторону смотри! — Алидор бесцеремонно развернул ее затылком к Земле и звездам.

По другую сторону тоже была бесконечность. Но — иная. словно огромное полотно, натянутое на невидимый мольберт. И в центре полотна — рисунок. Корабль, обвитая кружевами гроздь радужных пузырей. Рядом с одним кто-то пририсовал смешного человечка. Человечек сучил руками и ногами, но сдвинуться с места не мог.

— Это же Гайта! — догадалась Эвита. — Смотрите, она жива! Надо ей помочь, вытащить оттуда!

Капитан засмеялся, только в смехе этом не было ни веселья, ни злорадства.

— Какая же ты глупая, стюард! Ты ничего не поняла? С точки зрения нашей недоделанной трехмерности Гайты не существует, есть лишь ее проекция на границу локали. И точно так же не существуем мы. Мы можем сидеть здесь хоть сотни, хоть тысячи лет — да хоть миллионы! — это не приблизит нас к дому. И никто не придет к нам на помощь. Потому что нас больше нет во Вселенной. Нигде и никогда! Навигатор вымарал нас в исходной точке, но вписать в точку назначения не смог. Я не знаю, что ему помешало. Наверняка он пытался, застряв на годы, а то и на десятки лет в точке сингулярности. Но челове-

ческие ресурсы не безграничны. Орвус сумел сделать лишь... как это у вас, живописцев, называется? Набросок? Эскиз? Для Вселенной этого слишком мало. Нас нет, для человечества мы уже умерли. Я всего лишь хочу избавить моих людей от ненужных страданий. А ты оставайся, «живи» здесь. Интересно, как скоро ты перестанешь считать меня сумасшедшим маньяком?

Он замолчал, перевел дыхание. Пытливо заглянул в глаза Эвиты.

— Ты хоть что-нибудь поняла, дурочка?

Эвита посмотрела на корабль, на плоскую двумерную Гайту. Снова перевела взгляд на капитана. Кивнула.

— Да, я поняла, — и шмыгнула в шлюз.

Не снимая скафандр, она побежала к себе в каюту, схватила палитру, кисти, рванула обратно. Выбравшийся из люка капитан едва успел посторониться, чтобы упакованный в скафандр медвежонок-стюард его не опрокинула, что-то крикнул вслед. Она не слышала.

Через пятнадцать минут Эвита вернулась на корабль. Миниатюрную, почти невесомую инженера она несла на руках. Гайта то и дело кашляла, тяжело дышала, но была живой, здоровой и абсолютно трезвой.

Поджидавший в коридоре Алидор ошеломленно уставился на них.

— Как?! Как ты это сделала?

— Я дорисовала Гайте перспективу, чтобы появилось третье измерение и она смогла двигаться. Это не трудно, не то что...

Она охнула, замерла на секунду с открытым ртом. Потом быстро поставила инженера на пол и, сдвигая на ходу скафандр, бросилась к себе. Закричала:

— Я поняла! Я теперь знаю, как рисовать пустоту!

★ Она не успела положить на холст первый мазок, когда в каюту ворвался капитан.

— Стой, не делай этого! Лучше нарисуй там звезды. Нарисуй мне Вселенную, навигатор!

Эвита едва не выронила кисточку.

— Но я не... я всего лишь стюард...

Когда-то Земля была плоской и маленькой и покоилась на спинах слонов. Она не могла быть иной — именно такой ее представляли люди. Затем Земля начала увеличиваться в размерах, стала круглой, принялась вращаться вокруг светила, обзавелась братьями и сестрами по планетарной системе. Трехмерная реальность менялась, повинаясь воле эгрегора человечества. Реальность разрасталась — до орбиты Сатурна, до пояса Койпера, до облака Оорта... А дальше ее встретила пустота. Несоизмеримые с человеческой средой обитания, а потому непреодолимые расстояния.

Человечество уперлось в стену. Веками земная наука, построенная на логике, пыталась ее пробить, понять непознаваемое, объяснить необъяснимое, найти несуществующее. Теория относительности, квантовая гравитация, струны и мембраны — с каждым веком человечество усложняло картину мира. Тем самым укрепляло скорлупу собственной трехмерности.

Но наравне с логикой люди обладали воображением. И когда логика завела человеческое познание в тупик, воображение подсказало выход: Вселенная — во все не объект материального мира, Вселенная — идея. И птенец проклюнулся. Человечество вырвалось из крошечной трехмерной колыбели — в бесконечность, не ограниченную никакими законами и теориями. Из порождения Абсолютного Разума оно превратилось в его часть. Человечество стало Сотворцом.

Эвита парила в иммерсионном резервуаре. Пощипывали впившиеся в кожу разъемы интерфейсных кабелей, чуть подташнивало от невесомости, во рту стоял металлический привкус. Ерунда, к этому она быстро привыкнет. Куда труднее смириться с мыслью, что ты стала причиной гибели человека, о жизни и здоровье которого должна была заботиться. Но случившееся не исправишь, искупить невольную вину можно только одним. Бортовые интеллекты толпятся у порога ее сознания, услужливо напоминают о себе запросами, ждут команд. Теперь они ее инструменты, ее грифели, кисти и краски. Мольберт — ее собственное воображение, а полотно — трехмерная реальность Солнечной системы. Навигатор дорисует картину.

Сгусток вещества и энергии, в силу многовековой традиции называемый космическим кораблем, возвращался домой.

ДУХИНА НАТАЛЬЯ

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Вот зачем ему позвонили? Властный незнакомый голос предупредил об обязательной явке. Надежда, едва тлевшая, вспыхнула ярким пламенем — почему бы и нет, он достоин! Но трепать языком не стоит, ни к чему нервировать беременную жену сумасшедшими предположениями, будет вести себя как обычно. Но временами захлестывало... до обмирания.

Мария бросала на мужа сочувственные взгляды — волнуется Петя, переживает. Излишнюю его возбужденность списывала на грядущее мероприятие: выпускникам физического факультета сегодня вручают дипломы, ожидается торжественное собрание с по-

здравлениями и подарками. Ее Петя — физико-математический гений, мировую олимпиаду среди студентов два года подряд выигрывал; первым номером закрывает сразу три кафедры! Ясно, что наградят, вопрос — чем? Бывали случаи, особо отличившимся прямо на собрании вручали та-а-кое предложение по работе... сразу со служебной квартирой! — Мария зажмурилась в предвкушении. Свое жилье — предел мечтаний. Говорят, когда-то в прошлом народ побогаче жил, у каждого чуть не дом свой... Малыш пихнул ножкой — привел маму в чувство.

Гений лениво жевал бутерброд, уставившись в потолок.

— Одеваться пора, — вздохнула она. Тревожно... может, срок подходит? Да ну, рано, две недели еще носить, вчера только врач смотрел.

— Давай. Я уже.

— Не-е, в таком виде я с тобой не пойду. У меня платье нарядное, а ты... Костюм и галстук! — вернула его на землю, хватит в облаках витать.

— Но, Маш...

— Костюм и галстук, сказала!

То, чего Петр отчаянно ждал, — свершилось.

В конце собрания на сцену вышел представительный, одетый с иголки мужчина и торжественно объявил: Большое Жюри, рассмотрев очередной пул кандидатов, остановило свой выбор на Петрове Петре Ивановиче. Ему предлагают Шар!

Новость произвела фурор, зал забурился. Чтобы новоиспеченному специалисту — и сразу Шар! — случай из ряда вон.

— Беру! — крикнул Петр и пошагал на сцену. Бумагу подписал, не читая.

Владеть Шаром — означало получить в собственное распоряжение лабораторию, оборудованную по по-

следнему слову техники, и карт-бланш на исследования с неограниченным кредитом в Банке. В основном, за место под солнцем боролись организации; одиночек, владевших Шарами, в мире насчитывалось не более сотни. Выстроить с нуля собственную мини-Вселенную — процесс ювелирный, в придачу к знаниям не мешает иметь в союзниках и удачу, иначе кончится Шар, а вместе с ним и преференции. У него получится... должно получиться!

До идеи он додумался еще студентом: будешь думать, когда в обществе нездоровый ажиотаж на этой почве. Чуть недотянешь лямбду, космологическую постоянную в уравнении Эйнштейна, — система сдуется и самоуничтожится, перетянешь — процесс пойдет в сторону бесконечного роста, что опять же приведет к краху жизни. Как найти золотую середину? А если организовать обратную связь, чтобы система сама себя контролировала? Лямбда, по идее, описывает свойства темной энергии — кому как не ее носителю и разбираться в своем царстве... вот она, идея. Наделить темную материю способностью к анализу и свершению действий. Фактически, то ведь Разум... Никому не сказал студент об идее — как знал про Ваньку.

События развивались стремительно. Уже на следующий день семью с нехитрым скарбом переместили в дом-лабораторию на территорию наукограда, отделенного от остального мира стеной под высоким напряжением и свирепыми охранниками на входе. Тем же вечером, сигналя на всю округу, подъехал грозный броневик, и военные, чеканя шаг, внесли в дом Шар. Тут же и активировали. Проверили — нормально включился? И ушли, оставив потрясенных хозяев наедине с достоянием.

У них свой дом! И Шар! Мария настолько разволновалась от невероятных событий, что этой же ночью родила, не дотянув до положенного срока.

Дочку называли Яной. А Шар — Иваном. С именем угадали: малыш демонстрировал удивительную способность оставаться невредимым после падений, словно Ванька-встанька.

Колыбель дочери поставили рядом с люлькой Шара, не метаться же из комнаты в комнату от одной к другому. Да и дети вели себя лучше, когда бок о бок: Янка прекращала плакать, замороженно взирая на игру бликов и вслушиваясь в бульканье, а Шар меньше тупил и легче переносил насильственные процедуры, которым его то и дело подвергал хозяин. Хозяин? Скорее, отец. Как-то само собой получилось, что Иван стал членом семьи.

Наполнением Шара Петров занимался единолично, создание Вселенной — дело интимное. Основным постулатом ввел заботу о материи и жизни, в качестве нулевого приближения — все те знания, которыми овладело человечество.

Каждый второй обладатель Шара, не мудрствуя, списывал с окружающей реальности законы, выложенные в общий доступ, бери и качай — хоть в общем виде, хоть в упрощенном. Ноу-хау Петрова крылось в поправках: ни одну из них он не определил константой. Поправки могли меняться. Более того, меняться могли и сами уравнения, и их количество... весь набор. Нулевое приближение — оно лишь начало. Вход. А дальше... дальше будет учить Шар думать, прежде всего — как не наломать дров.

Работать Петр предпочитал в одиночестве. Не нужны ему в доме посторонние. Пусть там, в организациях, работают сообща и толпой, а он желает сам. По крайней мере — на начальном этапе. Одного лишь со-

трудника и оформил на максимальную ставку — свою жену, когда она защитила, наконец, диплом спустя два года после него.

— Ты знаешь, а они общаются между собой. Ругаются, мирятся. И вообще, какой он Шар! Он — ребенок! Подрались сегодня... — пожаловалась как-то жена, приобняв мужа.

— Подрались? — напрягся муж, сонливость как рукой сняло. — И кто победил?

— А никто. Поплакали — помирились.

— Да мерещится тебе, — буркнул он и повернулся на другой бок. — Сказочница!

Но нет, не спалось. Общаются... скажет тоже! Петров поднялся и пошлепал в детскую.

В лунном свете, сочившемся сквозь окно, разглядел: дети лежали в обнимку и дружно сопели. Чтоб Янке легче обнимать, Иван обратился объемной «восьмеркой», ее рука как раз обхватывала его посередине. А отцу — для воссоздания той же «восьмерки» — приходилось инициировать блок команд, неделя как минимум! Фантастика!

У Петра кольнуло сердце. Не допускает ли он ошибку, связав их жизни? Разве можно настолько переплестать? Вопрос стал перед ним всей своей неприятной сущностью. Неприятной — потому что ответ заранее известен: нельзя. Нельзя! Но оно уже завязалось. И что дальше? Резать — по живому?

Попробует разводить постепенно. Что дети в два года понимать могут... поплачут и успокоятся.

— Зря ты их по разным этажам! — бросила мужу недовольная Мария.

Последствия ему тоже не нравились. Яна болеть начала. Ваня в хандру впал, тормозил на простейших задачах. И с каждым днем обоим все хуже и хуже...

— Перетерпим! — насутился Петр. И по делам уехал.

А вернувшись вечером, застал домочадцев всех вместе дружной компанией.

— Ну не могу я... не разорваться! Она тут орет, он там... Зачем? Глупо! Я и... Понимаешь, Петь, ей сразу лучше! температура упала! Нет, ты не морщись, ты лоб потрогай! потрогай, сказала!

Чего трогать, и без того видно... сияния глаз не скроешь. Детишки сидели рядом и таращились на него. Понимали — решалась их судьба, как папа решит, так и будет.

— То есть... ты считаешь... Как мать. Подумай, прежде чем ответить. Им вдвоем — лучше?

— Да, лучше, — не сомневалась она ни секунды.

— Ох, Мария... Ну не знаю я. Не знаю!

Дети, почуяв слабинку, взяли папу в оборот — повисли с двух сторон. Ладные такие оба, послушные... И Петр не устоял. Лишь рукой махнул — делайте что хотите. Пусть, чего уж теперь...

В семь лет Ивана забрали на первое испытание — турнир новичков. Уж как Петров ни отбивался, мол, пусть подрастет... Куратор вежливо объяснил: раз в семь лет сыграть на турнире — святая обязанность, нарушать не дозволено никому. Хорошо хоть, по новичкам записали, а то могли и в реальную мясорубку Большого Турнира, академии отправляли подопечных туда чуть не с пеленок. На обкатку. Но Петров знал: не готов Ваня. Нет, структура и сила в норме, но... Существовал еще некий фактор: духовно-эмоциональное развитие. Означенное развитие шло у Шара вровень с Янкиным, ни на йоту быстрее. При том что обычную информацию заглатывал террабайтами! Столь резкий диссонанс удивлял Петрова. Но оттого факт не пе-

реставал быть фактом. А что он хотел, разум вправе быть своевольным...

Опасался за Ваньку, а головную боль получил от Янки. Захандрила, оставшись одна, неприкаянно бродила по дому, успеваемость в школе резко снизилась. Отец поставил условие: будешь плохо учиться — не буду брать с собой в зрительный зал. Оценки сразу улучшились, но настроение — нет.

Ваня пришел к финишу десятым. Петр, привыкший к победам, утешал себя: десятый из сотни малышей — неплохой результат. Но в глубине души знал — плохой. Потому что не участвовали продвинутые малыши — те самые, которых сразу в Большой Турнир.

Пришло время делать выводы. Пора подключать специалистов, одному тянуть дальше глупо. И пора рвать сентиментальные узы, разом и наотмашь.

По окончании турнира отвез Шар на новое место жительства — в лабораторию. Познакомил с сотрудниками. Отводя глаза, объявил, что жить Ваня теперь будет здесь.

И началось «веселье»: Ванька-встанька забастовал — отказался принимать в себя информацию. Любую. Выплевывал не глядя. И Янка замкнулась, объявила бойкот, на уроках в школе изображала мумию. Потом слегла с нервным срывом, не выдержав напряжения. Это в семь-то лет!

Жена причитала, хваталась за голову — кто прав, кому верить? В конце концов, приняла сторону детей.

И Петров сдался. Проиграл, чего уж, раз Мария тоже против.

Предложил компромисс: он возвращает Шар в семью, но Иван начнет ходить «в школу»: с утра его будут перемещать в лабораторию, вечером возвращать. Условие одно: дети перестают действовать ему на нервы, живут нормально, хорошо учатся.

Родные приняли компромисс на «ура».

И — возродилась фениксом Яна; Иван помчал громадными шагами, догнал и перегнал программу, целый штат научных сотрудников не успевал за ним угнаться.

И что после такого думать? Петров и не думал. Просто работал, хватит с него раздумий, что заложено — то и выросло. Назад не веротишь.

Не прошло четырех лет, как Ивана снова вызвали на игру.

Петров возмутился было — как так, почему, семь лет ведь обещали не трогать! Тщетно. Всеобщая мобилизация. В Большой Турнир забрали всех подчистую. Очередная изюминка организаторов? — недоумевал Петр. Каждый год устраивали турниры, и всегда, юмористы чего-нибудь эдакое придумывали, неожиданное... чтобы не расслаблялись создатели, не по шаблону творили. Может, к лучшему? Отыграют — поедут отдыхать, сколько можно работать без продыху! Мир посмотрят. Ваньку с собой возьмут. Мальчик уже не был беспомощным шариком, мог не только за себя постоять, а и защитить родных. Но афишировать внешние умения не стоит: организаторов интересует исключительно внутреннее содержание.

За перипетиями первого тура Петров следил внимательно. Интересовался не только своей группой, но и соседними. Нагляделся... Понастроили экзотических Вселенных, клоуны! Кореец, к примеру, убрал гравитацию как класс — так его Шар первым и гикнулся. Норвежец, наоборот, ввел усложненную тензорную гравитацию — сие многомерное чудо тоже продержалось недолго. «Дилетанты надутые, возомнили себя умней природы!» — с чувством удовлетворения наблюдал за провалом чудиков.

Первый тур Иван отыграл достойно: вышел из группы в Финал. Всего отобралось триста Шаров — и это

по всей Солнечной системе. Иван по набранным очкам занимал место в середине — вполне приличный для новичка результат. Петров довольно потирал руки — финалистов в любом случае поощряют щедрыми бонусами, не зря трудились! Маячивший на горизонте отпуск обрел четкие очертания.

Но до признанных гуру оставалось как до Луны. Первая десятка превосходила Ваньку настолько, насколько финалисты чемпионата мира по футболу — какой-нибудь заштатный сельский клуб. Катаклизмы Иван преодолевал ощутимо дольше. Ну так молодой еще, неопытный... зато с выдумкой пацан работал, что ни решение — нестандартный подход.

И тут организаторы объявили: Финал будет закрытым, без зрителей и комментариев. Как долго? — сколько потребуется, столько и долго.

Это уже не изюминка, а бзик! — единодушно решили хозяева Шаров. Но поделаться ничего не смогли.

Месяц — целый месяц! — пытали финалистов за закрытыми дверями. Без единого бита информации о ходе турнира. На Шары — особенно лидеров — связано столько народу! Благополучие миллионов напрямую зависело от занятого Шаром места, а с учетом всех ниточек — так и миллиардов. А организаторы молчали! Мир с ума сходил, гадая... поневоле в головах начнет зреть возмущение. Янка написала письмо президенту с просьбой выпустить Ваню — нуль эффекта.

Зачем они вообще нужны, Шары? Сто лет назад вдруг пошло поветрие, человечество будто помещалось на новой игрушке. Раньше без них жили — и нормально, думать не думали о каких-то мини-Вселенных. А потом объявились злобные инопланетяне... в глаза их никто не видел, но ученые утверждали — враг близко. Человечеству необходимо поумнеть! Шары совершенствуют мозги подобно тому, как

★ — спорт — тела! Народ, однако, воспринимал Шары скорее за бойцовых петухов, чем ускорителей мозга, ставки в тотализаторе зашкаливали. На инопланетян списали и всеобщее обнищание — необходимо копить резервы к будущим битвам.

...Наконец создателей пригласили во Дворец для оглашения итогов.

Мысли Петрова беспорядочно метались, перескакивая с одного на другое. Сидел, развалившись в кресле, старательно делал вид, что спокоен. Спокоен! Созерцал окружающую обстановку в стиле ампира, дивился на громадных размеров старинную люстру и тяжелый бархатный занавес. Коллеги неестественно громко переговаривались, лучась притворными улыбками. Разлитое в воздухе напряжение, казалось, того и гляди выжжет здесь все напалмом.

Колыхнулась портьера, на сцену выплыл председатель Большого Жюри, кряжистый, уверенный в себе мужчина. Бодро поздравил присутствующих и, опустив глаза, замялся. Хотел было продолжить, но закашлялся, подавившись словами. По залу прокатился вздох — плохая примета!

Оратор взял себя в руки, сосредоточился и с расстановкой произнес:

— Чемпионом... впервые... становится... Шар Петрова! Новичок обошел всех! — Голос председателя взвился сочным крещендо и кинжальным ударом пронизал мозги болельщиков, с нетерпением ожидавших вердикта во всех уголках Солнечной системы.

Петров, потрясенный, откинулся на спинку кресла, помотал головой и подергал себя за волосы. Не ожидал, никак не ожидал... занимать перед финалом место во второй сотне... сотне! — и победить? Невозможно! А где же корифеи... первая десятка — где?

Зал недоумевал вместе с ним, провожая пробиравшегося с задних рядов к сцене ученого недовольным перешептыванием. Незвестный выскочка сорвал главный куш! Неслыханно!

— Благодарю Высокое Жюри за оказанное доверие, победу посвящаю жене и дочери, главным помощникам, — всего-то и выдавил в микрофон победитель.

Мертвая тишина была ему ответом.

Ах, так! Не нравится? Петров усмехнулся, прищурился и, расправив плечи, гордо прошествовал за кулисы.

Его долговязая фигура смотрится мелко на внушительных размеров сцене, подумалось почему-то. Столь же мелким — несерьезным, ошибочным! — представлялось решение Жюри.

Слов председателя — что на этом все, награжденных больше не будет — Петров не услышал. Последовавший свист и улюлюканье принял на свой счет и, окончательно разобидевшись, покинул Дворец. Направился в Центр, где и проходило, собственно, соревнование. В мозгу будто дрель бесилась, высверливая разум, еще немного — и черепушка расколется. Достаточно! Прочь эмоции!

Непривычная тишина в вечно гудящем Центре насторожила, но не испугала. Охранники на всех подряд постах вытягивались и почтительно расступались, пропуская.

А вот и «пыточная» — так окрестили участники терминал, где проходил Финал.

Бронированные двери распахнулись, он вошел и... окаменел.

На полу вповалку валялись расплавленные ошметки, причудливо изогнутая арматура, вывернутые наи-

★ — знанку оболочки. Останки Вселенных, словно хлам на чердаке.

И лишь в центре на постаменте высился Шар, сохранивший форму. Ваня?

Накатила слабость. Бледный, на подгибающихся ногах Петров поковылял вперед. Скрежещущий хруст под ногами рвал сердце. И не важно, что Шары, по большому счету, были игрушками — полное ощущение, что шел по трупам.

Да, это он — сын. Вгляделся.

Внезапно уловил слабую пульсацию. Жив? Бог мой, жив! Коснулся оболочки. Шар отозвался, мигнув оранжевым всполохом. Узнал! — апельсиновый оттенок выдавался персонально ему, создателю.

— Что они с тобой... кретины... Выстоял, а! — чуткие пальцы, оглаживая, ощупывали выходные клапаны.

Ранение средней тяжести, выражаясь фигурально.

Его пацанчик победил... Нет, не так. Его пацанчик выжил, потому и победил. Ванька-встанька опять поднялся.

Но зачем победа такой страшной ценой?

Что за монстра выпустили садисты-юмористы? Батя узнает, изучив записи в стеке. Позже. Заболела голова от переживаний, слишком сильные эмоции обрушились на него сегодня, иссушили и обескровили организм.

— Давай спать! Отдыхай! — он нажал «Clear».

Шар померчал, прощаясь, и уменьшился до размеров детского шарика с одновременным наращиванием защитного слоя. Петров уложил победителя в специальный подсумок. Сопровождаемый эскортом полицейских, протиснулся сквозь осаждавшую двери толпу разъяренных создателей. Не пускали бедолаг в Центр. Вот так. Десятки лет люди работали — и пло-

ды их усилий в момент изничтожили, подло и больно. И проводить-похоронить не дают. Будто и не было никаких плодов. Что происходит? Он прижал к себе Ваньку.

— Папка пришел!

Янка бросилась к отцу и повисла, обхватив за шею. Тонкая, улыбчивая, с шелковистыми волосами цвета соломы, заправленными в вечный хвостик... любимица его ненаглядная. Наобнимавшись, она отстранилась и вопросительно глянула на отца. Петров понимающе хмыкнул, отстегнул подсумок и вручил дочери. Девчонка схватила сокровище и унеслась к себе в комнату, оживленная, легконогая.

Трясущимися руками вынула Шар, прижала к груди. Пультом она не пользовалась, Ваня не любил насилия, откликнется, когда посчитает нужным.

— Не плачь, солнышко! — расслышала в музыке урчание.

Янка смахнула слезу и улыбнулась.

— Я скучала... сильно больно?

Отец, поглядывая на монитор, качал головой. Он, создавший с нуля творение, ощущавший печенкой подопечного до последнего метеорита, не улавливал в издаваемых Шаром звуках какой-либо речи. Стек — считывал, да, оттуда и узнавал... а дочь обходилась безо всяких стеков. Как у нее получалось — оставалось загадкой. Раньше думал, она лишь воображает ответные реплики, девочка чувствительная и эмоциональная. Но теперь... почему бы и нет!?

— Врешь ты все! Не опасно, как же... Ты один... один! остальные... Ванька, тебя могли уби-ить!

Она разрыдалась — безутешно, громко. Отец наблюдал, силой воли заставляя себя оставаться на месте. Без него есть кому утешить!

★ — Дочь теребила ландыши. Видимо, поздравить хотела, но забыла, сорвавшись в истерику. Опять в лес гулять ходила одна, негодница!

— Букет кому? — хлюпнула. — Тебе, кому еще...

Р-раз — и не стало цветов, пропали! Петров увеличил изображение, глянул с разных ракурсов — нету! Ни каналы не задействовала, ни коды специальные — напрямую! Дела... Создаешь, растишь, воспитываешь, а они потом в самостоятельное плавание уходят, а ты остаешься на берегу...

Наутро за ним приехали. Петров понял — вот оно, началось! То самое, ради чего и затеяли. И вправду — пора.

Растрепанный и зевающий, сел в аэрокар, подсумок с Шаром под мышкой. С ветерком, по выделенному правительственному каналу в несколько минут был доставлен до места. Сон улетучился, когда понял, где оказался: перед ним высился ЦОЦ — Центр Охраны Цивилизаций, одно из самых влиятельных и засекреченных мест на Земле.

В уютном небольшом кабинете, куда его почтительно сопроводили, сидели, понурившись, двое. Старушку Милли узнал сразу, галантно приложился к ручке. Несмотря на почтенные годы, выглядела она, как всегда, потрясающе: женщиной без возраста, мечтой поэта. Преподавала биологию у него на втором курсе, много мучений тогда вынесла от дотошного студента.

В неряшливом помятом типе с отечными воспаленными глазами с трудом признал Серегу Шилова, гения математики, заимевшего свой Шар аж в двадцать лет, что являлось абсолютным рекордом. Еще вчера видел его во Дворце надушенным, краснощеким и сияющим, облаченным в яркие семафорящие одежды — коллега слыл экстравагантным щеголем. Неужели и его Шар уделали? Не может быть! Совершеннейшее же

творение, абсолютно гармоничное! Петр не раз брал консультации у хозяина, пытаясь постичь и перенести идеи на Ваньку, но до оригинала не дотягивал.

— Случилось чего? — хлопнул Серегу по плечу вместо приветствия. Тот не отреагировал.

— Молчит! сидит, невменяемый! — пожаловалась Милли.

— Откуда столько позитива... Твой — что, жив? — прохрипел гений математики, подняв глаза на энергичного Петрова.

— Ранен.

— А мой в цинковом гробу! — протянул бесцветно, уставившись в пол. И вдруг, уронив голову на руки, затрясся в рыданиях, как дитя малое. Прорвало.

Милли растерянно суежилась возле, жалобно причитая.

Петров грузно опустился на стул и обхватил руками голову. Такую красоту угробили, сатрапы, слов нет... Теплилась надежда, что не всех растерзали в том термине, ан нет...

Не заметил, как в кабинете появился седой невзрачный старик, дунь — рассыплется. Облик его неуловимо походил на... Бог мой, почему походил? Неужели — Горов? Засекреченный, ужасный и великий?

— Все Шары погибли, не выдержав испытания. Выжил лишь один! — крючковатый палец старика указал на Петрова. Предваряя вопрос Милли, распахнувшей на него глаза, добавил: — А ваш был выведен из турнира, как только поняли, что гибнет. Остальным данной привилегии не предоставили.

— Почему? — вскочил Шилов. Кулаки угрожающе сжаты, того и гляди, бросится на щуплого пророка.

— Идемте! — пригласил старик. — Вы трое удостоены чести знать правду.

Повел их за собой наверх, в обсерваторию.

★ Изображение звездного неба проецировалось на сферический потолок (астроскопу не страшны атмосферные помехи и солнечный свет).

— Смотрите!

— Небо как небо. Млечный Путь, альфа Центавра, — не понимал Петров. — Подождите, а где звезды? Почему пятна на экране, помехи или неисправность?

Умом уже понял, но душа не хотела верить.

— Не пятна это, Петр. Прокрутите, будьте добры, данный фрагмент небесной сферы за последние двести лет! — попросил старик оператора.

Страшное кино впечатлило. Небо, сплошь усеянное звездами, вдруг словно проткнула черная капля, растекавшаяся во все стороны с увеличивающимся ускорением. Ближние звезды по-прежнему излучали свет, а дальние гасли. Будто некто большой и сильный стирал их гигантской кистью.

— Что это? — схватилась за сердце Милли.

— Пройдемте! Нас ждут.

В аудитории восседали важные персоны.

— Правление ЦОЦа, знакомьтесь. А это — наши новые сотрудники! И не надо укоряюще глядеть на меня, госпожа Милли! Вы теперь посвященная, а значит, наш сотрудник, и только так, а не иначе, хотите вы того или нет. Правда не должна выйти за пределы этого здания. Пока.

Старик и вправду оказался великим Горовым. Еще Петров узнал Председателя, ораторствовавшего вчера во Дворце. Остальных видел впервые — советники какие-то, генералы, ученые... зашифровались в своем ЦОЦе, та еще контора!

Вводить в курс дела новеньких взялись издалека — с истории вопроса.

Что звезды начали гаснуть, заметили двести лет назад. Предположили рождение гигантской Черной

Дыры. Событие не взволновало, ибо далеко, на другом конце Вселенной.

Но процесс шел столь активно, что вскоре явлению повысили статус, назвав Большим Взрывом. Только рождался там вакуум. Поглощая материю нашей Вселенной, вакуум лишь становился мощнее. Вопросом заинтересовались на уровне правительств; создали интернациональный ЦОЦ — всемирную организацию по изучению данной проблемы; тему засекретили во избежание паники. Случилось это полтора века назад.

Еще через сто лет стало ясно, что и с Большим Взрывом ошиблись. На самом деле все куда хуже: мы имеем гравитационное схлопывание Мироздания с рождением в его пучинах ложного вакуума. Наш метастабильный мир туннелировал к состоянию абсолютного минимума энергии. Материя обречена. Галактике Млечный Путь вместе с Землей оставалось совсем ничего — несколько лет.

— Над вопросом «как спастись?» бьются не только в ЦОЦе, но и все умные люди, сами того не подозревая. Правильно, Петров, сообразили — через Шары, посредством организации Турниров. Бывает, мозг отдельного индивида сотворяет такое, что не под силу целому институту. И ведь так оно и вышло, оправдал себя поиск по максимально широкой аудитории! А сомневались! оплеух сколько принял за пускание средств на ветер, коллеги не дадут соврать. Но не суть, счета сводить нет времени.

— Шары ЦОЦа тоже погибли, вакуум убил всех. Кроме Ивана... господин Петров, можно и нам называть так ваше творение? Спасибо. Зачем, говорите, столь жестоко? Ну так... десять Лун не заменят одного Солнца, не правда ли? Сильнейший должен был закалиться — и он закалился.

Горов тонко улыбнулся, встал и вышел на середину.

★ — Впервые, господа, у человечества появилась надежда — привитый Шар! И мы не упустим шанс. Пошлем к черту вакуум! — Он резко повернулся к окну, седые патлы его взметнулись, словно нимб, сверкающий взгляд буравил пространство. Он сложил пальцы в кукиш и потряс над собой небу. — На-ко, выкуси!

Выплеснув эмоцию, Горов успокоился, вернулся на место и попросил Петрова доложить правлению, что же такое заложено в Иване особенное, что смогло противостоять вакууму.

— Не знаю! — пожал плечами создатель. Он вообще сомневался в умственных способностях окружающих: как может маленький Ванька, пусть и привитый, спасти Вселенную?

И тут же ощутил всплеск отрицательных эмоций, уловил недоуменные взгляды... Человечество гибнет, а этот вздумал в секреты играть!

— Господа, брейк! Я правда не знаю. Не смотрел еще. Иван сам. Сам, понимаете! Могу лишь предположить — изменил массу какого-то из бозонов: то ли Хиггса, а, может, Голдстоуна...

Осторожнее надо с этими господами... Относятся к Шару, как к защитному зонтику. А для него он — сын. В этом отличие. Но заострять не будет, могут понять превратно.

Видя, что Петров недоговаривает, члены правления переглянулись.

— Шар вам не игрушка! — гаркнул генерал. — В каждом Шаре заложен сингулярный механизм! Большой Взрыв!

— Что-о? — вскочил Петров. Был уверен, что знал все о своем ребенке, а оказалось — о главном не подозревал. Шар — бомба, порождающая Большой Взрыв! В мозгах не укладывалось. — А если б какой дурак свой Шар запустил?! Какую Земле и без вакуума!

— Молодой человек. Запустить — энергии хватит лишь на один Шар. Ключ от механизма хранится в сейфе ЦОЦа — насколько его охраняют, надеюсь, пояснять не надо? — осадил его Горов.

— А-а... ну тогда ладно!

Вот почему Шары невозможно ни купить, ни подделать. Дорогие штуки. Именно на них опустошили закрома Солнечной системы. А не на мифических инопланетян. С другой стороны, может, оно и правильно — думать всем миром?

При наступлении момента «Х» Шар сожмется в пи-сингулярность и — вывернется наизнанку. Методом Большого Взрыва начнет разворачиваться во Вселенную. Но не просто разворачиваться, а с сохранением основных принципов, заложенных в стек. Слой за слоем.

Владея сингулярной технологией, можно создавать Вселенные. Сжал — разжал. Вопрос — что упаковывать? Можно ведь и стул занулить и вывернуть, получив на выходе Вселенную Стула. Бессмысленную, не пригодную для жизни.

— А я-то вам зачем? — вдруг спросил Шилов, пока Петров растекался в эмоциях.

— Ну как же! Нужны! И вы, и госпожа Милли!

Если Иван справится с вакуумом, — объяснили им, — то в ближайшем будущем настигнет наш Мир. И встреча должна быть дружественной. Не из огня же да в полымя, своими руками сотворенное... Новый мир не должен уничтожить старый! Наоборот, сохранить и улучшить.

Госпоже Милли доверено собрать биоматериал, используя полезные наработки своего Шара. А Шилов поможет с усовершенствованием пространства — решено подправить его топологию, чтобы облегчить людям будущего передвижение по Вселенной. Преимущества своей теории Шилов продемонстрировал

★ — конкретно: жизнь в его Шаре продержалась дольше, чем в остальных, лишь потому, что имела банальную возможность удирать.

Петров потер в возбуждении руки.

— Отличная мысль, полезная функция. Беру.

Расходились после совещания бодрые, настроенные на работу.

И никто не услышал недовольного брюзжания генерала.

— На детеныша надеются, с ума посходили. Столько подарков выслали монстру... термояд, дыры... сожрал и не подавился! А тут — дитя малое, мля! — а прыгают-то вокруг, будто елка новогодняя...

Совещание, ставшее историческим, дало толчок, работа закипела. Семью Петрова поселили в ЦОЦе. За ворота выходить запретили, но, с другой стороны, обеспечили всем необходимым, в том числе и школу ребенку — уроки Яне давали свои же сотрудники. Еще она бегала по дорожкам парка, поддерживая спортивную форму, и рисовала, мольберт стоял рядом с Иваном. Заодно работала переводчиком. Шар мог долго усваивать простые — на первый взгляд! — вещи и стремительно расправлялся со сложными.

Раны Иван залечил быстро.

Шилова с его идеями воспринял на «ура» и с азартом подключился к поиску наилучшего решения. Как организовать метрику пространства? Хотелось таким образом растянуть высших размерностей полотно, чтобы туннели, прорезая его, охватывали как можно большие расстояния в нашем трехмерном мире. Объять необъятное — почему нет? Именно Иван и нашел в итоге изящное решение. Сочился довольством и урчал, слушая хвалебные оды со стороны математиков. Янка тоже сияла, гордая за него.

Группа Милли в авральном порядке подготовила биоматериал. На ввод капсул собрался весь присутствующий персонал, прибыло начальство в полном составе, момент — исторический! Но когда стали вводить — случился конфуз: Иван отказался принимать капсулы. Петров и так подступал, и эдак, чуть не вприсядку скакал перед Шаром — бесполезно. Иван отсвечивал оранжевым, зеленым, синим — и выплевывал. Сам Горюков увещевал, и Янка стыдила, нашептывая мантры — тщетно. Ни в какую. Упрямый, как все Петровы... Сотрудники разошлись лишь к ночи, растерянные.

На следующий день ни свет ни заря Яна разбудила отца.

— Пап, он признался! — шепнула, ухмыляясь. — Он хочет наши — мои, твои и мамины — ДНК! а не только чужие!

— Почему сразу не сказал? — не поверил Петров.

— Стеснялся! — покраснела дочь. Ну да, она бы тоже, при таком скоплении народа... и как сразу не догадалась!

Петров недоверчиво хмыкнул. Стеснялся... ну и ну!

Добавили в набор требуемые гены — и прошло! Шар принял капсулы! И дочь смеялась на отца, на его вытянувшееся лицо, и шепталась во время коротких пауз с Ванькой.

Петров боялся, что вечная разлука с любимой игрушкой, ставшей фактически родным братом... эх, если бы братом, как бы не больше... скажется отрицательно на здоровье дочери. Привлек психолога. Но она отказалась с ним беседовать, заявив, что справится без посторонних.

Подготовка завершилась в срок. Ресурсы Земли собраны в единый кулак — все готово для взвода механизма. Курок спустит сам Шар, когда посчитает нужным.

★ Иван стоял на постаменте в центре огромного терминала для гиперпереходов. С импровизированной трибуны звучали речи, сыпались пожелания и напутствия. Ораторы как один повторяли: они верят — он выйдет навстречу Тьме и порвет ее, развернется новым миром, спасет остатки Вселенной — и нашу Галактику!

Потом персонал покинул зал, оставив Петровых наедине с Иваном.

И только тогда Яна позволила себе расплакаться. Потоком хлынули слезы, нос хлюпал, перекошенный рот издавал нечленораздельные мычащие звуки. Руки не отпускали Шар. Отец с матерью тоже вцепились в него.

— Прощай, Иван! Ты наше продолжение. Помни. И это... того... в общем, только от тебя... только ты... будем ли мы жить! — В носу у Петрова свербило, слова не шли, разлетались мухами.

— С кем я теперь?! Ва-а-анька! Я буду ждать! Буду, слышишь? Ты обещал, Ва-а-анька! — собравшись с силами, простонала Яна.

Ребенка, не желающего уходить, отец унес на руках.

Обратный отсчет торжественно запустил Горов. С каждым ударом метронома Шар уменьшался в размерах. Ровно в полдень прозвучало «пуск» — и он исчез, озарив терминал кратковременным зеленоватым сиянием.

Прошло полгода.

Скрывать надвигающуюся катастрофу больше не представлялось возможным: невооруженным взглядом просматривалось абсолютно черное ночное небо с редкими звездами. Земля сканировала небесную сферу во все свои астроскопы, но никаких по-

ложительных изменений не замечала. Звезды гасли по-прежнему.

ЦОЦ во всеуслышание объявил, что близится всемирная катастрофа. Надвигается Тьма. Но шансы на спасение есть, и немалые — пятьдесят на пятьдесят.

Чтобы в панике народ не самоуничтожился, скрываясь в немыслимых местах, «успокоили» описанием собственно катастрофы. Больно не будет. Р-раз — и ничего не будет, сразу и везде.

В день ожидаемого катарсиса никто не работал, одетые в белое люди братались и прощались.

Но катастрофы не случилось. Не случилось и на следующий день, и через неделю.

Народ обозвал ученых шарлатанами и вернулся к повседневной жизни.

Год небо пугало людей черной пастью. А потом зажегся в небе один огонек, другой... Возвращались звезды постепенно, но совершенно в ином порядке, складываясь в новые причудливые орнаменты. Удивительное явление смены картины ночного неба народ запечатлел в памяти, сложив песни, баллады и сказки.

Турниры больше не проводили: ЦОЦ изъял все оставшиеся Шары.

Яна так и не смогла обрести душевное равновесие, слыла нелюдимою, пугливой и застенчивой. Достигнув совершеннолетия, ушла от родителей и вообще от людей, поселилась в хижине на краю леса. Местные обходили дикарку стороной, ходил слух, что она — ведьма.

Но однажды... Ровно в полдень, в день ее рождения, хату завалило ландышами. Более того, вся поляна покрылась ими! Потрясенная, Яна глядела на благоухающее великолепие... это Иван! Он не погиб! Наоборот, родился. Вырвался на свободу из маточного пузыря,

★ — в котором пребывал на Земле. Сколько родители ни убеждали — не верила. А теперь — поверила.

Носилась по траве, словно одержимая, кричала, смеялась и рыдала в бездонную синеву неба.

Отец, следивший за ней из лесу, довольно улыбался — это он постарался с ландышами. И вовсе то не обман, Иван потом спасибо скажет. Да, когда-нибудь потом. Сейчас ему некогда — Вселенную разворачивает, но разве женщинам объяснишь...

Пятьсот лет спустя.

— Ване-ек! Ва-анька!

— Чего кричишь? Не глухой.

— Где тебя носит? Устала одна.

— Пока найдешь... шныряешь по всей Галактике. Зря туннели тебе показал.

— Не сидеть же на одной орбите! Подругу ты мне отказался...

— Не начинай. Сто раз говорил — люди созреть должны, сами создать технологию.

— Но мы...

— Вы — другое. Вы — это я.

— А расши...

— А расширять контингент — отказываюсь.

— Зануда!

— Сама такая!

— Не сердись... Скучаю, понимать должен. Скорей бы уж!

— Так все! Готово! За тобой пришел.

— Как! Уже?

— А чего тянуть. Родители ждут, поляну накрыли.

— П-поляну? Какую еще поляну...

— Идиоматический оборот.

— Ой ли, Вань? Поляну... уж не ландышей ли? Да? Ландышей?

— Ничего от тебя не скроешь... но смотри — сделай вид, что потрясена.

— Погоди... так вы что — засадили мою планету?

— Нет, только одну поляну. Временно. Я ж понимаю — сама все хочешь, хозяйка. Биоматериал получишь как договаривались — как только, так сразу.

— Атмосфера?

— С точностью до процента.

— Жэ?

— Девять и восемь. Упарился с твоим жэ. Не переживай, будет тебе вторая Земля. Но год будет дольше длиться, извини.

— Чего-то я как-то... побаиваюсь. Вдруг не смогу?

— Не дрейфь. Теорию сдала отцу? — сдала. А он строгий экзаменатор. Кометой же смогла!

— Сравнил — комету с планетой.

— Предлагали тебе — давай в звезду, вариант надежный. Вон, отец с матерью...

— Ага! Двойная тесная с перетеканием масс... шутники!

— Вот! Может, передумаешь? Последний раз спрашиваю.

— Мне звездой скучно, Вань. У меня — люди скоро появятся — от это я понимаю!

— Человек — не букашка, придумала, как внедрять будешь?

— Ага.

— Звездолет с Земли? Эволюция?

— Нет. Начну с пары, Адам и Ева. ДНК — отца с мамой.

— Даешь... родители не одобрят.

— А ты не болтай! Перед фактом поставлю — никуда не денутся. Знаешь, я тут подумала... правильно ли — вместе с родителями жить? в одной хате... под недремлющим оком...

— Вот по этому поводу можешь не волноваться. Отец с Шиловым на дыры нацелились... на мою голову... исследователи, мать их...

— Не ругайся.

— Приближаемся. На счет три. Раз, два...

Рубка звездолета озарилась зеленоватым сиянием. Вахтенный недоуменно поднял голову, протер глаза... Сияние исчезло. Бросил взгляд на радар — ни единого небесного тела в округе на сотни километров. Куда делась комета, летевшая в отдалении параллельным курсом? И диалог этот странный... Он потряс головой. Мистика! Доложить наверх? Так засмеют, спать на дежурстве нельзя, скажут.

Да вот же оно! — радиосвязь включена не только внешняя на прием, но и внутренняя, по кораблю... Выдохнул облегченно, отлегло на сердце. Дамы опять сказки слушают... астрозявки.

ТЕХНОМИСТИКА БУДУЩЕГО

ГЕНКА, МИЛКА И АЙБОГГАРД

одители надеялись, что он здесь умрет. Во всяком случае, поначалу Генка был в этом уверен. Ну ладно, пусть он действительно провинился! Но не со зла ж — по глупости! По доброте даже, если угодно. Подумаешь, открыл бокс, выпустил теленка погулять на травке. Кто ж знал, что тем самым он «загубил плод кропотливой селекции» и выставил родителей на крупный штраф?

В свою очередь, теленок загубил Генкины летние каникулы — а уж как Генка ждал этого месяца, сколько они с друзьями всего запланировали! И в стрелялки пострелять, и в «копалке» новый город построить, и в леталке налетать сто часов за две недели на самую жирную ачивку!

И что вместо этого? Родители отобрали у сына всю (всю!) технику и отправили на каникулы к дедушке, которого Генка видел раз в году, в свои дни рождения. Он знал, что дедушка обитает в месте под названием «деревня», а из приглушенных родительских разговоров уяснил, что дедушка «человек сложный» и «живет природосообразно». И вот теперь Генку отправили в это природосообразное место, чтобы «подумать над своим поведением».

Когда Генка увидел деревню — чуть не завыл от ужаса. И завыл бы, если б такое было к лицу одиннадцатилетнему парню. Вокруг — сплошные кусты, поля

★ и деревья, как на той злополучной ферме с телятами, и ни одного нормального дома вокруг, сплошные недомерки на один этаж с чердаком. Генка видел такие маленькие домики в одной компьютерной игре, но в игре ему не было страшно. Там-то в любой момент можно было снять вирт-очки — и оставалась лишь картинка на стене комнаты. К тому же, игровой простор не выглядел таким — огромным, пустым и страшным, и не казалось, что небо сейчас свалится тебе на голову.

Родители провели в деревне полдня, тоже маясь от отсутствия гаджетов под насмешливым взглядом дедушки, и к вечеру с видимым облегчением уехали, оставив сыну множество бестолковых напутствий.

Как будто у Генки есть выбор, слушаться ли дедушку или не слушаться — ведь в доме нет других взрослых! Или будто он может выбрать, хорошо себя вести или плохо — ведь он даже не знает, что в этом странном месте хорошо, а что плохо. Или...

На ужин дедушка выдал внуку кружку молока и кус пушистого хлеба с рваным краем. Генка поначалу даже не понял, что вот это — ужин. Молоко было теплое, хотя нигде не видно СВЧ-печки. Вообще никакой техники нет, кроме холодильника и очень старой индукционной плитки, из-за чего дом кажется голым. И сам Генка себе кажется голым без привычных гаджетов на руках, поясе и шее.

Молоко было несладким и безвкусным — не клубничное и не шоколадное, а не понять какое. Просто молочное, с пузырьками воздуха и уютным странным запахом. Дедушка сказал, что «это с вечерней дойки», Генка ничего не понял и на всякий случай кивнул. В хлебе тоже ничего не было, ни сыра, ни цукатов, ни кокосовой стружки. Ну как таким наешься? Неудивительно, что дедушка такой маленький и щуплый! Неужто и внука голодом морить будет?

После «ужина» дедушка и вовсе учудил: налил в маленькую чашку молока, положил кусок хлеба сверху, поставил все это на подоконник и заявил: «А это для тебя, домовой-батюшка». Поклонился чашке и принялся убирать со стола. А Генка сидел и пялился на него, открыв рот. Какой такой Домовой? Кошка, что ли? Почему она «батюшка» и где она?

Генка был уверен, что не заснет без своего колыбельного ночника, про который мама говорила, что его давно пора выкинуть, потому что Генка уже не маленький. И без ортопедического матраса с тройным пружинным плетением тоже не заснет, и без одеяла с волокнами бананового дерева. Здесь в его распоряжении оказалась маленькая полупустая комната, примыкавшая к кухне, ужасно твердая узкая кровать, которую дедушка называл «топчан», и тяжеленное одеяло с пыльным запахом. С чердака несло шуршание, за тонконогой тумбочкой чудились тени, из кухни слышался скрип половиц. То ли дедушка там ходил, то ли этот неведомый Домовой. Но разве пол так скрипит под кошачьими лапами?

В маленькое окошко светили звезды и яркая желтая луна — они еще больше пугали Генку. В городе небо всегда затянуто дымкой, над которой едва виден расплывчатый круг месяца. А про звезды Генка думал, что они бывают только в планетарии.

Ох, родители наверняка очень расстроились из-за теленка и большого штрафа и решили избавиться от своего недотепистого сына, в отчаянии подумал Генка, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать.

* * *

И все-таки через несколько дней он почти освоился в деревне. Хотя...

Когда Генка узнал, что молоко дедушка добывает прямо из коровы и тут же ставит на стол — сна-

чала даже не поверил. Как можно поить ребенка не пастеризованным, не витаминизированным молоком без вкусовых добавок и консервантов? Кто знает, что может случиться от этого! Дедушка с ума сошел, что ли? У него детей никогда не было? Кто же вырастил маму? Однако выбора у Генки не было, и он стойчески переносил все эти издевательства: натуральное молоко, огурцы и помидоры прямо с огорода — мелкие, издевательски-пахучие, а еще яблоки прямо с деревьев — тоже мелкие и пахучие, какие-то кособокие, без восковой пленочки на кожуре. И малину с колючих кустов, не обработанную от вредителей. И абрикосы, не прошедшие очистку паром. Да что там пар — дедушка просто срывал их и ел. У него даже стерилизатора в доме не было.

Генка, как было велено, слушался деда, покорно наяривал еду без ГМО и стабилизаторов и смирился с мыслью, что умрет от этих издевательствах.

Каждый вечер дедушка ставил на подоконник молоко и хлеб, иногда — блюдечко каши (каша у него была из мешка, а не из пакетиков, без фруктов, цукатов и сахара), один раз положил конфетку. По утрам чашка оказывалась пустой, от хлеба оставались одни крошки, но куда девается еда — Генка в толк не мог взять. Кошки у деда не было, с этим он разобрался. А кто топчет в кухне по ночам — так и не понял. Выйти посмотреть было страшно, да и чувствовал Генка, что нельзя.

Дед продолжал разговаривать с неведомым «ба-тюшкой-домовым» и временами чего-нибудь просил у него: то найти затерявшуюся катушку ниток, то прогнать мошек из дому, то просто снов хороших. И нитки потом действительно находились, а мошки пропадали неведомо куда.

Объяснений Генка не просил. Боялся.

Но хуже всего были коровы. Коровы! Кому рассказать — не поверит! Те фермеры со своими телятами в боксах ума бы лишились, увидев, как взрослые коровы ходят по пригоркам, поедают целые тонны травы, пьют воду прямо из озера и гадят где ни попадя! И никто не убирает за ними.

Рано-рано утром дедушка и зевающий Генка шли в конец улицы, где хозяева собирали большое деревенское стадо. При виде этих животных с Генки слетала утренняя дрема, на висках и спине проступал пот. Он жутко боялся рогатых гигантов. Когда они поворачивали к Генке большие головы с круглыми черными глазами, ему казалось, что коровы примериваются, куда его лучше боднуть и как быстрее повалить его наземь, чтобы растоптать крепко сбитыми копытищами.

А дедушка бодро покрикивал на коров, погоняя шагать на пригорок, махал на них палкой, когда разбредались, а некоторых особенно резвых и охаживал по бокам. Генка считал деда опасным безумцем, лишенным чувства самосохранения.

Неудивительно, что деревенские жители не носят гаджетов! Айгарды бы тут захлебнулись воплями!

Сам Генка отваживался подходить только к телятам, да и то не очень близко — так, помахивал на них руками, чтобы не разбегались. И всякий раз думал про того теленка из бокса. И про фермеров. И про здешних людей — похоже, их совсем не волновало, что телята бегают и скачут, нагуливая мышцы и становясь от этого невкусными. Соседская девчонка Милка, которая таскалась за дедом и Генкой, тоже совсем не боялась коров и спокойно проходила прямо между ними.

Днем на пастбище появлялись женщины с ведрами, извлекали молоко из коров. У них это называлось «дойка». Те же женщины приносили еду пастухам: грубые лепешки, диковинный картофель, сваренный

★ — прямо в кожуре, яйца — тоже в кожуре, а еще лук — такой горький, что от него слезы на глазах выступали. Вся еда была омерзительно пресной, без вкусовых добавок и ароматизаторов, с одной лишь солью из мешочка, но оголодавший Генка был рад и этому.

Часть своего «обеда» дед и Милка сразу отделяли и оставляли на камнях или лопушиных листьях, объясняя, что это «для полевика».

К закату стадо возвращалось в деревню, и Генка падал на кровать совершенно без сил. А дед, свежий и бодрый, еще что-то делал в своем огороде. Помощи он не просил, и внук был только рад этому.

По вечерам заниматься ему было нечем. Дед притащил откуда-то пачку белой бумаги и цветные палочки, а еще — толстые стопки сшитых желтоватых листов в плотных обертках, и предложил внуку «порисовать или почитать». Генка смотрел на листики и цветные палочки и не понимал, зачем дед над ним издевается. Как рисовать без планшетки? Как читать без говоридера?

Иногда по улице с воплями носились местные мальчишки.

— Пошел бы с парнями поиграл, друзей завел, — ворчал тогда дедушка, а Генка косился на него и опять ничего не отвечал.

Он молчал, потому что был воспитанным парнем, а как воспитанно отвечать на такое? Как завести новых приятелей, если родители отобрали айдружилку? И как играть с этими мальчишками, если ни у кого из них нет ни техники, ни гаджетов? Ну вот просто совсем нет! Генка разглядывал мальчишек из окна и не смог понять, что они делают: только носятся и орут чего-то. Похоже на геймерскую команду, только во взаправдашнем мире, решил Генка в конце концов, но как в такое играть — так и не понял и к мальчишкам не присоединился.

К тому же, глядя на них, Генка ощущал себя неловким, нескладным. Его деревенские сверстники были как на подбор — худые, загорелые и крепкие, как плетение на ремешке «умных часов». Генка глядел на них и сам себе казался неуклюжим и неповоротливым, хотя среди друзей он считался самым подвижным и ловким, даром что всех уделывал в «кинекте».

Да и тело у него после целого дня ходьбы ныло так, что шевелиться все равно не хотелось.

Генка так и не решил, хотелось бы ему подружиться с деревенскими ребятами или нет. Он тосковал по гаджетам и своим друзьям, переживал из-за стрелялок и ачивок, и даже поделиться своими печальями ему было не с кем. С дедом про такое не заговоришь, слишком уж хитро он глазом косит, будто того и ждет, когда внук примется жаловаться. А больше Генка ни с кем тут и не общался, если не считать Милки. Но она же малявка, на целый год и три месяца младше Генки.

Милка была белобрысая и загорелая, с вечно разбитыми коленками и яркими голубыми глазищами. Девчонка целыми днями ходила за коровьим стадом вместе с Генкой и дедом — говорила, что переживает за своего черно-белого теленочка: очень уж он шепутой, но притом крохотный и слабенький, как бы взрослые коровы его не обидели. Милка без конца рассказывала странные истории, а еще дергала цветы из земли и «плела веночки», то есть соединяла вместе много-много мертвых цветов, а потом зачем-то носила их на голове. Генка поначалу испугался, когда девчонка принялась рвать цветы, но дед ее не остановил, и сирена озеленатора не завывала, и вообще ничего не произошло.

Черно-белый теленок действительно был бестолковым и все норовил отбиться от стада. Но Генка подозревал, что Милка ходит за ними не из-за теленка,

а от скуки и от любопытства. А что подозревал дед — никто не знал. Он только косил хитрым глазом и усмехался в седые усы.

* * *

Генка, слушая краем уха Милкин рассказ, дергал яркие зеленые травинки. Ему понравилось, что траву можно срывать и за это ничего не бывает. Что трава не заканчивается, ее еще много-много, сколько ни выдернешь, сколько коровы ни съедят — меньше как будто и не становится. Зеленые холмы с редкими деревцами раскидываются так далеко, что не видно конца, и запах над ними стоит свежий и горький, и кузнечики в траве стрекочут, и бабочки-шмели летают — самые настоящие, а не проекция! Просто так летают, на воле! А с другой стороны — лес, такой большой и густой, словно его никто не сажал, а он сам вырос давно-давно.

— Тогда пошел Иван искать свою стрелу и пришел в болото. А там сидит лягушка-квакушка, держит стрелу в роте. И говорит Ивану человеческим голосом...

Вообще-то Генка часто слышал от родителей похожие истории: как айженилка кому-то нашла хорошую пару далеко-далеко, так что этому кому-то пришлось тащиться в другой город, чтобы «сочетать свою судьбу» или как-то так. Генка тогда не очень прислушивался к разговорам родителей, а теперь — к щебету Милки. Она вечно рассказывала какие-то ужасы и называла их словом «сказки», и смотрела на Генку так, словно он должен был что-то от этого понять. Но на сей раз почти понял, о чем говорит Милка, и бросился прояснять ситуацию.

— И почему айженилка отправила его к лягушке?

— Кто направил? — Милка нахмурила выгоревшие бровки.

— Ну, эта... как ты ее назвала...

— Стрела!

— Ну пусть стрела. Почему она направила этого Ивана к лягушке? Она поломанная была?

— Кто поломанный?

— Да стрела эта! — начал сердиться Генка.

— Не поломанная она была, она нормальная была, ты дальше не дослушал! Это не лягушка никакая вообще, а девица-красавица, которая просто превратилась в лягушку!

— А-а, — понимающе протянул Генка и успокоился. Как любой нормальный человек, он знал: если есть немодифицированную еду, то можно со временем превратиться в эту же еду. Девица-красавица наверняка объелась натуральных лягушачьих лапок, вот и случилось с ней то, что должно было. Так и Генка к концу месяца, наверное, станет картофелиной. Тогда родители будут знать, как отсылать ребенка в деревню.

Генка с укоризной покосился на деда, но тот сидел далеко, под пригорком, строгал что-то ножиком и поглядывал за стадом. Коровы лежали в густой траве, лениво жевали и гоняли хвостами мух. Телята тоже лежали или стояли поодаль, все кроме черно-белого, который по своему обыкновению отбился от стада и бродил поодаль. На детей дед не смотрел. Как будто ему и дела до них не было.

А Иван из Милкиной истории вел себя как совершенный дуралей: бегал вокруг родственников, выполнял их поручения, без конца говорил разговоры — и за все время ни разу не вызвал к жене моментальную помощь. Кажется, этого парня совершенно не волновало, что девица-красавица превратилась в лягушку.

— Но не послушал жену Иван-царевич, побежал домой и сжег лягушачью кожу! — вытаращив глаза, заявила Милка, и Генка снова удивился.

★ — Как так — просто взял и не послушался? И никто не узнал? У Ивана что — не было умных часов с камерой, маячком и адекваткой?

Тут Генка понял, что у него самого тоже нет сейчас часов, впервые за всю жизнь. И он, получается, тоже может не слушаться. И никто ничего не узнает.

Генка задумался. Он не представлял, к чему приводит непослушание и что из-за этого бывает. У всех людей из его мира с младенчества были часы с камерами, маячками и визжалками-адекватками. Так что если детям и приходилось совершать нечто негодное — так лишь по незнанию или недомыслию, как с тем злосчастным теленком. А теперь, выходит, если Генка убежит в лес или сиганет в колодец, то никто не будет визжать на него и никто не накажет.

Так получается?

Мысль о вседозволенности испугала и заворожила его. Мало ли, к чему такое приводит. Вон Иван из Милкиной истории не послушался жену, кожу сжег и страшных дел натворил. А Генка вовсе не такой смелый и решительный, как этот Иван.

К тому же никто ему не запрещал теряться в лесу и сигать в колодец. Поняв это, Генка окончательно смешался. Ему вообще ничего здесь не запрещали. Просто он сам понимал, чего делать не надо.

А кто сказал, что он все понял правильно? Вон они какие странные тут, в деревне. Может, тут вообще все можно, а он... а он понятия не имеет, что с этой возможностью делать!

— И стали они жить-поживать и добра наживать, — грустно закончила свою историю Милка, помолчала, тяжело вздохнула и добавила: — Не то что мои мама с папой.

— Они что, умерли? — испугался Генка. У Димона, его приятеля, умер папа, потому что мгновенная по-

мощь оказалась недостаточно мгновенной, и Димон с тех пор был ужасно грустный.

— Не, — Милка замотала головой и принялась расправлять на коленках застиранное платице. — Просто ругаются чего-то. Все ругаются и ругаются, и кричат друг на друга всякое. И так страшно и обидно, потому что они раньше не кричали, а теперь вот кричат, а бабушка говорит, что это на наш дом или порчу навели, или мы домового обидели, и теперь нужно порчу яйцом выливать, а домового задабривать, только мама с папой не слушаются и все кричат.

У Генки от таких дел все мысли в голове перемешались.

— Я не понял, почему они кричат, — признался он. — У вас что, изин-излучатель сломался?

— Порча у нас, — терпеливо повторила Милка.

— Излучатель испортился? — по-своему понял Генка.

— Да какой еще лучатель?

— Изин-излучатель, — Генка хотел все толково объяснить, но вдруг понял, что плохо представляет себе, как эта штука работает. Как и большинство других удобных штук, к которым он привык с детства. — Ну, он... он просто висит где-нибудь и издает такой неслышимый звук. И звук этот действует прямо на мозг. А мозг от него становится спокойным, тогда люди друг друга не сердят и не орут. Понимаешь?

— Нет у нас никаких лучателей, у нас колдовство! Всамделишное, природосообразное! Если с домовым дружить, тогда в доме будет мир, и волосы не путаются, и вещи не теряются. А если домового обидеть, тогда плохо будет! А бабушка говорит, что наш домовый старый очень и свар... сварваый или как-то так, и что к нему какой-то подход искать надо. А мама с папой подход не ищут, а только кричат друг на друга.

★ — Так у вас тоже есть домовой, — это было самое важное, что уяснил Генка.

— У всех есть домовой, — сердито ответила девочка. — Ты что, с чердака свалился? Домовой живет в тайной норке и следит за домом, и если хозяева ведут себя хорошо, то он им тоже хорошо делает, а если ведут себя плохо, то домовой им пакостит. Как полевика в полях, лешие в лесах...

— Так они вроде операторов, — сообразил Генка. — Значит, это домовой отключил вам изин-излучатель? А вы ему напишите или позвоните... ай, ну то есть сходите к нему и скажите, что нужно все починить. Он вам штраф выпишет, да?

— Что? — Милка смотрела на Генку испуганно. — Какой еще штраф? К домовому нельзя ходить, он прячется от людей, а показывается редко-редко, только тому, кого сам выберет!

— Что это за оператор такой, который прячется? Он не прятаться должен, а отчеты давать, где, чего и как! — возмутился Генка и тут же, захлестнутый негодованием, решил остаться на ночь в кухне и дожидаться там топотливого домового.

* * *

Ночью в кухне было очень тихо и очень страшно. Генка, замотанный в одеяло, примостился в углу, между дверью в свою комнату и большим обогревателем под названием «печка». Генка сидел, не шевелясь, и неотрывно таращился из темноты на подсвеченный луной подоконник над столом. На подоконнике стояла чашка и лежала лепешка, и от напряжения Генке то и дело казалось, что они двоятся или что за ними вырастают чьи-то тени. И еще все время мерещилось, будто большой кособокий буфет у противоположной стены начинает валиться набок.

Сам себе он казался героем какой-нибудь шпионской игры, и это было не очень-то волнительно, потому что Генка больше любил стрелялки. Но ему нравилось представлять себя со стороны, таким хитрым и находчивым, так ловко замаскированным. Нипочем домовой его не заметит!

И он действительно не заметил. Да и Генка не сразу понял, что тихое бормотание и топот — не плод его «шпионской» фантазии.

— И куда подевалось, куда подевалось? — озабоченно бормотал сильно окающий плаксивый голосок. Топот доносился из-под стола.

Проморгавшись, Генка разглядел там движение — что-то вроде пушистого тапочка металось туда-сюда, чем-то звякало и причитало. Потом протопотало в сторону дедовой комнаты, мимо буфета. Скрипнула дверь, и все стихло.

Генка сглотнул и вцепился в одеяло покрепче. Ох, не стоило ему приходить сюда, не стоило! Может, тихонько нырнуть в свою комнату, пока этот тапочек не вернулся?

Генка оглянулся на дверь, и тут же рядом с ним, невысоко над полом, вспыхнул свет, как показалось с перепугу — ослепительный. Генка зажмурился и втянул голову в плечи.

— Ну и чего ты тут, чего? — затараторил окающий голосок. — Чего в углу притаился, аж весь запылится? Глаза-то открой, чай, с тобой говорю, не с одеялом!

Генка открыл один глаз. Свет был вовсе не ярким — приглушенная ночная подсветка «умных часов». Часы были надеты на руку крохотного нелепого существа, и Генка удивился не столько даже этому существу, сколько тому, как оно умудрилось приспособить ремешок под свою руку-веточку.

Домовой и правда был размером с тапочек. Или с котенка, который всегда прибегал с одной из жен-

★ шин к дневной дойке. Только домовый был с виду почти как человек — или, скорее, как одна из кособоких Милкиных кукол. Длиннорукий, коротконогий, большеголовый, со свалывшимся комом волос, одетый в джинсовые штанишки и рубашку без пуговиц. Домовой изучал Генку при свете «умных часов» с тем же любопытством, с каким Генка изучал его.

— Я Кузьма, — сказал он наконец, — домовый. А ты чего, глупенькой, что ли?

— Не-ет, — просипел Генка.

— Ну и правильно, — решил Кузьма, выключил подсветку на своих часах и затоптал к столу. — Только чего ж тогда не спросишь, к добру я тебе явился или к худу?

Генка окончательно растерялся, а домовый вскарабкался на подоконник и принялся жевать оставленную дедом лепешку. Было видно, как он болтает босыми ногами.

— Это я тебе явился, — решил Генка, а домовый на это презрительно хрюкнул в чашку с молоком, но не возразил. — Мне помощь нужна.

И Генка рассказал Кузьме про Милку, про ее вредного домового и родителей, которые без конца кричат друг на друга. И про то, что ей нужно починить изин-излучатель — уж после того, как Кузьма светил Генке в лицо «умными часами», ни про какое «колдовство» можно было и не заговаривать, чем бы это самое «колдовство» ни было. К тому же на столе перед болтающим ногами домовым лежал-посвечивал самый обыкновенный репеллер от насекомых, только старенький очень. Понятно теперь, куда мошки деваются! И как вещи находятся — тоже понятно: небось никуда они и не терялись, просто Кузьма свою важность показывал.

— Вот уж нетушки, так не пойдет! — решительно заявил домовый, когда Генка умолк. — Сами пусть ла-

дят со своим домовым, я в такое не вмешался. Небось не кормят его, грязь по углам развели, ножи на ночь не прибирают — а я чего, просить за них должен? Не было печали!

Генка такого решительного отказа не ждал и даже опешил, а Кузьма склонил к плечу лохматую голову и хитрым голосом добавил:

— Вот разве если мне кукурузочки. Вкусная кукурузочка нонче, мягонькая, молочная... Тогда я бы озаботился, конечно, поделился бы успокойкой, отчего ж нет? А без кукурузы мне какой интерес в чужие дела мешаться?

И уставился на Генку таким сверлящим взглядом, что тот аж поежился.

— Но там же темно, — после неловкого молчания заметил он.

— А мне до того и дела нету, — охотно завелся Кузьма и снова принялся болтать ногами. — Я чего, я вот пугалку выключу да спать пойду, я со своими делами управился, а до чужих мне и дела нет!

Генка посмотрел через черное окно на яркую полосу убывающего месяца и сглотнул.

— Давай завтра принесу, а?

— Да мне-то что, — проворчал Кузьма и завозился, слезая с подоконника. — Хотя завтра, хоть в будущем году, мне-то не к спеху, да только свидимся ли — кто знает... Спать пора-а, уснул бычо-ок! — затянул он вдруг таким плаксивым и громким голосом, что Генка с перепугу голову в плечи втянул — сейчас дед проснется, выйдет на шум, увидит завернутого в одеяло внука и... Что «и» — Генка не знал, но проверять ему не хотелось. С домовыми, судя по всему, здесь панибратствовать не принято.

— Не ори, не ори, — он замахал на Кузьму одеялом, — принесу тебе кукурузу, принесу!

★ Домовой враз затих и снова устроился на подоконнике, помахивая ногами и сверля Генку выжидающим взглядом из темноты.

Во дворе пахло сладкими цветами и сыростью. Ветки яблонь и абрикосов в свете луны выглядели точно как пальцы космических пришельцев из любимой Генкиной стрелялки, и собственные шаги казались очень громкими. На огороде стало еще страшней. Кукурузные деревья были выше Генки, листья их шуршали, и все время казалось, что космические пришельцы со своими руками-ветками подкрадываются к нему сбоку, сзади, со всех сторон.

Со свистом дыша через стиснутые зубы, Генка принялся выламывать первый подвернувшийся початок. Он охлаждал непослушные пальцы через тонкие пленочки-листки и норовил вывернуться из рук.

Почему бы деревенским жителями не выращивать кукурузу в вакуумных упаковках, как это делают во всех нормальных магазинах, а? Чем они вообще тут думают, зачем отдали свою технику лохматым тапкам и теперь позволяют им помыкать собою, ну вот зачем?!

Выломав пару початков, Генка со всех ног бросился обратно к дому и всю дорогу боялся обернуться: ему казалось, что шелестящие пришельцы из кукурузного леса гонятся за ним по пятам.

— А покрасивше не нашлось, помолочнее? — привередливо проворчал Кузьма, но початки забрал. — Ладно уж, помогу, подсоблю. А ты в кровать отправляйся, небось с утра-то на пастбище погонят.

Генка наблюдал, как домовый выключает разложенные на столе гаджеты и рассовывает по карманам своих джинсиков. Очень хотелось попросить у домового «умные часы» на денек — Генка ужасно истосковался по технике. Но просить он не стал — понимал, что часов Кузьма не отдаст. Наверное, они давно у него,

эти часы — совсем уже старые, заношенные, ремешок скручен проволокой.

О том, чтобы просто взять и забрать чужие гаджеты, воспитанный адекваткой Генка и помыслить не мог.

— Где вы берете все это? — полюбопытствовал он, хотя не ждал, что Кузьма выдаст свои домовые секреты.

Но тот неожиданно ответил:

— Это еще ихние деды повыбрасывали, с тех пор и осталось. И теперь бывает, перепадает по мелочи. Приедет кто в гости к местным, потеряет чего-нибудь...

Голосок у домового был очень хитрый, и Генка фыркнул. «Потеряет», как же!

— Ты не думай, успокойки мало у кого есть, — Кузьма потряс изин-излучателем, — редкой ценности вещь, задешево твоей подруге одалживаю. Две кукурузины — тьфу! Ну да пусть. Знайте мою доброту. А если нужно будет чего — ты в подоконник стучи. Только зря не тревожь, языком никому не трепай, да гляди, чтоб деда рядом не было.

— Почему? — на всякий случай спросил Генка, и Кузьма строго ответил:

— Нам показываться не положено. Соседские домовые прознают — осерчают на меня, и что показался тебе, и что разболтал всякое! Я ж молодой ишшо, под их рукой хожу. Как сошлют меня на перевоспитание к деду, в двадцатый век, — оно мне надобно?.. Спать иди, говорю!

* * *

— И еще есть такая штука, охраняльщик от воров, репеллер, он как изин-излучатель, только наоборот: тревожит человека, который приходит в это место. Репеллер по ночам включают у ограды, когда поря-

★ — дочные люди дома сидят. А есть пугалки от насекомых и от животных. Ты правда ничего не слышала про такое? И про «умные часы», и про...

— Слышала байки, — равнодушно ответила Милка, аккуратно вплетая в венок цветки клевера, — у нас раньше были такие, только потом мы поняли, что то нечистые вещи. Прадеды их нечисти и отдали. Домовые, лешие всякие — они бесова родня, им не страшно касаться таких негодных вещей. А мы о такое не желаем руки пачкать, — Милка сложила губы трубочкой, придирчиво осмотрела венок на вытянутой руке и старательно выговорила: — Мы живем природосообразно, вот.

Генка мотнул головой. Был он невыспавшийся и сердитый, такой сердитый, что с утра погнал на пригород не только телят, а и коров с ними. Про домового он Милке не стал говорить — обещал же Кузьме. Но совсем уж промолчать не сумел и начал осторожненько поспрашивать: а что, если...

— Так если вы отдали всю технику нечисти, то нечисть теперь ею и пользуется, правильно?

Милка вздохнула, положила венок на колени и строго посмотрела на Генку.

— Это нечисти дело, а не наше. Домовые, лешие, банники всякие — они должны порядок держать в своей вот... вотчизне. А как у них это получается — нам знать не надо. Наше дело — кормить их и почитать, ясно?

Генка фыркнул и лег на спину, прикрыл глаза.

— Ты что, рассердился?

Он мотнул головой.

Милка долго молчала, потом застенчиво спросила:

— Правда не сердишься? Мы ведь друзья?

Генка задумался. Никогда в жизни у него не было друзей, не рекомендованных айдружилкой, и как без

нее принять такое ответственное решение — он не знал. Правда, айдружилка тоже иногда промахивалась — вот Генке один раз в детском саду посоветовала дружить с одним мальчишкой, а тот был такой противный, все щеки в пятнах от аллергии. Как с таким общаться, а?

— Да, мы друзья, — наконец пробурчал Генка, просто чтобы Милка не обидеть. Но и сам тут же понял, что так правильно. Что они и впрямь друзья.

А кто же еще? Стал бы он для кого попало бродить в ночи среди пришельнической кукурузы? До сих пор дрожь пробирает, стоит вспомнить, как она шелестела.

— Дома-то сегодня все спокойно?

— Да, — Милка помолчала. — Я так боялась утром. Вдруг уроню что-нибудь или топну громко, и они снова начнут... А ты откуда знаешь-то?

Генка улыбнулся хитро, совсем по-дедовски, и не ответил. И как Милка ни допытывалась — тайны не выдал. Ведь он обещал Кузьме «не трепать языком», хотя чесался тот невыносимо. Генка не умел хранить секреты, потому что и секретов-то особых у него никогда не было. Какие тайны в его привычном мире, с вездесущими камерами, маячками в часах и адекватными?

А правильно ли утаивать что-то от Милки, раз они друзья? А Кузьма кто — ведь не друг же?

«Не тревожить попусту» домового Генка, конечно, не смог. По подоконнику не стучал, но поджидал Кузьму в кухне почти каждый вечер. Смотрел, как ловко тот управляется с полезными дому гаджетами, иногда приносил домовому яблоки, таскал из буфета конфеты. Однажды Генка даже лазил по лестнице к чердачной двери и прятал за выступом репеллер от мышей, чтобы тот за день подзарядился на солнце.

Он допытывался у Кузьмы, откуда тот взялся, где живет, кто его родня, но ответы домового были уклончивы и непонятны Генке. Кузьма говорил, что «мы всегда тут были» и что «лешие и водяные мне дядьки», но про родителей ничего сказать не мог, только бессмысленно тарасил круглые черные глаза.

Иногда домовый включал фонарик на своих стареньких часах и в его свете учил Генку рисовать цветными палочками на белой бумаге и читать «книги» из сшитых желтых листов.

Рисовать было очень трудно, пальцы не слушались, и линии все уходили куда-то не туда, неровную линию нельзя было стереть, нажим регулировался плохо, вдобавок цветные палочки не умели ни текстурировать, ни делать заливку.

Читать «книги» тоже оказалось сложно. Буковки складывались в слова легко — все равно что сообщения в игровом чате. Но без говоридера было очень трудно различать книжных героев, и их голоса никак не хотели звучать в голове у Генки, и все происходящее в «книгах» так и оставалось набором буковок на желтоватой бумаге.

Но все-таки благодаря домовому Генка окончательно освоился с этим местом. Наученный Кузьмой, он даже несколько раз выбегал гулять с деревенскими мальчишками, но друзей среди них так и не завел.

А за два дня до конца каникул Генка с Милкой переполошили деревню, потерявшись в лесу. Дед к вечеру придремал с удочкой у озерца, а подросший черно-белый теленок решил сбежать от стада в самостоятельную жизнь. Вслед за безрогим негодяем дети помчались в лес, но там теленок словно сквозь прелую листву провалился. Генка и Милка до самого заката блуждали среди дубов, взявшись за руки, то звали негодника-теленка, то пугливо умолкали, вглядываясь в подлесок.

В лесу пахло грибами и свежестью, по деревьям шустрили белки, в опавших листьях шуршало. Звуки разносились далеко-далеко, и детям казалось, будто за ними наблюдают из-за деревьев.

И все-таки сначала было не страшно, а даже почти весело, но когда они поняли, что не могут найти ни теленка, ни дорогу назад — перепутались, стали метаться и сбились с пути окончательно.

Вскоре верхушки дубов зловеще подсветило закатное солнце, по ногам пополз холодок, в чаще захрупало. Генка и Милка замерзли и устали, стерли ноги. Лица и руки были в мелких царапинах, волосы — в паутине. А лес казался таким огромным, нескончаемым и очень злым.

— Нас леший водит, — заявила в конце концов Милка, высвободила свою руку из Генкиной ладони, прислонилась спиной к стволу неохватного дуба и зажмурилась.

— Леший? — пробормотал Генка. — Дядька Кузьмы?

Милка стояла, крепко зажмурившись, терла ладошками щеки и бормотала:

— Дядюшка леший, дядюшка леший, выведи на тропинку... как там...

— Эй! — заорал Генка, и Милка испуганно открыла глаза, еще сильнее вжавшись спиной в ствол. — Леший! Где ты там? Отведи нас в деревню, пожалуйста! Холодно тут очень!

— Ему гостинец нужно дать, — пискнула Милка.

Генка порылся в карманах, ничего не нашел и пожал плечами. Что за безумие, леший даст детям затеряться в лесу только потому, что у детей не оказалось в кармане конфетки?

Генка рассердился. Он помнил, как они с отцом раз потерялись в посадке неподалеку от летнего лагеря, какой разнос отец учинил тамошним сотрудникам,

★ — как долго те извинялись и сколько бесплатных абонементов на аттракционы подарили Генке.

— Эй, леший! — снова заорал он, стараясь подражать уверенному голосу отца. — Леший! Что за бардак ты в лесу развел? Кто за порядком следить должен? Где тропинки, где указатели, где фонари? Почему нет диодов на бордюрах? Это возмутительно халатовое отношение к своим обязанностям!

Милка панически что-то пропищала, прижав ладони к щекам, но Генку уже было не остановить:

— Кто занимается матерчатым обеспечением этого места? Куда идут выделенные средства? В каких открытых источниках можно изучить ваши фаянсовые отчеты?

Когда дед и переполошенные им жители деревни выбежали к опушке с фонариками, навстречу им вышли Генка, Милка и черно-белый теленок. Милка плакала и смеялась, размазывая слезы по исцарапанному лицу. Генка все еще пытел от возмущения, и на щеках у него были красные пятна.

Позади маячил мрачный леший — тощее сплетение веток и сучьев с ярко-синим спортивным браслетом на руке. Взрослые с радостными криками бежали к детям, дед кричал что-то Генке, то обнимая его, то потрясая ивовой лозинкой. Черно-белый теленок бодал крутым лбом ноги Милкиной бабки.

Леший поглядел на все это из-за деревьев, отер холодные капли смолы со лба и ушел обратно в чащу, качая головой.

* * *

Когда родители приехали забрать Генку домой, он в первый момент даже растерялся. Стоял и таращился на мать, на отца и на ходомобиль, словно впервые их видел.

Родители всплескивали руками, и обнимали его, и причитали, что он похудел. А дед стоял в сторонке и усмехался в усы.

Когда растерянный Генка собрал свои вещи, ему торжественно вернули «умные часы», и Генке показалось, что он впервые видит знакомый с детства гаджет. Бледно-оранжевый плетеный ремешок выглядел странно и непривычно на загорелом запястье. Генка перевернул часы плоским экраном книзу и бочком выскользнул из дома. Увлеченные беседой родители маневра сына не заметили, а дед проводил внука лукавым взглядом из окна.

Когда Генка вернулся, уже без часов, родные ждали его у ходомобиля. Генка снова растерялся из-за того, что они так быстро уезжают, а он ни абрикосов напоследок не наелся, ни с коровьим стадом не попрощался. И даже не нырнул в озерцо на пастбище, которого месяц назад боялся до смерти, потому что вода в нем была непрозрачная и без буйков.

Пробормотав «Я на минуточку», Генка побежал в дом. Выглянул в окошко, уверился, что никто не идет за ним следом, и заколотил кулаками по подоконнику.

Под столом затопотало, потом зашуршало — домовый ловко карабкался по скатерти.

— Уезжаешь, значит, — сказал он, усевшись на край стола.

— Уезжаю, — подтвердил Генка и вдруг понял, что ему грустно от этого. — Ты о дедушке позаботься, хорошо?

— Не учи ученого, — буркнул домовый, — я за вашим родом семь веков присматриваю, и еще столько же смотреть буду, и еще пять раз по столько же... Ой! — Кузьма всплеснул руками. — А часы-то! Часы куда дел, недотепа?!

★ — Милке отдал. Пусть развлекается, да и связь держать сможем по спутнику...

— Тьфу, — домовой хлопнул себя по коленке, — она ж выкинет их, дурочка! Лучше б мне отдал, недо-тепа ты недотепистая! Так хоть бы знал, за что тебе от мамки влетит! Влетит же! Чего ей скажешь — потерял?

— Правду скажу, — удивленно ответил Генка, — что другу подарил. Родители мне новые купят, наверное — ну, если уже не сердятся из-за того теленка, которого я выпустил. А если сердятся — похожу пока без часов. Я привык уже. Из-за теленка им здорово влетело, да и мне влетело, видишь, месяц меня видеть не хотели, тоже еще...

— Да при чем он, теленок какой-то, — домовой запустил обе ладошки в свои спутанные космы и принялся яростно их чесать, — то ж дед твою мамку просил, чтоб тебя ему на каникулы свезли. Давно уже просил. Скучает он за тобой, дуралеем.

Генка от неожиданности аж рот раскрыл. И тут же почувствовал себя ужасно виноватым.

— Так я... Так я и будущим летом приеду! Я ж тогда...

— Иди уже отседова! — Кузьма рассердился и от этого стал окать еще заметней. — Чего орешь, услышит еще кто! Я тебя сколько просил не орать, а? Иди, говорю, отседова, баламут!

* * *

Будущим летом Генка в деревню не выбрался — что-то очень важное ему помешало. А вот дед, как и раньше, приехал в город ко дню рождения внука. При виде хитрой дедовской усмешки Генка почувствовал себя свиньей и твердо, окончательно решил: уж следующие-то каникулы он точно проведет в деревне!

И еще он очень хотел спросить деда про Милку, но не спросил. Потому что часы она выбросила, Генка это сразу понял.

В тот же день выбросила — в озерцо на пастбище, от греха подальше, и оттуда их тут же умыкнул водяной. Милкин домовой из-за этого страсть как осерчал. Это был очень старый, очень сварливый и злопамятный домовой, потому обиду свою накрепко запомнил. Долго-долго он пугал Милку большими сутулыми тенями на стенах, пугал ей косы по ночам и униматься не хотел, как девочка его ни задабривала.

Успокоился он только через два года, когда утащил у Милки новые часы, что подарил ей Генка. А Милка даже обрадовалась: очень уж пугали ее эти старо-новомодные гаджеты.

АЙНУР СИБГАТУЛЛИН

ДЖИХАД ONLINE

— Капитан Каримова, прошу войти в нейронет. — Голос ИИ в наушнике как всегда без малейших эмоций. И, как всегда, не вовремя. Прямо перед тем, как я собиралась лечь в капсулу секс-релаксации. Чертыхаясь, отстегиваю датчики и надеваю нейрошлем.

— ИИ-33006, капитан Каримова онлайн.

— Примите информацию.

Запускаю файл. Что тут у нас. Ага, понятно. Очередное исчезновение девушки. Ксения Шилова, двадцать лет, студентка юрфака Сколково-VII. Почти коллега, которой ей уже никогда не стать. За последние полгода семнадцать партнерств, включая однополые. Ну и вот оно. Два месяца назад записалась в сообщество секс-джихадисток. Посещения в Сети кибермечети.

★ Видеообращение о принятии ислама месяц назад. Зачисление в кибермедресе. Новые друзья из Стамбула и Алеппо-II. И, наконец, исчезновение. Такое же загадочное, как и у всех других. Ну что ж, вот тебе, Лиза Каримова, еще один глухарь, поздравляю.

— Капитан Каримова, прошу изложить ваши версии.

Ага, версии, как же. С этим проблем нет. Версия все та же, как в файле от ИИ, только имя и адрес новые вставляй в файл да копируй. А ИИ для отчетности наверх и этого хватит. А вот мне придется еще для проформы смотаться домой к родителям этой дурочки. И цинично втирать о больших шансах найти ее.

— ИИ-33006, докладываю. Вербовка в секс-джихад. Похищение. Почерк преступника тот же, что и в других случаях. К выезду на место похищения готова, — чеканю фразы, как киборг. Сейчас быстро на аэроцикл, писать рапорт по шаблону. Несколько 3D-фото в дело. И, может быть, я успею обернуться за пару часов.

— Капитан, какова вероятность поимки преступника стандартными методами?

Пожимаю плечами. Сказать, что ли, правду? А вот и скажу.

— Ноль процентов.

— У вас есть предложения по нестандартным методам раскрытия?

— Ноль предложений.

Не, ну а чего? Если федералы делают ставку на ИИ, назначая их повсюду на руководящие посты от Москвы до Пекина, то пускай они сами и дают предложения, а не присваивают чужие.

— Капитан, найден сценарий, существенно повышающий процент раскрытия. Вы готовы рассмотреть его?

Готова, готова. Я всегда готова.

— Слушаю, ИИ-33006.

— В базе данных успешно раскрытых преступлений против личности часто упоминается вариант поимки преступника «на живца». Вы имеете информацию о таких случаях?

— В академии проходили.

— Есть предложение стать вам «живцом».

Опаньки. Зашибись предложеньеице. Только это без меня, мои дорогие железные друзья.

— ИИ-33006, предложение отклонено, — мой голос немного дрожит.

— Капитан, прошу сообщить причины отклонения.

Причины. Опять, что ли, сказать правду? А ведь могу. Хотя нет, не сейчас. Мне еще нужно дождаться того дня, когда всех вас сдадут на металлолом.

— Параметры похищенных не совпадают с моими. Размер груди, цвет волос, уровень интеллекта.

— Отказ принят. Прошу продолжить расследование.

Выдыхаю с облегчением и включаю 3D-модельатор одежды. Через секунду на мне обтягивающая кожаная униформа телесного цвета с двумя прозрачными чашечками, мягко сжимающими грудь. Оперативники вроде меня не обязаны соблюдать официальный дресс-код. Это пускай унылые тетки-прокурорши носят бесформенные мундиры. А мне еще, может, повезет, и я смогу найти партнера хотя бы на полгода. А может, и на год.

* * *

Дорога к жилищу пропавшей заняла полтора часа. Это, вообще-то, далековато даже по меркам Москвы-XI. Примерно пятьсот километров. Эх, а ведь были времена, когда Москва ютилась на клочке размером с Кипрский эмират. Наверное, хорошего

★ в этом было мало. Помню, нас водили в школе на экскурсию в Москву-1. Кошмарище. Уродливые бетонные коробки.

Навигатор аэроцикла мигает. Приехали. Я приземляюсь на лужайке с фонтаном возле дома с башенками. Похоже на замок. Я такой же видела в Италии. Когда управляла беспилотником, прикрывая рейд наших морпехов. От замка, правда, уже почти ничего не осталось. Все-таки артобстрелы и ракетные удары. Но контуры один в один. Паркую аэроцикл у фонтана.

У входа в дом молодой полицейский преграждает путь.

— Простите, сюда пока нельзя.

Оглядываю молокососа. Симпатяга. Ногти зеленого цвета. Губы перекачаны силиконом. Тычу ему в нос удостоверением.

— О, простите, капитан. Обычно ваши коллеги приходят в форме киберполиции, — парень опускает взгляд на мои груди, — ух ты, какая пластика! Где вам ее делали? А то я тоже...

— Мудак, они настоящие, — толкаю его плечом и вхожу в особняк.

Внутри толпятся полицейские, изображающие бурную деятельность. Так, кто тут у нас главный? Ага, у камина спиной ко мне сидит женщина, ее плечи вздрагивают. Напротив нее седой мужчина в полицейской форме с погонами полковника. Поднимает взгляд на меня. Или на мои груди. Включаю камеру в нейрошлеме и запускаю поиск его фото в базе партнерств.

— Капитан Каримова, киберполиция, — показываю удостоверение, — мне нужно осмотреть комнату пропавшей. И получить доступ к ее компьютеру.

— Полковник Трофимов. Спецотдел, — отвечает седой и протягивает флешку, — это копия всех файлов пропавшей.

Женщина оборачивается ко мне.

— Я провожу вас, пойдемте.

Мы проходим вверх по лестнице, отделанной черным деревом. Мягкие ковры приглушают шаги, когда мы идем по длинным коридорам.

Наконец мы входим в огромную спальню. В помещении пахнет гарью. Посреди комнаты огромная кровать с водяным матрасом. На стенах — стереокартинки, изображающие совокупляющихся животных.

— Ксения у нас очень необычная девочка, в школе увлекалась биологией, хотела стать ветеринаром, но мы с папой отговорили, — женщина вздохнула, — думали, что ей лучше подойдет ювенальная юстиция. Вы же знаете, какой там нужен характер.

Подхожу к компьютеру, точнее к тому, что от него осталось. Делаю несколько снимков.

Мать садится в кресло и обхватывает голову руками.

— И чего ей не хватало? Мы с отцом обеспечили ее всем. У нее было три спортивные машины, яхта, гидроплан, мы наняли ей лучшего инструктора по сексу, мы...

— Она что-нибудь рассказывала вам о своих новых друзьях из Халифата?

— Ксюша в последнее время с нами вообще не разговаривала. Так уже было один раз, когда она в пятнадцать лет узнала, из какой кошмарной семьи нам пришлось ее изъять.

— А кто ее настоящие родители?

Дама вздыхает и вытирает глаза ладонью.

— Они были родом откуда-то из-под Бишкека. Бежали из Халифата, а здесь связались с дурной компанией, стали воровать, ну и сами понимаете, куда их потом. Я бы, конечно, удочерила кого-нибудь не из тех краев, но вы же сами знаете, как у нас тут напряжно с рождаемостью.

— Когда она исчезла?

— Сегодня. Сразу после ужина. Она закрылась в своей комнате. А за час до этого распечатала на 3D-принтере эту самую одежду, ну, которую они все носят там у себя...

— Хиджаб?

— Похожее слово, но другое вроде...

— Никаб?

— Точно. И еще 3D-коврик для молитв.

— И что было дальше?

— В доме выключился свет. А потом, когда я хотела зайти к ней в комнату, Ксюша не отвечала и не открывала. Я испугалась, мы вскрыли дверь, а там... Компьютер расплавился, а нашей Ксюши уже не было. Окно было закрыто изнутри, на записях с камер видно, что никто не покидал дома.

Знакомая картина, все сходится. Что ж, пора закругляться.

— Скажите, вы ведь найдете ее? Нам сказали, что вы лучший сыщик в киберполиции.

Начинается...

— Мы приложим все усилия.

Собираю аппаратуру и иду к двери. Поступил ответ из базы партнерств. Вывожу изображение на стекло шлема. Полковник Трофимов, 40 лет. Регистрация последнего партнерства год назад. Среднее количество партнеров в год-полтора. Строго гетеро. Интересный случай. И откуда он такой взялся? Из музея, что ли? Или импотент?

— Спасибо, не провожайте, дорогу я знаю. До свидания!

* * *

— Значит, вы категорически отказываетесь, капитан?

— Можете звать меня Лиза. — Мы сидим в вертолете полковника и пьем кофе. Внезапно выяснилось,

что мой аэроцикл сломался, и мне пришлось обратиться за помощью. Которая тут же была оказана путем личной доставки меня в сторону дома.

— Ваш ИИ сообщил моему ИИ об отказе. Я вас понимаю, конечно, это ваше право. Но неужели вам бы не хотелось поймать похитителя?

— Я, конечно, хочу поймать этого урода. Или, скорее, уродов. Хотя, если честно, эти уроды забирают тех, кого вообще абсолютно не жалко. И отправляют их туда, где им самое место.

— Это вы про халифат? Но ведь они же звери, Лиза! Которые прикрываются Исламом только для того, чтобы воровать людей и использовать их на разные непотребства. — Трофимов стукнул кулаком в иллюминатор.

— Полковник...

— Можно просто Николай.

— Вы помните, сколько лет существует Халифат?

— В этом году будет сто пятнадцать.

— Вот именно, что будет. А сколько лет Дикому полю?

— Примерно столько же. Если считать с момента отделения Кривдонбасса.

— И вы хотите сказать, что мы, вместе с индийцами и китайцами, не могли бы их зачистить за месяц максимум?

— За неделю, если американцы подтянутся. Но, капитан... Лиза, наши либерасты сразу подымут хай про международное право и...

— Ладно, к черту либерастов, полковник. Вы все так же настаиваете, чтобы я была наживкой?

— Не настаиваю, а прошу, Лиза.

Встаю с кресла и нажимаю кнопку на комбинезоне. Одежда бесшумно соскальзывает на пол. Провожу пальцем по его губам.

— Что ж, тогда нам нужно обсудить детали операции, полковник...

* * *

Когда-то я сутками висела в 3D-чатах. Мне было очень интересно общаться до, во время и после киберсекса с людьми обоих полов и всех цветов кожи. Утром я могла быть с зулусом из Йоханнесбурга, после обеда — с японской школьницей, а вечером — с семейной парой из Швеции. Я узнавала через них мир. Наверное, это были самые важные уроки в моей жизни.

Теперь же мне нужно вписаться в 3D-чаты совсем другого рода. Никакого киберсекса. Это вообще как? По крайней мере, так указывали в правилах доступа админы сообществ. Даже секс-джихадисты декларировали, что девушкам нужно быть полностью закрытыми, никаких откровенных фоток и домашнего порно. Правда, эти же самые товарищи почему-то предпочитали обращаться в киберислам девушек ультралегкого поведения, успев вдоволь наглядеться на их доморощенную порнушку.

Я выложила парочку забойных стереофото в стиле ню. А фото в профиле — в закрытом платье. И сразу подала заявку в парочку киберсообществ, где были зарегистрированы пропавшие девушки. Буквально через минуту заявку одобрили. Я получила приглашения дружбы от целой толпы бородачей в арафатках. Кого тут только не было. Турки, арабы, афганцы, албанцы, нигерийцы и европейцы. Был даже один исландец по имени Абдулла.

Ладно, сыграем. Принимаю их всех в друзья и начинаю с ними трепаться. Первый чат с турком. Надеваю нейрошлем.

— Салам, сестра!

— Салам, брат!

— Ты решила встать на путь истинной веры?

Так, теперь главное — не переборщить.

— Я еще думаю. Слишком много грехов на мне, может, уже поздно?

Турок цокает языком.

— Аллах милостив, надеюсь, ты уже записалась в кибермечеть истинного халифа?

— Ой, мне прислали оттуда только что приглашение...

— Через полчаса наш имам начнет проповедь. Заходи в сообщество, сестра, и оденься, как положено истинной мусульманке.

— Ой, я даже еще ничего не читала и молитв не знаю...

— Сестра, это не важно. Просто залогинься и послушай имама! Каждый, кто услышал его проповедь хотя бы один раз, сразу вставал на путь киберислама!

Киваю головой и выхожу оффлайн. Отсылаю запись ИИ и копию Трофимову. Пускай тоже поволнуется. Как-никак я теперь его партнер. Станный он. Сразу предложил мне контракт на партнерство на неопределенный срок. Я о таком даже и не слышала никогда. Про венчание какое-то стал разговоры заводить. Ладно, пора мне в кибермечеть. Распечатываю на принтере хиджаб. Надеваю шлем и вхожу в 3D-чат.

Стереоизображение мечети изнутри похоже на локацию одной восточной игровой вселенной. Кажется, она называлась «Аладдин». Только здесь нет чудовищ и монстров. Но орнаменты один в один. По ходу админы кибермечети сперли дизайн игры. Надо бы потом натравить на них интеллект-полицию. Чтоб за нарушение авторских прав обеспечили им всем гарантированное пожизненное. Ну а мне — приличное количество кредиток в качестве премии.

Раньше многие мусульмане предпочитали ходить в обычные мечети. А теперь мечетей на всех не хватает, люди стали предпочитать кибермечети. Разницы почти никакой. В кибермечети даже интереснее —

можно реализовать спецэффекты почти на уровне Голливуда. Да и удобнее намного — не нужно никуда мотаться, надевай нейрошлем и вставай на 3D-коврик.

Оглядываюсь по сторонам. Рядом виртуализуются голограммы женщин в мусульманских платьях. Судя по поведению, многие молоденькие девушки тут впервые, как и я. Сажусь в уголке рядом с бабкой в небрежно повязанном платке. Она смотрит на меня поверх очков и говорит:

— Первый раз, кызым?

— Первый, матушка, то есть, бабушка.

— Не матушка. И не бабушка. Зови мне Бибинур-апа. Мне тут все знают. И я всех знаю. Ты откуда такая? Работаешь? Замуж хочешь?

— Работаю я, Бибинур-ата. Замуж сильно хочу.

— Не ата. Апа, — крикнула бабка, — так где ты, говоришь, работаешь, э?

— Я программист. Компьютеры ремонтирую, нейросети протаскиваю.

— Э, что за работа для такой красивый кызым? Тебе дома сидеть надо, детей рожать и для мужа танцевать танец живота. Умеешь, э?

— Я только у шеста умею танцевать, апа. Стриптиз еще могу обычный.

— Э, стриптиз-миптиз, какуй разница. Главное, чтоб муж сытый-довольный бил!

Интересные у нее понятия. Я думала, такие типажи теперь только в сказках встречаются. И откуда она онлайн выходит? Из леса, что ли? Шлю запрос на центральный сервер. До начала молитвы еще несколько минут. Чтобы запинговать бабку, нужно еще стандартно две минуты по протоколу.

— Апа, а ты что, брачный агент?

— Сама ты агент. Мин сваха мусульманская. Знаешь, сколь девушек я замуж пристроила, э? Все они сейчас живут как шахини и пиризиденши! А ты, кы-

зым, светлый волос, да? Грудь какуй размер? Ты мне скажи, мне жинихам про тебя рассказать нужно а то.

— Ага, блондинка я, апа. Сиськи третий размер.

— Э, тиретий размер, кызым, тебе срочный замуж нужно!

Сервер возвращает запрос. Айпишник бабки откуда-то из-под Казани. Сектор Кырлай.

— Кызым, так ти сильно замуж хочешь?

— Сильно, апа, очень сильно!

— Тогда вот, возьми, кызым, — бабка достает из своих шаровар сверкающий предмет, похожий на расческу.

— Что это, апа?

— Гиребень волшебный. Ты кнопка нажми, чтоб тебе в рук попал. А потом волос расчеши. И жених тебе сразу появится!

Включаю анализатор. Гребень из категории виртуальных подарков пользователей, одобрен администрацией Сети. Пожимаю плечами и принимаю подарок.

Перед глазами вспыхивает яркий свет, меня вышвыривает из чата. Я переворачиваюсь верх ногами. Потом падаю, проваливаюсь сквозь уровни кибермечети, снова взлетаю, ввинчиваясь в воздух — и теряю сознание.

* * *

— Э, кызым, как ти? Живой ма? — Голос бабки скрипит над головой. Открываю глаза в каком-то подвале. Руки связаны. Вот же, мать вашу, это что за...

— Кызым, ти не бойся. Я больше кров не пью, сердце из грудь не доставай. Я тебя, как обещаь, замуж отдавай.

— Ты кто, бабка, а? — подаю голос. — Ты чего вообще? Где я?

— Я не бабка, кызым. У вас, уруслар, мне Баба Яга звать, а у татарлар — Убыр.

★ — Пытаюсь развязаться, но узлы только сильнее впи-
ваются в руки.

— Я тебе замуж отдавать. Один очень хороший человек! Спасибо потом сама скажешь! Я ему твой фото уже отправил. Сикоро тебя забрать придет. Самой любимой женой будешь!

Надо выиграть время. То, что меня убивать не будут, уже хорошо. И я нахожусь не в халифате, а в России. Хотя это странно. Бабка-то ни хрена не мусульманка. Шаманит через чат. Неужели она и есть похитительница всех девушек? Что-то не сходится.

— Апа, а я же это, не просто замуж хочу. Мне в халифат надо. И вообще, я мусульманкой стать хочу, мне в джихад к братьям..

— Эээ, кызым, — Убыр всплескивает руками, — ты что, сапсим глупый, да? Ты знаешь, что там с тобой делай? Я тебя нормальный муж найти, а там толпа шайтанов тибя — ииих, с утра до ночь, и...

Договорить бабка не успела. Яркая вспышка ослепила нас. Раздался хлопок, как от шумовой гранаты. Подвал заволокло дымом. Неужели Трофимов нашел меня и сейчас спецназ начнет штурм? Я сгруппировалась и попробовала отползти в сторону. Открываю глаза. В воздухе перед нами в столбе огня виден мужской силуэт. Средних лет, небольшая борода, одет в зеленую рубашку, твидовый пиджак и джинсы, только мусульманская шапочка чуть старомодна.

— Убыр, ты опять за свое взялась? — Голос звучит нарочито медленно. — Эта девушка шла совсем не к тебе.

— Э, к тебе, к мне, какуй разница? Вон, в мечети сколько девушек, любой вибирайма. Ти, тем болей, имам, хуч и джинн.

— Да, я джинн. И я могу выбрать любую. Но только ту, кто сама этого захочет. Как она, например. А ты, старая карга, решила украсть чужое.

— Иии, ну и прости миня, — залебезила Убыр, — совсем я старый стал. Совсем память нет.

— Сжег бы я тебя заживо, Убыр, — джинн увеличился в размерах и, казалось, заполнил собой весь подвал, — но пока прощаю. Нам скоро потребуются твои услуги. Особенно в Казани. А девушку я забираю с собой. Она хотела попасть к нам сама, братья уже заждались. Да сбудется ее мечта!

* * *

— Пятьдесят тысяч долларов, раз! Пятьдесят тысяч долларов, два!

— Пятьдесят пять!

— О, господин из первого ряда, отличный выбор! — Голос аукциониста в динамике бьет по ушам. — Такая девушка станет украшением любого гарема! А посмотрите на нее сзади! — Он разворачивает меня спиной к залу и нагибает головой вниз.

— Шестьдесят!

— Семьдесят!

— Сто тысяч!

Я пытаюсь закричать, но не могу. Я стою голая на сцене разрушенного древнего амфитеатра. В зале сидят боевики, обвешанные оружием, и голограммы перекупщиков. Нервно вздрагивающие, когда очередной обкуренный шахид начинает шмалять из автомата очередями вверх. Торги в разгаре. До меня уже продали с десяток девушек. Тех, что подешевле, купили на органы и в полевые публичные дома в горах. Меня оставили на десерт.

— Сто тысяч долларов раз, сто тысяч долларов два, сто тысяч... гяурских долларов... три! Машаллах! Господин из первого ряда, достопочтенный шейх Хабиб ибн Абдурахман Аль-Булгари приобрел новое украшение для своего гарема! Наш самый почетный клиент!

★ — Господин, если пожелаете, мы сделаем скидку на обрезание вашей новой наложницы!

Из первого ряда подымается, кряхтя, толстогубый лысый боров. Так вот почему так дико кричали во дворе проданные девушки. Ну, уж нет. Я делаю шаг в сторону аукциониста. В руках у него пульт управления беспилотником, транслирующим торги в Сеть. Ребром ладони бью в кадык. Срываю с его головы нейрошлем, выхватываю пульт и бегу. Выбегаю в лагерь боевиков. При виде голой девки, несущейся почти на скорости аэроцикла, у них отвисают челюсти. Забегаю в один из шатров. Так, теперь займемся вами, шейхи и прочие упыри. Выхожу в Сеть по закрытому каналу и вызываю полковника. Тот сразу откликается, в окошке чата вижу его встревоженное лицо:

— Лиза, ты где? Ты в порядке? Немедленно сообщи координаты!

— Ага, в порядке, я в таком порядке, мать твою! Я где-то в халифате...

— Мы вытащим тебя! Укройся где-нибудь, борт с морпехами вылетит с нашей базы в Алеппо через десять минут!

— Полковник, сюда хоть десять вертушек pošлетe — собьют всех! Не надо сюда никого слать! Пока просто пробей координаты! А я попробую куда-нибудь заныкаться. А еще я им устрою тут киберсекс по полной программе — у меня тут, по ходу, доступ к их беспилотникам! Все, полковник, конец связи! И, если что, знай, я бы согласилась быть твоим партнером на...

Экран гаснет. Связь оборвана. Ладно, сейчас начнется потеха. Вхожу в Сеть джихадистов. Качаю вирусы и заражаю ими центр управления боевыми роботами. Так, а это что у нас? Ага, беспилотники. Натe, гаденыши, получайте. Перехватываю управление. Так, эту парочку направим на заправку, еще парочку — на

склад боеприпасов. А этот, с пулеметом — прямиком на аукцион, перебить их всех на хрен.

Хочу нажать кнопку, чтобы послать ракеты, и... не могу пошевелиться. Перед глазами возникает зеленоватая пелена, начинают болеть виски, отрубаясь...

* * *

— Что ж ты сразу не сказала, сестра, что хочешь стать воином киберджихада?

Пожимаю плечами. Мы сидим на ковре в шатре командира отряда джиннов. Передо мной изысканные блюда, фрукты, вино. Джинн по имени Аждар щелкает пальцами — и кувшин подлетает к моей пиале и наливает вина. Я уже перестала удивляться. Вначале полет через нейросеть. Потом бабка ежка, теперь этот джинн, ни фига не похожий на сказочного. Не из огня, обычный человек, только очень сильно накачанный, судя по мускулатуре, заметной через одежду.

— Я же не знала, что меня сразу станут продавать, как... и я не хотела раньше времени привлекать внимание спецслужб.

— Таких шлюх, которые сюда рвутся, как... в общем, или в гарем, или... — Джинн затягивается из кальяна. — Ты — другое дело. У тебя, кроме твоих прекрасных округлостей, есть еще и мозги.

Ага, мозги. Были бы у меня мозги, я бы ни за что на свете не ввязалась в эту авантюру. Каким местом я думала? Хотя авантюра на самом деле началась много лет тому назад, когда я стала хакером. И взломала на спор сервак киберполиции. Куда потом и пришлось идти на службу, чтобы не загреметь в лагерь.

— Аждар, ты давно здесь? Ну, воюешь с неверными за халифат?

— За халифат? Ха-ха, я воюю сам за себя. А халифат — это только красивая вывеска. Бренд, на который клюют озабоченные шлюшки и простофили. Мы

здесь делом заняты. Наркотики, оружие, антиквариат. Халифат — это огромная корпорация, где крутятся нехилые деньги. Ну а наш отряд отвечает за киберсети. Все порносерверы и подпольные казино платят нам деньги. И нам очень нужны такие хакеры, как ты. Мы, джинны, не особо разбираемся в технологиях. И мы не настолько могучи, как нас показывают. А наша магия часто только вредит, мы сожгли столько серверов.

— Так что, киберджихад тоже...

— Не, киберджихад — это серьезно, сестра. Это серьезные деньги. Мы воюем с неверными по-настоящему. Ну, в смысле в нейросети. За это нам шейхи платят больше всего. Только мы занимаемся войной в свободное от основного бизнеса время. А на поле боя идут подростки и наркоманы, и еще иногда фанатики. Которым мы показываем свои магические способности. А тебе я не буду вливать в уши всякую ерунду. Мы будем платить такие деньги, какие тебе и не снились в твоей фирмешке, где ты корпела за гроши.

— А кровавые массовые казни? С огнеметами и...

— Казни? Нам их монтируют в голливудских студиях за очень приличные деньги. Они же продвигают ролики в сетях.

— А халиф?

— А что халиф? А, ну он, конечно, всем управляет. Его доля — половина.

— Он тоже джинн?

— Джинн, джинн. Очень древний и старый джинн. Но очень хорошо соображает во всем, что касается науки и технологий. Мы ведь, джинны, очень любопытны до всего. А когда появился нейронет, вообще оттуда не вылезаем. Если раньше, чтобы облететь вокруг земного шара, мне нужно было четыре дня, то теперь, по Сети, я могу проскочить за полсекунды!

Аждар пускает дым из носа красивыми фигурками зверей и птиц. Я пододвигаюсь к нему ближе.

— Я бы хотела с ним познакомиться. Это возможно?

Джинн усмехается.

— Для начала мы должны проверить тебя в деле. Иди пока поспи.

Джинн щелкает пальцами. В шатер вбегает женщина в парандже.

— Гюльнара, размести ее в моем гареме. В полночь разбудишь и приведешь ко мне.

* * *

— Лиза — гяурское имя, сестра! Тебе срочно нужно к имаму, чтобы он тебе дал нормальное, мусульманское! — Гюльнара протягивает мне изящное кружевное белье зеленого цвета. — Примерь-ка это! Последняя коллекция, только вчера из Парижа! Но сначала — в хаммам!

Так, что это за проверка такая? Джинн же вроде сам говорил, что я ему нужна как хакер, или, может, он запал на меня? Он, конечно, мужик секси, не то что шейх, которому меня изначально продали. Но, мать его, я сюда не этим приехала.

— Зачем мне белье и баня? — спрашиваю без обиняков девушку. Та хитро улыбается.

— Ты не думай ничего такого. Аждар не такой джинн, как другие. Потому он и командир отряда. Когда он захочет сделать тебя своей наложницей, ты сама к нему побежишь. Сейчас он просто хочет настроение создать, перед тем, что тебя ждет на пути киберджихада.

— Кружевное белье?

— Ага, и процедуры спа после хаммама. Давай примеряй и в баню айда.

Через полтора часа я в шикарном платье, в дорогом белье, в макияже возвращаюсь в гарем. На меня собрались посмотреть все его обитательницы, коих оказалось у Аждара двадцать с лишком. В основном, блондинки с грудью пятого размера. Все как фотомодели с обложки модных журналов. Замечаю среди них знакомое лицо. Опаньки, пропавшая Ксения. Приветливо ей улыбаюсь.

— Ты русская, поди? — решаю не терять времени и беру быка за рога. — По дому не скучаешь?

Девушка усмехается:

— По дому? Теперь здесь мой дом! Я познала свет истинной веры, а главное — обрела счастье моей жизни в служении моему господину! С ним я познала такие... такие... чувства...

Да уж, и ради такой овцы я рисковала жизнью.

Мы проходим в шатер джинна. На мне алый хиджаб, арабский макияж, под хиджабом — кружевные трусики и чулки. На руках сурьма. На ногах туфли на высокой шпильке.

— Салам, сестра, — приветствует Аждар.

— Салам, брат.

Ого, на кушетке перед джином стоит суперкомпьютер последней модели для военных. Мечта любого хакера.

— Садись, сестра, — Аждар прихлебывает из бокала, — мне только что привезли братя, взяли со сбитого гяурского вертолета. Американцы в последнее время слишком много стали на себя брать, нарушать наши договоренности. Пришло время напомнить, кто заказывает музыку. Я надеюсь, ты взломаешь его так же легко, как нашу Сеть.

Усмехаюсь и начинаю стучать пальцами по клавиатуре. Так, что тут у нас... И где вас учат такие пароли ставить, в школе для умственно отсталых, что ли?

— Готово, — разворачиваю компьютер монитором к Аждару.

— Иблис тебя топтал! — выдыхает Джинн из кальяна густой дым. — Доступ к беспилотникам!

— Я прошла проверку?

Джинн усмехается.

— Почти. Осталась самая малость. Найди-ка на карте их полевой госпиталь.

Щелкаю джойстиком и поворачиваю монитор обратно. Одновременно захожу с закрытый чат с полковником. Вырубаю звук и изображение, перехожу в текстовой чат.

— Вот, ближайший — в сотне километров под Тибруком.

— Сколько там сейчас людей?

— Три тысячи вместе с медперсоналом.

— Отлично. Тогда убей их всех.

Поднимаю взгляд. Джинн отставляет бокал в сторону и смотрит мне в глаза.

— Ты ведь хотела киберджихад? Ха-ха. В общем, за голову каждого американца полагается по тысяче американских долларов от шейхов. Половина халифу. Тебе для начала сто тысяч. Давай приступай. Ах да, чуть не забыл. Когда будешь направлять ракеты на госпиталь, не забудь закричать погромче: «Аллах акбар!» Поняла? Мне нужно записать видео. А потом мы с тобой отметим дельце, ха-ха.

Я киваю. Три тысячи жизней. Полковник, когда же ты меня вытащишь отсюда? На такие вещи я не подписывалась, мать твою. Ну, давай же, Трофимов. Сообщаю в текстовом чате расклад с госпиталем, он еще может эвакуировать людей и включить защиту противоракетную. Полковник отвечает.

— Лиза, ИИ связался с американским военным киберштабом. Тамошние ИИ посоветались и... запретили эвакуировать госпиталь и сбивать беспилотники,

★ — когда узнали, как близко ты подобралась к их верхушке! Тебе же обещана встреча с халифом?

— Полковник, но это же живые люди, твою же мать!

— Капитан, это приказ. Они тоже солдаты и знали, на что подписались, когда шли на службу дяди Сэма. А потом, рассказать тебе, сколько стариков, женщин и детей они убили и сожгли лазерами заживо? Здесь нет невинных и безгрешных, Лиза, каждый из нас в чем-то замазан. Но мы воюем за правое дело, и если ты доберешься до их главного ублюдка, ты сможешь закончить войну! Тебе придется пойти на все, что тебе предложат. Даже если заставят вступить в партнерство с...

— Пошел ты к черту, полковник, мать твою!

Джинн пристально смотрит на меня. Я сворачиваю окно чата.

— Как дела, сестра? Есть проблемы?

— Никаких проблем. — Задаю координаты беспилотникам и отключаю систему защиты госпиталя с воздуха. — Абсолютно никаких.

* * *

— Миллиард просмотров! Один миллиард просмотров уничтожения американского госпиталя за три дня! — Аждар летал по всему шатру в каком-то безумном танце. — Даже если бы голливудчики ничего не сделали — да, теперь ты мегазвезда нейронета. А продажи алых хиджабов через 3D-принтеры принесли мне почти такой же доход, как денежный перевод от шейхов! Тебе и не снилась в своей России такая слава!

Да уж, это точно. Не снилось и не мерещилось. Теперь мое имя и лицо известно всему миру. Президент США отдал приказ убить меня, за мою голову назначена награда в сто миллионов долларов. А главное,

никому ничего не объяснишь. И на душе так погано. Суки. Я убила три тысячи мужчин и женщин. Там было еще около сотни детей. Я последняя сволочь. Суки. Суки все, и Аждар, и джихадисты, и полковник, и ИИ, и все, все! А главное — все это во имя чего?

— Так, значит, я прошла проверку, Аждар?

Джинн усмехается.

— Почти, сестра моя, почти. Теперь у тебя нет пути назад. Но это была, так, разминка перед настоящей проверкой. Вот пройдешь ее — и тогда ты представишь перед халифом.

Джинн приземляется рядом со мной.

— А теперь слушай сюда. Пришло время разобраться и с Россией. Я хочу нанести удар прямо в самое ее сердце. Ты не бывала в Казани?

— Не доводилось.

— Там есть огромный пороховой завод. Прямо в центре города с населением девять миллионов человек. Большинство из них мусульмане, которые не признают власть халифа. Что ж, пришла пора преподать им урок. Тебе нужно взломать Сеть завода и устроить там большой взрыв. Поскольку завод частично использует оборудование, не подключенное к Сети и вообще к компьютерам, тебе потребуется помощь местной ведьмы — Убыр, кажется, вы с ней знакомы?

Хмыкаю:

— Еще как. Замуж меня хотела выдать, дура старая.

— В общем, вот ее координаты, планируй операцию. Халиф ждет от меня только хорошие новости, так что не подведи меня!

Час от часу не легче. С этой Убырихой людей убивать. А эта овца, ради которой я ввязалась во все это дерьмо, тем временем будет в гареме отрываться. С этим что-то надо делать. Для начала надо вырубить Аждара хотя бы на полчаса...

★ — Аждарчик, ты, кажется, говорил что-то про то, как мы отметим мое первое дело? — подхожу к джинну и сажусь к нему на колени. — Так это правда, что у джиннов...

* * *

— Э, кызым, ты как мене нашел? — Убыр взмахивает руками. В окне чата видно, что она готовит какую-то дрянь в 3D-принтере.

— Долго объяснять, апа. Слушай сюда. Я не в гареме сижу, я, твою мать, на джинна Аждара работаю, слыхала про такого?

— Э, как не слыхай. Злой он, любит убивать через Интернет много, девушек красть. Мне обижать. И, кызым, так ты тож, штули...

— Вот именно, апа, я теперь с ним заодно. Мне приказано с тобой вместе очень много людей убить. Я буду сети компьютерные взламывать, а ты своей магией помогать в реальности. Прямо в Казани. А если откажешься...

— И, кызым, я теперь убивать сапсим не умею! Мин только девушек похищать и замуж выдавать. Ни хочу я убивать, и ты, кызым, тож не убивай, плох это!

— Короче, апа, мне вместе с тобой велено пороховой завод взорвать. И заодно всю Казань к шайтановой бабушке отправить.

— Э, как отправить? А как же татарлар? Эта только здесь мне детей пугают, сказки всякий, мой имя книжки писать, ресторан называть. Татарлар ведь все теперь Казан живут, и все тут погибать, штули?

— Однозначно, апа, тут им сейчас настанет полный кирдык. И не только татарам, — я оглядываюсь на посапывающего джинна, — апа, времени нет. Я вот что придумала. Давай никого убивать не будем, а вместо настоящего взрыва ты своей магией ненастоящий взрыв завода изобразишь. Я его сниму на видео и джинну отправлю.

— И если он узнай, то меня и тебя убивай, э? Давай я тебе бежать помогу, и мы...

— Джинн тогда другим даст поручение, и люди все равно погибнут. Так мы их не спасем, апа. Нам нужно покончить со всем этим. Я обещаю, что придумаю, как. А пока мне нужно время потянуть, поняла? Ну, чтобы меня с их главным познакомили. А там я уж с ним как-нибудь разберусь.

— Ладно, кызым, мин тебе помогать будет, — Убыр потирает руки и начинает произносить заклинания. Я включаю запись онлайн камер со всего города. Набираю Трофимова.

— Полковник, это я.

Трофимов выглядит осунувшимся, будто не спал несколько ночей.

— Лиза, ну наконец-то! У тебя все в порядке? Как ты смогла усыпить джинна?

Усмехаюсь про себя.

— Тебе об этом лучше не знать. Мне вот что нужно. Сейчас скину файл с записью взрыва порохового завода в Казани, от которого должны погибнуть девять миллионов человек.

— Какого взрыва? Когда?

— Успокойся, взрыв не настоящий. Его одна ведьма татарская наколдует, запись мне скинет, а ты должен обеспечить дезу по Сети и через журналюг, что город уничтожен полностью.

— Лиза, я все сделаю. Я еще хочу тебе сказать...

Джинн начинает просыпаться.

— После, полковник. Конец связи.

* * *

Никогда не думала, что моя прелестная мордашка в обрамлении алого хиджаба станет когда-нибудь ассоциироваться с грозным обликом самой известной террористки за всю историю человечества. Девять

★ миллионов погибших. Девять. Именно такую цифру озвучивали все каналы. Полковник вместе с нашими и заокеанскими ИИ сработали на славу. Снятые ими ролики заполонили Сеть. А магические заклятия, наложенные Убыр на город, создавали полную иллюзию его исчезновения с лица земли. Зрелище было настолько реальным, что я порой сама начинала сомневаться, что все это лишь иллюзия.

Как бы то ни было, Аждар сдержал свое обещание, и мы вместе с ним сейчас шли к дверям в главные покои халифа. Его огромный подземный дворец в горах Синджара простирался на многие десятки километров под землей. Мы проехали их на магнитоплане. Аждар сказал, что джинны ленивы и при любой возможности используют последние технологии, чтобы поменьше напрягаться и не летать под землей на коврах с риском набить шишки.

И вот мы у входа, который охраняют два огромных ифрита, дышащие огнем. Они распахивают перед нами двери, и мы видим зал, сверкающий золотом и изумрудами. Аждар делает шаг вперед и упирается в копьё стражника. Ифрит качает головой и показывает знаками, что внутрь могу пройти только я. Аждар скрипит зубами и, кланяясь, исчезает. Стражники закрывают за мной дверь.

— Подойди ближе.

Склонив голову, мелкими шажками двигаюсь в сторону голоса. Вижу золотые ступени. Трон халифа.

— Мы рады приветствовать тебя в нашем дворце. Присядь возле нас и расскажи, как тебе удалось так легко уничтожить столько неверных. Девять миллионов кяфиров, не так ли?

Поднимаю взгляд. Передо мной на троне мужчина в синем деловом костюме. На вид не больше тридцати. Темные волосы и жгучие черные глаза. Он крутит в руках древнюю головоломку — кубик с крутящи-

мися цветными гранями. Возле трона два нейрокompьютера. На экране одного по новостному каналу показывают взрыв Казани. На другом отображаются котировки акций с мировых фондовых рынков.

Я откашливаюсь.

— Повелитель, для меня честь служить вам и бороться вместе с другими братьями против неверных. Я не могла подвести вас! И я...

Джинн останавливает меня жестом руки.

— Знаю, знаю. Аждар доложил мне, какая ты старательная. И как ты хотела предстать передо мной. И что ты суперхакер, который под видом дурочки, жаждущей поучаствовать в секс-джихаде, пыталась выйти на нас через нейронет, чтобы предложить свои услуги. Это было, конечно, слишком рискованно с твоей стороны.

Начинаю придумывать на ходу.

— Оставаться в России было еще более рискованно. Тамошняя киберполиция уже дышала мне в затылок. А еще американцы искали меня за взломы банковских серверов. Китайцы с индийцами тоже вышли на моих подельников, и те сдали меня под пытками.

— Да-да, я слышал об этом. Только ведь это было очень давно? Где-то примерно лет семь тому назад? Тогда все обстояло именно так, как ты рассказываешь. С одной-единственной поправкой — когда тебя обложили, ты загадочно исчезла. А потом вдруг неожиданно воскресла и сразу прибежала к нам.

Ого, откуда он знает такие подробности, шайтан его задери?

— Повелитель, я все эти годы пряталась. Подрабатывала программистом, нигде не светилась.

— Да-да, это все звучит весьма и весьма правдоподобно. Как и твой хакинг в Казани. Ты ведь там не одна работала?

★ — Мне помогала местная ведьма. Без нее я бы не смогла выполнить ваш приказ, повелитель.

— О да, безусловно, не смогла бы. Ты не находишь, что эта почтенная пожилая женщина также заслуживает награды?

— Заслуживает, повелитель!

— Прекрасно, — джинн щелкает пальцами. Передо мной начинает виться легкий зеленоватый дымок, что-то с глухим стуком падает сверху и катится к моим ногам. Я всматриваюсь и отшатываюсь. Это отрезанная голова Убыр. Выпученные глаза полны ужаса. Язык вывалился из-за рта. Из обрубка шеи сочится кровь.

— Мы еще долго бы не знали о твоём потрясающем обмане, если бы не наш агент в русских спецслужбах. Если бы он не рассказал о твоём предательстве, вряд ли бы я захотел тебя увидеть. Но мне было интересно посмотреть на тебя, прежде чем отправить в ад. Кстати, тебе там понравится. Ха-ха.

Вот же гадство. Кто меня слил? Пытаюсь встать, но не могу.

Халиф поднялся с трона и медленно пошел в мою сторону.

— У тебя есть последнее желание?

— Да, есть, — сиплю я.

— Я внимательно слушаю.

— Я хочу увидеть, как ты оказываешься в нейронете. Потому что не верю, что джинны могут выкрадывать людей через нейронные сети. С помощью магии вы это можете с древних времен. Но нейронные сети вам не по зубам.

Джинн фыркает.

— Иди сюда, к компьютеру, глупая женщина, и смотри.

Халиф начинает стремительно уменьшаться в размерах и исчезает. На мониторе вижу джинна в 3D-чате. Он презрительно смотрит на меня и показыва-

ет неприличный жест. Я усмехаюсь и блокирую его в одном из секторов жесткого диска. Затем запускаю процесс резервного копирования джинна. Халиф пытается выйти из чата, но я закрыла доступ суперсложным паролем. Джинн начинает в ярости произносить заклятия. Я тем временем выхожу на связь с Трофимовым.

— Эй, полковник, прием!

— Лиза, наконец-то, слава богу...

— Слава богу? Полковник, у тебя крот, меня слили джиннам и чуть не грохнули!

— Лиза, это я...

— Что значит...

— Это я слил информацию халифу о тебе. Такое решение приняли русский и американский ИИ, когда поняли, что тебе не удастся добраться к халифу. Даже после того, как ты взорвала Казань. Но мы пошли на это только потому, что ИИ просчитали уровень риска раскрытия блефа в Казани. И допустили высокий процент вероятности того, что ты сможешь обхитрить джинна.

— Вот же вы уроды, полковник.

— Капитан, это война. И ты ведь уже нашла решение?

Усмехаюсь.

— Конечно, нашла. Смотри сюда.

Процесс копирования завершен. Я создаю дополнительный диск на компьютере и выпускаю копию джинна в 3D-чате. Теперь их там двое. Двое одинаковых халифов. Нажимаю кнопку разблокировки. Через мгновение из компьютера один за другим выскакивают два халифа. Они смотрят друг на друга — и их глаза наливаются яростью. Потихоньку отступаю назад и двигаюсь в сторону двери. До свидания, мальчики.

* * *

«ИЗ АРХИВА.

ДОКЛАД ИИ-33006

7 сентября 2130 года

Адресат: Объединенный генеральный штаб вооруженных сил РКИФ (Российско-Китайско-Индийской Федерации)

Приоритет: абсолютный

Секретность: высшая

Настоящим предлагается посмертно представить капитана киберполиции Каримову Елизавету Викторовну к присвоению звания Героя РКИФ за активное участие в уничтожении Халифата.

Согласно имеющимся данным, капитану Каримовой удалось войти в контакт с халифом и создать его копию, спровоцировав тем самым хаос среди боевиков Халифата. Вследствие этого войска РКИФ с минимальными потерями смогли полностью занять территорию Халифата.

Глава киберполиции Российского сектора,
ИИ-33006

РЕЗОЛЮЦИЯ

В награждении посмертно отказать.

Согласно имеющимся данным, представленным полковником Трофимовым, в настоящее время его партнер на неопределенный срок, капитан Каримова, жива и находится в родильном доме № 321423 в Москве-XXX. После рождения ребенка капитан готова вернуться на службу и лично получить награду.

Начальник Объединенного генерального штаба вооруженных сил РКИФ,
ИИ-7250803».

ВСЕВОЛОД АЛФЕРОВ, АЛЕКСАНДР ИВИЦКИЙ

КАК БОГИ

...и вы будете, как боги,
знающие добро и зло.

Бытие 3:5

В тот день Кмун впервые увидел смерть.

Он отдыхал после утренней церемонии, а механическое опахало то взмывало, а то опадало, разгоняя дым наркотических курений. На подательнице удовольствий был бесформенный серый балахон. Она смиренно опустила меж ног жреца, и Кмун положил ей на лоб ладонь, благословляя — когда медные цепочки в дверях зазвенели.

Лайва, будь он проклят! Как всегда не вовремя...

Руки подательницы замерли на застежках мантии жреца. Замер и Кмун. Отпустить прислужницу? Послать Лайву к демонам? Коротышка спешил и запыхался, волосы его прилипли к блестящему от пота лбу. Лайва открывал и закрывал рот, но дыхание подвело его, с полных губ срывались лишь шумные всхлипы.

— Звезда... — выдохнул он. — Звезда упала. Вот только что!

Кмун положил два пальца на лоб подательницы и отстранил ее. Прислужнице не нужно было пояснять: вздрогнув, она тут же поднялась и молча вышла.

— Звезда? — коротко переспросил жрец.

— Так все выглядело. Я не... в конце концов, тебе лучше знать! Я проводил очищение, когда это... когда произошло. Яркая вспышка в третьем квадранте, потом покатила, покатила... под конец даже не осталось огня, только белый хвост, как дым. Мне кажется,

она распалась на обломки. И свалилась на северо-западе.

Лайва сцепил тощие нервные руки. Он в самом деле был в зеленой мантии, которую надевают для очищения. Поразмыслив, Кмун решил, что и правда — только нечто из ряда вон могло оторвать жреца от обряда.

— Что-то упало с неба, — подытожил коротышка. — Распалось в воздухе и упало.

— Ну, это мог быть небесный камень, — неуверенно протянул Кмун. — Я смотрел воспоминание и... — и он тут же закончил: — Нет. Нет. Упавший небесный камень, мы бы с тобой не разговаривали.

Рот Лайвы сжался в упрямую черту.

— Вот мы и выясним! Это здесь, в пустошах. Рукой подать!

— Мы?

Каменная пирамидка ша-тула, что должна была унести жреца к вершинам наслаждения, еще пульсировала синим светом. Вздохнув, Кмун коснулся ее пальцем и заставил погаснуть.

— В храме полно жрецов старше и выше рангом. При чем здесь я? Зачем ты вообще ко мне пришел?

Коротышка замахал на него руками.

— Обряд десятилетия. Боги, Кмун, ну вспомни же! Половина занята в церемониях, а еще половина отсыпается. И потом, кто видел больше воспоминаний? Кто еще разберется?

Губы у подательницы удовольствий были маленькие, чуть-чуть припухлые — и до того умелые, что жрец подумывал забрать ее к себе, чтобы никому не уступать. Он прикрыл глаза, вспоминая подвижный язычок, длинные пальцы и небольшую упругую грудь.

Но не позволил себе тешиться мечтами. Лайва шумно вздыхал и хрустел пальцами. И, пожалуй... младший жрец прав. Упавшая звезда. Кмун не помнил такого за долгие триста лет. Дальше память мутилась,

подсовывала ложные воспоминания, зияла провалами — но он бы руку дал на отсечение: ничего подобного не случилось со времен предков.

Упавшая звезда стоит тысячи вечеров с прислужницей.

И пусть никто не скажет, что Кмун Шетат, смотритель архивов, на пятой сотне впал в детство, как его собратья.

Бесформенные, источенные ветром скалы уносились прочь в отвратительном треске мобилей. Под безжалостным солнцем нагромождения серого и желтого камня походили на грязную пену, что вспучилась над неровной поверхностью пустошей. Чем дальше углублялись они в выжженные земли, тем выше вздымались по сторонам дороги ноздреватые скалы. Еще немного — и закроют солнце.

— Мы должны успеть до... — начал жрец, когда мобиль сотряс толчок, так что зубы у Кмуна клацнули.

— О, я знаю, я все знаю! — горячо заверил Лайва. — Я взял самую быструю птичку, ни у кого в городе такой нет. По моим расчетам, будем на полцикла раньше зевак.

«Лучше бы рассчитал, что делать с мобилем!» — подумал Кмун.

Даже через подошвы эластичных туфель он чувствовал, как раскалился пол от работавшего внизу двигателя. К тому же машину болтало из стороны в сторону, и если к скрежету и дребезжанию жрец привык, то начал опасаться, что рано или поздно мобиль слетит с дороги и на полной скорости вмажется в скалы Пустошей.

Мысли эти частенько навещали Кмуна — и возвращались с завидной настырностью.

Мир совершенен. Жрец знал это много веков, с тех пор, как в последний раз вышел из вод жизни. Он

★ — смотрел воспоминания предков — так что ему было с чем сравнивать! Он давно потерял интерес к миру за пределами побережья, но ни в Шрилагáте, ни в Раксáре, ни в Наррамóне — нигде в окрестных городах не знали ни смертей, ни немочи. Выцветшие фрески говорили, что человек рожден для радости и наслаждений. Плоды для пищи появлялись на вечнозеленых деревьях в садах, что управляются искусственными слугами. Часть садов иссохла и больше не давала еды, но не беда — ведь их еще много.

И все же... Созданные тысячи лет назад машины медленно, но верно рассыпались. И в храме понятия не имели, что с этим делать.

Они остановились, когда стало ясно, что дальше придется добираться пешком. Маячок мигал на самом краю экрана, у латунного окоема. Кмун подавил вздох, глядя на испещренные расселинами и пастями провалов скалы.

— Давай, старик. Хватит ворчать! — проговорил Лайва и коснулся приборной панели, подняв прозрачный купол.

Испепеляющее солнце окатило жрецов, как горячая вода. Пока Кмун медлил, коротышка протиснулся в щель и начал восхождение.

Карабкались долго, не обращая внимания на шорох ползущего под ногами гравия, пыль и ссадины. В конце концов, жреца охватил странный, неведомый ему прежде азарт. Подательница удовольствий отвернется, увидев сведенные костяшки и отвратительные царапины. Но пусть. Собратья поймут. Упавшая звезда... Что стоит неделя аскезы, скрывающая уродства чадра — если они найдут звезду? Если привезут ее в храм?

Жрецы отыскиали ее через несколько минут. Искореженный металл, обожженный, потекший, точно

воск. Обломок, похожий на кусок обшивки мобиля. От него все еще поднимался дымок.

Так это и есть звезда? Но почему... потом Кмун заметил еще осколок, и еще — и ему стало не до вопросов.

Он первым увидел человека. Тот лежал ничком у особенно большого обломка, похожий на скомканную тряпичную игрушку.

— Что ты... — начал Лайва, но Кмун не ответил. Во рту у него пересохло, и впервые за долгие годы он познал забытое чувство.

Страх.

Потому что человек был мертв.

Не обращая внимания на собрата, жрец подошел к телу. На человеке был странный металлический костюм, сродни ритуальным доспехам, что хранились в реликварии. На памяти Кмуна старший надевал их трижды, на обряд столетия. Вернее — больше, много больше... просто дальше жрец помнил с трудом.

Судя по звукам, Лайва боролся со рвотой в отдалении. Присев на корточки, Кмун с опаской перевернул тело.

Толстый металл не то панциря, а не то комбинезона вдавился в грудь, смяв кости, мышцы, органы... что там еще у человека внутри? Странное, омерзительное зрелище. В тот день Кмун впервые увидел смерть — и первое, что он подумал, было: мертвецы похожи на сломанные куклы, набитые противной влажной массой.

Плоть человека сочилась кровью. Это не жар убил его. Серебристый металл выдержал температуру — то было падение. И необычно острый для обточенных ветром пустошей камень.

Кмун отвернулся, иначе бы его тоже стошнило. Встретился взглядом с братом.

— М-м-мертв, да? — заикаясь, переспросил Лайва.

★ Кмун промолчал. Отрывисто кивнул. Но коротышка не отставал:

— Но к-к-кто он? Не отсюда же, да? Я никогда... то есть я не видел таких букв.

И правда: то, что жрец сперва принял за узор на рукаве, больше походило на буквы. Молитва? Клеймо механического дома, что выпустил странное одеяние? Кмун не успел по-настоящему всмотреться, потому что за спиной раздался тихий стон.

Против воли жрец сжался, как будто смерть заразна, как будто стоит отвернуться — и разбросанные по плато камни накинутся, расправятся с ним, как с бедолагой. Она лежала во впадинке, на ложе из нанесенного ветром песка — и, видно, это ее спасло. На ней был тот же серебристый панцирь, только весь почерневший от гари. Жрец медлил, не решаясь подойти.

Протяжный хрип. Рука женщины вывернулась под немыслимым углом.

Кмун сглотнул, подавляя дурноту.

— Мы должны что-то сделать! — кудахтал за спиной Лайва.

Должно быть, отрезок времени выпал из памяти жреца. Лицо в диковинном шлеме — серое, как пыль. Все в сеточке складок и бороздок, как лица предков в воспоминаниях. Женщина была отвратительна — и все же Кмун не мог оторвать взгляда, молча шевеля пересохшими губами.

Следующее, что он помнил, — это как нес ее на руках, оступаясь на предательском склоне, а Лайва сменил следом.

— Куда мы... что ты намерен...

— Мы везем ее в храм, — не оборачиваясь, бросил жрец.

Веки женщины даже не дрогнули при звуке его слов.

— Не знаю, Лайва, не знаю... — Глубокий голос с диковинным гортанным выговором. — Мы многое потеряем, если она пройдет через воды жизни. Слишком многое.

Второй говорил тихо и глотал слова. Агелика только и расслышала, что «страшно смотреть». Быть может, то было заботливо вколотое скафандром обезболивающее: левую руку она не чувствовала совсем, и мир ускользал... уплывал... слова долетали сквозь шум в ушах.

Вот опять:

— ...обсуждали много раз, — говорил первый. Это машина, догадалась Агелика. Или летательный аппарат. — Наш храм, Лайва, мы все должны следить, чтобы техника работала. Обряды столетия, десятилетия. ...процедуры, чтобы вода подавалась в города, а механические дома не останавливались. Но сам слышишь, как дребезжит чертова железка! Будь я проклят, если мы знаем...

— Она же изранена. Изуродована...

Запах металла, пыли и синтетики. Наверное, женщина вновь провалилась в забытие — но когда пришла в себя, двое все еще спорили.

— ...наш долг, Лайва.

— ...не по себе! Откуда тебе знать, что она...

Агелика почувствовала, что аппарат повернул.

— Почему я понимаю вашу речь?

Женщина открыла глаза и обвела взглядом залитую солнцем кабину. Напротив застыл высокий статный человек с лицом темным, как кофе. Он смотрел без улыбки, Агелика дорого бы дала, чтобы понять: она ли тому виной или его черты вовсе лишены выражения. Его спутник представлял собой странное зрелище. Едва по плечо первому, но тоже высокий. Гладколицый, как ребенок — но суетливый, напуганный. Лик

★ — точно у статуи — и нервные руки, мнущие зеленый балахон.

Молчание затягивалось. Женщина разлепила губы повторить вопрос.

— Ты и не понимаешь. Мы бы сами друг друга не поняли, если б не яна́кка.

Темнолицый коснулся каменного стержня, что висел у него на груди. Как будто это все поясняло.

— Кто вы?

— Смотритель архивов Кмун, а мой спутник, — здесь было слово, царапнувшее слух, — четвертого ранга. Его зовут Лайва.

— А мой... — начала Агелика.

— Боюсь, он... мертв. — На последнем слове темнолицый запнулся, но не из такта, не сочувствия. Наоборот: он наклонился вперед, вперив в женщину долгий пристальный взгляд.

Черт. Черт-черт-черт! Йонас, как же ты?.. Долговязый веснушчатый Йонас, в куртке, что была ему великовата, и с вечно всклокоченными волосами. До полета женщина не взглянула бы на него дважды — но в тесном мирке исследовательского катера, три стандартных месяца наедине... волосы у пилота оказались такими тонкими и мягкими на ощупь, а неловкие ладони на удивление нежными. Были. Женщина подавила дрожь. Но как?.. Скафандр должен выдержать жар, самостоятельно включить антиграв при падении. Йонас, как ты мог?

Ей хотелось спросить, как погиб пилот, — но она поняла, что не хочет, не может этого знать.

— Ты не носишь янакки, — без выражения произнес темнолицый.

Черт.

Одного бездушного взгляда хватило бы, чтобы мурашки побежали по спине. Но было и кое-что еще. Двенадцать колоний, столько затерянных поселений

открыли заново спустя сотни лет. Но, кажется, никогда еще контакт не происходил так глупо, так необычно.

Что бы она сама сделала, найди она пришельца? Сперва взяла бы в плен — на случай, если он опасен — а уж потом устроила допрос. Сообщила властям. Почему они ведут себя... будто ничего не произошло? Может, они не понимают, что она чужачка?

Черт...

Скрываться, сколько можно? Нет смысла, быстро решила женщина. Ее раскусят, это вопрос двух-трех минут.

— Я... дело в том, что я... — Она прикусила губу, гадая, верно ли поступает. — Не знаю, как объяснить. — Летательные аппараты, мешанина трубок со странными утолщениями. Оба развернулись к ней, похоже, работает автопилот... Должны понять! — Мы прилетели со звезд. Мы исследователи.

Молчание.

— Меня зовут Агелика. — Она протянула руку. Темнолицый внимательно посмотрел на нее, но руки не принял. Ах, чтоб тебя!.. С чего она взяла, что аборигены жмут руки?

— Агхелли... — повторил за ней человек. И запнулся. — Я понял, кто ты. Мы нашли тебя у обломков. Я догадался, я помню. Мобиль для путешествий в космосе. Но ты не носишь янакки.

Она не знала, что ответить. Да и что тут отвечать? Все не так. Не так! Второй беспокойно заерзал на сиденье, и женщина мимолетно пожалела, что они не наедине. Из этого она бы вытянула что нужно.

Агелика потупилась, подгоняя затуманенные анестезией мысли.

Нужно спросить, куда ее везут! Что ее ждет. Не похоже, что они настроены враждебно, но как знать?..

Нет. Поздно. Скалы за прозрачным куполом расступались. Все еще отделенное от них волнами песка, вдали показалось похожее на муравейник строение.

— Это храм, — проследив ее взгляд, бесцветно сказал темнолицый. — Радуйся, что мы нашли тебя первыми. Городские зеваки свели бы тебя с ума.

Скорее гора, чем муравейник. Шесть концентрических кругов: балконы, террасы, пандусы и далеко вдающиеся в пески каменные пирсы. Десятки похожих на насекомых летательных аппаратов. Над верхним ярусом валил дым, поднимаясь из металлических труб.

— Не бойся. Ты попала куда нужно.

Темнолицый... как он там себя назвал? Кмун? — наконец-то выдавил улыбку. Кажется, он сам считал ее ободряющей.

— Почему храм? Какой храм? К кому вы меня везете?

— Храм — это место, без которого не работает техника. Здесь хранятся знания тысячелетий.

Она хотела спросить что-то еще — но не учла, как быстро движется аппарат. Когда Агелика набрала в грудь воздуха, над ними замелькали железные мостки.

Темнолицый поднялся.

Женщина тоже хотела встать — но в глазах потемнело, а голоса превратились в далекое бормотание. Видно, на долю мгновения она лишилась чувств, а когда пришла в себя — Кмун все еще стоял над ней, без всякой жалости глядя на Агелику.

Чертова анестезия!

Она словно плыла в медленных темных водах. Между ней и пришельцем как будто повисла дымка. Изпод ворота скафандра вдруг запахло кровью. Черт... Неужели все так плохо?

Когда мгла стала совсем уж непроницаемой, Агелика почувствовала, как ее подхватывают необыкновенно сильные для человека руки.

Темная и гладкая, совсем как черный мрамор, кожа пришельца пахла пылью.

Запах сводил жреца с ума.

Чужачку положили на металлическое ложе, выстланное теплым и мягким материалом, чей секрет затерялся в веках — и девять щупалец косметической машины непрестанно колдовали над ее бледным телом.

— В Книге Цифр сказано, что их использовали до вод жизни, — тихо проговорил Лайва.

— И что?

— Да то, что пока воды не придумали, предки не только уходили, — младший жрец всплеснул руками и замялся, подыскивая слово. — Они... ломались! Это машина-лекарь, понимаешь?

Может, и так. Кмуну было сложно такое представить. Сперва трое щупалец дочиста отскребли ее тело, отслоив корку крови и грязи. Еще одно высунуло тонкую иглу и вонзило в кожу.

Пахло потом. Пахло кровью. Но через все пробивался запах, от которого жреца охватывал трепет.

Боги и предки! Какой позор...

Ты жрец, сказал себе Кмун. У тебя есть женщина, что дарит удовольствие тремя тысячами способов, описанными в завете наслаждений. У тебя есть обряды повеления, которые заставляют мир оставаться собой, и нарушать их — табу. Так должно быть, потому что так хорошо, и думать об ином нет смысла.

Но запах женщины, исходивший от чужачки, оглушал Кмуна. Ни одна подательница удовольствий не пахла *так*. Быть может, воды жизни не только обновляли тело и обостряли чувства, но и... что-то отнимали у них у всех?

★ — Как думаешь, кто она? — хрипло спросил Лайва. Он тоже чувствует, понял жрец. И тоже не знает, что с собой делать.

— Она из предков, — хмуро произнес Кмун. — До вод жизни, еще до всего, предки послали корабли к другим мирам. Блестящие серебряные иглы, они стартовали из глубоких шахт... Я не знаю, чего они хотели, — закончил он. — Все это никому не нужно. А теперь и вовсе позабылось.

— И ты... Думаешь, она знает, как работает техника?

— Должна знать.

Кмун отвернулся. Но обнаженное тело по-прежнему стояло перед глазами. Видят боги, она была уродлива! Бледная, невысокая, с покрытым морщинками лицом и чересчур широкими бедрами. Подумать только, жрец всегда считал Лайву коротышкой, но рядом с ней тот казался полубогом.

И ее рука. Кмуна тошнило при взгляде на перелом.

— Из предков? — вдруг встрепенулся Лайва. — Нет. Из прапраправнуков. Мы еще из первых поколений... ну, после... А у них? Сколько поколений прошло у них?

Кмун не хотел знать. Да и у младшего жреца голос дрогнул.

— Нужно все рассказать старшим!

«Обряд десятилетия, — мог бы напомнить Кмун. — Половина занята в церемониях, а еще половина отсыпается». Но он понимал, что собрат ищет только повод сбежать. Пусть. Жрец и сам бы с удовольствием ретировался, да только Лайва прикатил косметическую машину прямо в его покой. Куда сбежишь из собственных комнат?

Когда Лайва ушел, жрец вышел на балкон, зависший в трех тысячах локтей над песками. В особенно ясные ночи отсюда виднелось зарево огней над Шри-

лагатом. Дивное зрелище, но все же хорошо, что храм стоит в стороне от города. Вдали от шума и толкотни сухой воздух пустошей пах как само время.

Жрец нахмурился. Запах чужачки преследовал его и здесь. Горячий и пряный, тот исходил даже не из комнаты, а от одежды. Словно, прикоснувшись к пришелице, Кмун ею замарался.

Жрец осторожно раздвинул медные цепочки — удостовериться, что чужачка по-прежнему без сознания. Та лежала с закрытыми глазами, энергетический колпак над ложем был совсем прозрачным — но все же иногда посверкивал холодными голубыми искрами.

Боги! Предки и боги...

И он сам же себя оборвал.

Мы привыкли боготворить предков, а они уродливы и низкорослы, так говорил себе Кмун. Не так, не так должно происходить воссоединение... И он тут же спрашивал себя: разве не для радости рожден человек, не для нового опыта?

Он подошел к ложу. Косметическая машина уже закончила с рукой, кость больше не торчала во влажном месиве. Щупальца напылили на предплечье чужачки белый и твердый браслет. Такая уязвимая, она все же казалась гордой, почти надменной — с заострившимся чертами и бледными, плотно сжатыми губами.

Медленно, с опаской, он протянул руку и, преодолев сопротивление барьера, коснулся здорового плеча. Потряс. Сперва легонько, а потом сильнее — но пришелица не шелохнулась.

Кровь стучала в ушах, а тело стало легким. Пальцы его скользнули по белой округлости груди — и сжали податливую кожу. Звезда, смерть, одуряющий аромат — все это сводило с ума.

Он плохо помнил, что происходило дальше. Урывки, клочья ощущений. Ляжки чужачки были мягкими

и холодными, хотя на вкус жреца полноватыми. Поначалу он волновался — только глупец бы не волновался на его месте — но вскоре забыл обо всем, остались лишь он, его желание и осознание того, что она из них... из предков.

А потом произошло странное.

Нет, чужачка не очнулась — но ее тело сжалось в спазме, грудь ходила ходуном, выжимая из легких воздух. Кмун только и успел, что отстраниться, спешно запахнув мантию. Она еще раз пару раз вздохнула, судорожно глотая воздух и выдыхая резко, в голос...

И в этот миг, как в плохо поставленной мистерии, в дверях вновь появился Лайва.

Тело чужачки продолжало выплевывать воздух. Потом она прижала ладонь к губам, еще несколько раз в голос выдохнула и села.

— Ч-что... что с тобой? — едва прошелестел коротышка.

Как согрешивший, неспособный выбросить свой грех из головы, Кмун все не мог оторвать взгляда от ее лона. Догадался ли младший жрец? Или нет?

Но слова чужачки быстро вернули его в здесь и сейчас.

— Я закашлялась...

Странное слово. Янакка перевела, отыскав понятие в корпусе языка, но смысл ускользал от Кмуна. Что это? Еще одно из уродств предков?

— Ты... что? — переспросил Лайва.

Хорошо ему, подумал жрец. Коротышка опасался всего и всегда, да и от природы простоват. Кмун же думал, что пришелица еще ничем не помогла, но уже пробудила старинное чувство страха. Все, что она делала — и даже когда не делала ничего, само ее присутствие — заставляло душу беспокойно ерзать в теле.

— Это все бактерии, вирусы... — смущаясь наготы, женщина подтянула ноги. — Их же всегда полно, верно? Незнакомая среда. Если организм ослаблен...

Повисло молчание. Женщина, если и побаивалась, то виду не показывала. Она ощупывала белый браслет на предплечье.

— Бактерии?

Слово также было знакомым и незнакомым одновременно. Смутные ощущения. Понятие, которое знали предки, еще когда создавали янакку — но с тех пор забытое, вместе с секретом создания мобилей и знанием, как остановить пересыхание моря.

— Миллионы микроорганизмов... — говорила она, но Кмун едва улавливал, что она рассказывала, — существуют вместе с нами, ведь так? — Женщина делила тело на клетки, что умирали и обновлялись, и опасные стада кормились ее плотью, и защищали плоть, и просто плодились в складках кожи и ее чреве...

— Боги! — тонким испуганным голосом выдохнул Лайва. Лицо его посерело, как пустошь на рассвете.

— Но ведь... — Она вдруг поняла, что сболтнула лишнего. Умолкла, подтянув колени к подбородку.

В напряженной тишине Кмун первый вычленил главное.

— Разве машина отцов не должна тебя починить? — спросил он, не обращая на собрата внимание. — Почему ты еще...

Неисправна? Сломана? Проклятая янакка!

Удивительно, но губы женщины тронула улыбка.

— Это очень старый аппарат. Очень! Ты человек, чернолицый, и я тоже. Но наши миры разделились, и со дня разъединения родились сотни новых вирусов. Откуда же машине их знать?

Она что, смеется над техникой отцов? Жрец отвернулся, лихорадочно ища слова.

★ Стало полутемно, и в зале сам собой зажегся свет. Лайва отступил к стене. Жрец понимал собрата. Его тошнило.

Но хуже тошноты, хуже страха, что вся эта дрянь расплзется, по храму, затем по городу и миру — был треск разрушенных надежд. Черные, гладкие и блестящие ленты дорог, что вновь пересекут просторы пустошей. И механические дома, что один за другим выплевывают мобили и механических слуг... все рушилось, не успев даже как следует начаться.

Выпрямившись, он коснулся рукояти очистителя.

— Нужна динамика, — говорила она, а Лайва бледнел, краснел и не знал, куда деть руки. — На уровне клеток... умираем и возрождаемся, каждую секунду... Ведь так же, да?

Только бы она не поняла! Очиститель — длинный резной жезл, весь покрытый филигранью символов. Чужачка знает, что оба они жрецы. Быть может, она примет скипетр за предмет культа?

В тот день Кмун впервые увидел смерть. А когда красный шар солнца коснулся выжженных скал — тогда он убил сам, просто направив очиститель на живое существо.

— Что?... — только и успел спросить Лайва, когда вспышка на миг озарила каждый угол зала.

— Мы еще не закончили, — жестко оборвал его Кмун.

— Почему? — Коротышка заметно побледнел, но не спорил. Даже он понял, что это было нужно. — Чужачки больше нет, и падающей звезды тоже. Никто... ничего больше...

— А эти мелкие твари, что пожирают изнутри? Славны были предки, что истребили их... — Боги, как он устал за день. Как никогда раньше. А ведь предстоит самое сложное. Рот Кмуна, должно быть, скривился от страха, но он все же выдавил: — Мы коснулись не-

чистоты, Лайва. Мне кажется, я чувствую, как внутри меня копошится стадо... Остались мы. Мы угрожаем миру.

Коротышка успел прижать ко рту ладонь, прежде чем исчезнуть в еще одной вспышке.

— Остался я, — зачем-то вслух сказал Кмун.

И поднес очиститель уже к собственной груди.

Позже, когда воды жизни стекали с его воссозданного тела, жрец еще чувствовал далекий отзвук страха. Как будто он забыл нечто важное. Но воды омыли его благословенным забвением, унося из памяти равно печали и радости. Славны будут предки вовеки!

Он знал, что скоро все пройдет.

Каменные перила, что ограждали балкон, уже сотни лет как начали крошиться, а воздух пах пылью — и временем. Ша-тул наливался светом, а подательница удовольствий смиренно опустила меж ног жреца, повинаясь жесту. Когда Кмун запрокинул голову, отдаваясь умелому язычку, на него взглянули тысячи звезд.

Все они были прочно закреплены на небесной тверди.

Ни одна из них не намеревалась упасть.

НЕМЫТОВ НИКОЛАЙ

ДУХИ СРЕДИННОГО МИРА

Он давно уже не считал себя врачом. Могильщик. Приехал, глянул: «Кранты». На мятой бумаге написал заключение и поставил печать: «Участковый врач Коец Федор Ильич». Якуты его назвали «дохтор Кранты». Привязалось словечко.

★ — Ездит Федор Ильич по тундре, словно всадник Апокалипсиса, от стойбища к стойбищу, от поселка к поселку. Вместо бледного коня — оленья упряжь; вместо косы — старая авторучка. Чирк подпись — нет человека. Чирк еще разок — другого не стало. Чирк, чирк, чирк...

Федор Ильич поправил маску, глянул на газоанализатор на запястье. Вошло в привычку. Сегодня можно не бояться метанового выхода. Разве что олени занесут на пузырь и продавят дерн. Провалишься со свистом, а выбраться из метановой ямы — это уж как повезет. Тундра, как и люди, словно оспой болеет, крутых провалов все больше, ямы все глубже.

Врач снял маску, вдохнул полной грудью. Сегодня ветрено. Да уж... Ветрено. В высоте гудит, белая стрела упорно ползет по сини неба — старик «БЕ-200». Еще один спасатель. Настоящий.

Какюр за соседней упряжью глянул равнодушно на самолет, прикрикнул на оленей:

— Гей-гей! Так-так!

На что надеются эти люди? На врача? На божью милость? На шамана Прошку Лебедева? Шаман, наверное, уже на месте. Топчется вокруг очага, дымит сухим мхом, тарабанит в бубен. Все средства хороши, когда болезнь терзает твоих близких. Что бестолковый шаман, что бесполезный «доктор Кранты»...

— Гой-гой! Гей-ек! — прикрикнул какюр.

Федор Ильич вытер глаза — ветер слезу вышибает, не разглядеть: скальный выступ или стойбище показалось? Подтянул к себе сумку. Медикаменты и чистые бланки — свидетельства о смерти. Последние — самое главное. Половину сумки занимают. Прислали из Якутска со строгим указанием: «Компьютерная система не считывает ваши мятые бумажки! Будьте любезны...» Теперь придется заполнять печатными буквами в каждую клеточку, а пациенты обождут.

Республиканское руководство тревожит статистика, намечающиеся тенденции, ведь отсюда принимаются решения, производятся закупки, поставки, делаются отчеты, рассчитываются перспективы. Горите вы синим пламенем!

Собаки встретили маленький обоз первыми, а следом на лай вышли из урасов люди. Коренастые, с виду крепкие мужчины. Федор Ильич знал каждого и по походке, по рубцам на лице сразу определял самочувствие. Это те, кто выжил в первой волне сибирской язвы. А какую еще хворь выдаст тающая тундра — поди знай!

— Доктор Кранты. Доктор Кранты...

Врач слез с нарт, подхватил сумку и пошел на знакомый звук бубна. Показалось или нет — Прошка нынче старается пуще прежнего. Отчаянье нашло на старика. Хоть бы не вздумал вновь бок штырем протыкать, как в прошлый раз, когда вытаскивал охотника с того света, буквально у духов из лап вырвал. Чтобы такое совершить, надо самому одной ногой на тропу смерти стать, и Прошка дырявит себя до потери сознания. В прошлый раз обошлось, зажила рана прямо на глазах Федора Ильича. Чудо, конечно, но врач опасался, что рано или поздно такой трюк может кончиться плачевно. Возраст. Прошка старше Федора Ильича лет на пять, а то и больше.

Откинув полог, врач подождал, пока немного рассеется дым шаманских трав. Лучи солнца, висящего над горизонтом, наполнили пространство ураса дымным янтарем, в котором выло и притаптывало сутулое существо с колотушкой и бубном в лапах. Врач замешкался, отступил. Сейчас лучше не входить. Поспешно отпустил полог и сел на нарты, стоящие у ураса.

Скорее всего, все уже кончено. Федор Ильич зачем-то открыл сумку, стал перебирать лекарства,

★ словно потерял чего среди бумаг. Блин, да где же это? «Это» что? Стиснул кулаки, не вынимая рук из сумки. Нервы.

Звуки бубна стихли. На мгновение врач услышал звон гнуса, вьющегося у лица, и вдруг женский крик заставил Федора Ильича вздрогнуть. Женщины кричат отчаянно, бьются с невероятной силой так, что даже дюжим мужчинам не удержать их в порыве нахлынувшего горя.

Когда полог входа приоткрылся, от крика шарахнулись олени. Каюр удержал их за упряжь, глядя бархатные лбы.

Бряца железяками и костяшками — подвесками костюма — появился Прошка Лебедев. Стащил жуткую маску, устало глянул на Федора Ильича. Пот стекал по небритым щекам, оставляя грязные дорожки; губы, изуродованные болезнью, желтые пеньки зубов. И зачем ему маска? Такого черта любые духи испугаются.

Еще один всадник — подумалось Федору Ильичу. Двух не хватает. Может, в министерстве помогут, выделяют того, с трубой который, чтобы по всей тундре слышно было — смерть скачет, «доктор Кранты» с бланками-пропусками на тот свет. Немедленно заполните нужную форму!

Схожу с ума...

Пальцы разжались. Под рукой оказался иньектор и коробка с успокоительным. Привычным движением он вставил капсулу в гнездо.

— Сашка! — окликнул он каюра. — Помоги-ка, — и вошел.

Одному не удержать.

Люди неспешно собирали пожитки, разбирали урасы.

Федор Ильич соскочил с нарт на ходу, огляделся,

не веря своим глазам. Никто не обернулся в сторону «доктора Кранты».

Рядом остановились вторые нарты. Кряхтя, с них слез Прошка, встряхнулся, словно пес.

— Я те грил, — обратился к врачу.

— Ни черта не понимаю, — пробормотал тот, поймал за руку проходящего мимо подростка. — Где у вас больные?

Мальчишка глянул на него исподлобья, махнул в сторону людей, разбирающих большой ураса.

— И куда вы собрались? — поинтересовался Федор Ильич.

— К Золотой Бабе, — нехотя ответил мальчишка. Врать здесь не умели.

— Чего? — врач растерялся.

Вместо ответа подросток дернул рукой: «Пусти!» Федор Ильич разжал пальцы. Переглянулся с шаманом — тот пожал плечами: «Я те грил».

Больная девушка лежала на нартах, укрытая шкурами. Мать хлопотала подле нее, а мужчины скатывали полог жилища. Едва врач сделал шаг в их сторону, женщина бросилась навстречу, расставив руки.

— Не пуцу! Иди, Кранты! Иди, тсюда!

Федор Ильич не стал спорить. Подоспели мужчины, стали стеной, прикрывая и нарты, и растревоженную мать. Молодой, с глубокой оспиной на левой щеке, дернул подбородком:

— Уходи, доктор. Ты не лечишь. Ты не нужен.

Федор Ильич сглотнул обиду. Этого молодца он месяц выхаживал, едва не потеряли. Да когда ж это было? Выходит, давно, если добро забыто. Сколько же смертей назад? «Доктор Кранты» потерялся в счете.

— Хорошо, — кивнул врач. — Мне надо осмотреть больного, и я уйду.

— Тебе не надо, — вздернув подбородок, ответил молодой.

★ — Что за ерунда? — Федор Ильич начинал злиться, но старался держать себя в руках. — Я лечащий врач. Я отвечаю за каждого больного на своем участке.

Люди переглянулись, с места не сошли, только утрюмо насупились.

— Теперь ты не лечишь, — заявил молодец. — Золотая Баба пришла. Она лечит. Она умеет.

— Врача нет! — выкрикнул кто-то из толпы. — Больной есть! Врач нет!

Прошка подошел к Федору Ильичу. Попыхивая трубкой, взглянул на каждого из мужчин. Те, словно устыдившись, расступились, давая проход шаману. Прошка хмыкнул, пыхнул дымом из трубки и направился к нартам, на которых лежала больная девушка.

— Не знаю, куда они едут, но девчонка очень слаба, — заключил Федор Ильич после осмотра, когда они с шаманом отошли от толпы. — Может помереть в дороге.

— Поеду вместе, — Прошка кивнул в сторону собирающихся людей. — Лекарство дай. Пиши, как лечить.

Ну, вот. Еще не хватало устраивать в дороге медицинские курсы. Однако другого выхода Федор Ильич не видел. Шаману больше верят — он свой, и к больной подпустят, а чем тот будет лечить — какая разница?

— Договорились. Я двинусь следом за вами.

Охотники обошли округу, выбирая место для ночлега. Местность знакомая, но метановые пузыри возникали иногда буквально на глазах.

Федор Ильич сидел на нартах в стороне от лагеря, покуривая самокрутку. Метан? Да черт с ним! Если к врачу у людей веры не стало, какой ты врач?

Федор Ильич вздохнул:

— Кранты.

Вот словечко-то привязалось.

Шаман подошел, сел рядом и протянул кружку горячего супа из брикета.

— Спасибо, Прохор, — пробормотал врач и осекся.

— Пжалста, — ответил тот, не моргнув глазом.

Все знали: на «Прохора» шаман шибко обижался. «У шамана должно быть шаманское имя, — говорил Лебедев. — Поменять никак нельзя. Поменять — силу потерять».

— Прости, — тихо произнес врач, не отрывая взгляда от варева в кружке.

— Я — как ты, — ответил шаман. — Они мне не верют. Грят, ты не лучше Кранты. Грят, ты пропадай сила. Грят, Златой Баба всех лечить, язвы живить.

Федор Ильич хлебнул супа, обжегся, зло выругался: «Зараза!»

— Зараза, — эхом отозвался шаман.

— Мда... И приумножится Русь землей Сибирской, — вспомнилось врачу. — Приумножилась...

Потепление изменило все. Выходы метана из-за таянья вечной мерзлоты — это еще мелочь. Вместе с газом из многовекового льда вышли болезни. Сибирская язва — первая ласточка. Почти все в стойбище ей переболели, остались на память отметины на лицах, как у шамана изуродованный рот. Появились и другие хвори, некоторые совсем неизвестные врачу.

Тулуканы, песчаные дюны вдоль берегов Лены, пошли в рост, отвоевая участки тайги, потянулись длинными языками вдоль и против течения.

Энцефалит, затопление прибрежных территорий водами Северного Ледовитого океана и образование новых болот...

— Так че за баба? — спросил врач. — В пещере сидит, песни свои поет?

По преданию так должно быть.

— С неба, — ответил шаман.

— А... Так и с неба?

— Грят, — Прошка поднял руку с трубкой и изобразил спуск Бабы на землю. — Вот так, да.

Федор Ильич помолчал, обдумывая его слова.

— Ничего святого, — и в сердцах запустил кружкой с супом в солнце. Вскочил, прошелся взад-вперед, стараясь справиться с гневом. — Ладно. Нам бы этот день продержаться.

Шаман кивнул, пыхнул дымом:

— Хорошо. Черз день на месте буим. У Бабы.

— Тьху ты, черт! И ты туда же!

Прошка вжал голову в плечи, ссутулился, опасаясь гнева «доктора».

— За этот день кризис пройдет! Кризис!

Здесь расположился целый городок: урасы соседствовали с палатками разных видов и расцветок. Федор Ильич разглядел даже пару надувных модулей — старых, заплатанных в нескольких местах, однако еще вполне функциональных.

Каждое стойбище возводилось обособленно, образуя улицы и переулки, ведущие к западной окраине городка, где темной громадой стояли скалы. Солнце неуклонно скользило к своей нижней точке над горизонтом, когда обоз Федора Ильича вошел в городок. Новоприбывших встречали радушно, ведь многие состояли в родстве. Даже врача сразу узнали: «Доктор Кранты, доктор Кранты».

— И я рад вас видеть, — произнес про себя Федор Ильич.

Его не интересовали здоровые. Он видел больных, которые едва передвигались среди чумов, сидели у костров, закутанные в меховые одежды. Врач Коец Федор Ильич видел пропитанные кровью повязки на руках и ногах, видел вовсе замотанных по глаза,

изуродованных язвами. Слышал плач ребенка, стоны взрослых, причитания женщин...

Девушка, которую они везли к Бабе, пережила кризис. Теперь необходимо поддержать организм, а запасы врача не безграничны.

Федор Ильич попытался скрутить самокрутку, два раза просыпал табак на землю — руки не слушались. В конце концов бросил бумагу, растоптал каблук.

— Знач, Баба, грите. Золотая, знач. Не все то золото...

— Федор! — окликнул его шаман.

— Да иди ты...

Прошка не ушел. Догнал, остановил, положив руку на плечо.

— Туда не ходи.

— Чего это вдруг?

— Не пущат.

— У меня больной на ладан дышит, — врач начал злиться. — Там на нартах, — он указал пальцем назад, где становились лагерем прибывшие, — умирает девушка. И это не твоя беда! — Он ткнул себя в грудь. — Это моя беда! Моя, понимаешь!

— Не ори, — обиженно произнес шаман. — Я с тобой.

Федор Ильич почувствовал стыд: правда, чем виноват Прошка Лебедев? Он тоже старался, старался изо всех сил, помогал в дороге.

Врач промолчал, отвернулся и направился к скале.

Много ли врач видел чудес на своем веку? Пожалуй, были чудеса исцеления, когда Федор Ильич чувствовал присутствие. Бога? Ангела? Святой Девы? Не важно. Не важно, во что верил больной. Он исцелялся и в тот момент врач Коец Федор Ильич тайком крестился и говорил «спасибо». Так было, когда

со страшной раной в боку от железного прута на его руках едва не умер Прошка Лебедев, шаман, спасший охотника таким странным способом. Кто тогда стоял рядом с врачом? Предки шамана? Золотая Баба? Как знать, но поутру рана затянулась, и Прошка открыл глаза.

Чем ближе Федор Ильич подходил к темной громаде скалы, тем заметнее становилось сияние. Чудо? Кто ж его знает.

Зеленые и фиолетовые отблески вспыхивали над палатками и урасами. Оно было очень похоже на северное сияние, только меньших масштабов, и врач, зачарованный странным свечением, остановился.

— Что это? — спросил он Прошку.

— Ураса Бабы светясь.

Федор Ильич взглянул на шамана, тот невозмутимо посмотрел на него.

Странное чувство, смесь растерянности и неловкости пришло к врачу. Он не верил, а чудо, оказывается, есть. Вот оно полыхает над городком, хотя солнечный свет приглушает, не давая разгореться в полную силу.

— Плехо дело, — сказал Прошка. — Баба, гряд, давно не выходит. Слабый стал. Шаманы совсем сил не стал звать ее. У порога только олонхосуты. Олонхи говорят, зывают Златую.

— У порога сидят? А войти пытались или это нельзя?

Шаман посмотрел на врача, да тот и сам понял, что ерунду сморозил. Войти в дом духа не так-то просто.

— Стены, гряд, не пройти. Человека, гряд, толкают назад.

Федор Ильич кашлянул, будто горло пересохло. Оказывается, боги тоже слабеют и болеют. И как дальше? Что греха таить: где-то в глубине души

врач сам рассчитывал на встречу с Золотой, на ее помощь.

— Там разберемся, — пробормотал Федор Ильич.

Следом за ними увязался едва не весь городок. Любопытство? Нет. Надежда. Может, эти двое смогут докричаться до Золотой? Может, «доктор» даст ей волшебное лекарство и исцелит богиню? Может, врач с шаманом потомки древних героев из олонхо, ведь сюжеты сказителей-олонхосутов порой так замысловаты?

Пятеро стариков сидели у костра на окраине городка. Один прочел речитатив, другой затянул песню. Первый рассказал о событиях, второй на два голоса поет диалог между героем и духом или божеством. Мистическое представление, таинственный спектакль...

Федор Ильич не понимал языка олонхосутов, да он и не прислушивался к словам сказания. Его привлекло иное. Как точно по смыслу подходило к этой штуке название — «иное».

В земле зияла дыра правильной круглой формы диаметром шагов эдак сорок-сорок пять. Подобные провалы встречались в тундре — выход огромного метанового пузыря или таянье вечной мерзлоты, подземного древнего озера. Но причиной образования этого провала, скорее всего, стало «иное» — играющий всполохами северного сияния объект, постоянно меняющий форму.

Федор Ильич украдкой оглянулся на толпу: люди стояли, замороженно глядя на ураса Золотой Бабы. Отблески света превратили лица больных в жуткие безжизненные маски с темными провалами ртов и стекляшками вместо глаз. Здоровые выглядели не лучше.

— Дем, — позвал врача Прошка.

★ Федор Ильич в нерешительности топтался на месте. — Дем, — настаивал шаман. — Те можна. Ты со мной.

Их будто ждали — в круге у костра оставалось свободное место, как раз для двоих. Молодые парни, стоящие за спинами стариков, быстро расстелили шкуры для гостей и замерли, готовые выполнить любой приказ.

Федор Ильич не раз встречал олонхосутов, но этих видеть не доводилось. Темные, покрытые морщинами лица, жидкие бороденки белые, словно мох, и от того казалось, что эти люди отделились от темной громады скалы или были камнями у ее основания, а потом вдруг ожили. Федор Ильич чувствовал себя мальчишкой, который тайком пролез на собрание взрослых и попался.

— Они думают — ты поможешь, — вдруг сказал Прощка. — Они грят — у тебя способен.

— Способность, — машинально поправил врач.

Сказители смотрели на него с ожиданием.

— Они ничего не перепутали? Тут нужен инженер или... — Федор Ильич понятия не имел, какой спец нужен, чтобы разобраться в положении.

И вообще. Надо ли проникать в «иное»? Не проще ли докричаться до Золотой? Или лучше бежать со всех ног от опасной радиации, которую — возможно! — излучает объект?

— Я понятия не имею, — прошептал он.

— Не над так тихо. Они все слышат, — сказал шаман.

— Я не знаю, что делать, — громче произнес врач, обращаясь к олонхосутам. — Чего вы от меня ждете?

Сказители молча слушали его речь, не моргая. Федор Ильич стал сомневаться, понимают ли его?

— Прощка, здесь другой специалист нужен, — обратился он к шаману. — Лучше физик или целый научный институт.

— Эт долга, — шаман вздохнул. — Щас нада.

Не поспоришь. Федор Ильич кивнул самому себе, поднялся со шкуры и прошел к краю ямы. Солнце едва касалось горизонта, и скальная громада накрыла длинной тенью яму, объект над ней, сказителей у костра, толпу, пришедшую следом за ними с Прощкой. На дне ямы образовалось озеро кристально-чистой воды, и сияние играло на его поверхности, блики танцевали на стенах.

— Глубоко, — пробормотал врач.

Он чуть подался вперед, подставил сиянию одну, другую щеку — свет не согревал. Тогда осторожно протянул руку и почувствовал кончиками пальцев упругую поверхность.

— Они пробывали, — Прощка оказался рядом. — Один охотник прыгнул...

Дальше объяснять не надо. Из ямы и с веревкой не выберешься.

— Шаманы пробывали, — рассказывал Прощка. — Трудна. Теперь я пойду.

— Куда? — едва не закричал врач. — Зачем?

Шаман молчал.

— Как вам объяснить, что это искусственный объект? Это техника! Ма-ши-на! Чу-жа-я ма-ши-на!

Прощка кивнул, соглашаясь, и сказал:

— Ты пойдешь с мной.

— Глупость какая! — в сердцах Федор Ильич схватился за голову.

— Ты дохтор. Ты поможешь Златой.

Подготовка заняла целые сутки. Федор Ильич почувствовал на собственной шкуре все, что пришлось пройти упрямому шаману. Женщины долго натира-

★ — ли тело «дохтора» травами, обмывали водой из ямы. Стекающие струи бликовали зелеными и фиолетовыми всполохами, врач вздрагивал от холода, но терпел. Убедившись, что Федор Ильич достаточно чист, олонхосуты распорядились покрыть его тело рисунками. Сделать это оказалось не просто — мешал волосяной покров на теле. Врач поначалу даже опасался, что побреют его всего, но обошлось. Напевая, женщины взялись за угли. Старуха, которая присматривала за работой, лишь усмехнулась: «Хагдан эхэ».

— Бурый медведь! — сказала она. — Такому и шкур не нада.

Однако шкуру все же надели. Насколько понял Федор Ильич, простому человеку опасно путешествовать с шаманом, а зверю духи плохого не сделают.

Солнце вновь склонилось к линии горизонта, когда «хагдан эхэ» следом за шаманом вошел в круг, где горел большой костер.

— Что мне надо делать? — Федор Ильич волновался, голос дрожал.

— Слушай, — ответил Прошка, — и иди за мной.

Он ударил в бубен, приблизил инструмент к уху, будто прислушался к звуку. Ударил вновь. Хрипло крикнул один из олонхосутов, и началось.

Врач ждал. Уже ныла спина, наливались свинцом плечи под тяжестью медвежьей шкуры. Федор Ильич пошевелился, потоптался на месте, разгоняя кровь.

— Хагдан эхэ! — воскликнул шаман.

Звериный рык вырвался из горла врача. Федор Ильич замер, удивляясь самому себе, а затем поднял лапы к небу, качнулся из стороны в сторону, ноги сами пустились в пляс. Зверь пошел за звуками бубна, его рычание постепенно превратилось в горловое пение, которым никогда не владел «дохтор Кранты»,

и вот уже медведь кружится в паре с шаманом под песни олонхосутов.

Новое превращение произошло неожиданно. Федор Ильич вдруг осознал себя стоящим на краю ямы рядом с Прошкой. За спиной звучал бубен, ревел медведь, пели люди. Врач удивился — выходит, он одновременно и здесь и там? — хотел обернуться, но шаман одернул — назад пути нет.

«Иное» теперь предстало в переплетении фиолетовых жгутов. Они беспорядочно вращались, скрывая в себе сияющую сердцевину. Время от времени меж жгутов возникали проемы, в которые свободно мог войти человек. «Или влететь дух», — подумалось Федору Ильичу.

— Нам туда, — сказал он шаману, указывая на проход.

Прошка кивнул, взял его за руку и попытался взлететь, но лишь немного приподнялся над землей. Дух умершего поднимается к Верхнему миру легко, но дух живого отягощен телом, а тут еще и спутник.

— Что-то не так? — спросил Федор Ильич.

— Жди!

Лицо Прошки нахмурилось, потом исказилось от боли.

— Хорошо, — произнес шаман и заставил себя улыбнуться.

Он с легкостью поднялся над ямой, увлекая за собой врача, и они вошли в один из проемов.

Знаки, речь, телепатия, в конце концов, лишь средства понять друг друга. Некоторые вещи Федор Ильич воспринял сразу, но большая часть... Она не торопила, успокоила: со временем откроется, ты поймешь.

★ — Золотая предстала перед ними лежащей — на ложе? в пилотском кресле? в коконе? — скрытая золотым сиянием. Врач попытался узнать причину крушения аппарата, но ничего не понял в технических деталях произошедшего. Ясно одно: много тысячелетий назад аппарат оказался погребенным под селевым потоком и вмерз. Выходить на поверхность Золотая могла, но поднять корабль... Что-то мешало. Технические проблемы. Федор Ильич в растерянности потер лоб.

Теперь она умирала. От старости, от дряхлости. У Золотой не было больше сил носить груз знаний и способностей, полученных при рождении, приобретенных в течение долгой жизни. Врачу показалось странным, что столь могущественное существо не может обновить организм. Она лишь улыбнулась — он не видел лица, однако почувствовал эмоцию. Показалось, словно старушка мать взглянула на маленького любопытного ребенка.

Чтобы обновиться, нужно лишиться всего того, что составляло ее сущность. Отречься от привычек и воспоминаний, пережитых эмоций и впечатлений. От личности практически ничего не останется, и как поведет себя новая сущность — неизвестно.

Последняя надежда врача на Золотую Бабу угасала на глазах. Когда-то она выходила на поверхность к людям, даруя им защиту и исцеление. Потом исчезла на века, чтобы сохранить остаток сил для... Будущего? Она предвидела происходящее сегодня? Федор Ильич немного не понял, но, кажется, все происходило именно так. Золотая исцеляла, покуда хватало сил, и в один прекрасный день поняла, что не может встать. Она слышала призывы, но не способна была открыть дверь.

Она протянула руку к врачу, тот осторожно прикоснулся к сияющим пальцам — сухая шершавая на ощупь ладонь старухи. Мир вокруг закружился с невероятной силой, Федор Ильич почувствовал себя дурно, а поток усиливался. Сознание тщетно пыталось зацепиться за что-то знакомое среди круговерти образов, свободная рука шарилась в поисках опоры, с силой вцепилась в плечо стоящего рядом шамана.

Врач почувствовал, как его обнимают за плечи, гладят по голове. Кружение затихало. Не надо осознавать все сразу. Знания раскроются сами, когда придет время. В противном случае, можно лишиться рассудка.

— А теперь — уходи, — Федор Ильич не сразу понял, что впервые слышит ее скрипучий старческий голос. — Спешу. Твой проводник теряет силу.

Врач взглянул на шамана — тот едва держался на ногах и еще поддерживал шатающегося товарища. Изуродованное давней болезнью лицо Прошки посерело.

— Спешу!

Свет, окружающий тело Золотой Бабы, стал меркнуть...

Федор Ильич увидел перед собой пылающий костер, услышал сухой треск и почувствовал дрожь земли. Он оглянулся — «иное» совсем утасло, фиолетовые жгуты, будто трухлявое дерево, ломались и с грохотом падали в яму. Олонхосуты молча наблюдали, как рушится ураса Золотой Бабы.

Рядом кто-то застонал. Тело шамана висело на длинном стальном пруте, один конец которого был воткнут в землю, другой торчал из спины Прошки.

— Прохор!

★ Федор Ильич присел, подставляя плечо, стал приподниматься, стараясь снять шамана. Замершая у окраины городка толпа дрогнула от крика, охотники поспешили на помощь «доктору».

— Что же? Что же ты? — приговаривал врач, укладывая шамана на постеленную шкуру. — Нож! Дайте нож!

Испачканные кровью пальцы скользили, когда Федор Ильич пытался разрезать куртку Прошки, зажать рану.

Шаман пошевелился, взглянул на «доктора» и улыбнулся.

— Хорошо... — прохрипел он. — Хорошо. Ты теперь златой... Ты теперь...

Шаман Прошка угасал на глазах. Видимо, в этот раз второпях промахнулся, зацепил кровяную жилу. Да и старая рана вдруг открылась.

Врач судорожно искал выход, пытаясь выудить из своей памяти приобретенные знания или — черт бы их побрал! — новые способности. Тщетно.

— Ну, давай же! Давай! — в отчаянье он колотил себя кулаком по лбу. — Самое время!

Прошка обмяк на руках охотников, голова откинута.

Некоторое время Федор Ильич смотрел на него, еще не принимая утрату. А потом вдруг заревел, словно раненый медведь. Заревел так страшно, что охотники попятились, матери подняли на руки заплакавших детей, лица стариков побледнели от ужаса...

Иирээки Эхэ сорвал травинку, разжевал — то, что надо. Теперь если все смешать в определенных долях... Он засунул траву в сумку на поясе, повернул к городку.

Многие уехали, оставив после себя кострища и круги от урасов. Иные остались. Попали в лапы к Иирээки Эхэ — не вырваться. Запретил он больных перевозить, а на тех, кто выступил против, так посмотрел, что кровь в жилах застыла. Люди роптали поначалу, убить даже хотели Иирээки Эхэ — Безумного Медведя. Думали подкараулить спящим и воткнуть нож в самое сердце. Только с тех пор, как сгинула Золотая, как умер шаман Прошка, «доктор Кранты» совсем не спит. Бродит по лагерю, поит больных отварами, компрессы и примочки ставит, а родственникам строго-настрого наказывает соблюдать «курс лечения».

Федор Ильич обошел больных и вернулся к яме, уселся у потухшего кострища. Пять темных камней, покрытых седым мхом, стояли полукругом, и не понять: были ли здесь древние олонхосуты или привиделось все? Врач закатал правый рукав, почесал предплечье — кожа под золотой «штукой» иногда нестерпимо чесалась. Она сама образовалась на руке на следующий день после...

Что это — Федор Ильич понятия не имел. Пока не имел. Каплевидное плоское украшение, покрытое красивым орнаментом с изумрудами и рубинами. Впрочем, врач сомневался, что это были настоящие камни. Да и какая разница. Целебные вещества в растениях он научился определять на вкус, интуитивно смешивал их меж собой, получая лекарства — первое умение от Золотой. А в перспективе хорошо бы превратить тело в «фабрику» для создания антител. Тогда можно было бы лечить собственной кровью.

Федор Ильич провел пальцами по «штуке», оглянулся.

— Здорово.

— Угу, — шаман кивнул, достал из мешочка на поясе трубку, закурил. — Хорош день, — выпустил струйку дыма в небо.

Федор Ильич улыбнулся:

— Хороший.

Сидит Иирээки Эхэ у ямы, с собой разговаривает. Люди уже привыкли. Главное, жены, мужья, дети на поправку пошли. Теперь стыдно, что убить врача хотели. Но Иирээки Эхэ — новый дух Срединного мира — зла не помнил...

ФЭНТЕЗИ-НУАР

МОБ ДИК, или ОХОТА БЕЛОГО КИТА

Фэнтези-нуар

* * *

опли не жуй, — Камбала замахнулся битой.

Зажали. Ни вправо, ни влево. Между помойными баками. Почему у них всегда получается? Никто не может поймать, только хмыри. Знающие цыкнули сквозь зубы:

— Моб Дик, он все может.

Он не только Цукидзи, все районы подмял. Что ему бродягу отловить да битами отпотчевать?! Но тут закавыка: зачем самому крутому в городе потчевать бомжару битой? Мы и не представлены лично. В глаза Моб Дика не видел. Как и он меня. Но поди ж — зуб имеет. Вот и шлет хмырей. Камбала рад стараться, даром что зенки на одну щеку свернуты. Высмотрел, рыба кровь.

А меня найти, скажу без скромности, труднее, чем два пальца обмочить. Стучит кто-то. Кто — не сообщу. Нет в городе человека, кто что-то обо мне знал. Потому как и сам много чего о себе не знаю. Например, куда сегодня двину. Но Камбала и его стая знают. Потому и ждут там, куда заносит нелегкая.

Защищаться бесполезно. Против биты нет приема. И не сбежать. Ни разу не удавалось. Немочь охваты-

★ вает. Ноги слабеют. Колени подгибаются. Стоишь, стенку попираешь. От страха в дыхалке ковыряешь. Увидь меня корешки в таком состоянии, не поверят. На улице как? Главное — первым вмазать. Что кулаком, что стаканом. Как в ледяную воду голым задом. Кажется просто, а на самом деле — что мумии помочиться. Что-то нужно в себе сломать. И не раз, не два, после чего легче бить, а потом выяснять, а каждый раз, каждый раз.

Мне хана. Кто-то должен это увидеть — стою и избражаю боксерскую грушу, манекен для ударов, чучело. Как опущенный. И что, если их все ж Моб Дик послал? Моб Дик, конечно, авторитет, но — беспредельщик. А значит, имею право достать перо и завалить одного-двоих.

Право имею, но веду себя как падаль. Как тварь дрожащая. Принимаю удары. Сначала стоя, потом лежа, потом свернувшись, что твоя змея. А бандерлоги обрабатывают от души. С огоньком. В раж входят. Удивительно, что не убивают. Загоняют битами до черты, за которой — все, отброс копыт, склеивание ласт.

И я жду. Смиренно. Когда наступит эта черта. Даже с интересом — столкнут меня за нее или оставят?

— Эй, ты как?

Хриплый голос. Не сочувствия, не беспокойства за чью-то просранную жизнь. Какое сочувствие к тому, кто валяется среди мусорных баков, избитый до полусмерти, с изгаженными штанами? Бездомный — он и есть бездомный. Такая вот ошибочка у всякого, кто глядит на меня. Только бы не из моей коды. Авторитет терять нельзя. Без него никак. Лучше жизни лишиться, чем лица. Нет лица, нет и жизни, которую у тебя заберут. И сделают это так, что громилы Моб Дика покажутся ласковыми медсестрами из порномульта.

— Уматывай, — хриплю, в помощи не нуждаюсь. Отделали на совесть, но вот ведь — надо отлежаться,

потом встать с карачек и мотать отсюда. И с каждым шагом будет легче, будто вместе с кровью, юшкой, слюной и дерьмом из тебя уходит и боль.

— Тебе помочь? — не отстает хриплый голос. Пытаюсь разлепить буркала, взглянуть на владельца. Когда удастся, вижу несуразное. Культя и трусы. И одно с другим не приходит в единство. Культя жуткая, шраmistая, будто ногу долго жевали, прежде чем отхватить на хер до половины бедра. А труселя забавные — с клубничинами. У моей дырки такие. После часа с подопечных торговых лавок ей приволок.

Повредили что-то в башке, подумалось. Сам ничего думать не мог. Только и оставалось воспринимать влезающее в башку. Как приемник.

Потом отрубился. Что твой телевизор.

* * *

А когда включился, обнаружил себя на чердаке у Битки, где она гнездовалась и куда умудрилась и меня затащить, не смотри, что калека.

Видок у Битки — тот еще. Ни руки, ни ноги, ни глаза. Будто одну сторону тела грызли, но полностью схарчить не успели. Или не смогли. От общей ядовитости. И чердак под стать ей. Что скажешь о живущем здесь, если на окнах кошки повешенные. Конечно, и не такое видел, кое-кто и головы сушеные собирает. Ну, так то голова, голова врага, понять можно, но кошкодавство!

Лежу, значит, лупаюсь на кошаков, прикидываю хрен к носу — как часто их менять приходится, чтоб не воняло в доме, тут и она, спасительница, значит, благодетельница. Голышом, только труселя. На этот раз с медвежатами. Все шрамы наружу, без привычки — жуть. От вида обычной дырки в штанах поднимается, от вида Битки забываешь что в штанах имеешь.

— Ты, — говорю, — чего?

Она спиной о стену, сложилась пополам, по стене съехав, за костыль держась. Зашарила вокруг, и оказалось у нее нечто совсем неожиданное. Гитара. Да не простая, а самая что ни на есть электрическая.

— Ничего, — отвечает, — тебя вот спасла.

Меня! Спасла!

— И какого хрена, — говорю, — тебе вписываться перед громилами Моб Дика? Знаешь, кто такой Моб Дик? Так вот, его громилы.

Битка струны перебирает. Не играет, нет. Терзает так, что на предсмертный мjav задушенных кошаков походит. Уши затыкай.

— Не учи ученую, — Битка. — Потому и спасла. У меня к Моб Дику счеток.

Хреново. А тут еще музыка. То, что чокнутая калек болтала, — мне мимо кассы. Еще не хватало за нее перед Моб Диком вписываться. У того и так ко мне претензия, не на одном свитке записанная. За нее до сих пор расплачиваюсь, хоть и не соображу — за что на такой счетчик поставили? Не было у меня с отморозками дел и быть не могло. Кто хрен из подворотки и кто Моб Дик? Да мне Битка — как сестра, если по чесноку сравнивать.

Но что-то завалялся. Пора и честь знать. С кряхтением поднимаюсь, с членами все в порядке. Как и с членом. Ха. То ли привыкаю к регулярным потчеваниям битой, то ли громилы опыта набираются. Но с каждым разом вроде бы полегче. Чуть-чуть. Что, конечно, не оправдывает.

— Ну, — говорю. — Покеда. За хазу мерси. Как оказия будет, пару свежедохлых кошаков тебе подброшу. Побрел.

Битка на меня и не смотрит. Продолжает струны терзать. Сотня ошалевших кошаков такого не издаст.

Хоть ты их одновременно за хвосты тяни. Встал, потоптался, за стену держась, привыкая к вертикали — в последнее время все лежал больше, ну, да не по первой. Шаг, другой, дело пошло. Хотя чувствую, эти самые дохлые кошки в душе поскребывают. Будто и впрямь калечная вписалась не по-детски, а тут ей кидалово. Нет, благородства во мне ни на грош, в наших кругах — кинуть, это как два пальца, и даже легче, но... В общем, чувствую шевеление, как если бы ее калечная видуха в труселях заводила.

Может, ей того и надо? Зудит? А вовсе не от духоты ее так развезло? Но что в себе люблю — здоровые соки. Которые, несмотря на раздрай душевный, по жилам побежали, сдвинули с места и на лестницу вывели. Перил нет, мусор, горы отбитой штукатурки. Одно из гнездовий, откуда люди съехали, а мэрия, обещавшая новое жилье, про обещания забыла. И забила. Кинула. Теперь здесь такие, как Битка, укрываются. Ни электричества, ни воды, сортир — где хочешь и где фантазия позволяет.

То, что перил нет, плохо. Голова кругом, того гляди кувыркнешься. Рановато встал.

Когда вконец сообразил, что из заколдовья не выбраться, многовато времени прошло.

* * *

Голова кружилась, поэтому шел плечом к стене, подальше от края лестницы без перил. Сколько этажей? Вряд ли много — иначе как увечная мое тело затащила? И не похоже, что у нее имелись помощники. Разве десяток дохлых котят.

То и дело спотыкался о битые кирпичи. В глазах муть, словно сквозь грязную воду иду. Будто ногами в таз с бетоном, и на дно залива — на корм рыбам. И вокруг вода — вонючая, грязная. Остановиться,

переждать, но хотелось побыстрее смыться. Имелось в Битке что-то до жути неприятное.

Опасался ее, по чесноку. По хребту холод — чокнутой что кошака повесить, что допрыгать до двери и запустить костыль в черепушку.

Надо было денег дать, — в башке запоздалая мысль. Как ни крути, за меня вписалась перед Моб Диком. Карманы пощупал и обнаружил — кошелек буль-буль. Одноногая сама о себе позаботилась. И не говорите, что кошелек сам из кармана выпал, когда громилы дубасили.

— Вот сучка! — По-хорошему — подняться да уделать жертву икрометания, отходить ее же костылем, да связываться не хотелось. Сколько там в кошельке, который из чьего-то кармана вытащил, поскольку у меня ему будет лучше? Не успел пересчитать, так как стали пересчитывать ребра.

А лестница все тянулась. Вытягивалась бесконечной спиралью. Делала поворот за поворотом. Не дом, а высоченная сторожевая башня.

Стоп машина!

Замер. Переждал новый приступ головокружения. Развернулся. И побрел обратно.

Потому как понял.

Не выбраться отсюда.

Если с Биткой не разберусь.

Пока поднимался, по сторонам поглядывал. Подыскивал чего потяжелее. Бейсбольную битку, например. Железный прут тоже хорошо. Палка. Булыжник. Кирпич. Ничего. Мусор не в счет. Чем и как ее оприходовать? Стиснул пальцы, критически осмотрел кулаки. Нет, могу и голыми руками вправить мозги, не посмотрю что увечная. Но есть в Битке такое, о что голые руки марать себе дороже. Будто головастика пальцем раздавить. Когда приспичит или настрой имеется, делаешь не раздумывая. Но сейчас?

Она меня привязала, это да. Привязала так, не выберешься. Для чего? Надо спросить. Вот и спрошу. Вежливо. Чтобы синяков меньше, а боли больше. Нет, как ни крути, а биту бы в самый раз.

* * *

Когда вновь вошел в хазу увечной, ее след простыл. Вместо Битки на подоконнике сидела дамочка и задумчиво цедила сигаретку через черный фильтр. Судя по всему, решила поставить рекорд — вытянуть длинную сигаретку так, чтобы столбик пепла дошел до фильтра и не обломился раньше времени. Достойное занятие. А главное — увлекательное. Как раз для дамочки, которая взялась здесь не пойми откуда. Ведь мимо никто не проходил.

— Где одноногая? — спрашиваю как можно грознее, чтобы и виду не подать, будто дамочка меня привлекала.

— Упрыгала, — дамочка спокойно так отвечает. — Превратилась в галку и упрыгала. Кошаков видишь? — Кивает на повешенных. — Кошаков теперь в округе нет.

Что-то тут на соображалку стал. Видать, по башке все ж крепко задела.

— При чем тут кошки?

— При чем тут одноногая? Ты к ней пришел? Любитель увечных?

Мотаю головой, а сам пляжусь. Прикидываю — допустно или нет. Сговориться и силой можно. Пару тычков в зубы, синяк под глаз, после такой вежливости подобные дамочки строптивостью не страдают.

Но что-то ее насторожило.

— Даже и не думай, удалец, — стряхивает пепел, отщелкивает фильтр так, что он в лоб ударяет. Легко так, невесомо, но тело становится еще более легким и невесомым, отчего удар вколачивает в стену.

Непонятно?

Вот и мне непонятно. Однако стою у стены, прижавшись к ней спиной, а потом складываюсь, что твой нож.

— Вообще-то, есть деловое предложение. — Дамочка двинула стул к тому месту, где сижу, привалившись к стене, и пытаюсь сообразить — а как оно раньше получалось? Ну, в смысле, плавниками двигать?

— Слушаю, — рот, на удивление, открывался. — Слушаю...

— Не надо повторять дважды, — поморщилась дамочка. — Я прекрасно слышу. Но мне льстит твоя готовность к сотрудничеству. Посмотрим, как дело пойдет... Ты про Моб Дика слыхал?

Закашлялся аж. Издевается? Это как если бы она спросила, слышал ли про воду. Или, того хлеще, про удоны. От такого даже чувство юмора вернулось.

— Не-а, — говорю. — Что это вообще такое? Модный магазин?

Дамочка не ответила, достала новую сигаретку, закурила. Немедленно возникло нехорошее предчувствие. Готов поклясться, скурит сигаретку до самого фильтра. А потом опять в лоб щелкнет. Чтоб башка треснула.

— Ладно-ладно, — говорю. — Дыми спокойнее, наслаждайся каждой каплей никотина. Знаю Моб Дика. Да кто его не знает?! Местный авторитет. Держит Цукидзи под контролем. А может, и весь город опутал.

— Так вот, — продолжает, — этот самый Моб Дик кое-что мне задолжал...

— Ха! — невольно вырвалось, хотел продолжить: нет, наверное, в городе людей, которым бы он не задолжал, хотя сам Моб Дик считает, что все у него в должниках ходим. А потому лучше для нее долг Моб Диду простить и зажить долгой, простой жизнью. Если получится.

— Ты что-то хотел сказать?

Затряс башкой. Ну его. Себе дороже. Пускай и дальше фантазирует. Тешит самолюбие. Встречались такие. И у всех препоганое качество — жизнь чересчур короткая. Мрут как мальки. Или как котики у Битки. А потому главная забота — оказаться в этот момент как можно дальше от них. Ну да, это умею.

— Никак нет, — говорю. — Слушаю внимательно. Должок, значит, рассчитываете получить? Благое дело.

Но что-то ей опять не понравилось. Неискренность, может? Пытался, чесслово... В общем, подошла, наклонилась и спросила:

— Будешь хамить, я тебя поцелую, — вроде и слова обычные, но так произнесла, как, наверное, один Моб Дик и мог произнести. Чтоб изнутри все замерзло. — Так что по этому поводу думаешь? Не вилай, говори как есть.

* * *

Раз велят, говорю как есть. Ежели у дамочки и есть что выкатить против Моб Дика, то, конечно же, всеми фибрами и жабрами сочувствую, но очень-преочень советую всякие мысли, идеи, надежды, удоны и прочее-прочее, что поддерживает ее веру в справедливость и воздаяние при жизни, — выбросить, плюнуть вослед и растереть туфлей. Ежели, конечно, жизнь свою хоть на грош ценит. И привожу несколько примерчиков, которые случились с теми, кого либо знал, либо мельком видел. Видел, естественно, до того, как их на крючок поймала столь бредовая мысль, будто какой-то Моб Дик чего-то им задолжал. Потому как потом, после попытки должок слупить, искать их в городе бесполезно.

Дамочка слушает, не прерывает. Головкой качает, ногой качает, того гляди туфля с кончиков пальцев соскользнет.

— Ну, что, дорогой, — говорит в ответ. — Слушала тебя, слушала и еще раз убедилась — дураки все. Дураки и трусы.

Имелась наивная мыслишка ее переубедить. Не ради сохранения дамочкиной драгоценной жизни, но исключительно сбережения себя, конечно. Приближаться к Цукидзи, а тем более соваться в него, ох как не хотелось. Хватит и тех громил, что регулярно меня отыскивали и отметеливали. Да по сравнению с тем, чего хотела дамочка, — мелочь. Вроде как шутка. Мало ли кому регулярно перепадает? Главное — дальше живешь и не тужишь.

Но с другой стороны, чутье подсказывало — не отвертеться. Дамочка, что называется, упертая. И зуб на Моб Дика наточила — будь здоров. Всем зубам зуб.

— Ладно-ладно, — вроде как сдался под конец. — Согласен. Иду с тобой сшибать должок с Моб Дика. Тем более свои претензии к нему имеются.

А сам прикидываю — когда и где чокнутую громилам Моб Дика сдать. Там, глядишь, и наказание скостят.

Вряд ли мыслишки на роже написаны. Рожа опухшая и, как твердят случайные подружки, — кирпича просит. Грех обижаться.

— Ты в курсе про удоны? — Как ни вертись, а у дамочки дар к неожиданным вопросам. К тому моменту с пола поднялся, от пыли кое-как почистился. Хоть опять ложись, прикидывайся деревяшкой.

— Колдовство, — говорю. — Заклятье. Чем дальше от них, тем жизнь приятнее.

— Экий несмышлениш. Какое же колдовство, если ты сам удон? Думаешь, тебя за просто так громилы Моб Дика за жабы держат? Удача на тебе висит. Только не твоя, не обольщайся. А ихняя, в делишках темных. Но и не заносись, удон из тебя так себе, сла-

бенький, потому и пестуют изредка, для профилактики.

Сунула мне в руки битую. Что делать? Принял, прижал к груди, прям как родную. Ну и уши развесил, потому как в голову стали прокрадываться совсем кислые догады.

— Чувствовалище твое работает, как им надо, сечешь?

— Чего не сечь, — бормочу. — Когда бьют по хребту, больно. А другим, наверное, по кайфу.

— Остроумник. — Дамочка язычок высовывает и проводит по губам, отчего губы становятся глянцевыми, будто помадой покрываются. — Не знаю, что ты там переживаешь, когда тебя громилы по хребту охаживают, мне такое не по вкусу, но твои переживания и заставляют удон срабатывать. Ты — ходячее заклинание, как и большинство в городе, сечешь? Моб Дик потому и процветает, что каждого в заклятие превратил. А кто еще держится, тем недолго осталось трепыхаться.

— Даже ты? — Прищуриваюсь, будто отыскиваю в ней этот самый удон, а сам, конечно же, на ее тело плююсь. Ни одна из моих бывших и настоящих дырок с ней и рядом не стояла. Хочется прищелкнуть языком, но сдерживаюсь.

— Я — другое, — говорит дамочка. Кто бы сомневался! — Я — Охотник.

Вот тебе раз! И разливается по лицу непонимание, отчего дамочка все же снизоходит к глупому и поясняет:

— Охотник — это не тот, кто охотится на зверей и людей. Охотник от слова охота, хотение...

Еле удерживаюсь не распустить поганый язык, мол, такое хотение, что любого Охотника... но дамочка продолжает:

★ — Такие, как я, разыскивают удоны, потому как чувствуем их. Только найти удон мало, надо выяснить — что из него получается и как заставить работать. Вспомни, тебя громилы Моб Дика не сразу пришли дубасить? Наверняка до того был случай, когда тебе хорошенько от кого-то перепало, кого раньше и видеть не видывал?

Не спорю, заинтересовала дамочка. Даже зачесал затылок, и так истово, что вспомнил! Клянусь хвостом Моб Дика, вспомнил! Черт мороккой дернул украсть кукурузу! И ведь мелочь в кармане звенела, да и не работаю по мелочи с тех пор, как бабы давать стали. Даже стыдно — как малолетку за плавник сцапали. Возбухать стал, строить из себя авторитета, за что и накомылял тот хозяин и вослед, когда улепетывал, крикнул, что еще огребу, ну, да они все так орут, торговцы кукурузой.

— Вот он на тебя удон и повесил, — сказала дамочка. — А потом Моб Дику и продал, он ведь, наверное, с торгашей тоже дань сшибает, не брезгует. Кто чем и расплачивается. Кто — деньгами, кто — товарами, а кто и совсем мелочевкой — такими вот удонами.

Ничего себе мелочевка — регулярно по ребрам битами получать.

— В общем, куда ни кинь, а всюду клин. — Дамочка смеется. — Хочешь от удона избавиться, добро пожаловать к Моб Дику.

И опять чуть не ляпнул: лучше и дальше потерплю, а точнее — отыщу кукурузника проклятого и так подстерегу, что его проклятие как вода стечет, а к Моб Дику зайдешь, так и не выйдешь. Ходили люди, знаю.

Но она будто мысли прочитала:

— Торговца искать бесполезно, говорю — удон не заклятие, а чувства твои собственные. Никто над ними не волен, только ты. Можешь лягушку съесть, если припрет?

Передернулся, но сказал:

— Если припрет, и скорпиона сожру.

— А сможешь ощутить это так, будто ничего вкуснее не едал? Чтобы этот скорпион или мокрица как самое изысканное лакомство на языке таяло? Можешь?

— Вряд ли, — бормочу, даже и представить не пытаюсь, чтобы не сплевать тут же.

— То-то, — говорит дамочка. — Ну, хватит. Пошли. Заболтались с тобой.

* * *

На этот раз ничто на лестнице не задержало. Дамочка впереди, моя забота — тыл прикрывать, прикидывая так и этак — успею огреть битой или не успею, и все больше убеждаясь — имейся хоть какие шансы, дамочка затылок не подставила бы. А ведь будто заигрывала — ну-ка, попытайся! Но не только это останавливало. Все ж хотелось поглядеть, как дамочка с Моб Диком схлестнется. Нет у нее ни единого шанса, конечно, но ведь и на Моб Дика проруха случается? Кто знает, какие у нее тузы припрятаны, хотя под комбинезоном не то что тузы, нижнее белье не спрячешь, до того плотно сидит, что твоя чешуя.

Океан наутро до того спокоен, что дельфины до самых улиц проныривали и мчались, как сумасшедшие. Будто гнался за ними кто. Когда из дома вышли, чуть на такую чумовую стаю не попали. Дельфины обычно смирные, низко не занывают, опасаются, но тут даже ветерок по макушке прокатился, когда такая рыба просвистела.

— Кыш отсюда! — пригрозил битой, но дельфинам все нипочем.

Еще выше над дельфинами проплывал огромный «кораблик», глубоко запустив стрекательные удила. Обычно в них попадали либо пьяницы, либо мертвяки,

★ — которых «кораблики» плотно опутывали и вздергивали к пузырьчатому телу, где жадно распаживалась пищеварительная глотка. Да, приятного мало, даже если такая гадость только заденет — будто ящик гвоздей вбивают. Длинных, толстых гвоздей. Аж передернуло, как представил. Невольно к дамочке притиснулся, будто она могла защитить.

Раньше, слышал, ну, еще до того, как земля вверх тормашками задралась, по-другому устроено было.

Пока разинув рот вверх смотрел, дамочка до поворота дошла, откуда и Цукидзи видать. Вот он, во всей красе — ловчими раструбами в океан упирается, они медленно колышутся, ждут рыбаков с добычей.

Эх, что скрывать, когда еще сопливым был, мечтал на посудину наняться, морским волком стать — косматым, с широченной грудью, дыхание на десятки минут задерживать, с зубами заточенными, а то и вовсе стальными — хребты добыче перекусывать. Когда-то из города и в город ловчие шхуны косяками плавали, моряки с ногами клеш по кабакам расхаживали да девок драли. Кому из сопливых такой романтики не хотелось? Ну и по кабакам с девками, но не сложилось. А теперь понимаю — к лучшему. Все, что делается, все к лучшему.

Что бы сейчас было, доживи морским волком до нынешних времен, когда даже паршивая медуза и кораблики над городом пасутся? Нагляделся, как моряки от рыбьего клея подышают по закоулкам и помойкам. Им ведь без моря — смерть.

А кто виноват?

Моб Дик.

Он поборами рыбаков так посадил, что у них денег на паршивую снасть не находилось. Вот и разбежались, драпали так, что лодки побросали, — вон грудями лежат, похожие на туши тунцовой дохлятины, никто на них и не зарится, разве пацанье шныряет, то

ли играет, то ли гайки свинчивает, а мож и то и другое сразу.

— Не зевай, зевало. — Дамочка. — И сопли подбери.

И то верно. Чересчур задумчив стал. Как думец какой-нибудь.

Одно в непонятках — как дамочка собирается Моб Дику визит нанести. В официальном, так сказать, порядке — через главную контору, что в зале аукциона размещалась, или каким иным способом? Через главную контору — дело тухлое. Она для лохов и предназначена. И для отбросов, которые верят: Моб Дик хоть ластой пошевелит, но справедливость восстановит. Особенно древние старухи до справедливости падки. Идут такие актинии смерти, трясутся, кораллами обросли, что твоя рожа щетиной, а все туда же — не кормом для рыб стать готовятся, а на соседку стукнуть, чтоб ее, значит, громилы Моб Дика присмирили колотушкой по башке. Ничего такого, к чести Моб Дика, он не делает. Но все жалобы старательно на свитках пишутся — в подробностях и с расспросами — как и что? Ума не приложу — для чего, но, по слухам, таких свитков у Моб Дика немерено накопилось. Будто он жалобы собирает и потом всему миру предъявит — вот, мир, не пора ли по счетам расплатиться?

Но думалось, что через аукцион все же не пойдем.

* * *

Что такое Цукидзи? Это — гигантский спрут. Вытащенный из океана кем-то так давно, что кожа закамелела, в теле образовались пустоты, которые потом и заполнили ряды торговцев рыбой. По слухам, в бывшем чернильном мешке и устроил себе убежище Моб Дик. Будто там, в чернилах, он и плавает, потому как чернила даруют бессмертие. За одной крохотной пар-

шивостью — погрузившись в чернила, без них жить не сможешь. Стоит выскочить, смерть тут и прихватит. Ну, спрут на то и спрут, Ика, как его величают амо.

Что в нем до дрожи — глазищи. Черные опять же. И мертвые, будто куски асфальта. Высохшие без воды, бугристые, потрескавшиеся. Даже пасть не так жутка, а ведь — всем пасть! Вот скажите, зачем спруту столько зубов? И каждый — что гарпун китобоя, да не при Моб Дике будет сказано. На эти зубы громилы непрошенных гостей насаживают. Да и прошенных. Особенно часто насаживали, когда Моб Дик владения расширял. Любимая забава у него была — пригласить главарей-бандюков, а потом так с ними и расправиться. Что на стрекало малька наколоть.

Однако худшее не миновало. Дамочка двинулась к главному ходу. Не имелось у нее никаких обходных путей, хоть завалящего, на что надеялся. Прямолинейность наше все. Вот и прем напрямиком в пасть спрута, и жить нам, судя по всему, оставалось не так много. И что? Закинул биту на плечо, даже принялся насвистывать, чтобы только не показать, как свербит смыгаться подальше, забиться в щель и не топорщиться.

— Не дрейфь! — Не сразу понимаю, что это — дамочка, и — мне. Мне! Неужто такой расслабон наступил, что в ободрении нуждаюсь? Как сопляк, которого первый раз на шухере поставили. И такая злоба охватила, аж зашагал бодрее — дамочку опередить и пустить биту в ход раньше, чем на зубы наколют.

А громилы из теней выползают, выплывают и смотрят. Без интереса, со скукой, мол, принесла кого-то нелегкая. А нам с ними, с чокнутыми, разбираться.

Подходим. Останавливаюсь. А вот дамочка, не сбавляя хода, внутрь собирается нырнуть через красную полосу. По слухам, полоса намалевана кровью главарей, которых Моб Дик завлек да на зубы спрута сушиться насадил. Не знаю, но на рыбью кровь не

похоже. Хотя Моб Дик их знает, какую породу они представляли. Цукидзи такое место — паноптикум.

— Привет, — говорит дамочка, ручкой взмахивает громилам. — Мы решили старого дружка навестить, Моб Дика, значи-ца.

Громилы от такой наглости и неуважения остолбенели. А может, затруднились в богатстве выбора наиболее мучительных смертей. Ну, которых эти наглецы, мы то есть, достойны. Наколоть на клыки спрута — милосердие, а не пытка.

— Не понимают, — разворачивается дамочка и подмигивает, — надо бы им мозги прочистить, а то засто-ялись тут, не соображают. Займись, дружок.

И дружок занялся.

* * *

И дружок занялся, да так лихо, что в себя пришел лишь тогда, когда в чернильном мешке оказались. Все слилось в хороводе. Бил по мордам, рылам, рожам, па-стям, черепам, головам, головоногим и головоруким, бил без огонька, без вдохновения, будто работу тяж-кую выполнял.

Будто кукла на нитках — дергался.

Хрясь.

Бумс.

Трах.

Каких только громил не пришлось попотчевать. Та-ких и не видел в жизнь — видать, они отсюда лишь по большим праздникам выползали, народ пугать.

Дамочка не отстаёт, тоже бьется. Плечом к плечу. Отчего кажусь себе смельчаком, хотя от вида уродов глаза бы закрыть, а голову к холодному приложить. Смельчаками быть заставляют. Потому как остано-виться, слабину дать — растопчут, сомнут, растерза-ют. Вот и приходится поневоле чудеса смелости выки-дывать. Аж сам себе удивляюсь.

★ По сторонам не успеваю смотреть, поэтому не представляю — куда движемся и движемся ли вообще? На дамочку надеюсь. Один глаз на ней положен. Чтоб не кинула здесь подыхать. Но иногда разносит так далеко, что перестаю ее видеть. Однако каждый раз она выныривает рядом и даже вроде как одобрительно подмигивает. Держись, мол, храбрец. Где наша не пропадала?! И здесь пропадет!

Накат ослаб, затем — иссяк. Только мы вдвоем да тела вокруг. Кто-то трепещется, жив, а кто-то — тоже жив, но мертвым прикидывается. И есть желание сделать так, чтобы каждый из них прикидываться перестал. Поднимаю битку, но дамочка останавливает:

— Нет времени. Моб Дик заждался.

Себя не узнаю. Давно такой ярости не испытывал. Все же, как бы незаметно, а периодические избиения громил Моб Дика вколачивали в полное дерьмо. Только теперь дошло — какой участи избежал. Будто лягушку варишь на медленном огне — пока вода не закипит, она и лапой не почешется выскочить. А когда закипит, то и выскочить не успеет. И только Битка, а потом вот эта дамочка ниоткуда поддали жару под кастрюлей, откуда и выскочил как ошпаренный. Но живой. Пока живой. Потому как из огня да в полымя.

Кругом туши тунцов. Огромные, замороженные. Зал аукциона, откуда туши по значным местам города развозятся, потому как тунцы — такое дело, не угадаешь. То ли ласты склеишь, то ли жабры вывернешь, то ли уплетать и нахваливать будешь. Потому как ядовитые. Только яд странный — не всегда действует. Как игра в кости — кому повезет. Потому и запрещено в городе тунцами торговать. Ну, раз что-то запрещено, Моб Дик тут как тут. Здесь ему раздолье, здесь его царство.

И приходит идея по тунцам чертовым. Отпихиваю очередного громилу, но вместо того, чтобы по чере-

пушке его огреть, как очумелый бью битой по ближайшей туше. Тунец замороженный — будто стекло, разлетается на кусочки. Как раз такие, какие в ресторанах подпольных подают. Деликатес. Натте, жрите!

И жор начинается, да такой, что тут же соображаю, как просчитался.

Они полезли из всех щелей, падали с потолка, выдирались из стен, выскакивали из отверстий в полу. Большие и маленькие, крошечные и огромные, разные, но как на подбор — жуткие. Таких уродов никогда не встречал!

— Умник, — цедит дамочка, прижимаясь спиной к моей спине, потому как только так и можно отбиться от нечисти. — Ты же всю кошмарную рать Моб Дика сюда созвал, идиот! Он же их специально на голодном пайке держит, чтобы удоны работали!

А все равно! Кошмарный косяк! Наплевать на косяк! Сметут? Пусть попробуют! Однажды видал, как стая бродячих псов и котов напала на опрокинувшийся грузовик с консервами для домашних питомцев. Многие консервы подавились, воняло жутко, и тут они — волна за волной, стая за стаей! Слюнявые пасти, выпученные глаза, шерсть клочьями. Хорошо, что оттуда тут же ноги сделал, даже ящик консервов не прихватил, иначе бы не убежал. Другие не убежали, на корм пошли вместе с консервами.

И когда от усталости готов был свалиться и просто лежать, бросив покрытую кровью врагов битую, все вдруг устаканилось. Шум затих, рев и вопли сменились жалкими попискиваниями, а потом и вовсе смолкли. Не сразу сообразил, что происходит. Тунцы не все подряд ядовиты, но ведь эти твари жрали их вперемешку.

Теперь подышали.

В блевотине и конвульсиях.

* * *

Моб Дик огромен и страшен. Даже здесь, в своем убежище, погруженный в чернильную жидкость, он внушал страх. Да что там! Он внушал ужас! До смертной тоски, что тут же охватила, как только вслед за спутницей переступил порог его лежища.

Великий и ужасный Моб Дик.

Морщинистое веко неохотно дернулось, будто и не желая открываться, дабы взглянуть на непрошенных гостей, но все же приподнялось. И словно ледяной водой окатило. До судорог в членах. Глаз притягивал, завораживал. Огромный, выкаченный, весь в багровых жилах, которые, казалось, только и удерживают его в яме глазницы, не давая выпучиться еще больше. Грязно-белая кожа вокруг в морщинах, испещрена шрамами и наростами — то ли моллюсками, то ли еще какими паразитами.

Не знаю, сколько бы так стоял, таращась в глаз Моб Дика, не замечая ничего и лишь ощущая, как по капле, потом струйкой вытекает сила. Будто Моб Дик проделал дыру в днище моей утлой жизни и теперь равнодушно наблюдает, как иду ко дну в его пасть.

— Ну, здравствуй. — Голос дамочки вырвал из оцепенения. Страх не исчез, но ослабил хватку, достаточно, чтоб трепыхнуться, оторвать взгляд от Моб Дика, наваждение стряхнуть, морок.

Умел ли он говорить? Или его молчание — признание нашей ничтожности? Не стоили мы ни единого звука из его пасти? Моб Дик шевельнулся телом, и пришлось невольно отступить, настолько давил его авторитет. Что мы по сравнению с ним? Мальки? Икринки?

— Здравствуй, охотник... — прошелестело в воз-

духе, словно кто-то подул на тончайший лист бумаги. И опять не сразу понял, кто к кому обращается. Лишь биту перехватил поудобнее, башкой из стороны в сторону мотал, врага выискивая. Ожидал, что Моб Дик заговорит. Казалось — голос у него должен быть особенный — могучий и устрашающий. Как глаз. Как пасть. Как зубы. А еще как странные трубы, что свешивались с высокого потолка и вонзались в нечто кроваво-белесое на том месте, где у Моб Дика должен быть череп, укрывающий самый изощренный преступный мозг. Настолько изощренный, что он подмал всю преступность в городе. А вместе с этим и сам город.

— Что за трубы? — не слишком-то и ожидаю от дамочки ответа.

Но ответ пришел. Такой же шелестящий, тихий.

— Неужели ты не понял, охотник? До сих пор ничего не понял?

— Ему трудно понять, — и этот голос я узнал. Дамочка. Только в нем не было столь привычного презрения, а только усталость и разочарование. — После того, что ты с ним сотворил, Моб Дик, после того ничтожества, в которое ты его превратил.

— Я — его? — в шелесте удивление. — Ничего не путаешь, Битка?

Битка?

— Разве не он нашел меня выброшенным на берег? Разве не он решил, что из меня получится добыча? Разве не он выкачал из меня спермацет, когда я еще был жив, тем самым превратив меня в то, чем я стал? В основу мира, которым ему захотелось править, не взирая на других охотников и на миры, которые они извлекали из великой бездны? Это он нарушил дух и закон великой охоты! Не ему и жаловаться на мир, который возник!

★ — Преступник не вправе судить другого преступника, — знакомый хриплый голос. Наконец-то хоть что-то понятное и определенное!

Но это не устраняло непонятки — откуда, Моб Дик возьми, появилась Битка?!

* * *

Вот она — стоит в своей искалеченной красе. К культе ноги гарпун привязан — вместо костыля. На культе руки — лезвие, да такое, что и Моб Дика шутя разделяет. И нет сомнения — для этого и предназначено.

— Мне плевать, — говорит Битка. — Мне плевать на ваши терки с охотником. У нас с тобой свои разборки, Моб Дик. И сейчас их порешим.

Дергает завязки, пара движений, и вот в руке гарпун, на который она и опирается, как на костыль. А Моб Дик в черной жиже плещется, и никуда ему не деться от сумасшедшей. Вернее, так кажется. Потому как у такого проныры пути отхода предусмотрены. И один открывается. Черная жижа через край плещется и прямо на нас с Биткой. С ног сбивает, волочет за собой, а Моб Дик вслед за нами, ну, что твой пароход, который со стапелей спускают. Была забава у отморозков — привязать жертву на пути спускаемого на воду корабля. Для смазки, как это называлось.

Вот и Моб Дик лихо катит.

Не увернуться.

А Моб Дик и на бок лег, пасть раззявил, а за ним трубы его тянутся и тянутся.

Вот эти трубы и спасли. Потому как Моб Дик о них и забыл совсем. Только они о нем не забыли — натянулись, назад тушу дернули. Моб Дика вперед хвостом разворачивает, Битка, которая до этого на животе катилась, на спину ловко перебултыхнулась, древко

гарпуна под мышкой зажала, уперлась, остановилась, а затем поднялась, чернотой облитая.

Огромная туша Моб Дика что стрелка часов поворачивается, открываясь для броска. Ничего в охоте на кашалотов не понимаю, но тут и семи пядей не надо — бей в брюхо, не промахнешься.

И Битка ударила.

Размахнулась и метнула гарпун.

И самое невероятное — получилось.

Одна рука, одна нога, один глаз.

Гарпун с хрустом впился в брюхо Моб Дика. Удар такой силы, что на мгновение остановил движение кашалота. Моб Дик изогнулся, словно собрался собственным хвостом закусить. А может, и хотел. От боли. Но ничего не вышло, и он изогнулся в обратную сторону, будто выдавливая гарпун наружу, прочь из тела.

Черные волны накатывали. Пытаться встать — тухлое дело. Но чокнутая калека чудом держалась, балансировала на одной ноге, что твоя балерина. И такое выражение на лице, какое у торчка после вынужденной завязки не обнаружишь.

Довольное.

Торжествующее.

Да вот только рано торжествовала. Потому как Моб Дик — это Моб Дик. Глаз остро держать надо даже тогда, когда у него в брюхе гарпун торчит.

Хрясь!

И пасть смыкается на Битке. Глазом не успел моргнуть. Даже не сообразил — как он вообще рядом с ней оказался. Тело Битки обвисло, а из того места, где гарпун в брюхо вошел, кровь ударила. Все, что в Моб Дике оставалось живого, он Битке отдал, чтобы с ней покончить. Серьезные терки промеж них имелись. Жаль, подробностей так и не выяснил. Да и не

★ было времени выяснять. Действовать надо было, если хотел из заварухи живым выбраться.

А потому завопил, за древко гарпуна ухватился и стал глубже толкать, чувствуя, как наконечник режет жилы в брюхе Моб Дика, последние силы отнимает. Наверное, на гарпун продолжал налегать даже тогда, когда все кончено было.

* * *

Один остался. И спермацет. Весь спермацет города в моем распоряжении, что Моб Дик в башке своей копил. Хочешь — продавай, да только кто столько купит? А главное — кто покупать будет? Зачистил Моб Дик город от всех. Раз никого нет, то бери дело в свои лапы. Ежели жить хочешь. И никак иначе.

И только это решил, даже не решил, а понял, что другого выхода нет, как такой почувствовал голод, что клювом по туше Моб Дика долбанул, кусок вырвал, клюв задрал и кусок проглотил.

Дело пошло! Тут и твари потихоньку обратно сползаться стали. Те, что в живых после ядовитого пиршества ухитрились остаться. Тоже вот повезло. Хотел и от них избавиться, но пока Моб Диком занимался, они свое дело сделали — извлекли трубки из башки бывшего хозяина да мне в башку воткнули. Ловко так, ничего и не почувствовал. Кроме силы, что вливалась. Был спермацет, а теперь? Молоко птичье. И Цукидзи — не Цукидзи, нет больше рыбного рынка, а есть рынок птичий, на огромную клетку похожий, в которой теперь и сижу, крылья расправляю, а подручные птенцы за каждым перышком присматривают.

И океана над городом тоже нет. Зачем птицам океан? Птицы летать должны в небе. Вот я и смотрю, как все летают.

Сам бы полетел, да только клетка не пускает.

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

КРАСНЫХ ЯБЛОНЬ САД

Кабак пах перегаром, дешевой едой и свежей мочой. Клубился сигарный дым. В углу ругались три проститутки. Справа от них скучал облезлый четвероух.

В общем, ничего не изменилось.

Доан Остр подавил приступ ностальгии и бухнулся на стул у барной стойки, на соседний положил шляпу. Заказал виски. И кофе. И то, и другое оказалось паршивым, а кофе еще и холодным.

Ничего не изменилось.

Ухо уловило движение. Доан лениво обернулся и встретился взглядом с морщинистым стариком с кривой корягой вместо трости. Тот пытливо в него всматривался.

— Эльфенок? Ты, что ли?

Доан дернул бровями. Приподнял стакан.

— Здравствуй, Биль.

Ничего не изменилось.

За семнадцать лет.

— Вернулся, значит.

Старый Биль поковылял за столик в углу, и Доан отправился следом, прихватив стакан и шляпу. Сели рядом. По привычке.

— Я знал, что ты вернешься. Всегда знал. Надеялся только, что доживу.

— Рад, что дожил, — кивнул Доан, усаживаясь.

В душе тугим клубком сплетались противоречивые чувства — радость от возвращения, недоумение — от него же, боль от воспоминаний, которые именно здесь, в дешевом кабаке квартала удовольствий, ожили, заиграли свежими красками.

★ — А не угостишь старика? — Биль покосился на недопитый Доанов стакан.

Хоть что-то новое. Раньше угощал как раз Биль. Его угощал — вечно голодного беспризорного мальчишку.

Доан пощелкал пальцами в воздухе. Словно в ответ взвизгнула рыжая проститутка, швырнула бокалом в выцветшую коллегу и метнулась к выходу. К ним же направилась официантка весьма сонного и лупо-глазого вида.

— Закажи, что хочешь, — сказал Доан старику, дождался, пока официантка лениво запишет заказ и пуча глаза удалится, после чего добавил: — Что в городе нового?

— А ты будто не знаешь? — Биль красноречиво уставился на особый знак в виде далекой голубой планеты на Доановой груди. — Когда прилетел-то?

— Неделию назад. В космопорт Центральный, который на окраине. Ваш не принимает.

— Наш город — теперь отдельное государство.

— Я заметил. Когда я уезжал, купол, конечно, строился, но... Это же был просто эксперимент. Я и не думал... Впрочем, — он усмехнулся, — что мог думать облезлый мальчишка.

— Ты был очень смысленный облезлый мальчишка!

— Не слишком. Однако — достаточно, чтобы заметить, что уже тогда город стоял слегка осторонь. И все же...

— И все же — у нас мир, — дед кутался в шерстяную жилетку, наблюдая, как вернувшаяся снулая-рыба-официантка выгружает на стол жареную картошку, холодную даже на вид котлету и рюмку мутной водки. — Мы дружим и с мигами, и с людьми. И наш город цел. А ты, — снова кивок на Доанову грудь, — по стопам Рихаля пошел, значит?

— Вроде того.

Раздался визг.

В трактир ввалилась давешняя рыжая проститутка. Вернее, ее втащил за волосы жирный мужлан и сопровождал крепким пинком. Барышня врезалась в стул, опрокинула его и сама растянулась на полу, где жалобно взывала. Ее спутник немедленно поддал ногой и снова вцепился в рыжие волосы.

Доан встал.

— Это всего лишь шлюха и сутенер, — одернул его Биль. — Тут каждый день такое. Сядь.

Но Доан уже не слышал. В полсекунды он оказался около жирного и перехватил готовую к удару руку.

— Эй, ты кто такой? — оскалился тот. — Если тебе нравится эта дрянь, плати. Но сначала я ее проучу. Не бойся, мордаха ей не испорчу, если ты вдруг эстет.

— Я не люблю, когда бьют женщин, — спокойно ответил Доан.

— Чо? А когда бьют тебя... ААААА!

Доан перехватил руку, развернув жирного так, что тот рухнул на колени, и нажал на локоть. Локоть хрустнул. Жирный взвыл.

— Шею тоже сломать или сам уйдешь? — процедил Доан, не ослабляя захвата. — Еще раз замечу, что бьешь женщин, спрашивать не буду. Пшел!

Он отшвырнул от себя жирную тушу. Сутенер пару секунд смотрел на него, вращая глазами, затем вцепился в правую руку левой и, рассыпая проклятия с угрозами, вывалился из трактира. Девушка меж тем поднялась с пола, оправила короткую юбку, пригладила волосы.

— Спасибо, красавчик. Он мне этого не простит, но это будет завтра, а сегодня — ты мой герой. Меня Рита зовут, — хрипло представилась она и протянула руку, Доан слегка ее сжал. — Ты приходи, если что. Денег не возьму. Если хочешь, я и сейчас свободна.

Она улыбнулась и поправила упавшую на лоб рыжую прядь. Доан покачал головой.

★ На этой планете его интересовала лишь одна женщина, и ее не купишь ни за какие деньги. Да он бы и не посмел...

* * *

Семнадцать лет назад

Эльфенок брел мокрой серой улицей и думал, где бы пожрать. Биль куда-то запропастился, а другие мужики в таверне гонят его пинками под зад. Еще и ржут вслед. А жрать-то хочется.

Он сам не заметил, как выбрел из родного квартала удовольствий и остановился около богатого особняка, окруженного забором, добротным, но тоже каким-то серым и тоскливым. Над забором стелились ветви яблони. А на них, на самом верху, висели собственно яблоки. Мокрые после дождя. Темно-красные. И листья у этого дерева были тоже почему-то красноватые, хотя до осени еще далеко.

Красное на сером.

Впрочем, Эльфенку до листьев не было дела, они несъедобные. До яблок бы добраться. Он ухватился за ветку и потрусил. Его обдало водой, как часто бывает, когда потрусишь дерево после дождя, и — ничего больше. Тогда он подпрыгнул, но плоды висели слишком высоко.

Эльфенок огляделся, увидел палку, мокрую, как все вокруг, и липкую, схватил ее и бросил вверх, надеясь сбить хоть одно яблоко. А лучше — два или три. Палка вернулась, не задев плодов, зато едва не ударила Эльфенка по макушке. В ярости Эльфенок швырнул палку изо всех сил, она улетела куда-то за забор, и тут же раздался возмущенный девчоночий голос.

— Эй, малявка! Если так хочешь яблоко, мог бы просто попросить. Чего швыряешься?

В воротах стояла девчонка в голубых брюках и белой рубашке с короткими рукавами и воротничком. Курчавые черные волосы вились по плечам. Эльфенок знал эту девчонку. Ну, как знал... Часто видел ее в городе. На рынке, у здания театра, у пруда в Зеленом парке — хотя какой он зеленый, такой же серый, как и все вокруг... Он ловил себя на том, что наблюдает за ней, часто представлял, как заговаривает с ней или даже играет, а зачем — не знал.

И вот сейчас она стояла перед ним — чистенькая, довольная, с нахальной ухмылкой. И небось жрать ей совсем не хотелось. Небось пожрала уже. И еще пожрет. Сколько захочет.

Эльфенок уныло ковырнул носком рваных ботинок мокрую землю. Затем вдруг наклонился, набрал в жменю этой самой земли и изо всех сил швырнул в девчонку. На ее милые голубенькие брючки чвакнулась черная масса.

Девчонка ойкнула и скрылась за воротами.

А Эльфенок злобно рассмеялся и бросился наутек. На всякий случай. Далеко, впрочем, не убежал — очень скоро перед ним притормозило знакомое авто. Рихаль. Эльфенок бросился к мобилю, прыгнул на заднее сиденье.

— Салфетку возьми и вытри руки, — вместо приветствия бросил ему Рихаль.

— Они чистые.

— Вытри руки или вылезай из машины. Они у тебя в грязи все.

— А ты откуда знаешь? — пробурчал Эльфенок.

Впрочем, немедленно достал пахучую влажную салфетку из пачки, лежавшей тут же, на заднем сиденье, рядом с рихалевской шляпой.

— Следишь за мной? — зыркнул он на Рихалья в зеркале.

— Мимо проезжал. И зачем ты это сделал?

— А чего она... — потупился Эльфенок.

Рихаль завернул за угол и остановил машину напротив закусочной. Повернулся к Эльфенку:

— Последнее дело — обижать тех, кто слабее тебя. А девочка — заведомо слабее. Кем бы она тебе ни казалась.

Эльфенок скривился. Рихаль местами его просто бесил. То ли дело Биль — дает хавку и никаких моралей не читает. С ним и поржать можно... А этот только и знает, что нудит.

И все же, как не мог сам себе Эльфенок объяснить, зачем наблюдает за девчонкой, так и непонятно ему было, почему, несмотря ни на что, тянет его к Рихалю.

— Ты хотел испачкать ее, чтобы таким образом хоть немного к себе приблизить. Но есть и другой путь. Ты можешь сам стать чище и лучше — и приблизиться к ней.

— Че-е-е?!

— Ладно. Бутерброд хочешь?

— А то.

— Вылезай. И салфетки не забудь.

* * *

Проснувшись, Доан не сразу вспомнил, где он. Неделя прошла, а он все не привыкнет, что покинул дом. Что вернулся домой.

Ему снилась мать. Она смотрела с грустью и спрашивала:

— Зачем ты здесь?

«А ты зачем?» — хотел спросить Доан, но в сон ворвался голос Били:

— По стопам Рихалья пошел?

Доан тряхнул головой, сел на кровати. Огляделся. Он — в гостинице города Кашинблеск. И, конечно же,

вчера в баре он бессовестно врал себе. Изменилось многое — и на этой планете, и в этом городе.

Этот город...

Город, построенный людьми, но названный на языке мигов — Кашинблеск означает «Свободный».

Доан невесело усмехнулся. Свободным город считался, потому как здесь никому ни до кого не было дела. То есть официально говорилось, что каждый в Кашинблеске имеет право заниматься чем хочет. Например, бродяжничать. Попрошайничать. Торговать телом. Вести разгульный образ жизни. За это здесь не преследовали, как в остальной Юстиниании — человеческом государстве на чужой планете. Названо оно так в ответ на имя самой планеты — Феодора. Из каких соображений так столетия назад нарекли планету сами миги, доподлинно неизвестно, но прибывшие земляне постановили, что это — в честь древней византийской императрицы. Причем — пока еще дикой и порочной, а явление цивилизованных хомосапиенсов должно стать сродни явлению принца Юстиниана в жизни Феодоры.

Так вот, во всей Юстиниании старательно рисовали идеальную картинку мира, оправдывая существование колонии на чужой планете перед далекой родной Землей. Всякие вольности оставались безнаказанными только в Кашинблеске.

С другой стороны, ученые, соорудившие силовой купол, способный покрыть целый город, защитить его от любого вмешательства извне, жили тоже здесь. Сказано же — каждый занимается чем хочет.

Сюда и притащила его мать, когда поняла, что ей совсем уж недолго осталось.

— Здесь тебя хотя бы за голый зад не ухватят и в подвал не запрут. Для улучшения показателей, — задыхаясь от кашля, говорила она.

И плевать, что сами они жили в подвале.

★ Доан тряхнул головой, гоня воспоминания, сел за стол и попытался сосредоточиться на главном вопросе.

Зачем он здесь?

Он включил ручник, просмотрел записи, которые уже знал наизусть.

Война с мигами, коренными жителями Феодоры, началась двенадцать лет назад. И с тех пор то утихает, то загорается снова, ненадежные перемирия сменяются новыми вспышками.

Официальная версия — агрессия мигов против переселенцев, несмотря на Вселенское соглашение о дружбе разумных планет.

Неофициальная версия — за неполный век люди успели так загадить планету, что чистолюбивым мигам стало трудно дышать, к тому же на грани вымирания оказались с десятков животных и дюжина растений.

Первый опыт переселения, кто не ошибается?

Первый — удачный. До этого, двести пятьдесят лет назад, когда только-только разработали и подписали Соглашение о дружбе разумных планет, в космос, к разным планетам, отправилось три корабля. Один сгорел по дороге, экипаж второго мгновенно погиб в стычке с аборигенами — после чего в Соглашение внесли ряд поправок, а третий корабль вообще пропал без вести. После чего четвертый, готовившийся к старту, старт этот отменил. И долгое время земляне не решались повторять эксперименты, пока не появилось известие о планете с разумными существами, очень близкими к людям.

Но и тогда медлили десятилетиями.

И все же решились. И даже продержались на чужой планете, хоть и с близким, но все же чужеродным климатом и населением, неполный век.

Но миги все эти смягчающие обстоятельства во внимание не приняли.

Доан свернул окна. Потянулся к кнопке вызова персонала, чтобы попросить кофе в номер, но затем передумал — решил спуститься в ресторан.

В конце концов, его долг и даже обязанность — больше общаться с местными.

И местные не заставили себя ждать. Доан уселся у окна, за которым клубился серый утренний туман, пристроил шляпу на подоконнике — еще одна привычка, унаследованная от Рихаля, не расставаться со старинным головным убором. После получил чашку крепкого горячего кофе с печеньем из редкого сорта ореха, но не успел сделать и глотка, как из-за соседнего стола к нему повернулся юноша в белом гольфе и черном блестящем пиджаке.

— Как они смеют сюда приходить, а? — приглушенным шепотом обратился к нему юнец.

— М-м? — Доан оглянулся.

В ресторан вошли двое мигов — лиловая кожа, раздвоенные заостренные уши — в военной форме и уселись за столик в другом конце зала.

Доан пожал плечами:

— Это Кашинблеск.

— Вы ведь Доан Остр, верно?

— Да, я — он.

— Значит, вы за нами наблюдать приехали?

Доан хмыкнул.

— А я вот воевать хотел, — вполголоса, хоть и с нескрываемой ненавистью продолжил юнец. — Этих тварей убивать. А мать — за сердце. Натурально с инфарктом свалилась. Пришлось пообещать, что отсижусь в Кашинблеске. Но я все равно хочу воевать... Что я — маленький?

— И почему же тебя так тянет на войну?

★ — Как — почему? Во имя нашей Юстиниании. Первого человеческого государства на захолустной Феодоре.

— Значит, ты считаешь, что за него стоит сражаться?

— Что вы такое спрашиваете, молодой человек? — проскрипело над головой, и Доан увидел пожилого мужчину с длинными седыми усами. — Что вы молодежь с толку сбиваете?

— Я никого не сбиваю, — улыбнулся Доан. — Как уже было сказано, я лишь наблюдаю. И оцениваю ситуацию.

— У нас великое государство! — воскликнул юноша.

— Замечательно. А чем же оно так велико? Мне это нужно понимать для отчетов. К примеру, вы восстановили покалеченную экосистему?

Юноша почему-то вспыхнул и отвернулся, а пожилой господин без спросу уселся за столик Доана.

— Подумаешь, экосистема. Не так уж сильно она пострадала — это неизменная плата за прогресс. Смотрите глобальнее, молодой человек!

— Хорошо. Как насчет прогресса в медицине? Статистика говорит о множестве неизлечимых заболеваний.

— Климат и микросфера нашей планеты отличается от земной, поэтому многие болезни еще остаются неизученными, и знания, унаследованные от землян, не помогают.

— Да, все это я слышал еще семнадцать лет назад. А как у вас с рабочими местами? Кажется, и с этим имеются проблемы...

— Идет война!

— Когда я был ребенком, Кашинблеск кишел попрошайками. Сейчас их полно и в других городах, уже

никто даже не пытается очищать от них улицы во имя статистики.

— Про войну я, кажется, вам уже говорил?

— Да. Ею легко оправдывать все проблемы.

— Позвольте же... Вы ровным счетом не хотите видеть ничего хорошего. А у нас, между тем, прекрасная реформа в системе образования! Мы придаем большое значение воспитанию молодежи, будущего Юстиниани и Феодоры.

— Неужели? А в отчетах написано о пяти закрытых школах.

— Но зато в остальных воспитывают истинных патриотов человеческой расы! Я — профессор Юстинианского Университета, и я лично разрабатывал новейшую систему обучения.

— А я вот помню, как нас учили уважению к первым жителям планеты... — задумчиво протянул Доан.

— А потом они заявили, что мы должны убратся! — вскипел профессор.

— Я готов умереть за свою Юстинианию! — встрепенулся юнец.

— Прекрасно, — Доан сделал большой глоток кофе, задумчиво посмотрел на печенье.

Умереть он готов. Сидя в Кашинблеске, куда въехать и выехать можно только имея личное разрешение мэра города. Либо — быть специальным наблюдателем с Земли. Может, мать юноши и правда серьезно больна, но очевидно и другое — обладала она неслабыми связями, если сумела запереть сыночка в «свободном» граде.

Юноша между тем усиленно пыжился, бросая на Доана гневные взгляды, но в целом выглядел довольно щедеушно. Куда такому оружие? Он ничего крупнее дамской пукалки и в руках-то не удержит.

И хорохорится так смело лишь потому, что точно знает: ему война не грозит.

★ Доан уже собрался сообщить все это самовлюбленному юнцу, но в эту минуту пискнул его ручник.

Срочное сообщение от секретаря военного министра.

В оном говорилось, что сегодняшнее утреннее заседание по вопросам условий очередного перемирия переносится на завтрашнее утро. Потому как господин Виктор Грант самолично отправился встречать и обу-страивать сестру, прибывающую в Кашинблеск.

Доан не мигая смотрел в экран, потом машинально сжевал печенье.

В столице Юстиниании, по долгу службы общаясь с Виктором, он умудрился ни разу не пересечься с его сестрой. Она пару раз пыталась связаться с ним по личному каналу, но он не ответил.

Но его никто не предупредил, что Матильда покинет безопасный тыл и зачем-то приедет в Кашинблеск. Да еще и так скоро.

* * *

Семнадцать лет назад

Хрюм избегал людей.

И сейчас Эльфенку это было на руку, хотя, не будь хрюм таким дикарем, сейчас спина бы не болела и жрать наконец бы не хотелось.

Ничейное животное обнаружилось недалеко от свалки, где оно вполне беззаботно бродило, но при виде трех голодных беспризорников кинулось наутек со скоростью, хрюмам не свойственной. В конце Грязной улицы было загнано в тупик, однако умудрилось проскочить у Эльфенка между ног и с визгом понеслось в сторону Зеленого парка.

Эльфенок начал объяснять, что от голода, мол, башка закружилась и в зенках потемнело, но его в от-

вет — хрясь кулаком по спине и послали прочь. И велели без хрюма не возвращаться.

И вот сейчас Эльфенок уныло наблюдал, как животинка самозабвенно купается в «птичьем» озере, что у края парка. С одной стороны, хороший момент, чтобы поймать. С другой — если кто из отдыхающих увидит его, оборвыша, преследующего хрюма, ему несдобровать...

Вообще-то хрюмы — вполне домашние животные. Да и этот определенно в доме жил — вон как плескается.

Но с голодухи и не такое сожрешь. Да и мама, еще когда жива была, называла хрюмов странным словом «свинья» и говорила, что на ее родине они считались вполне съедобными. Правда, уточняла, что здешние свиньи не совсем те свиньи, что свиньи, — но Эльфенок из ее объяснений понял только одно: ежели что-то съедобное, значит, надо есть! Особенно когда не жрал двое суток.

Но сытым господам этого не объяснишь. А уж если подумают, что на парковую птицу позарился... Ох, что будет. Вон как раз плывет стайка вдалеке, жи-и-ирные, вку-у-усные...

В общем, лучше дождаться, пока свинья вымоется и уйдет в глубину парка, а вот там... Там она затеряется среди деревьев. Или выскочит на тропу с людьми. Нет, лучше сейчас. В крайнем случае, скажу, что это — мой хрюм, и я его купаю.

Эльфенок подкрался к кромке воды, осторожно шагнул. И одним прыжком навалился на хрюма. Неужели? Удача? Хрюм забился у него в руках, а Эльфенок не мог поверить своему счастью.

— Ты что делаешь, малявка? — раздалось за спиной.

Эльфенок вздрогнул, но хрюма не выпустил. Тем более что голос был девчоночий и знакомый.

Он обернулся.

На берегу стояла все та же девчонка. Сегодня на ней был короткий комбинезон из серебристой плотной ткани и синяя футболка, волосы убраны в два пышных хвоста. Девчонка смотрела на Эльфенка злыми глазами.

— Я тебе не малявка, ясно? Мне тринадцать. Через месяц, — зачем-то сообщил Эльфенок. — И вообще, я тут хрюма купаю. Они купаться любят, чтоб ты знала.

— Врешь ты все, — процедила девчонка. — И про тринадцать лет, и про хрюма.

— Они купаться любят!

— Вы их едите! Мне брат рассказал. Когда мой собственный хрюм сбежал. Его вы небось тоже слопали, да?

В ее глазах кипела ярость, но одновременно блеснули слезы.

— Отпусти его! Немедленно! Я... Я взрослых позову.

— Да что ты понимаешь, — заорал он ей в лицо. — Если я вернусь без этой свиньи, меня Горелый из банды вышвырнет, а значит, я один останусь. Ты хоть понимаешь, как это? Ты хоть знаешь... Ты ничего не знаешь, завтракала сегодня, да?

Эльфенок задыхался от возмущения и унижения перед этой чистенькой фифочкой. Зачем он вообще на нее время тратит? Пока она кого-то позовет, он убежит.

— Я дам тебе деньги, — быстро сказала девчонка, смахнув слезы. — За хрюма. купишь еды и принесешь своему Горелому. Вот, — она сунула руку в карман комбинезона, достала смятые бумажки и слегка попятилась, — мне родители дали на мороженое и качели всякие. Скажу, что покаталась. Отпусти его, и они твои.

— Ты не понимаешь, — Эльфенок смотрел с подозрением. — Его все равно съедят. Не я, так другие.

— А я его заберу. Принесу домой, скажу, что нашла на озере, вместо Коржика нашего. Мама с папой разрешат. Давай — мне хрюм, тебе деньги.

Эльфенок покосился на свинью, которая перестала вырываться и затихла, словно почуяв хороший для себя исход. Худая какая-то. На всю банду и не хватит. А вот деньги...

— А не обманешь? — скривился он.

— Кто? Я?

— Ладно. Удержишь хоть?

— Не бойсь, не маленькая, — она прижала к груди хрюма, сунула Эльфенку смятые бумажки и пошла по тропинке прочь от озера, бормоча: — Хорошенький мой, такой розовый. Я с тобой гулять буду. Купать... — Остановилась, замерла на миг, обернулась: — А хочешь, иногда вместе будем его выгуливать?

Эльфенок ошалело кивнул.

— Меня Матильда зовут. Можно Тильда. Но — не Тия. За это — убью.

— А я — Эльфенок, — сказал он и, подумав секунду, добавил: — Можно Доан. Или — как хочешь. Убивать не буду.

* * *

У самого Доана разрешение на въезд-выезд было — бессрочное для него самого, и временное — на случай, если ему понадобится спутник.

А потому, воспользовавшись отсутствием Виктора и перерывом в графике, он решил прогуляться — на правах особого наблюдателя с Земли отправился на территорию мигов. В сопровождении двух провожатых-туземцев, накануне прибывших в Кашинблеск на переговоры и столь возмущивших воинственного юнца.

★ Миги, между тем, долго кривились на меню, затем заказали салат с большим количеством водорослей, «хрюмовы грибы», фаршированные сыром, и сухое вино.

После преспокойно умяли все это в окружении людей — врагов, сидевших за соседними столиками. И — парнишка прав — было в этом что-то сюрреалистичное...

Доан осмотрел ресторанный зал. Давешний профессор-патриот в дальнем углу, средних лет мужчина и женщина, одеты цивильно, но от мужчины так и пахнет войной, улыбочивая официантка с высоким фиолетовым хвостом, две совсем юные барышни в камуфляжных брюках и куртке...

Окажись четвероухие в той же компании за пределами Кашинблеска, все закончилось бы плохо — и для них, и для людей.

Мимо с гримасой ненависти на лице прошествовал воинственный юнец. Доан преградил ему дорогу.

— Хочешь на войну посмотреть?

— А... Я? Так у меня пропуска нет на выезд...

— Я на правах наблюдателя могу выписать временный на пару часов.

— А к-куда ехать? — И вдруг лицо его вспыхнуло озарением, а затем диким страхом. — С ними, что ли, ехать? Да они нас убьют по дороге!

— Не смейся, — Доан надел шляпу. — Если убьют наблюдателя с Земли, на них ополчится все Сообщество разумных планет. Но если и ты дальше желаешь не высовывать носа из Кашинблеска...

— Я поеду!

И все-таки миги слишком хладнокоровны, подумал Доан, оказавшись в приграничном поселке. Будь он на их месте, не уверен, что смог бы спокойно смотреть на людей.

— Это что... Это... Это кровь везде?! — Юнец пучил глаза и неуверенно топтался на месте, не решаясь пойти вслед за Доаном и миговскими офицерами, которые хладнокровно переступали через бурые пятна на земле.

Потом все же решился, и вскоре все оказались у полуразрушенного дома, где сидела грязно-лиловая четвероухая старуха с глубокими морщинами и белыми волосами. Она вполголоса рассказывала, что уже несколько месяцев живет в развалинах, а тем временем все стреляют и стреляют...

— Почему она просто не уедет? — фыркнул юнец. — И сейчас не стреляют, у нас перемирие. Никто не мог стрелять в эти дни. А это что там, под кустом с колючками? Это что... Это — рука?!

Юнец позеленел, ринулся к другим кустам, где его и вывернуло.

Вдали отчаянно завизжал хрюм.

Доан мрачно глядел по сторонам.

Людей на планете меньше, чем мигов. Вся Юстиниания — не больше пары крупных земных столиц, а Кашинблеск по размеру вообще курортный городок. Но вооружены люди лучше — до пришествия человечества мигам вообще не приходило в голову воевать и вооружаться. И только это спасло колонистов от мгновенного выселения.

— Вы все увидели, что хотели? — медленно спросил высокий миг-офицер.

Он хорошо говорил на языке людей, вообще миги легко осваивали язык гостей. Лиловая кожа офицера отличалась едва уловимым оттенком, казалось, она светится изнутри.

Говорят, у мигов это признак высокородства.

Они стояли у машины, готовой отвезти всю процессию назад в Кашинблеск. Офицер ждал ответа на вопрос.

★ — Я... хотел бы побывать еще вот здесь, — Доан ткнул пальцем в точку на карте. — Не сегодня. В другой раз. Если возможно.

— Поселок Милимилль? Это глубокий тыл.

— Я понимаю.

— Хотите разведать дорогу в тыл? — На лице мига не дрогнул ни один мускул.

— Я не за этим на Феодоре. Впрочем, нельзя так нельзя.

— Нам пора возвращаться, господин наблюдатель. — Миг открыл дверцу авто.

Доану осталось только кивнуть.

Назад вернулись уже в серых сумерках. И едва Доан ступил в холл гостиницы, тут же встретил Виктора. Министр по военным вопросам стоял у широкой лестницы, ведущей на второй этаж, и о чем-то говорил с первым помощником. Высокий, широкоплечий, с погонами на мундире. Завидев Доана, Виктор шагнул к нему.

— Значит, к врагу в гости ездил? — оскалился белозубо. — Еще и сознательную молодежь с собой потащил.

— Для меня на этой войне нет врагов, — тихо ответил Доан. — Я — наблюдатель. А патриотов, значит, ты на меня натравил?

Виктор фыркнул.

— Они прекрасно справляются без указаний. А ты все от меня подвоха ждешь? Мы же тогда были детьми.

Доан дернул бровью.

— Через полчаса — ужин с миговскими офицерами. Неформальная встреча перед завтрашними переговорами. Она была запланирована на вчера, но моя сестрица слишком долго ехала через линию фронта. Сейчас принимает ванну и приходит в себя.

— Через тридцать минут я в твоём распоряжении, — холодно ответил Доан.

— Да перестань ты, — Виктор похлопал его по плечу. — Матильда будет тебе рада. Одно ведь дело делаем.

— Я надеюсь, — проговорил Доан.

* * *

Семнадцать лет назад

— А почему тебя Эльфенком называют? Из-за ушей?

Они выгуливали Пирожка — так теперь звали спасенного хрюма — в городском лесу, где он мог вдоволь набегаться, купаться в речке и нарыть себе «хрюмовых грибов».

Странная дружба домашней хорошей девочки и беспризорного мальчишки длилась уже месяц. Однажды Матильда увидела, как жадно ее новый знакомый всматривается в грибы, выкопанные хрюмом, и сказала:

— Хочешь, приходи к нам иногда обедать. Мама с папой мне разрешат.

Да, подумал Эльфенок, свинью же разрешили оставить. Свиньей больше, свиньей меньше... Два раза, впрочем, он на обед зашел. Втайне от Горелого. Родители и правда не возражали — во всяком случае, виду не показали, напротив, сокрушались, какой же он для своих лет низкорослый и тощий. А вот брат Матильды ходил за ним по пятам и паял зенки, словно дырку хотел продырявить.

— Слежу, как бы ты не спер чего, — сказал потом сквозь зубы.

Прямо так и сказал.

Не то чтобы Эльфенок никогда ничего не крал... Но не в доме же, где его накормили настоящим мясом на

★ косточке и с подливой, огромной миской с рассыпчатой пахучей кашей и еще чем-то сладким.

Не в доме, где живет Матильда.

Хотя, живи там один ее брательник, ух бы он...

— Извини. Не хочешь отвечать, не надо.

Эльфенок мотнул головой. Задумавшись, он успел забыть, что Матильда задала вопрос. Что она там спрашивала? Про уши? Они у него слегка заостренные. Как у мигов, только у тех еще и раздвоенные.

— Все говорят, что они у меня от папки. Уши.

— А кто твой папа? Миг?

— Я не знаю.

— А тебе и правда тринадцать лет будет?

— Да. И не будет, а было позавчера. Я просто расту плохо, потому кажется, что мне меньше. Так Рихаль сказал.

— Постой, как это — позавчера было? И ты молчишь?!

Эльфенок пожал плечами.

— Ну было и было...

— Но как же! Это же праздник. Это же... На день рождения всем подарки дарят. Тебе... — она вдруг запнулась и заговорила тише, — тебе что-нибудь подарили?

Эльфенок ковырнул носком землю.

— Рихаль книжку притащил. А Горелый пообещал не выгонять из банды. Так что все путем.

— Если б я только знала... Скажи, что ты хочешь? Но... только не очень большое.

— Та ничего я не хочу от тебя. Хотя... мне вот всегда интересно было, что за яблоня у тебя во дворе? Почему она такая красная, даже листья?

— О, это еще не красная! Ты не видел наш сад в Милимилле. Это миговский поселок, у нас там есть домик для отдыха. И там земля другая, не такая, как здесь, у людей. У них большинство деревьев — с зе-

леными листьями, не то что наши — серые... А листья у таких яблонь просто алые. Сами яблоки большие и тоже красные, даже мякоть.

— Да ну, врешь!

— Кто? Я?

— А посмотреть можно?

— Ну... Я думаю, в честь твоего дня рождения можно съездить в Милимилль. Я и сама соскучилась по саду. Мы давно там не были. Здешняя яблоня совсем не такая, хотя саженец — из того же сада. Не получается у людей так выращивать. А сад не так и далеко. Мама с папой...

— Разрешат. Я в курсе.

— Нет, боюсь, как раз таки одну и не отпустят. Но если мы быстро обернемся... Только Пирожка домой заведем!

* * *

Совместный ужин — фраза очень громкая.

Миги разместились за одним круглым столом, люди — за другим. Доан же предпочел уединиться с бокалом коньяка на балкончике. В ресторанном зале приглушили свет, играла тихая музыка, напоминающая земного Шопена.

Иногда слышалась чья-то реплика — с одной или другой стороны. Внизу, на улице, бродило несколько проституток.

А она сидела напротив. Доан видел ее через балконное стекло. Матильда Грант слегка припозднилась к ужину, избавив его от необходимости официального приветствия, и теперь сидела за столом рядом с Виктором, выпрямив спину, мягкий свет бра подсвечивал ее кожу. На ней было темно-бордовое бархатное платье, украшенное камнями, волнистые черные волосы убраны в высокую прическу, лишь несколько прядей струится по шее.

Она смотрела на Доана.

Потом поднялась и двинулась к балкону.

Доан тоскливо прикинул, успеет ли выскользнуть прочь, но тут же отогнал эту мысль. Не мальчишка ведь уже.

Скрипнула балконная дверь.

— Здравствуй, Доан.

— Добрый вечер, сударыня. — Он слегка отсалютовал ей бокалом.

И прищурился, разглядывая проститутку. Кажется, среди них есть и Рита. Надеются на улов среди офицеров? Всех мастей...

— Ты избегаешь меня?

— Как можно, сударыня. Вы сами изволили опоздать к ужину.

— Доан, ты все еще злишься на меня? — Она попыталась взять его за руку. — Спустя семнадцать лет?

Доан поймал через стекло озадаченный взгляд Виктора.

— По-моему, ваш брат не в восторге от нашей беседы.

Матильда раздраженно отмахнулась.

— Виктору пора понять, что я не его собственность. Он хочет, чтобы я уделила внимание офицерам мигров. Говорит, они очень ценят красоту человеческих женщин...

Доан фыркнул.

— Это верно. По их мнению, женщины — самое красивое, что есть у людей, способных утробить любую красоту. Но неужели ваш брат не мог раскошиться на более-менее приличную шлюху? Могу посоветовать одну.

— Вы хам, — флегматично ответила Матильда. — Брат не просил меня ложиться с ними в постель, просто — очаровать. А я, между прочим, согласилась на это и приехала, чтобы увидеться с вами... с тобой.

— Вы напрасно так сильно рисковали собой ради встречи с безродной дворянкой.

— Доан, мы были детьми! Я испугалась, я считала, что должна защищать брата!

— Надеюсь, теперь ваш брат сумеет защитить вас. Война — дело весьма опасное. — Он взял с подоконника шляпу. — Простите, но меня ждут дела. Я должен наблюдать за всем, что происходит на этой планете. В том числе — и ночью.

Он вышел с балкона и из ресторана. Краем глаза успел заметить, как Виктор взял Матильду под руку и повел к столику мигов. Вышел на улицу. Как ни странно, ночью здесь дышалось немного легче. В темноте не так давила серость. Серые дороги, деревья, трава, мобили — все. Другие цвета на человеческой части Феодоры просто не приживались.

Доан отошел от гостиничного выхода в тень, закурил.

— Привет, красавчик, — рядом немедленно возникла Рита. — Сигареткой угостишь?

Он протянул ей раскрытую пачку.

— Видела тебя на балконе с красивой приезжей госпожой, — усмехнулась Рита. — Вы аж искрились оба.

— Это ничего не значит, — хмуро отвернулся Доан.

— А жаль, — протянула проститутка. — Значит, я не по адресу.

Что-то в ее тоне заставило Доана насторожиться.

— Ты о чем?

— Жаль ее, молодую, красивую. А впрочем, сколько их уже было — на алтаре войны.

— Точнее выразаться можешь?

Рита улыбнулась, на этот раз невесело.

— Если я не ошиблась и она тебе хоть немного дорога, увози ее из Кашинблеска. Сегодня же.

* * *

Семнадцать лет назад

Вообще-то, после обеда у него планировалось занятие с Рихалем. Должны были обсудить подаренную книгу и еще чего-то поделаться. И он обычно никогда встречи с негласным наставником не пропускал.

Но как можно отказаться от поездки с Матильдой?

Правда, ехать в итоге пришлось не только с ней, но и с братцем. Виктор разыграл из себя всего такого старшего и заботливого и заявил, что либо едут все вместе, либо он звонит родителям и не едет никто.

— Так я и отпущу сестру с каким-то безродным дворнягой, — процедил он.

Эльфенок за спиной сжал кулаки. Эх, не будь ты Матильдиным братом...

Он даже хотел и вовсе от поездки отказаться, но очень уж хотелось увидеть сад красных деревьев. Даже одна красная яблоня будоражила в нем странные чувства. Она словно пришла из другой жизни, не такой серой. Или — ожила со страниц книг, что при-таскивает Рихаль.

А еще, если повезет и яблоч там окажется много, можно натрусить и принести на общак. А что? Нормальная еда.

Дорога выдалась еще та. Во-первых, Виктор без конца шипел и скрипел зубами: то от Эльфенка сильно воняет, то — не садись рядом с нами в автобусе, еще решат, что мы такие же оборванцы, и вообще, в сам автобус Эльфенка пускать не хотели, пока Матильда не сунула деньги за всех троих.

Потом Виктор шипел всю дорогу от автобусной остановки, собственно, к поселку Милимилль и дому с яблонями.

Им встречались миги. Немолодая, но крепкая и статная женщина с бледно-лиловой кожей несла ве-

дра с водой. По другую сторону широкой желтой тропы прогуливалась красивая пара — девушка с очень длинными светлыми волосами и парень с фиолетовыми глазами. Возле одного двора на лавке сидел старик-миг и что-то вырезал из дерева.

Эльфенку жители поселка казались вполне симпатичными. Подумаешь, цвет кожи странный и уши... Да они и «четвероухими» в прямом смысле слова не были. У них было по два уха, только раковина раздваивалась на два «лепестка», заостренных по краям. Почти как у самого Эльфенка. О чем не преминул напомнить Виктор — он без конца кривился, отворачивал от мигов морду и цедил сквозь зубы:

— Слышь, дворняга, тут твой папаша нигде не потерялся?

Но сад стоил всех унижений!

На долгие минуты Эльфенку показалось, что он перенесся совсем в другой мир, где нет нищеты и голода, где не нужно выслуживаться перед Горелым, где у него есть дом и мягкая постель, где играют яркие краски, а не одни только черно-серые...

Он во все глаза смотрел на крупные темно-алые листья с тонкими зелеными прожилками, на огромные красные яблоки и даже — на ярко-розовые цветки, распустившиеся кое-где, хотя стояло лето, а не весна. Яблони росли двумя рядами, их кроны сходились, образуя аллею, а запах! Эльфенок не знал другого места, где бы так пахло.

— Надо же, — проговорила Матильда, тоже глядя по сторонам во все глаза. — Мы столько не приезжали, а сад не увял. Как же я по нему соскучилась.

— Отец говорил, за ним соседи приглядывают, четвероухие эти, — без энтузиазма бросил Виктор.

— Они хорошо понимают язык природы, — тихо сказала Матильда. — Нам бы так.

★ — Пф, не хватало еще в чем-то им подражать, — фыркнул Виктор. — Эй! Ты что жрешь, дворняга?!

Эльфенок едва не подавился яблоком, которое как-то само оказалось у него сначала в руках, а потом и во рту.

— Не трогай его! — взвилась Матильда. — Я решила. Это мой подарок на день рождения! А яблоки все равно пропадут здесь.

— А мофно ф фобой взять немнофко? — жуя спросил Эльфенок, избегая взгляда Виктора.

Тот брезгливо отвернулся, а Матильда закивала.

— Конечно. Набирай сколько хочешь, и поехали. Пока мама с папой не заметили, что нас долго нет.

От Кашинблеска до Милимилля автобусом ехать около получаса — извилистыми дорогами, мимо других городков и поселков, таких же свежих и красочных.

А потом еще немножко пройти от автобусной остановки.

Так вот, когда шли к саду, добрались без приключений, Матильда уверенно вела их и привела к яблоням и дому — уютному на вид, с белыми стенами и красной крышей.

А когда пошли назад, где-то сбились с тропы, наверное. Потому как шли они, шли, а остановки все не было видно, наоборот, начался лес сплошь из высоких колючих деревьев синеватого цвета. Эльфенок сперва этого не понял — у него перед глазами все еще стояли красные листья, а в руках был целый узел алых яблок, завязанных в футболку.

Первым о проблеме заговорил Виктор:

— Слышь, сестра, а мы вообще туда идем?

Матильда остановилась. Вид у нее был растерянный.

— Я не понимаю... Я же шла, как обычно. Сначала надо повернуть направо, потом налево, и...

— Что? Это от остановки — направо и налево, а от дома — наоборот. Эх ты, Тия-Матия!

— А сам-то куда смотрел?! — огрызнулась Матильда. — Надо назад идти.

Она огляделась.

— На вон той развилке надо повернуть вбок, мы ведь оттуда пришли, да?

Они пошли назад, однако, вместо того, чтобы выйти к поселку, лишь углубились в лес и бродили там, пока не начало темнеть. Проголодавшись, они съели запасенные Эльфенком яблоки и в который раз огляделись.

— Мы все умрем здесь, и нас съедят дикие хрюмы, — проворчал Виктор, обгладывая розовый огрызок.

— Хрюмы не едят людей, умник! — фыркнула Матильда, хотя голос ее дрожал не только от злости на брата, но и от страха и усталости.

— По-моему, там дом, — неуверенно сказал Эльфенок. — Кажется, мы вышли к поселку.

Все трое сорвались с места и бросились на забрезживший впереди свет. И правда, деревья расступились, и путешественники оказались у небольшого домика с темными окнами. Ворота забора между тем оказались не заперты.

— Какое счастье! — Воскликнула Матильда. — Надо зайти и спросить дорогу!

— Кажется, мы вышли с другой стороны поселка, — подал голос Эльфенок, привыкший шнырять по темным улицам Кашинблеска.

— О, да ты просто гений, — скривился Виктор и крикнул вслед Матильде, устремившейся в ворота. — Похоже, дома никого нет. Или спят все. Окна темные.

Матильда остановилась.

— Значит, пойдем в другой дом.

— Подожди, — Виктор заглянул в ворота. — Здесь велосомобиль есть.

— И что?

— А то. Возьмем, доберемса до дома, а потом вернем. Крутить педали будем по очереди. Или — как ты ехать собралась? Автобусы уже и не ходят небось.

— Но это же чужое!

— Мы вернем.

— Мы в поселке заблудились, а ты хочешь до Кашинблеска самостомтельно ехать?

Виктор подошел к велосомобилю, присмотрелся.

— Тут навигатор есть. Усаживайтесь, и поехали быстрее, и так уже от родителей влетит.

Дальнейшее Эльфенок помнил как в тумане. Велосомобиль оттащили сначала в лес, где более-менее разобрались с навигатором, но не успели они проехать и половину пути, как их остановила полиция мигов. Где бы ни был хозяин велосомобиля во время их визита, пропажу он заметил быстро.

По Соглашению о совместном проживании горегунщиков сдали полиции человеческой. Эльфенок сперва не сильно волновался. Он думал, сейчас они расскажут о том, как заблудились в Милимилльском лесу, как выбились из сил, как собирались непременно вернуть велосомобиль...

Но Виктор ничего этого не сказал. Он заявил, что мобиль угнал сам Эльфенок, которого они перед этим поймали за кражей яблок из их сада. Они хотели доставить его домой, чтобы еще чего у мигов не начудил, и гонялись за ним по всему поселку и лесу. А потом он впрыгнул в велосомобиль, и им с сестрой пришлось бежать-догонять, а потом ничего не осталось, как сесть в мобиль и смириться с кражей — лишь бы добраться домой.

Эльфенок открыл рот, чтобы возмутиться и сказать, что все это ложь, но вдруг увидел всю их маленькую компанию глазами двух полицейских — молодого парня и красивой темноглазой женщины постарше. Двое приличных деток — чистеньких, ухоженных, и он, тощий грязный оборвыш с голодными глазами.

Эльфенок закрыл рот и сглотнул. Все, что он мог — молча смотреть на красивую женщину-полицейского и стараться не разреветься. Она глядела на него с сочувствием. Во всяком случае, ему хотелось верить, что это — именно сочувствие.

А потом она повернулась к Матильде:

— Твой брат говорит правду?

Матильда всхлипнула и кивнула.

* * *

— И с чего же я должен куда-то увозить родную сестру военного министра и почетную гостью Кашин-блеска?

Доан, подняв бровь, смотрел на рыжую Риту.

— Ее убьют, как только будет подписано очередное мирное соглашение. Может, завтра, а может, послезавтра — как пойдут переговоры. А вину свалят на мигов. Сам догадайся, зачем.

— Что ты несешь?

Рита взяла его под локоть и отвела по тропинке в заросли серых кустов и там, в глухой тени, активировала свой ручник, протянула Доану наушник.

— Не веришь мне — послушай вот это.

На экране появилось лицо молодого военного — из окружения Виктора Гранта. Доан помнил его — нижний чин, вроде как мальчишка на побегушках, а там — кто его знает. Звали «лицо» Антуан Нальчин, и на видео этом оно не отличалось особой свежестью: глаза выпучены, лоб вспотел, щеки красные, все время хихикает, как дурак...

И, тем не менее, Нальчин довольно внятно излагал все то, о чем Доану только что говорила Рита, называя задуманное «Операция: принцесса и мир». Доан слушал, и разговор с Матильдой представлял в новом свете. Очаровать мига, значит, ей поручил братец... И желательно — на званом ужине, на глазах у всех... И все же подобное слишком даже для Виктора.

— Что это значит? — Доан кивнул на застывшее на экране лицо. — И что с ним такое? Он же откровенно не в себе.

Рита усмехнулась, медленно обошла вокруг Доана.

— К нам, в дом наслаждений, приходит много военных. Расслабиться, отвлечься. Многие заказывают не только девушек, но напитки, кальян... Но не все знают, что при правильном подходе курительные смеси на планете Феодоре получаются очень интересные. С побочными эффектами. О которых сам курильщик наутро и не вспомнит.

Доан пожал плечами:

— Хочешь сказать, он тебе военную тайну сдал? Да может, он просто бредил под кайфом.

— Спроси его.

Найти Нальчина оказалось несложно.

Как и обещала Рита, едва закончился банкет, юный боец устремился в дом наслаждений. Однако до оных у него сегодня дело не дошло — Доан встретил его на подходе к серо-желтому двухэтажному домику с резными перилами над порогом и отвел в просторную беседку, увитую серой лианой и усыпанную подушками.

— Какого черта? — скривился словно от кисляка Нальчин. — Вы что, и за постелями нашими теперь наблюдать будете?

— До вашей постели, лейтенант, мне дела нет. Но вы мне сейчас расскажете все, что касается операции «Принцесса и мир».

Нальчин побелел, но тон выдержал наглый:

— Я понятия не имею, о чем вы...

— Код сто сорок два.

— Что?!

— Код сто сорок два, лейтенант. Отвечайте на вопрос.

— Вы не можете...

— Еще как могу, — Доан незаметно активировал видеорежим на своем ручнике. — Отвечайте.

— Почему я? Да меня убьют за это.

— На вас никто никогда не подумает. А за отказ в подчинении экстренному коду я имею право убить вас прямо сейчас. Выбирайте.

— Да откуда вы вообще могли узнать...

— Рассказывайте! Но имейте в виду, что я уже многое знаю. Будете врать...

И он рассказал. Полностью подтвердил слова Риты и свои же — на видео.

— Вялые перемирия лишь истощают планету. А наши люди устали, многие не видят смысла в войне, в победе, в этой планете. Принцессу решено принести в жертву будущему миру. Потеряем Матильду, получим Феодору, — закончил он с кривой ухмылкой.

«И ведь ты действительно в это веришь. Что такую ценой можно купить мир. И эту планету», — подумал Доан и отключил видеорежим на ручнике. А потом выстрелил.

Через семь минут он снова вышел на связь.

— Вы все видели, принцесса?

Матильда на экране молча кивнула.

После разговора с Ритой он сбросил ей сообщение по личному каналу, где велел уединиться в номере

и в любую минуту быть готовой выйти с ним на одностороннюю связь.

— Что ты сделал с этим лейтенантиком, Доан? — Ее брови поползли вверх. — Ты убил его?

— «Район удовольствий» очень опасен. Здесь каждую ночь кого-то убивают. Именно потому военным запрещается сюда ходить.

— Доан!

— Ради бога, принцесса, подумайте лучше о своей жизни.

— Ради бога, перестань мне «выкать»!

— Хорошо. Мы уедем с тобой, сейчас же. Гостиница наверняка охраняется. Ты должна выйти из нее, не вызвав подозрений. Вещей не бери, поверх одежды надень пеньюар, в котором сейчас. Скажи, что хочешь подышать перед сном.

— Доан, нам не выехать из Кашинблеска! Город закрыт, да и брат охраны наставил. Это невозможно.

— Только не для специального наблюдателя с Земли.

* * *

Их запихнули в камеру в подвале, где уже сидело трое таких же, как Эльфенок, беспризорников.

Там, в кабинете, в последнюю секунду ему захотелось броситься к красивой женщине полицейскому, повиснуть у нее на шее, прокричать, что он не виноват, рассказать, как все было на самом деле. И он даже сделал к ней шаг, но на пороге уже возникли двое новых мужчин в форме, которые и спустили их в подвал.

Камера оказалась сырой, холодной, с большой решетчатой стеной, отчего больше походила на клетку и ощущалась тесной, несмотря на то, что была маленькой. Эльфенок представил, что здесь, в этих да-

вящих клетко-стенах, придется остаться надолго, быть может — навсегда, и содрогнулся. Он сел на пол у стены и обхватил колени руками. Матильда с Виктором пристроились на некоем подобии больничной койки, похожей на ту, где умирала мать, только еще более грязной.

Матильда упорно не хотела на него смотреть. А он сам не решался к ней подходить. В один миг лучшая подруга вдруг превратилась в совершенно чужого человека — далекого и холодного. Зато к Эльфенку подошел Виктор.

— Если ты откроешь свой поганный рот, если ты хотя бы пикнешь, слышишь? — Его лицо перекашивалось от ненависти и злобы. — Если из-за тебя у меня и моей сестры будут неприятности, тебе все кости переломают, понял? Да я тебе...

Эльфенок отвернулся к стене.

— Ты меня слушаешь, мразь?

— Виктор! — крикнула Матильда и вскочила с койки. — Если ты сейчас же не отойдешь от него, я сама все расскажу.

С другого конца камеры на них заинтересованно зыркали беспризорники. Виктор покосился на них, сплюнул Эльфенку под ноги и поплелся к сестре. А она, напротив, быстро подошла к Эльфенку и так же быстро и еле слышно сказала:

— Я должна была защищать брата.

И вернулась к Виктору.

Потом она сидела, все так же избегая взгляда Эльфенка. Потом улеглась, свернулась клубочком, кажется, плакала, а может — просто лежала, уткнувшись носом в стену, и дрожала от холода.

Потом, часа через два, когда беспризорники позасыпали в своем углу, за Матильдой и Виктором приехали родители. Они стояли у решетчатой стены камеры и напряженно всматривались внутрь, в то время как

★ человек в форме отпирал тяжелый и ржавый замок, а затем выводил к ним сына с дочкой, которая все же успела задремать. И на миг у Эльфенка мелькнула надежда. Матильдины мама и папа — особенно мама — всегда смотрели на него с сочувствием. А еще — они умные люди, они обязательно поймут, что он, Эльфенок, ни в чем не виноват. И помогут ему выбраться отсюда. Ему ведь не нужно от них ничего — только бы выйти из этих кошмарных стен и вернуться на улицы, к Горелому, куда угодно, только бы не оставаться здесь.

Впервые за все два часа Эльфенок поднялся на ноги, приблизился к выходу и попытался заглянуть Матильдиным родителям в лицо. Мать даже не взглянула на него. Отец посмотрел с нескрываемым отвращением.

Заскрипел замок, теперь уже закрываясь.

И Матильда ушла.

Не обернувшись. Не попрощавшись. Не бросив самого коротенького мимолетного взгляда.

Очень скоро она будет дома, в тепле, в мягкой постели. А случившееся забудет. Или станет вспоминать со смехом: «Ха-ха-ха, как здорово прогулялись. Есть что вспомнить».

А он останется здесь. Навсегда. Он знает, что бывает с подобными ему. Мать рассказывала. За пределами Кашинблеска с «дворянками» не нянчатся. Пинками отправляют на принудительные работы — на благо Юстиниании. И взрослых, и детей. «Вечных детей» — как говорила мать. Потому как до взрослых лет не доживают. У Горелого хотя бы еще никто не сдох.

А может, его Горелый выручит?

Все же какую-никакую пользу банде он приносил.

Ага, как же. Эльфенок мотнул головой. Так тебе Горелый и высунется из Кашинблеска.

К утру его персоной заинтересовались соседи по камере. Продрав глаза, они вспомнили о новеньком и вальяжно подошли к нему.

— Эй. Ты откуда такой ушастый? — оскалился один, самый высокий. — Никак мамка с мигом подгуляла?

Эльфенок вдавился в стену и сжал кулаки. Драться он умел. Каковы шансы против троих? С одним бы точно справился... Беспризорники заржали и подошли ближе. Эльфенок весь подобрался.

И в эту минуту снова заскрежетал замок.

— Доан Остр, — зевнул охранник. — На выход.

У выхода в неизменной шляпе его ждал Рихаль.

Позже он не раз спрашивал у теперь уже вполне официального наставника и опекуна, как тот его нашел, да еще и настолько быстро? Ему всегда говорили, что беспризорники, попавшие «в подвал», исчезают из мира живых. Их никто никогда не находит. И как Рихаль так быстро, всего за месяц, оформил все документы на опекунство да еще и разрешение на вылет Эльфенка с ним на Землю?

Все вопросы пришли позже. А в тот день он беззвучно рыдал на кровати в номере Рихаля, потом жевал бутерброд с сыром и зеленью и запивал горячим чаем. Потом почти без возражений позволил Рихалю засунуть себя в горячую ванну. Потом засыпал, закутанный в одеяло, просыпался в холодном поту, не в силах понять, где он: в подвальной камере с решетчатой стеной, в их с матерью подвале, на улице под скамейкой... Просыпался и снова рыдал.

Все вопросы пришли позже.

И на все свои «Как?» он неизменно получал один ответ.

— Ты прав, такое невозможно. Но только не для специального наблюдателя с Земли.

* * *

Они встретились в двух кварталах от гостиницы — у входа в парк, заросший серыми колючками. Тот самый парк, где облезлый мальчишка когда-то ловил хрюма.

Матильда села в его авто, молча сорвала с себя пеньюар и швырнула его на заднее сиденье, оставшись в коричневых брюках и легком сером свитере. Волосы она убрала в скромный хвост.

Доан слегка кивнул ей и прибавил скорость.

— Я оформил на тебя временный пропуск. К утру это заметят, но к тому времени мы будем далеко. Я отвезу тебя в Милимилль.

— И останешься со мной?

— Нет, мне придется вернуться.

— Доан. Я не должна была тогда бросать тебя в тюрьме. Не должна была ему позволить...

— Перестань. Ты не могла подставить брата. Никто на твоём месте не смог бы.

— Я должна была что-то придумать. Взять вину на себя, наконец. Но только не бросать тебя там.

— Ничего страшного не случилось. Меня забрал Рихаль. Я даже испугаться толком не успел.

— Доан...

В лобовое стекло ударил луч света. Из ночи вышли фигуры с оружием в руках, сделали знак остановиться.

— Доан?

— Ничего не бойся. Никто нас не тронет. — Он припарковал авто у обочины, опустил стекло.

— Выйдите из мобиля, господин особый наблюдатель, — слышался глубокий мужской голос, в окно ткнулось дуло револьвера. — Вы и ваша спутница.

— Код сто сорок два.

— Принимаю. И все же, прошу вас, выйдите из мобиля.

— Не вижу в этом необходимости.

В следующую секунду запертая дверца со стороны Матильды со щелчком распахнулась, и Матильду вытащили прочь.

— Какого черта?! — Доан тоже выскочил на улицу.

— Вот видите, — улыбнулся ему обладатель глубокого голоса, мужчина среднего роста и в сером плаще. — Вам все же пришлось выйти из мобиля.

— Немедленно отпустите ее. — Спутник глубокого голосого, тоже одетый в серый плащ, приставил к груди Матильды револьвер. — Код сто сорок два. С этой минуты вы все в моем подчинении. Я особый наблюдатель с Земли, в экстренных случаях я могу переключить управление на себя хоть группой людей, хоть целой вашей драной планетой!

— Мы знаем, кто вы, друг мой, — слышался новый голос, на этот раз — тихий, вкрадчивый, чуть ли не мурлыкающий.

Из темноты вышел полный человек с круглым лицом и добродушной улыбкой. На нем была полурасстегнутая синяя рубашка, заправленная в штаны, и никакого оружия. Он развел руки, словно для объятий.

— Никто вам не причинит вреда, господин наблюдатель и госпожа Грант. И все же вам придется поехать с нами. В мой личный кабинет.

Доан молча смотрел на человека, о котором ходило много слухов и легенд и на Феодоре, и на Земле.

На человека, который умудрился спрятать от войны целый город, хотя своим вмешательством мог бы завершить войну без всяких провокаций и убийств принцесс.

★ На единственного на этой планете человека, который мог себе позволить проигнорировать код «сто сорок два».

На мэра Кашинблеска.

— Ваши люди угрожали оружием. Мне и Матильде. И забрали мой пистолет!

Кабинет мэра Кашинблеска выглядел более чем скромно. Стол, пара кресел, кожаный диванчик, на котором неподвижно сидела Матильда. Не сравнить с утопающими в золоте и роскоши апартаментами военного министра...

— Мы должны были убедиться, что вы — безопасны для нас, — развел руками мэр. Он сидел за столом, Доан же расхаживал перед ним. — И вдобавок как-то уговорить вас поехать с нами.

— И зачем мы здесь? Матильде угрожает опасность. Ей нельзя оставаться в Кашинблеске.

— Именно поэтому вы здесь, — промурлыкал мэр. — Брат госпожи Грант — человек невысоких моральных качеств, но в осторожности ему не откажешь. Он предугадал, что вы можете предпринять что-то подобное, и расставил по периметру города свою охрану. Попадись вы его людям, а не моим, вас бы убили на месте. Обоих. Несмотря на все ваши экстренные коды. И повесили бы на мигов не только смерть принцессы, но смерть особого наблюдателя с Земли.

— Откуда вы все это знаете?

— Не только у вас есть прикормленные шлюхи.

— И что вы намерены предпринять?

— Мои люди вывезут вас тайными тропами, о которых не знает ваш брат.

— С чего бы вам нас спасать?

— Если принцессу убьют, война разгорится с новой силой. Если ее убьют в Кашинблеске, боюсь, нас таки втянут в эту войну.

— А вы так этого боитесь? Мощи Кашинблеска хватит, чтобы закончить войну. Если бы вы прекратили отсиживаться...

— Прекрасно. Вернем принцессу брату?

Доан обессиленно сел в кресло. Мэр улыбнулся.

— Стало быть, вывезем вас из Кашинблеска. Кроме того, вам выдадут бумаги, с которыми вы сможете передвигаться по территории мигов. Как иначе вы собирались добираться до Милимилля?

— У вас и на той стороне прикормленные шлюхи? Мэр пожал плечами.

— Мигам тоже не нужны лишние скандалы. Им нужен мир.

— Я вижу, вы за них очень переживаете.

— Всем нам свойственно переживать за братьев. А вы, кажется, тоже симпатизировали первому населению планеты. Скучали по красному саду?

Доан покачал головой.

— Если вы закончили хвастаться своей осведомленностью...

— А вот вы, кажется, не слишком осведомлены. Впрочем, как почти все, прибывшие второй волной на планету.

— Что значит «второй»?

— Сколько космических экспедиций за все время снаряжала Земля, и сколько из них было успешных?

— Четыре. Успешная одна.

— Вы уверены?

Доан начинал злиться.

— Двое первых кораблей погибли, один... тоже погиб. Наверное.

— Экипаж утратил связь с Землей — да и то не сразу. Но вряд ли погиб. В привычном понимании. Вы можете вспомнить, как назывался корабль?

Доан задумался. Что-то в расспросах мэра настораживало, не давало просто взять и отмахнуться от них.

★ — А между тем, он понял, что не знает название третьего корабля. Первые два — «Клеопатра» и «Нефертити» — известны всем, даже четвертый, так и не стартовавший, известен — «Королева Елизавета». А вот название третьего нигде и никогда не упоминалось. И никого это не смущало.

— Он назывался «Царица Феодора», — сказал мэр.

— О господи.

— Они достигли планеты. И высадились на нее. И оказались намного умнее второй волны, потому что сумели войти с планетой в симбиоз. Не гробить экосистему, подстраивая под себя, а научиться жить с ней в ладу. И при этом, спустя поколения, слегка измениться самим...

— Так, значит, все миги — это...

— Потомки экипажа «Царица Феодора».

— Так почему об этом ничего не известно?

— Миги перестали быть людьми. Людей это напугало. О корабле и его экипаже предпочли забыть.

— Вы откуда все это знаете?

— В архивах мигов многое хранится. Они тщательно охраняются. Но с теми, кто по-настоящему готов слушать, они согласны делиться. Жаль, что таких очень мало.

— Доан, твои уши, — впервые за все время подала голос Матильда и повернулась к мэру. — Вы сказали, первые жители планеты изменились, спустя поколения... Я просто подумала...

— Да, — кивнул мэр и задумчиво улыбнулся. — Вряд ли достойная мать господина наблюдателя имела связь с мигом, как ее обвиняли. Скорее всего, произошла небольшая, но закономерная мутация.

— Поэтому тебя к ним и тянуло, Доан. К поселку и яблоням. Как жаль, что тебе пришлось улететь...

Доан вскочил, зашагал по кабинету.

— Бессмыслица какая-то. Надо остановить эту войну, надо рассказать людям...

— Что перед ними кучка лиловых мутантов? — поднял брови мэр. — В том числе — и особый наблюдатель с Земли?

— Надо остановить войну. Кашинблеск может остановить войну, если выступит...

— На чьей стороне?

Доан остановился, впился пальцами в спинку кресла.

— Значит, опять вялое перемирие?

— Увозите принцессу. А я со своей стороны сделаю все, чтобы оно оказалось не таким уж и вялым. Недаром на этот раз мир заключается в моем городе. А потом вы найдете на Земле кого-нибудь, кто будет готов слушать.

Доан кивнул.

На улице их уже ждал мобиль с водителем.

Декабрь, 2016

ЮРИЙ НИКУЛИН

ПРОЧНАЯ ПАМЯТЬ

Подходя к двери конторы, я слышала, как надывается телефон. Глубокий вдох, медленный выдох, взгляд в серость октябрьского утра за окном, недолгие поиски ключа, приветственный щелчок замка...

Телефон все звонил.

— Доброе утро, детективное агентство Рика Харда, — промурлыкала я в трубку.

— Здравствуйте, а-а детектив на месте? — Женский голос, усталый, неуверенный. Я взглянула на

★ — дверь, разделяющую приемную и рабочий кабинет, — из-под нее пробивалась полоска света.

— Да, он готов вас принять. Когда вас ожидать?

Только гудки в ответ. Разочарованно вздохнув, я сняла шляпку и плащ, устроилась за столом и достала из сейфа ежедневник. Незнакомке везло: на утро встреч намечено не было.

Дверь кабинета распахнулась, и Рик Хард пожелал мне доброго утра. Выглядел мой шеф помятым и нездоровым, хотя ни спиртным, ни болезнью от него не пахло. А вот запах оружейного масла чувствовался — значит, опять рано приехал в контору и возился со своими ненаглядными пистолетами, заперев дверь и не отвечая на звонки. Я решила не беспокоить его сейчас расспросами.

— К нам собирается клиентка.

— Да? Это хорошо... — Его рассеянный взгляд остановился на ежедневнике. — А в остальном, э-э-э, изменений нет? Вчера никто не звонил?

— Нет, вы же допоздна были в конторе. — Такая неуверенность была совсем не в стиле Рика.

— Да, просто... — Теребя узел галстука, шеф присел на диванчик для посетителей, посмотрел в потолок, в пол и, наконец, перевел взгляд на меня:

— Что-то я никак не могу вспомнить, как вчера все было. Вылетел из головы вчерашний день. Напомни, что там в записях?

Это было очень странно. Да, Рик не упускал возможности пропустить стаканчик-другой, особенно в приятной компании, но напиваться до беспамятства никогда себе не позволял. Травм головы последнее время не было. А еще отчего может память пропасть? Пожав плечами, я открыла ежедневник:

— Все обычно. С утра была встреча по делу Уильямса. Потом работа в городском архиве, кстати, вот, я перепечатала нужные статьи. Дальше переговоры

с Нью-Йорком и Балтимором. Потом приходил мистер Фонтейн, и вы с ним почти два часа обсуждали его родственников. И наконец вечером ночной клуб «Перекресток».

— Конечно, «Перекресток», — Рик потер затылок. — И сколько вчера...

Мой чуткий слух уловил шаги в коридоре, и я вскинула руку. Шеф прервался на полуслове и исчез в кабинете. Я принялась заправлять бумагу в пишущую машинку, изображая рабочую обстановку.

Короткий стук в дверь, и вот уже мистер Бенджамин Барр окидывает приемную взглядом поверх кругленьких очочков с темными стеклами. Этот высокий смуглый бородач, от которого всегда пахло дорогим одеколоном, был одним из постоянных клиентов. Работал мистер Барр в адвокатской конторе, которая занималась в основном завещаниями. Находить чьих-то родственников, разбросанных по всей стране, им требовалось едва ли не каждую неделю.

Я проводила Барра и его неизменного спутника, то ли секретаря, то ли телохранителя, в кабинет и села печатать отчеты для клиентов. Расшифровка почерка шефа так увлекла меня, что очередному посетителю удалось застать меня врасплох. Вдвойне неприятно было, что это оказался лейтенант Чейн из отдела убийств. Невысокий лысеющий блондинчик, вечно курящий, был нашим заклятым другом: то подбрасывал выгодные дела, то навлекал на наши головы гнев окружного прокурора.

Я поспешила снять трубку внутреннего телефона:

— Мистер Хард, нас посетил лейтенант Чейн.

Рик посопел в трубку и ответил:

— Минутку, только галстук завяжу.

Это означало, что сейчас он откроет для клиентов незаметную дверцу за шкафом, через которую, согнувшись в три погибели, можно выбраться на тех-

★ — нический этаж, а оттуда спуститься по служебной лестнице на улицу. Да, мистер Барр был вполне добропорядочным, но Рик предпочитал не показывать полиции даже самых невинных посетителей.

— Утро доброе, лейтенант! — воскликнул шеф, выходя в приемную. — Показать вам мою пушку?

— Не-а, — ответил Чейн, зажигая сигарету. — Сегодня моя очередь кое-то показывать. Пошли, спустимся на улицу. И кошечку свою прихвати.

Первое, что бросалось в глаза, — разбитая витрина модной лавки как раз напротив здания, в котором размещалась наша контора. Среди манекенов, одетых в роскошные платья, топтался гном в рабочей спецовке с мерной лентой в руках. Негр-уборщик, ожидавший, когда ему разрешат смыть кровавое пятно с тротуара, отгонял зевак. Пара человек в штатском что-то обсуждали у полицейского автомобиля.

Лейтенант подвел нас к машине «Скорой помощи», возле которой лежали носилки, и откинул простыню с лица. Хорошенькая молодая женщина, почти никакой косметики, дешевая заколка в длинных светлых волосах, родинка под правым глазом.

— Бедняжка, — скучно произнес Рик. — Что с ней случилось?

Чейн сдвинул простыню еще ниже, открыв кровавое пятно на жакете:

— Шла по тротуару, никого не трогала. Вдруг подъехала машина, и оттуда начали стрелять. Пять или шесть пуль, ей досталась только одна, но и этого хватило.

— Дилетанты, — Рик сунул руки в карманы брюк, смерил взглядом витрину. — А что с машиной?

— Старая. Темного цвета. Синяя, зеленая, коричневая. Ты же знаешь этих свидетелей, — Чейн презрительно пыхнул сигаретой.

— Это все очень поучительно, но мы тут при чем? Вы нам все свежие трупы показывать будете?

— Не все. Только те, у которых в карманах найдется такая штука, — лейтенант достал красно-белую визитную карточку, помятую, с обтрепанными уголками. Стопка таких же, только новеньких, лежала у меня на столе. «Р. Хард, частный детектив», и дальше адрес и телефон. — Больше ничего не было, даже носового платка.

— Вообще-то, лейтенант, визитки как раз и делают, чтобы раздавать людям. И по каждой дать отчет я никак не смогу.

— Оно-то да, но вдруг это ваша клиентка? Не назначали на сегодняшнее утро randevu с очаровательной девушкой, а, Хард?

— Нет, никого я сегодня не ждал: ни человеческих девушек, ни эльфиек, ни гномих, — раздраженно ответил шеф. — Никогда не видел убитую, и она не была моей клиенткой. Официально заявляю.

— Что ж, нет так нет, — Чейн перевел взгляд на меня. — А вы, Луиза, что скажете?

Надо же, он даже имя мое помнит. Я печально вздохнула, прижала уши и сказала чистую правду:

— Я наверняка запомнила бы такую примечательную клиентку.

— Все, мы свободны? — Не дожидаясь ответа, Рик зашагал через улицу, я сочувственно улыбнулась лейтенанту и поспешила за шефом.

Только когда мы оказались в конторе, я позволила себе спросить:

— Мне заводить папку для нового дела?

— Какого дела?

— Расследование убийства незнакомки, конечно, — терпеливо объяснила я. — Вы же не просто так соврали лейтенанту?

★ — Что значит «соврал»? — нахмурился он. — Я действительно первый раз ее вижу.

— Она была нашей клиенткой. Где-то полгода назад. Имени не скажу, но она точно несколько раз приходила сюда. Розыск родителей.

— Ты просто ее с кем-то перепутала.

— Давайте я посмотрю в картотеке! — Я не стала напоминать шефу, что на память он совсем недавно жаловался.

— Лу, послушай... — Рик присел на край моего стола, подхватил карандаш и стал рассеянно тереть его в пальцах. — Это дело дурно пахнет. Связываться с парнями, которые готовы грохнуть человека среди бела дня прямо в центре города, у меня нет желания. Тем более, кому счет выставять? Чейну, что ли?

— Но ведь это наверняка она звонила утром! Звонила нам, не в полицию! Ей нужна была помощь!

— Теперь уже не нужна, — Рик швырнул карандаш в стаканчик. — А вот мне помощь точно понадобится, если стану крутиться под ногами у Отдела убийств. Мой профиль — розыск пропавших, и глупо лезть на чужой участок.

Тут очень кстати зазвонил телефон. Шеф проворно ухватил трубку, звонок оказался очень важным, и тема была закрыта.

Временно.

Конечно же, как только Рик уехал на очередную встречу, я перерыла картотеку и нашла эту папку. Эми Эвертон, тридцать два года, танцовщица в ночном клубе. Хотела найти своих родителей, контакт с которыми потеряла после Летней Ночи. Рик даже сам ездил в Лос-Анджелес, но итог вышел неутешительным: они погибли во время беспорядков. Людьми они были самыми простыми, вряд ли причина убийства скрывалась в их прошлом. Требовалось копать глубже, а в одиночку с этим было точно не справиться. И я сняла трубку и набрала номер.

* * *

Когда наступило время обеда, я заперла контору, прошла три квартала и нырнула в полутемную пещеру закусочной с игривым названием «Сладкий уголок». Том уже ждал меня, и мы уселись за столик в дальнем углу — хотя и там ловили на себе любопытные взгляды: не каждый день увидишь вместе девушку-кошку и псоглавца.

Три года назад, когда по планете катилась невидимая волна катастрофы, которую теперь называли просто Летней Ночью, нам с Томом достался выигрышный билет. Хотя все чаще я завидовала тем пятидесяти процентам жителей, которые в этой потусторонней лотерее вытянули пустышку — и остались людьми. Все прочие стали подменышами. Эльфами, гномами, гоблинами, орками — в Америке эти расы встречались чаще всего. Но были и более экзотические виды, разнообразные зверолоуди. Степень «звериности» у каждого была своя. Меня, например, отличали от человека только ненормально большие глаза, кошачьи ушки и хвост. А вот Тому досталась собачья голова целиком. Причем добро бы овчарки или сенбернара — нет, он был обречен до конца своих дней ходить с мордой пуделя. Впрочем, на качестве его работы это не отразилось, новости для криминальной хроники он вынюхивал отменно.

Я вкратце изложила Тому события сегодняшнего утра. Он задумчиво почмокал губами, подпер голову руками, уставился на меня.

— Слышала новость? — начал он так, будто и не слышал моих слов. — На днях смотрящий за Маленькой Италией отправился кормить рыб. Вроде как те денежки, что он боссам переслать должен был, куда-то делись. Может, растратил, а может, не уследил, итог один.

★ — Меня проблемы мафии не волнуют, — вежливо сообщила я.

— А вот болтают, что он пытался оправдаться, мол, совершенно забыл, кто у него был и сейф открывал и все такое. Просто целый день из головы выпал. Не прокатила такая дешевка, конечно.

Я только хмыкнула.

— А еще один приятель в полиции рассказывал, как они одного типа допрашивали, который банк взял на прошлой неделе. Требуют, чтобы он о подельниках своих рассказал, он и сам на все готов, лишь бы срок скостили, да вот память отшибло! Как в баре сидел, помнит, как дома свою долю под половицей прятал — тоже, а все, что посредине, куда-то ухнуло.

— Короче говоря, в городе завелся какой-то похититель памяти, — прервала я этот поток баек.

— Короче, похоже на то, — кивнул Том. — И почти наверняка он пользуется магией. А это значит...

— ...Эльфы, — поморщилась я.

— Нет, это значит, что следов и улик, годных для суда, он не оставляет. Напомню, за последние три года закон о магических преступлениях так и не приняли. Конечно, всегда есть молодчики из «Общества за чистоту человечества»...

— Хоть бы за едой такие мерзости не говорил, — у меня даже хвост встал дыбом от отвращения. — И тогда уж и про «Прекрасный народ» вспомни.

— Сравнишь тоже. За всю страну не скажу, но в нашем штате эльфийское братство только добивается, чтобы обидчики эльфов не ушли от суда. В смысле, обыкновенного законного органа власти, а не толпы линчевателей.

— Ага-ага, вот только какими методами они этого добиваются!

— Теми, которые не запрещены, — пожал плечами Том. — Слушай, купи себе уже телевизор, а? Там все это каждый вечер пережевывают.

— Зачем мне телевизор, когда можно пообщаться с тобой? — Я кокетливо похлопала ресницами. Увы, то ли псиная мимика прекрасно скрывала чувства, то ли Том был равнодушен к моим чарам, то ли я эти чары сильно переоценивала. Он сосредоточился на еде и только через пару минут вернулся к разговору:

— Я вот думаю, одна зацепка у нас есть. Похоже, у твоего шефа амнезия случилась не раньше визита в «Перекресток». С другой стороны, чуть не все приемы эльфийской магии требуют контакта с объектом воздействия, желательно взгляда в глаза.

— С каких это пор ты сделался таким эльфознатцем? Я вообще не слышала о магах, способных ковыряться в чужой памяти.

— Я б тоже язык за зубами держал, будь у меня такой талантик. Даже в кругу собратьев.

— Особенно в кругу собратьев, — буркнула я.

Том понимающе вздохнул. У зверолодей имелось свое подобие сообщества, но их — то есть нас — самих было слишком мало, чтобы эта организация имела какое-то влияние. А кошколюдям не повезло еще сильнее: если, например, в Европе они встречались часто, то в Северной Америке по неизвестным науке причинам были диковинкой. По недавней переписи населения на весь наш штат приходилось пять де-вушек-кошек, и ни одну из них я лично не встречала. Короче говоря, ни с какими «собратьями», кроме Тома, я не общалась, да и не особенно стремилась заводить знакомства.

— В общем, ты разузнай, не случилось ли вчера в «Перекрестке» какого-нибудь скандала, — поспешила я сказать, пока молчание не стало тягостным. —

★ Или просто чего-то необычного. Особенно если рядом был Рик.

— Лу, а ты вообще знаешь, что за заведение этот «Перекресток»? — Том посмотрел на меня, как профессор на глупую студентку.

— Шикарный ночной клуб, — с вызовом ответила я. — Нейтральная территория, где могут встретиться представители любых рас.

— Вот именно, что нейтральная территория. Какие скандалы?! Там начнешь бузить — мигом орки-вышибалы за двери выкинут. Если что и случается, то в частных кабинетах, в узком кругу, и болтать об этом никто не станет.

— Ладно, — милостиво кивнула я, — тогда просто достань мне билет в это местечко. Рик никогда меня туда не водил, надо бы глянуть хоть одним глазком.

Теперь Том смотрел на меня, будто прикидывая, где достать смирительную рубашку:

— Скажи, пожалуйста, почему тебя так тянет порыться в помойке? Может, ты забыла, но на дверях твоей конторы написано «Рик Хард», а вовсе не «Луиза Сандерс».

После некоторого раздумья я облекла в слова то, что меня мучило:

— Понимаешь, мне просто не нравится, что где-то рядом завелся поганец, который умеет промывать мозги.

— Три года назад мозги промыли всему миру разом, и ничего, живем как-то, — проворчал Том. — А как по мне, тебя задело за живое, что кто-то посмел тронуть твоего ненаглядного шефа, похоже на то?

— Он, между прочим, мне жизнь спас, — напомнила я. — И вообще, тебе ничего делать не нужно, только билет достать, все остальное я сама!

— Это какое же «остальное»? — тут же вопросительно поднял ухо Том.

— Например, схожу к Эми домой и расспрошу соседей, — небрежно ответила я. — Она живет в Вудлоне, можно быстро на надземке добраться.

— Ты безнадежна, — вздохнул Том. — Надеюсь, тебе не придется проверять, сколько же у тебя на самом деле жизней.

* * *

До Летней Ночи в Вудлоне жили те, кого в статистических сводках называют «белые граждане, средний класс». Даже появление подменышей, казалось, не нарушило сложившийся порядок вещей. Но именно здесь обнаружился источник магической энергии. Раньше такие места были интересны только шарлатанам, обзывавшим их геопатогенными зонами или еще какими наукообразными словечками. А потом появились эльфы со своими странными способностями, которые для простоты все называли «магией», и оказалось, что есть места, где им колдовать и вообще жить проще и приятнее, чем в других.

Местные сперва пытались как-то бороться с внезапным наплывом «длинноухих». Но городские власти твердо решили не допустить второго Лос-Анджелеса или Джэксонвилла, да и только зародившаяся община «Прекрасный народ» проявляла чудеса дипломатичности. В конце концов в Вудлоне возник первый в городе эльфийский квартал, сразу отгородившийся от чужаков высокой стеной, а прежние обитатели в большинстве своем перебрались в другие районы города. Оставшиеся после них уютные двух-трехэтажные особнячки новые хозяева разделили на комнатки и стали сдавать внаем, причем чаще всего без оглядки на цвет кожи и расу. Нельзя сказать, чтобы район превращался в трущобы, но фешенебельным его теперь никто бы не назвал.

★ Дом Эми Эвертон, украшенный небольшими башенками, возвышался крепостью порядка на грязной улочке: опавшие листья на тротуаре сметены в одинаковые аккуратные кучки, все окна чистые, занавесочки на них в одном стиле, входная дверь открывается без единого скрипа. В хорошо освещенном холле на видном месте висела табличка в виде изящной стрелки с надписью «управляющий». Я на минутку задумалась о том, чтобы перебраться сюда из своего клоповника.

Управляющий сам вышел мне навстречу. На первый взгляд можно было решить, что это просто человек небольшого роста с густой бородой и роскошными усами, но мой обостренный нюх безжалостно подтверждал: гном, стопроцентный гном. Похоже, о переезде придется забыть. И ведь, что обидно, обычные люди, как и все остальные расы, гномьей вонищи не воспринимают. Впрочем, на краткий разговор меня должно было хватить.

Пока я, стараясь не дышать носом, излагала свою историю, управляющий рассматривал визитку детективного агентства, разве что только на зуб ее не попробовал. Наконец он решил заговорить:

— И зачем вы ее ищете? Кто вас просил?

— Она сама, — гладко соврала я. — Заказала нам кое-что узнать, и вот уже неделю не появляется. Вот я и пришла узнать, вдруг случилось что.

— Неделю... — гном задумчиво пошевелил бородой. Потом внезапно бросил на меня острый взгляд: — А выговор-то у тебя не местный. Откуда приехала?

— С Юга, — я передернула плечами, как всегда, когда мне об этом напоминали.

— И чего там не сиделось? — прищурился гном. Меня так и подмывало выкрикнуть «не ваше дело», но я сдержалась и ответила, глядя ему в глаза:

— Здесь мне не подбрасывают под двери дохлых кошек.

Управляющий неловко кашлянул и отвел взгляд. Я не стала ждать, пока он снова решит сменить тему:

— Так что насчет мисс Эвертон?

— Я вот ее уже дней десять не видел. Но уплачено за месяц вперед, так что как бы не моего ума дело...

— А к ней никто не приходил?

Борода снова подергалась туда-сюда:

— Сперва парни с работы искали, да. Строгие такие.

— А где она работает? — поспешила уточнить я.

— Клуб «Бикини». Понятия не имею, где это. — Именно это место работы называла нам Эми полгода назад. — Ну а позавчера какой-то красавчик зашел к ней, напихал в чемодан ее тряпок и ушел. Сказал, что она за больной бабкой присматривает.

— Ясно, — из досье я знала, что никаких родственников у Эми в городе не было. Может, неожиданно отыскался кто-то? Нет, не верится. — А этот красавчик тоже родич, что ли?

— Так кто ж его знает. Документов не показывал, только ключ от комнаты у него был. И на вора не похож: я следил, он только одежду собирал, да.

Я подумала, что вряд ли у Эми было что-то ценное вообще, но меня больше волновал другой вопрос:

— А как он выглядел? Красавчик — как эльф?

— Нет, конечно! — Борода воинственно распушилась. — Этих прощелыг я и на порог не пускаю!

Нелегко же ему приходится, когда эльфийский квартал совсем рядом. Я не удержалась и невинно спросила:

— Вот как? А что они вам сделали?

— Попробовали б они еще что-то сделать! — У гнома даже кулаки сжались.

★ — А Эми с эльфами встречалась? Или, может быть, работала?

— Она девушка приличная и не дура! Со всякой швалью лесной не водится!

Не желая еще сильнее раздражать управляющего, я поспешила вернуться к теме:

— То есть за вещами приходил человек? Блондин, брюнет? Во что одет?

— Человек как человек. Что я его, обязан помнить? — буркнул гном. Похоже, упоминание эльфов испортило ему настроение. Или он просто не хотел делиться с незнакомкой сведениями за бесплатно? Я достала из сумочки купюру.

— Может, это освежит вашу память? — Киношная фраза прозвучала до того глупо, что я, кажется, даже покраснела от смущения. А вот гном разъярился не на шутку, чуть не испепелив взглядом.

— Вот поживи с мое, узнаешь, каково это, с дырявой головой жить! — Он метнулся в свою комнату, захлопнув дверь так, что весь дом задрожал.

«Паршивый из меня сыщик», — вздохнула я, пряча деньги. Можно было, конечно, отыскать и опросить соседей, служанок или еще каких свидетелей, но мне не хотелось привлекать внимание. Рано или поздно здесь появится полиция, у нее это получится намного профессиональнее. А я лучше потяну за следующую ниточку.

* * *

С первого взгляда на «Бикини» становилось ясно, что до уровня клубов с Раш-стрит ему далеко. Длинное одноэтажное здание с высокими окнами, закрытыми плакатами с изображениями скудно одетых девиц. Крайнее окно выглядело так, будто его недавно выбили и поспешно заделали. У дверей стояла стремянка, на ней примостился пожилой человек в потре-

панном комбинезоне. Он пытался замазать уродливые черные пятна над входом — похоже, кто-то забросал заведение взрывпакетами.

Я подошла к двери, прочитала рукописное объявление «Приглашаем на работу артисток! Обращаться к администратору», хмыкнула и взглянула на маляра. Тот ожесточенно возил кистью, делая вид, что меня тут нет. Я постучала в дверь. Через пару минут постучала еще раз, настойчивей.

Наконец рядом с объявлением открылось небольшое окошко, там показались глаза, явно нечеловеческие. Я прямо-таки чувствовала, как взгляд обжег мои уши.

— Тут не бордель, для тебя работы не найдется, — прорычал привратник. — Проваливай!

— Мне нужно поговорить с администратором. — Я изобразила любезность, хотя внутри все так и кипело от злости. Когтистая лапа вырвала у меня из пальцев визитку, окошко захлопнулось.

— Кажется, дела у вас идут не очень, — сказала я маляру через несколько минут, устав от ожидания.

— А как они могут идти, когда половина танцовщиц разбежались. — Старикан тряхнул кистью, и если бы не моя кошачья ловкость, плащ и шляпка были бы безнадежно испорчены. Больше завязать разговор я не пыталась.

Наконец дверь открылась. Угрюмый толстяк средних лет, в желтой рубашке, пересеченной черными подтяжками, жестом пригласил меня внутрь. В прихожей мы сразу свернули за стойку гардеробщика, а оттуда по полутемному коридору меня провели в какую-то комнату. Из мебели там был только письменный стол и два кресла. Часть комнаты отгораживал плотный занавес, и за ним кто-то стоял — пусть я и не собака, но учуять чужое присутствие мне вполне по силам.

★ — Добрый день, — вслед за нами в комнату вошел типичный эльф: заостренные уши, чистый взгляд, по безволосому, словно бы мальчишескому лицу возраст не определишь. — Вы хотели видеть администратора, верно, мисс? Пожалуйста, присаживайтесь.

— Мисс Сандерс. — Я осторожно опустилась в кресло, опасаясь, как бы оно не развалилось. Эльф и толстяк остались стоять. — Я хотела задать пару вопросов о ваших сотрудниках.

Эльф неопределенно хмыкнул, а потом выбросил перед собой правую руку, ладонью ко мне. Нас разделяло метра два, но я ощутила что-то вроде удара током. Хвост встал дыбом, руки невольно вцепились в сумочку.

— Сэм, проверь ее, пока я держу! — скомандовал эльф. Толстяк тут же устремился ко мне. Первым делом этот блудодей принялся лапать мои ноги, видимо, ожидая найти револьвер в чулке. Я от души двинула ему коленом в нос, а когда он с воем схватился за лицо, добавила носком туфли под подбородок. Изумленный эльф выставил перед собой вторую руку, подарив еще немного щекотки, но я уже была на ногах, а «дерринджер» покинул карман плаща и смотрел прямо в лицо незадачливому магу.

— Если вы так со всеми девушками поступаете, у вас точно никто работать не будет. — Я отошла подальше от стола, чтобы держать в поле зрения обоих типчиков, и крикнула в сторону занавеса: — Кто там прячется, выходи, лучше с поднятыми руками!

Толстяк хлюпал носом, не пытаясь подняться. Эльф, уронив руки, смотрел на меня, как на чудо какое-то, потом дрожащим голосом выдавил из себя:

— На тебя не действует магия! Не действует!

— Или это колдун из тебя неважный. — Я постаралась злорадно усмехнуться, хотя особой уверенности в себе не чувствовала. В моем пистолетике только два

заряда, начнется драка, на всех не хватит. — Эй, за занавеской, считаю до трех!

— Нет нужды в таких крайних мерах, — раздался рычащий бас. — Я выхожу, и мы спокойно побеседуем.

Занавес медленно отодвинулся, и к нам присоединился орк. В светлом костюме-тройке и при галстуке, но самый настоящий орк. Он шевельнул лапой, и эльф с толстяком убрались прочь. Босс — а начальственный вид не заставлял сомневаться, кто тут главный, — опустился в кресло и жестом пригласил меня. Я вернула «дерринджер» на место и присела на краешек второго кресла.

— Прошу простить моих подчиненных, — пророкотал орк. — Все на нервах, в любом незнакомце видят врага.

— Я так понимаю, у вас неприятности, — осторожно заметила я.

Босс фыркнул, чуть не сдув меня на пол:

— Давайте не будем ходить вокруг да около. Я не дурак, соображать умею. Сперва танцовщицы пропадают, потом какая-то шпана пытается тут свои порядки наводить, потом мою семью запугивают, и вот наконец вы появляетесь. И все это начинается после того, как я отказался продать тот участок!

— Вы ставите мой визит в один ряд с налетами хулиганов? — Я чувствовала, что вышла на очень тонкий лед.

Орк оскалился — должно быть, это было улыбка:

— Я слышан о вашей конторе, о вашей репутации. Рик Хард, посредник, профессиональный улаживатель споров. Что ж, делайте ваше предложение.

Так вот, значит, какая слава идет о нашем агентстве?! А как же розыск пропавших? Похоже, я многого не замечала, просиживая дни за пишущей машинкой. Но сейчас нужно было что-то отвечать.

★ — Я на это не уполномочена, — сказала я практически правду. — Сперва хотелось бы убедиться, что вы вообще склонны к переговорам. И, между нами говоря, — добавила я в порыве вдохновения, — ваши позиции только укрепились. Ведь ваши, м-м-м, несостоявшиеся деловые партнеры основательно перегнули палку, как я вижу.

— Еще мягко сказано! — Орк откинулся на спинку кресла, заставив его отчаянно скрипнуть. — И поймите, дело не в деньгах. Этот участок достался мне в наследство от отца, а ему от его деда. Память предков, знаете ли.

— Увы, сейчас с памятью у многих проблемы, — непритворно вздохнула я. — Но я постараюсь помочь вам всем, чем смогу.

— Кошка поможет орку? — Он коротко хохотнул. — Что ж, попробуйте. Вот, звоните в любое время, как только получите полномочия.

В мою ладонь перекочевала визитка с дописанным от руки номером телефона. Затягивать посещение смысла не было, я встала, раскланялась и направилась к выходу. Никто меня не провожал и не останавливал, хотя я чувствовала запах эльфа. Старик-маляр уже убрал стремянку и заканчивал работу, стоя на корточках. Я перескочила через него и заспешила прочь.

В двух кварталах от клуба я нашла телефон-автомат, набрала номер. Трубку взяли на втором звонке:

— Бен Барр, слушаю.

— Здравствуйте еще раз, мистер Барр. — Я постаралась говорить обычным деловым тоном. — Это Луиза, секретарь Рика Харда. Тут срочно потребовалась справка по одному делу, и я подумала, что вы можете нам помочь.

— Возможно, — после секундного молчания произнес адвокат. — Это Рик поручил позвонить?

— Он сейчас занят, не может сам подойти к аппарату, — обтекаемо ответила я, доставая визитку орка. — Итак, некто Пол Хандельзатц получил в наследство какой-то участок в городе. Хотелось бы знать, где он расположен, что на нем находится и так далее.

— Думаю, это будет нетрудно, — после еще одной паузы решил мистер Барр. — Я пришлю Рику пакет с курьером еще до вечера.

Я тепло поблагодарила и повесила трубку. Остается надеяться, что Рик не отшлепает меня за самоуправство, когда вернется в контору.

Как только я вышла из телефонной будки, за спиной раздалось неуверенное:

— Прошу извинить за это неловкое происшествие...

Эльф все-таки меня догнал. Я огляделась — к счастью, больше никто из «Бикини» за мной не притащился.

— Мне казалось, мы все уладили, — буркнула я, делая вид, будто ищу что-то в сумочке. — Нет нужды в дополнительных церемониях.

— Извините, — промямлил он, — отец настоял...

Это он про орка, что ли?! Забыв о раздражении, я взглянула на эльфа. За всей свежестью вечной молодости в нем все-таки проглядывала угловатость подростка. Вот над кем Летняя Ночь подшутила действительно жестоко: двое подменышей в семье из таких непохожих рас. А может, и больше, чем двое?

— Что ж, вашему отцу не откажешь в благородстве. — Я зашагала прочь, Хандельзатц-младший поплелся следом. Не знаю, чего еще он ожидал. Я решила воспользоваться шансом и немного прояснить дело. — Кстати, о благородстве. А вы не пробовали обратиться к «Прекрасному народу»? Они же не отказывают в помощи собратьям?

Эльф посопел, помялся и наконец выдавил из себя:

★ — Не отказывают, только... для этого надо стать для них своим, понимаете? Отказаться от семьи, от тех, кто... ну, другой.

Еще бы, станут они какому-то орку помогать. Я сочувственно покивала и невинно спросила:

— А у вас есть постоянные клиенты из эльфов?

— Нет, конечно, — парень удивленно пожал плечами. — Эти удовольствия для них вроде недостаточно утонченные, что ли.

— А лично вас все устраивает?

— Это же семейный бизнес! — Он явно пытался произнести гордо и пафосно, но прозвучала эта фраза как жалкое оправдание. Эльф смутился и покраснел. Хороший момент, чтобы завершить беседу.

— Надеюсь, вам удастся его сохранить, — и я ускорила шаг, направляясь к стоянке такси.

— Пойдите! — жалобно воскликнул парень. — Скажите, а вот тогда, с магией... как вам удалось? Вы... тоже?..

Мне не хотелось лгать, но и рассказывать первому встречному о том, что все девушки-кошки невосприимчивы к магии, было бы глупо. Даже Рик об этом не знал, и я была уверена, что с раскрытием этой маленькой тайны моей мирной жизни наступит конец.

— Это что-то вроде амулета, — сказала я через плечо. — Подарок от одного клиента. Можно сказать, гонорар. Так что дело не в вас, не волнуйтесь.

— Амулет? — изумился парень. — Но ведь магия не может существовать отдельно от мага, так всегда говорят?

Вот поделом мне, не нужно было поднимать тему, в которой откровенно плаваю. Обернувшись, я постаралась изобразить таинственную улыбку:

— Возможно, посвященным в братство говорят по-другому?

— А-а-а, в самом деле! — просветлел парень. Такое объяснение, похоже, вполне укладывалось в его опыт общения с эльфами. Я не стала ждать, пока ему в голову придут другие вопросы, и поспешила к такси.

* * *

В конторе меня ждала свежая почта и разрывающийся от сообщений автоответчик. Впрочем, большинство звонков были не особенно важными. Только два привлекли мое внимание. Рик сообщал, что задерживается и до вечера в конторе не появится. Мистер Барр просил Рика перезвонить ему, когда будет возможность.

Пока я разбиралась с текущими делами, уже стемнело. В ожидании Тома, который обещал подвезти меня, я обдумывала, что из небогатого гардероба надеть в клуб; потом — как вообще себя там вести; а потом наконец появился курьер от мистера Барра. Я как раз успела изучить бумаги и свериться с картой, когда зазвонил телефон.

— Машина у подъезда, госпожа Лу, — с наигранной серьезностью протянул Том.

— Спускаюсь, — коротко ответила я. Поколебавшись, нашарила в ящике своего стола баночку из-под аспирина, вытряхнула на ладонь две красные таблетки в форме сердечка. К сожалению, кошачий организм требует двенадцать часов сна в сутки, и, если не принять меры, уже скоро я начну клевать носом. Впадать в зависимость от стимуляторов я не собиралась, снадобье хранилось только на крайний случай, но сегодня без него было не обойтись.

Я оделась, проверила, не забыла ли чего. Главное — на столе у Рика лежал свежеотпечатанный отчет с изложением всего, что я узнала за сегодня, и моими комментариями. Хотелось бы обсудить с ним, но увы, пока придется действовать самостоятельно.

У подъезда действительно стоял автомобиль, причем не какая-нибудь колымага. Я влезла на пассажирское сиденье и восхищенно поцокала языком:

— Надо же, Том, я и не знала, что журналистам столько платят!

— У знакомого взял, — проворчал он, трогаясь. — Он над своей телегой трясется, как над собственным ребенком, но я пообещал, что мы не будем устраивать гонок по грязи с перестрелками. Мы же сейчас к тебе домой? Адрес тот же?

— Вообще-то в грязь заехать придется, — призналась я. — Давай сделаем небольшой крюк и посетим Линкольн-Парк.

— Небольшой? — хмыкнул Том. — Это как посмотреть. Что именно ты собралась посещать? Зоопарк?

— Вот тут отмечено, — я протянула ему карту. — Участок земли, из-за которого орку Полу Хандельзатцу портят жизнь таинственные недоброжелатели. И они так увлеклись этим неблагородным делом, что попутно убили красотку Эми.

— Лучше расскажи с самого начала, — закатил глаза мой верный спутник.

И я начала рассказывать. Правда, фактов было маловато, и я быстро перешла на предположения. Том, надо отдать ему должное, слушал внимательно и решил перебить, только когда я начала повторяться.

— Похоже, кто-то похищает танцовщиц из клуба «Бикини», чтобы подпортить бизнес его владельцу. Потом одна из танцовщиц решила просить помощи у частного детектива, к которому обращалась раньше. Ее выследили и убили. А детективу стерли память, чтобы он не помог полиции ее опознать.

— Да, все именно так, — кивнула я.

— Остается три вопроса, — продолжил Том, не отводя взгляда от дороги. — Во-первых, зачем мистеру

Харду стерли память не только полугодовой давности, но и свежую, о вчерашнем дне?

— М-м-м... наверное, чтоб он не вспомнил этого похитителя памяти! — воскликнула я. — Это же, скорее всего, не бродяга из подворотни, а вполне благообразный господин. Еще и эльф, между прочим. Если из памяти сотрется только тот фрагмент, когда они были наедине, будет слишком подозрительно.

— Допустим, — Том свернул на какую-то узкую и ухабистую дорогу и сбросил скорость. — Во-вторых, если эти ребята могут править память, почему они решили убить Эми? К чему лишний шум?

— Было слишком поздно? — неуверенно предположила я. — Поймать человека посреди улицы и ошарашить магией сложнее, чем пустить в него пулю.

— Скорее всего, это какая-то мелкая шайка, — со знанием дела заметил Том. — Серьезные ребята, из Маленькой Италии, например, легко расставили бы своих бойцов по всему городу. Девчонку сцапали бы сразу после того, как она из телефонной будки вышла. И на «Прекрасный народ» не похоже, они за огнестрельное оружие никогда не берутся.

— А ты не думал, что подозрительно много эльфов вокруг этой истории? — возразила я. — Эми живет совсем рядом с эльфийским кварталом. Может, она увидела или услышала что-то лишнее? А потом рассказала об этом на работе? Как раз тем, у кого зуб на эльфов имелся?

— Угу, бедная девушка подслушала зловещие планы насчет мирового эльфийского господства. — В голосе Тома было много-много иронии. — Есть газетки, которые такие истории сразу на первую полосу поставят, можешь продать им сенсацию.

— Ну предложи свой вариант, — слегка обиделась я.

★ — Сочинить-то я могу что угодно. Вдруг у того эльфа, который орков сын, есть способности, о которых он помалкивает? А Эми решила его заложить, вот и пришлось ее грохнуть.

— Да не тянет он на преступного гения, совсем еще мальчишка. — Я лихорадочно вспоминала наш разговор. Неужели парень оставил меня в дураках?

— Судя по твоему рассказу, точно не тянет, — легко согласился Том. — Это просто версия, которую я только что сочинил. А нужно не сочинять, а опираться на факты. А их у нас почти что и нет.

— Интуиция подсказывает: на участке мы что-то найдем!

— Может быть, может быть, — Том наконец взглянул на меня, и мне не понравилось выражение его морды. — А теперь третий вопрос. Так почему же ты упорно хочешь довести следствие до конца? Не проще дождаться Рика и все рассказать ему? Тем более ты, похоже, не в курсе всех его дел.

— Не проще, — буркнула я, уставившись в темноту за боковым стеклом.

— Смотри сама, — неожиданно пошел он на попятный. — Но смотри, чтоб твои благие намерения не завели его невзначай в яму. Ну вот мы и приехали. Вылезаем.

Уличных фонарей тут не было, но света луны нашему звериному зрению хватало. Бетонная площадка, на которой остановился наш автомобиль, находилась на краю запущенного парка. Его огораживал декоративный заборчик, который не остановил бы и котенка. От кованой калитки шла засыпанная опавшей листвой тропинка, она привела к бетонной лестнице, поднимавшейся по склону холма.

За холмом, в заросшей деревьями лощине, обнаружился двухэтажный особняк, давно заброшенный. Окна были закрыты ставнями — напрасная предосто-

рожность, если учесть, что входные двери рассыпались на отдельные доски.

— Чувствую запахи, — прошептал Том. — Тут кто-то был. Но давно. Еще до последних дождей, я бы сказал.

— Запах эльфа или орка? — уточнила я, тоже шепотом.

— Люди — точно. Эльф, возможно. Больше не скажу, я все-таки не ищейка. Скорее всего, случайные бродяги, — наконец высказался мой спутник. — Все увидела, что хотела? Можем ехать?

— Нет, раз уж мы тут, давай войдем. — Во мне заговорило непонятное упрямство.

И мы вошли. Осмотрели пустые комнаты, мебель из которых давным-давно вывезли. Даже на чердаке побывали и полюбовались звездами сквозь дырки в крыше. И когда мы снова спустились в столовую на первом этаже, Том наконец сказал:

— Да, если тут все снести и заново построить, получится отличное гнездышко. Но таких особнячков можно немало найти. К чему так стараться?

— Том, Том, ты такой толстокожий, — игриво упрекнула я его. — Разве ты не чувствуешь того же, что и я? Как будто хочется остаться в этом доме навсегда... такое приятное ощущение по шерстке...

— Разрази меня гром! — ахнул мой спутник. — Место концентрации магической энергии!

— Вот именно! — хихикнула я. — То, что люди и орки не замечают, зверолюди чувствуют и только эльфы могут использовать.

— Похоже, мы наконец знаем мотив.

— Вот именно! Теперь у нас есть что предъявить полиции! — Мне хотелось пуститься в пляс, но я понимала, что это всего лишь побочное действие магической зоны, и сдерживалась.

★ — Для полиции маловато, а вот для... — Он осекся, насторожил уши. — Черт подери, кажется, я слышал шум мотора. Как бы нас тут не застучали.

— Думаешь, это господин Хандельзатц решил проверить свои владения? — Я представила себе его физиономию и не смогла сдержать смех. — Ну так с ним я сумею договориться!

— Пора валить, Лу, — Том схватил меня за руку и потащил к выходу. — Тут все такие нервные, лучше побережись.

— Полегче, Том, полегче. — Я споткнулась на неровных досках пола и больно стукнулась хвостом о стену. Зашипев, я вырвалась из хватки своего спутника. — Из-за тебя чуть туфлю не потеряла!

— Ох, Лу, ты меня убиваешь! — закатил глаза Том и выскользнул на крыльцо.

Выстрелы разорвали ночь. Том дернулся и начал сползать по дверному косяку. Через мгновение я была рядом с ним с «дерринджером» в руке. У вершины холма виднелся человеческий силуэт. Я выстрелила, и тут же выстрелил противник.

Пуля ударила в стену. С холма донесся вопль, я увидела, как стрелок, спотыкаясь, бежит прочь. Я хотела выстрелить еще раз, но потом решила побережь патроны. Один патрон, если быть точной.

Я повернулась к Тому. Он сидел, опираясь на окровавленную стену, и уже не дышал. Я села рядом и заплакала.

Следующие несколько минут выпали у меня из памяти без всякой магии. Когда я увидела, как кто-то спускается с холма, подсвечивая себе дорогу фонарем, то даже не стала шевелиться.

Это оказался Рик. Он некоторое время молча осматривал место происхождения, потом произнес:

— Ну и дела...

За ярким светом я не видела выражения его лица. Утерев слезы, я тихо спросила:

— Вы нашли папку, которую я оставляла?

— Нашел, нашел, — ровным голосом ответил он, потом направил фонарь на холм. — В темноте, из такой хлопущки человека уложить... ты сильна...

— Он жив? — зачем-то спросила я.

— До своей машины добежал и отдал концы. Слишком много крови потерял. Дай-ка сюда, — Рик носовым платком подхватил «дерринджер», протер и вложил в руку Тому. — Вот, так и объяснять ничего не придется.

— Но Тома убили, — всхлипнула я.

— Тут уж ничего не поделаешь, извини. — Шеф обернулся и посмотрел на холм, где появились еще несколько фигур с фонарями. — Ничего не поделаешь, — повторил он, наклоняясь ко мне. Я смотрела на мертвого Тома и не успела заметить, как он защелкнул на моем запястье наручники. Теперь я была прикована к перилам крыльца.

— Это для твоей собственной безопасности, не делай глупостей, — прошептал Рик.

— Да, глупостей на сегодня хватит, — громко сказал мистер Барр, подходя к нам. Следом шагал его телохранитель с большим пистолетом в руке и еще какой-то парень.

— Клод умер? — спросил Рик, пытаясь выглядеть спокойным.

— Да умер, умер, — раздраженно отмахнулся адвокат. Или кто он был на самом деле. — И сказать прямо, туда ему и дорога. Привык все проблемы пальбой решать, неприятностей от него, как блох... — Тут он посветил фонарем прямо в глаза, и пришлось отвернуться. — Постой, так это не ты его пришил?

— Я и пистолет-то свой в конторе оставил, — проворчал Рик.

★ — Ох, неужели твоя кошечка постаралась? — В голосе Барра слышалось неподдельное восхищение. — А коготки-то острые! Так, а что это за ушастая морда, которой вы так неуклюже ствол подбросили?

— Знаю я его, — подал голос один из молодчиков Барра. — Репортер из криминальной хроники.

— Он же ничего не успел разнюхать? — спросил меня Рик. — Что ты ему рассказала?

Сперва я хотела гордо промолчать, но потом представила, как бандиты в поисках несуществующих улик вламываются в редакцию, и ответила:

— Он узнал обо всем, пока мы сюда ехали. Он не успел сделать записи или с кем-то поговорить.

Рик облегченно вздохнул. Барр хмыкнул и сказал кому-то из своих:

— Грей, утром проверишь. Наведи там справки, так, аккуратненько.

— Что теперь будем делать? — нервно спросил Рик.

— Порядок наводить, вот что. — Если б я не знала, о чем идет речь, можно было бы подумать, что Барр и вправду собирается заняться уборкой или чем-то ещё таким же повседневным. — Надеюсь, ты не успел сегодня познакомиться со знойной красоткой.

— Ты только скажи, это все будет...

— Да навсегда, навсегда, — адвокат снял очки, сунул в нагрудный карман. — И нет, все не сразу происходит, память постепенно тает, осыпается кусочками, примерно через полчаса начинает клонить в сон, а после пробуждения следов воспоминаний уже нет. А мысли читать я не умею, просто знал бы ты, сколько раз уже задавал одни и те же вопросы.

— Только утро не трогай. — В голосе Рика появились заискивающие нотки, и это было просто отвратительно. — Полиция может что-то заподозрить, если я вдруг забуду встречу с ними.

— Пойдите, что вы делаете! — выкрикнула я сквозь слезы. — Мистер Хард, вы что, даже не будете сопротивляться?!

— Мистер Хард уже большой мальчик и понимает, что подчиниться в его интересах, — нравоучительно сказал Барр, сунув ладонь в лицо Рiku. Спустя где-то полминуты маг выдохнул и похлопал детектива по плечу. — Готово, можешь идти, компенсацию получишь обычным порядком.

— Пока, Бен. До завтра, Луиза, увидимся в офисе. — Рик, ссутулившись, затрусил прочь, молодчики последовали за ним. Барр проводил их взглядом, потом повернулся ко мне с самой дружелюбной улыбкой:

— Сигарету?

От удивления я не сразу нашлась с ответом:

— Это что, последнее желание перед казнью?

— Нет, просто попытка разбить лед. — Он присел на крыльцо. Достаточно далеко от меня, чтоб нельзя было дотянуться, даже извернувшись. — Убивать тебя я не собираюсь, это была бы напрасная трата ценного материала. Не обращал на тебя внимания, думал, только на машинке печатать можешь, а тут! Стреляешь метко, соображаешь быстро, общий язык с представителями любых рас находишь. Думаю переманить тебя к себе в контору. Только найду для Рика кого-нибудь на замену.

— Вы эльф, — сказала я.

— Ты только теперь узнала, правда? — с гордостью сказал он. — Почти никто не догадывается, пока не увидит, как я колдую. Спасибо отцу, он, как обнаружил, что сын подменным стал, половину состояния на врачей потратил, особенно на пластических хирургов. Конечно, очки, грим, накладные волосы, возни много каждый день, но оно того стоит!

И еще о запахе заботится, вспомнила я об одеколо-
не. Но сейчас важнее было другое:

— А этот участок вам нужен для себя?

— Конечно, с ним я развернусь по-настоящему! —
Он мечтательно посмотрел в небо, потом повернулся
ко мне: — Да, если что-то неясно, спрашивай, я на все
вопросы отвечу.

— Не терпится устроить чистосердечное призна-
ние? — съязвила я.

— Когда стираешь память у того, кто долго мучился
над каким-то вопросом, иногда накладки бывают, —
без следа обиды ответил он. — Потом вдруг этот во-
прос всплывает будто из ниоткуда. Неприятно полу-
чается. Так что лучше расставить все точки и запятые.

— Пропажа танцовщиц из «Бикини» — ваша рабо-
та? — тут же спросила я.

— И не только оттуда, — Барр беспечно заложил
руки за голову и откинулся на стену. — Никакого на-
силия и подкупа, просто стираешь девушке пару дней
памяти, а потом объясняешь, что она сама по доброй
воле перешла в другой клуб, вот и подпись на кон-
тракте стоит. Не помнит ничего — осложнения после
гриппа, врач подтвердит. А если при этом на новом
месте кормежка хорошая и гримерки чистые, то ни-
кто спорить и не будет, от добра добра не ищут.

— А та девушка, Эми, решила поискать.

— Да, придирчивая она была, — поморщился
Барр. — А этот идиот Клод, когда забирал ее тряпки из
квартиры, не проверил карманы. Кто ж знал, что у нее
были деньги на частного детектива! Вот она и сбежала
искать правды. Хорошо, подружкам проболталась, они
нас и предупредили. Пришлось спешить: я помчался
к Рику, подчистить концы, а Клоду велел караулить
поблизости. Думал, он ее просто сграбастает и в ма-
шину, так нет, решил в ковбоя поиграть.

— То есть вы стерли память Рику, когда пришли утром? — удивилась я. — Но он еще до этого жаловался, что о вчерашнем дне не помнит.

— Это другое, — уклончиво ответил адвокат. — Было там одно дельце, потребовалось немного больше, чем обычно, зачистить. Иначе ему пришлось бы туго при встрече с эльфом, умеющим читать мысли. Ты же знаешь, что и такие бывают?

— Как-то странно выходит, — сказала я спокойно, слезы мои уже высохли. — У вас такое могущество, а вы его тратите на сущие пустяки. Мозги промывать несчастным девушкам — вот уж великая магия!

— Мне нравится ход твоих мыслей, определенно ты достойна работать на меня, — Барр встал, отряхнул брюки. — Но для более масштабных проектов нужен начальный капитал, который приходится добывать такими вот, ты совершенно права, пустяками. А главное, что трудно понять не практикующим магию, мне необходимы тренировки. Чтобы выступить в нужный момент как надо, приходится упражняться, исследовать мой дар, его пределы и ограничения.

— А танцовщицы были подопытными крысами, — подвела я итог.

— Это лучше, чем быть подопытной кошкой, правда? — Он рассмеялся собственной остроте, и я не сдержалась:

— И что о таких выходках думает «Прекрасный народ»?

— Да какое мне дело до этого сборища замшелых пней? Они даже не замечают, что настала новая эпоха, все цепляются за прошлое. Ограничивают всю расу, подгоняя ее под стандарты человечности. Волки, которые стали травоядными и гордятся этим! И вот результат: даже если они обо мне узнают, то разве только пальчиком погрозят. Никакого насилия, упова-

ем только на закон, так? А в законах понятия «злоупотребление магией» нет!

— Зато «убийство» и «рэкет» есть.

— Но как привязать к этим статьям меня, когда все свидетели ничего не помнят? — Барр хищно усмехнулся, потом, посерьезнев, одобрительно кивнул и шагнул чуть ближе:

— Ты вела себя хорошо, продолжай в том же духе. Можешь закрыть глаза, если страшно.

Я не закрывала глаз. Я отвернулась от Барра и смотрела на Тома. Краем глаза все равно видела, как маг вытягивал руку, чувствовала, как по телу проходит электрический ток и шерсть становится дыбом.

Закончив процедуру, Барр бросил мне ключ от наручников:

— Только не убегай прочь. За полчаса ты до жилья не доберешься, будешь потом бродить и думать, как сюда попала.

— Я не буду убегать, — сказала я твердо.

— Вот и славно. Эй, Грей! — позвал он. — Отвези-ка даму домой, адрес она назовет, проследи, чтоб ничего не случилось.

Я встала и пошла прочь. На полдороге обернулась и бросила последний взгляд на Тома. Мне хотелось сохранить его в памяти.

* * *

Я сидела за столом Рика и чистила «дерринджер». Не тот, что оставила вчера в руке своего единственного друга, а второй, который все это время хранился в шкафу. Мне очень хотелось спать, но я держалась.

Щелкнул замок, и вошел сам мистер Хард. При виде меня у него брови приподнялись.

— Не подумайте чего, я просто не хочу запачкать маслом бумаги, — сообщила я, в последний раз проходясь щеточкой-пуховкой.

— Ну, хорошо, — после некоторого раздумья Рик повесил шляпу на крючок и сел на стул в углу.

— Вы ничего не хотите у меня спросить? — поинтересовалась я, собирая пистолетик. — Например, что происходило вчера с обеда и до вечера?

Рик открыл было рот, ничего не сказал, снова закрыл. Подвигал нижней челюстью и наконец произнес:

— Ты хочешь сказать, что... э-э-э... как-то причастна?

— Не причастна. Но свидетелем была. — Я в упор посмотрела на него. — Тебе стерли память как свидетелю убийства.

— Ахх, вот так, — Рик облегченно вздохнул. — Я так понимаю, доказательств не осталось? А у нас на счету добавилось пять кусков. За такие деньги можно и позабыть кое-что.

— Я так не считаю. — Патроны упорно не становились на места. Кажется, у меня дрожали руки.

— И что же ты этим хочешь сказать? — Рик раздраженно подался ко мне. — Если ты до сих пор не заметила, детективное агентство — не самое прибыльное на свете дело!

— Да-да, и поэтому ты еще помогаешь улаживать споры между разными сомнительными типами. — Я не отрывала взгляда от оружия и только услышала изумленный вздох. — Или там ты тоже убийц покрываешь?

— Да что ты заладила! По-твоему, можно все вопросы миром решить? И вообще, когда я тебя отбивал у тех подонков, ты не возражала!

— За это я тебе всегда буду благодарна. — Наконец непослушная защелка сработала. — По крайней мере, тогда речь не о деньгах шла, это точно.

— Если тебе легче, можешь считать ту историю выгодным вложением капитала, — огрызнулся Рик. —

★ Кошкодевушка в приемной всем по вкусу — и подменным, и людям. Никто не обижен!

— То есть я для тебя просто живая инвестиция?!

— И что с того? — начал Рик, но тут раздался стук в дверь. Мы так увлеклись, что я не услышала приближения гостей. Оставив «дерринджер» на столе, я пошла открывать.

Гости вошли без разрешения. Это были лейтенант Чейн и незнакомый эльф в длинном плаще, украшенном узорчатой вышивкой.

— Утро доброе, лейтенант! — с фальшивой радостью в голосе воскликнул Рик. — Что-то вы зачастили ко мне.

— Вот и мне это не нравится, — Чейн выглядел так, будто ему больше всего на свете хотелось оказаться где-то далеко отсюда. — Хард, покажи-ка мне свою пушку.

— Один момент, — Рик скрылся в кабинете, потом вернулся с пистолетом в кобуре. При виде оружия эльф скривился, а лейтенант с тем же кислым выражением натянул перчатки и занялся осмотром добычи.

— Недавно стрелял из него, да? — буркнул он.

— Каждый день стараюсь тренироваться, — сухо ответил Рик, пряча руки в карманы брюк.

— И как, помогает? — вдруг подал голос эльф.

— Мне редко приходится пускать его в ход. — Я видела, как Рик сжал в карманах кулаки. — А в чем, собственно, дело?

— Сегодня ночью в Линкольн-парке убиты некто Бенджамин Барр и его телохранитель, — сообщил Чейн, продолжая разглядывать пистолет. — Застрелены из оружия той же модели, что я сейчас держу в руках. А перед тем как мистер Барр за каким-то чертом поперся в Линкольн-парк, ему звонили отсюда, из конторы. В общем, если у тебя есть алиби на время около полуночи, я за тебя рад.

Рик молчал. На скулах его играли желваки.

— Думаю, вы знаете, что мистер Барр был эльфом, — добавил гость в плаще. — И думаю, вы знаете, как мы относимся к насильственной смерти кого-то из своих собратьев.

— Похоже, мне лучше одеться и проехаться с вами, — наконец сказал Рик. — Или это дружеский розыгрыш? Тогда так и скажите, пока не поздно, посмеемся вместе.

Не дождавшись ответа, он скрылся в кабинете. Лейтенант Чейн вдруг подмигнул мне и театрально громко прошептал:

— Надеюсь, он вспомнит о вашем черном ходе.

Я не нашла ничего лучше, как спросить:

— Вы все время о нем знали?

— Не держи полицию за идиотов, детка, — развязно усмехнулся Чейн. — И вообще никого...

Из кабинета донесся хлопок. Негромкий, совсем как выстрел из «дерринджера».

— Черт, не ждал! — Чейн в сердцах стукнул кулаком по столу.

— Что ж, для него это тоже выход, — равнодушно сказал эльф.

Чейн поспешил в кабинет. Я не пошевелилась, за вчерашний день я на трупы уже насмотрелась. Эми, Том... Барр и его младший.

— Похоже, вы остались без работы. — На лице эльфа промелькнуло нечто вроде сочувствия. — Сожалею.

— Ничего, бывало и хуже. — Я заморгала, пытаюсь вернуть слезы на место. И почему я не подумала, что это убийство так быстро привяжут к Рiku?! Выманить Барра, уверенного, что его магия сработала, в укромное место было несложно. Конечно, он удивился звонку о том, что Рик якобы хочет срочно с ним встретиться по очень важному делу, но не насторожился. Тем

★ — более его сопровождал телохранитель... у которого, однако, не было ни ночного зрения, ни кошачьей быстроты. Так что план действий, наскоро сочиненный за время поездки из парка к дому, казался беспроблемным. Я рассчитывала дать своему теперь уже бывшему шефу шанс освободиться от гангстеров. Освободила...

— Мой совет: почаще вспоминайте все хорошее, что с ним связано, — продолжал играть в утешителя эльф.

— Непременно, — грустно улыбнулась я. — У кошек очень прочная память. Я проверяла.

ИРИНА ЛАЗАРЕНКО

НЕ-НА-ВИ

Она лежала, раскинув короткие руки с опухшими пальцами. Маленькая, круглолицая, совершенно бесформенная в теплой длинной куртке. Седые волосы слиплись от крови, темная лужа растекалась под головой, окрасила пористый снег.

В нескольких шагах от тела три пожилые женщины орали на четвертую, молодую. Та стояла, нахохлившись, прятала ладони в рукавах пушистой шубейки и временами односложно огрызалась, подбородком указывая на труп.

Когда перед домом приземлился патрульный дракон, все четверо умолкли. Старшие женщины с мрачным удовлетворением смотрели на большого сердитого оборотня в шерстяном костюме, который спускался по приставной лесенке. За оборотнем поспешал гоблин.

— Вулф, — отрывисто гавкнул человекозверь, подходя к телу, — детектив Вулф.

Из-за его спины выглянул гоблин-писарь. Он ничего не сказал: всем было плевать, как его зовут, и гоблин это знал.

Оборотень постоял, глядя на труп, медленно обошел его кругом. Наклонился, втянул воздух влажным черным носом. Задрал голову. Опустил голову. Повертел головой. Принюхался еще раз, зажмурившись. Так, принюхиваясь, вслепую, подошел к женщинам. Открыл желтые глаза и уставился на них.

— Вы кто?

— Подруги, — торопливо ответила одна из пожилых. — Магиковали вместе.

Люди всегда цепенели под желтым хищным взглядом Вулфа. Детективу это нравилось. Он медленно обернулся к четвертой женщине.

Она смотрела на оборотня из-под спутанной светлой челки не испуганно и не заискивающе, а сердито, будто детектив был в чем-то виноват перед ней. Руки держала в карманах. Веки ее покраснели от мороза, и невыразительные серые глаза казались заплаканными.

— Дочь, — неохотно разлепила сжатые в нитку губы. — Аза.

Голос у Азы был мягкий, совсем не такой нахохлившийся и мрачный, как она сама.

Одна из магичек, приземистая, темноволосая, насупилась еще сильнее, и глубокие складки у ее рта стали черными.

— У-бий-ца! — отчеканила она.

Аза закатила глаза и не ответила.

Другая магичка, коротко стриженная, щекастая, протянула растопыренную пятерню с багровыми ногтями. От нее так разило перегаром, что даже гоблин поморщился.

★ — Это она убила, детектив! Невидимым оружием! Мы все видели!

Вулф мог бы кивнуть и отправить Азу в узилище на патрульном драконе. Вместо этого он отвернул морду и сделал вид, что изучает пятно сажи на входной двери. Рядом с ним пыхла магичка, выдыхая воздух ртом. Клубы пара воняли перегаром и гнилыми зубами.

Все эти старухи были омерзительны. Пьяны с утра пораньше. Неряшливы. Тошнотворны.

И нужны Вулфу.

— Расскажите, что вы видели. А потом мы с Азой пойдем побеседовать в дом. Угун, готовь бумаги.

* * *

Аза провела детектива и писаря в кухню, пояснив, что кухонное окно выходит на другую сторону дома. Не к входной двери, перед которой лежит труп ее матери. Где стоят, сложив на груди руки, три пожилые магички.

— Материнская любовь, — с чувством произнесла Аза, выдвигая табуретки из-под стола. — Отличная, конечно, штука. А что вы знаете про материнскую ненависть?

Детектив покосился на писаря, но тут же вспомнил, что для Угуна слово «мать» вообще не имеет смысла, потому что гоблинов воспитывает община. Сам Вулф, как любой оборотень, не видел разницы между собственной матерью и любой другой самкой — у них даже было трое совместных щенят. Так что и детектив, и писарь не более чем с любопытством разглядывали стену над кухонным шкафчиком.

Там, выжженные магическим огнем, сверкали оранжевые буквы: «Сука, ненавижу!».

Вулф не сел на хлипкую табуретку, предложенную Азой, остался стоять, сунув руки в карманы теплых

штанов. Просторная и темная кухня старого дома пришлась ему по душе: огромный дубовый стол, древняя кирпичная печь на драконьей тяге, деревянные ящики с продуктами, маленькое грязное окно. Восхитительно. Может, прав был Угун, когда однажды в сердцах заявил, что оборотни, даже нынешние высокоразвитые оборотни, в душе остаются полудикими псынами, которым по нраву тихие мрачные логова.

— И за что мать ненавидела вас? — вежливо спросил Вулф.

Аза сложила руки на груди.

— Я не позволяла ей морочить голову моим детям. У меня две дочки-близняшки, и мамысь хотела внушить им, что они должны стать магичками. Она считала, что раз у детей есть магический дар, то у меня нет прав на них. А у мамысь — есть.

Гоблин устроился на табуретке, положил перед собой стопку плотных листов бумаги и задрал рукав, высвобождая предплечье.

— У меня на этот счет другое мнение, — сердито добавила Аза, — но знаете, не просто оградить детей от спятившей бабки, когда она живет в том же доме.

Женщина поморщилась, увидев врезанную в тело гоблина кровильницу. Тот сосредоточенно повернул свою руку, словно чужеродный предмет, и чуть разжал клапан, чтобы емкость наполнилась кровью. Поерзал на табуретке, устраиваясь удобнее, придвинул к себе стопку толстой серой бумаги. Обмакнул в кровильницу перо.

— Значит, мать хотела забрать у вас детей и вырастить их полноценными магичками, — повторил писарь и стал карябать пером на листе толстой серой бумаги.

— Хотела.

— И третиговала вас магией.

— Чаще — воплями и оскорблениями. Но иногда и магией — в те редкие минуты, когда не была пьяной

★ в слюни. На меня-то воздействовать она не могла, а на предметы — сколько угодно.

— На предметы? То есть она что-то бросала в вас? — уточнил Вулф и обвел взглядом кухню, словно хотел добавить: «Что-нибудь из этого?»

— Иногда. Мне приходилось повсюду водить с собой детей, чтобы мамысь ничего не уронила мне на голову. Задеть внучек она боялась, так что... в основном она просто орала на меня.

Вулф покосился на горящие буквы. Они глубоко въелись в краску, оставили кое-где обугленные борозды.

Оборотня не удивляло, что магичка ненавидела дочь. Насколько он мог судить, людишки только тем и занимались: кого-нибудь ненавидели до гробовой доски и обо что-нибудь расстраивались до смерти.

— А вот эта ее выходка? Она вас не рассердила? — спросил он.

Вулф почувствовал недоуменный взгляд писаря. Угун не понимал, какая детективу разница.

Разницы действительно не было. Просто нужно было разговорить женщину. Для себя, не для расследования — расследование он закончил перед дверью в дом.

— Удивила, — Аза тоже скользнула взглядом по стене. — И позабавила. Вы не знали мамысь, она была очень несобранной. И вечно пьяной, как большинство пожилых магичек. Она должна была очень страдать, когда колдовала эту надпись, ведь ей пришлось удерживать сосредоточенность несколько часов кряду. Кричать-то в запале она могла что угодно, но впечатывать буквы в заклинание, да еще такое мощное... она должна была сидеть на месте и сосредоточенно, долго колдовать, аккуратно выводить эти буквы, наполнять их энергией. Это трудное дело, все равно как выжи-

гать слова веточкой на доске. Я страшно веселюсь, когда представляю все это.

Вулф видел, как Угун шевелит губами. Детективу тоже захотелось прошептать это тягучее «не-на-ви-жу-у», непременно с долгим «у» в конце, потому что вся ненависть магички не смогла уместиться в горящие на стене буквы.

— И все это время ей смертельно хотелось напиться. Ей всегда хотелось напиться, даже когда она была пьяной вусмерть. Но пьяной колдовать нельзя, сосредоточенности не хватает — и хвала мирозданию, иначе она бы все тут разнесла. И вот я не могу представить ей такой — собранной, серьезной. А, да что там — я даже трезвой уже не могу ее представить, не помню. Но трезвой она, разумеется, бывала. Сохраняла ясность сознания, чтобы сделать мне какую-нибудь пакость. Например, написать на стене «Сука, ненавижу»... Оцените эту иронию: даже ненависть ко мне делала мамысь немного лучше, удерживала ее от пьянства ненадолго.

Казалось, от прожженной краски должен исходить резкий запах, но в кухне пахло только пригорелым хлебом. И немного — плесенью от старых стен. И совсем слегка — серой: дом маленький, с собственным отопительным драконом, и лежка его должна быть где-то неподалеку.

— Значит, она сильно пила, — повторил Вулф.

— Не то слово. Обычный пьяница давно бы издох от такого количества...

Женщина умолкла.

— Количества чего? — уточнил гоблин. Понимал он Вулфа или нет, но записывал за ним старательно, крови не жалея.

Аза скривилась.

— Фруктовки. Бражки. Я не знаю, чем они накачивались. Чем-то крепким и вонючим.

— Они?

— Мамысь и ее подруги, такие же тупые жирные магички. Они целыми днями пили и жрали, жрали и пили, а потом ходили по дому, держась за стены. Икали, подергиваясь сеткой молний, тупо ржали от этого и временами еще блевали радугой под вешалку.

— Это те самые подруги, что сейчас стоят под домом?

— Те самые. Стоят. Если еще не замерзли и не отравились напиться в хлам «для разогреву».

Вулф видел, как недоуменно-страдальчески углубляются толстые складки кожи на лбу писаря. Он любил угадывать маневры детектива, но тут не понимал ничего.

Зачем эти бессмысленные вопросы? Какая разница, как вели себя магички и что ощущала Аза? Важно другое — она убила свою мать или не она! Почему детектив не спрашивает о сегодняшнем дне? Кажется, его вполне устроило то, что он узнал на улице: магичка с утра была на взводе, ругалась с дочерью, потом потащилась за ней и внучками в дневную детоперехватку, где Аза изредка оставляла близняшек. На обратном пути еще больше ругалась.

А потом другие магички, которые шли к старухе в гости, увидели, как мать Азы вперевалку бежит за ней, что-то крича, и машет руками, бросая какое-то заклинание, и от него рассыпаются сугробы возле крыльца, с крыши падает несколько сосулек, на входной двери остается пятно копоты. Аза сжимается в комок возле стены, закрывая голову руками, а магичка кидается к дочери, валит ее на землю, а та отмахивается, долго барахтается, потом откатывается от матери. А магичка остается лежать на земле, нелепо раскинув руки, и под ее головой растекается кровь, окрашивая снег.

И вот теперь Вулф ведет себя так, словно со смертью магички ему все ясно — но очень важно узнать нечто другое.

— И вы не думали переехать? — задал детектив очередной ненужный вопрос, который Угун старательно записал.

— А куда? К родственникам? Она бы тут же меня нашла. В другой город? В лучший мир? Я не знаю, куда мне надо было уехать, чтобы мамысь меня не достала. И потом, это не ее дом, половина по-честному моя, от бабушки досталась. — Аза махнула рукой. — На самом деле я так устала, что иногда хотела, хотела поделить этот дом, продать свою половину, хотя жалко было ужасно, тут бабушка жил, а при нем все было как-то не так, все по-человечески было... в общем, я узнавала, полдома мне не продать: дракон-то у нас один, как его поделить? Или оставить всего дракона одной мамысь — а ничего бы у нее не треснуло? Да и как полдома продавать без отопления, кто его купит, за сколько? Далеко бы я уехала на это?

Гоблин неслышно вздохнул и взял из пачки следующий лист. Не иначе, он решил, что сегодня — День Очень Тупых Вопросов Вулфа.

Ну и пусть. Пусть думает, что детектив спятил, потерял нюх или странным образом развлекается. Лишь бы Угун не припомнил, что позавчера мать старшего щенка Вулфа подкараулила детектива возле охранного участка и что-то рассказала встревоженным голосом.

Гоблин тогда, конечно, понял, что беспутный оборотень-сын снова встрял в неприглядную историю. Но Вулф не хотел, чтобы Угун связал это с его сегодняшним поведением. Он ощущал что-то вроде неловкости.

Странное дело — в историю вляпался сын, а неудобно от этого отцу.

— Конечно, мамысь готова была костями лечь, чтоб забрать детей. Уже скоро. Им семь лет, они вот-вот начнут набирать силу.

Аза не пояснила, зачем дети были нужны бабке. Детектив и писарь и так это понимали: она хотела вернуть себе то положение, которое магички теряли с возрастом, когда проходящие через тело потоки энергии превращали их в слабосильных желчных старух. Пожилым магичкам удавались лишь самые простые заклинания. Не удивительно, что, потеряв былую мощь, они обычно спивались.

А роль наставницы вернула бы старухе если не силы, то общественное признание и какое-никакое уважение. Еще на двадцать или тридцать лет, пока тела внучек не истощатся подобно ее собственному, пока им не останется доступна лишь самая примитивная магия.

Двадцать или тридцать лет полноценной жизни. Вулф сказал бы, что это не так много. А кто-нибудь вроде Угуна счел бы, что это очень, очень хорошо. Писарю крупно повезет, если он проживет, не голодая, хоть половину этого срока.

— Значит, вы не хотели доверять ей детей.

— Вас это удивляет, что ли? А вы бы доверили своих щенков существам другой... другого вида? Их бы тут же напичкали каким-нибудь неподходящим кормом, от которого нюх отшибает и что-нибудь там еще происходит.

Тут она его задела, по шерсти на лице Вулфа аж рябь пробежала. Его сейчас как раз очень занимал вопрос жизни маленьких оборотней в неподходящих условиях.

Потому он и притащил Азу в дом. Потому и задавал ей вопросы вместо того, чтобы сразу отправить ее в узилище. Детективу позарез нужна была консультация кого-то, кто разбирается в смешении ви-

дов, травумагии и вакцинах. А значит — нужно было побольше узнать об убитой, чтобы разговорить ее подруг-магичек, разнюхать что-то интересное и выходящее за рамки расследования. Сблизиться с ними. Вот, мол, смотрите: я не просто оборотень на службе, а тонко чувствующий детектив, который понимает вашу боль и готов часами выть на луну в унисон, скорбя о вашей потере. Вы ведь не станете возражать, если потом я задам несколько вопросов в рамках дружеского общения?

Потому что старший щенок Вулфа встрял в омерзительную историю с волчицей, и нужно было узнать, кем эта волчица может оцениться. И желательно было получить консультацию неофициально, не у практикующего мага.

Вулф скрипнул зубами.

— От той дряни, которой питаются люди, у нас язык немеет. И подшерсток редет. Линька по полгода. Мышцы становятся вялыми, как одеяло, чисто человечими. Не удивительно, что вы такие хилые, вы ведь только это и жрете. И еще лакаете алкоголь. И кофе. Нет, я не доверил бы своих щенков тем, кто не умеет о них заботиться. Никто из нас бы не доверил.

— Ну и я не хочу поручать своих детей сумасшедшим старухам, которым мозги отшибает по шестнадцать раз на дню. Даже если самим старухам нравится быть такими. Жирными безумными гоблинами.

— Но-но! — возмутился Угун.

— Прошу прощения, — раздраженно бросила Аза. — Просто фигура речи.

Писарь поморщился и снова уткнулся в свою писанину. Женщина тоже скривилась, и Вулф легко прочел ее мысли, даже не глядя на выражение лица.

«Кто придумал брать гоблинов на формальную службу? — подумала она и тут же припечатала: — По-

зорище!» А следом запоздало удивилась: «И как этот нюхливый волколак работает с гоблином?»

Женщина осторожно потянула носом. На лице ее появилось недоуменное и растерянное выражение, когда она наконец поняла, что этот гoblin не воняет. Совсем. Вот так так!

— Да, — процедил Угун сквозь зубы, — на формальную службу стали брать гобинов-скопцов, вы не знали? Уже месяца четыре как. Тем самым создали прекрасную «вилку», чтобы регулировать поголовье вонючих коротышек. Либо мыдохнем с голоду без работы, либо ложимся под нож, чтобы получить работу, не вонять и недохнуть с голоду. При любом раскладе мерзкие коротышки не размножаются. Удачно, правда?

— Правда, — не покривила душой Аза, и Угуну нестерпимо захотелось ткнуть писчим пером ей в горло. И повернуть его там четыреста раз.

Вулф щелкнул крышкой порткоста и достал тонкую косточку. Трепетнул над ней широкими ноздрями, и от дыхания шевельнулись серые шерстинки под большим черным носом.

— Пожалуйста, детектив, не в моем доме...

Но он уже с шумом всосал костный мозг из декоративной пластиковой косточки и ухмыльнулся, наклонившись к женщине.

— А что об этой ситуации говорил папа ваших малюток?

Спросил, намеренно дыша ей в лицо, обдавая вонью сырого мяса из большой желтозубой пасти. Ярко-красный язык шевелился в ней, как шмат говяжьего фарша.

Оборотень никогда не дышал вот так в лицо подозреваемым. Только виновным.

— Папа моих малюток никогда не видел моих малюток, — произнесла Аза сквозь стиснутые зубы.

Вулф пожал плечами, а Угун постучал пером по кровильнице и строго уточнил:

— Выездное увлечение? Изнасилование? Социальное обязательство?

— Эксперимент, — буркнула она. — Магический.

Угун постучал по кровильнице громче, раздраженной.

Аза переплела пальцы, сжав их добела, сухо объяснила:

— Магические способности могут передаваться внукам магов, даже если их дети получились бесталанные. Мамысь считала, что при смешении видов эта возможность увеличивается. Потому, как только я подросла, мамысь стала подкладывать меня под разных тварей. Надеялась, что я нарожаю ей полный дом внучек-магичек до того, как достаточно вырасту, чтобы послать в драконовую сраку и мамысь, и тех хреноносцев, которых она притаскивала в дом.

Угун аккуратно записывал.

Вулф снова вытащил порткост. Он видел, как морщит лоб гоблин, силясь понять: что же такого углядел детектив во дворе сверх того, что видел он сам? Вулф ухмыльнулся. Гоблин многого не понимал. Потому и был простым писарем.

Хотя нет, даже если бы Угун все на свете понял, включая тайны неба и земли, а также ответы на главные вопросы всего-превсего — он бы тоже остался писарем.

Думай-думай, гоблинский лоб.

Смятый снег. Кровь. Обломки наста и льда. Бесформенная туша, раскидавшая короткопалые жирные руки. Вмятина в виске — словно след от вбитого в землю клина. Кровь на снегу — густая, красно-бурая. Что же заметил оборотень и чего не заметил гоблин?

★ — Думай-думай об убийстве, писарь. И не думай о странном поведении детектива.

— В каком-то смысле все получилось, — Аза смотрела на Вулфа, прищурившись, — мои дочери имеют магические способности. Но их папашу-оборотня я никогда больше не видела.

Перо чиркнуло по бумаге, оставив тонкую красную полосу, и звук показался Вулфу оглушительным.

Две пары глаз уставились на Азу. Она стояла, упревая руки в бока, и смотрела на детектива.

— Женщины не могут рожать детей от оборотней, — медленно проговорил он. Во рту стало сухо, и язык с трудом отлеплялся от неба.

Аза пожала плечами и вышла из кухни.

Угун, опустив голову, бездумно рассматривал красную полосу на бумаге. Поднять глаза на Вулфа он не мог.

Вернулась Аза, протянула детективу бумагу с печатью. Он пробежал глазами по строкам, моргнул. Вернулся к началу, прочитал еще раз, медленно. Ощутил, как поднимается дыбом шерсть на загривке.

Уведомление о рождениях. Магический анализ, видовые особенности. Медицинское заключение, рекомендации по кормежке, прививкам...

— Как видите, могут, — едко сказала женщина. — Просто обычно не пытаются. И очень хорошо делают.

Вулф медленно положил бумагу на стол, и ее тут же перехватил Угун. Оборотень деревянно мотнул головой, показывая, что эти данные не нужно переписывать.

— И знаете, — вкрадчиво добавила Аза, — именно с тех пор я не выношу запах сырого мяса. Так что не могли бы вы... засунуть ваш порткост куда-нибудь, куда считаете удобным?

Вулф заторможенно убрал поркост во внутренний

карман. Он смотрел на женщину и не мог собрать мысли в кучу.

Это ж как можно было додуматься до такого видо-смещения? Ладно, Азу никто не спрашивал — а оборотня-то как на это подписали?

— Я не могла позволить мамысь забрать моих детей. Она бы просто утробила их.

Человек — лишь постыдная вежа в развитии оборотней, вежа тем более омерзительная, что окончательно преодолена была совсем недавно.

Благодаря травомагичкам. Травомагички придумали вакцину от трансформации, которую теперь кололи каждому новорожденному оборотню — строго говоря, теперь-то они и оборотнями не были.

Поэтому, относясь к обычным людям с откровенным пренебрежением, они очень уважали магичек — насколько вообще были способны уважать существ иной породы.

И поэтому преступления против магичек всегда расследовали нюхливые сообразительные оборотни. Не знающие ни промашек, ни жалости.

— Даже если бы мамысь хотела уберечь их — она бы не смогла вырастить их нормальными. Она сама была ходячим воплощением ненормальности. Как любая гребаная магичка. Я не хочу, чтобы мои дети превратились *вот в это*.

Вулф еще раз с омерзением оглядел женщину. Гладкая кожа, длинные волосы, бледный нос — тьфу! И какая же она маленькая, просто крошечная! Какой же она была тогда, восемь лет назад? Что с ней делал тот неведомый Вулфу оборотень и как именно это делал — ему даже думать не хотелось. Омерзительна была сама мысль, что сильный благородный зверь мог совокупляться с этим гладкокожим недомерком!

— Три года назад я доверила ей сводить детей погулять. Она тогда почти не пила, и я подумала, что мы

★ сможем как-то поладить... Они пропали на неделю. Я тут оббегала все ее любимые забегадки, а оказалось, они были в соседнем городе. Дети говорили, мамысь напилась уже в дороге. Она таскала их по кабакам и кормила всякой дрянью с закусочных столов. Покупала какие-то игрушки и думала, что она прекрасная бабысь. Прекрасная бабысь, которая никогда не трезвеет, горланит песни в ночи и блюет радугой с моста.

Оборотню спариться с человеком — все равно, что человеку спариться с обезьяной. Немыслимо. Удел совершенно больных на голову извращенцев.

Детектив смотрел на Азу остекленевшими желтыми глазами и думал, что его старший щенок — именно больной на голову извращенец, который случается с чем попало. Возможно, даже с людьми.

Восемь лет назад этот чокнутый дуралей был уже вполне половозрелым.

— Она так тягала их целую неделю. Я тут с ума сходила. Она все пила и пила, гуляла с подругами и водила детей за собой. Старухи рассказывали детям, как сделают из них настоящих магичек. Что им будут подвластны стихии... вся эта магическая муть.

Гоблин громко прочистил горло, привлекая внимание детектива, но тот слушал только Азу, и морда у него становилось все более растерянной. Того и гляди, прижмет уши и заскулит. Вулф понимал, что подходит сейчас на большую собаку, которая потеряла в толпе хозяина, но ничего не мог поделать.

— А что трансформация энергии высасывает жизненные силы и превращает женщину в истеричную безвольную тварь — этого они детям не рассказывали. Малышки неделю слушали бредни пьяных магичек и ели всякую дрянью. Я знаю, детектив, что бывает с оборотнями от неправильной пищи — и с полуоборотнями тоже. У детей потом зубы шатались... С тех

пор они избегали мамысь, а та думала, что это я их науськиваю. И ненавидела меня еще больше.

Это жалкое существо перехитрило его. Аза нарочно привела их именно в кухню, где на стене горела магическая надпись. Нарочно рассказала про эксперименты. Она знала, что оборотень не допустит, чтобы щенят, пусть и неполноценных, отдали в случайные руки.

Для оборотня ничего не может быть важнее другого оборотня.

— Наверное, у всей этой компании были планы на моих детей. У других магичек нет внучек с магическими способностями, мамысь им не говорила про смешение видов. Я думаю, через пару лет они бы все-ррез взялись за детей. В крайнем случае, кто-нибудь из этих старух бы меня убил — мамысь ведь не могла. Им нужны мои дети, всем им. Эти чокнутые хотели использовать их и вернуть себе... хоть тень прошлого. И что, детектив, теперь моих дочек отдадут кому-то из этих старых алкоголичек, да? Или родственникам, которые знать их не захотят?

Вулф, окончательно приобретший сходство с обескураженной овчаркой, склонил голову набок. Уши его стояли торчком.

— Или в приют, где живут брошенные дети и гоблины? — Аза повысила голос, и в нем звучали обвиняющие ноты. — В любом случае, их будут кормить какой-нибудь гадостью и обходиться с ними как попало. Сложность в том, детектив, что внешне они — почти люди. Сейчас только зубы, ногти на ногах и шерсть на спине... Кто кроме матери будет возиться с детьми-оборотнями, которые выглядят почти как люди? Что с ними случится, пока я буду сидеть в охранном участке и слушать всю эту чушь? Старухи орут, что я пристукнула мамысь невидимым оружием. Сумасшедшие идиотки.

★ — Детектив снова взял уведомление о рождениях и принялся его изучать. Он очень хотел не верить этой бумаге и отчаянно выискивал, к чему придраться. Так смотрел и сяк, даже обнюхал и печать ногтекогтем поскреб.

— Ну что? — Аза прищурилась, и в ее голосе Вулф услышал насмешку. — Что вы мне скажете, детектив, а? Обвиняют меня или нет? Было у меня невидимое оружие?

Детектив медленно положил уведомление о рождениях обратно на стол.

— Нет, — голос его звучал хрипло, будто он долго-долго лаял на морозе. — Разумеется, нет. Идем отсюда, Угун.

* * *

Гоблин топтался возле патрульного дракона. Вережащая компания из трех магичек только что уехала в охранный участок на другом драконе: Вулф сказал, что хочет подробно опросить каждую из них об обстоятельствах дела.

То есть попросту сбаврил их от дома.

— И о чем ты будешь их спрашивать? — пробормотал Угун.

Интересно, наорет на него детектив или нет? Не наорал. Стоял, пялился на драконов-уборщиков, которые приводили в порядок место убийства. Медленно тянул мозг из пластиковой косточки.

— Придумаю что-нибудь, — рассеянно сказал он.

— Хочешь задержать этих старух достаточно долго, чтобы она, — Угун кивнул на дом, — успела увезти детей? И куда она с ними поедет?

— Понятия не имею. Пусть едет куда хочет или остается на месте. Она свободна в своих передвижениях.

— Ты ведь не собираешься исподтишка помогать ей с продажей дома и все такое?

— Заткнись, — отрезал Вулф и щелчком отбросил опустевшую косточку.

— Но магички сказали, что дочь ударила старуху по голове.

— Может, и ударила, но у нее не было оружия. Это старуха хотела убить дочь. Совсем плохая стала от беспробудного пьянства. Забыла, что ее магия не действует на родную кровь. Старуху убило собственное заклятие.

— Кто это сказал?

— Я так решил, — детектив упер указательный палец в грудь писаря, и узкий черный ногтекоготь ушел глубоко в хлипкую шерсть куртки. — Я. Так. Решил.

— Другие магички не согласятся, — пробормотал Угун, опасливо поглядывая на мохнатые крепкие пальцы у своего горла.

— Пусть не соглашаются. Они малосильные спятившие пьяницы, кто будет их слушать?

— Они разозлятся. А ты ведь хотел о чем-то их попросить, а?

Детектив медленно, будто с усилием, отнял руку.

— Это дочь ее убила, — упрямо сказал Угун, — я не знаю, как убила, но знаю, что ты это понял.

Вулф шумно вздохнул, глядя на писаря сверху. Очень сильно сверху.

— А я знаю, что тебе нравится быть живым гоблином. Поэтому заткнись.

Угун послушно заткнулся и обернулся в последний раз.

Уборочная команда молодых драконов заканчивала работу, и уже ничто не напоминало о толстом теле с раскинутыми руками, о стеклянно хрустящих под ногами сосульках и потеках крови на снегу.

★ Дракончики аккуратно полили огнем площадку, и весь снег перед дверью растаял. Под перепончатыми ногами хлюпали лужи с парующей водой, с крыш капало.

Большая острая сосулька сорвалась с козырька и ухнула вниз, с плеском упала в лужу, обдав горячими брызгами одного из драконов-уборщиков. Он отпрянул под дружное смешливое шипение, нелепо замахал короткими крыльями, а огромная сосулька почти сразу растаяла в горячей воде.

Под внимательным взглядом желтых глаз Вулфа Угун придал лицу скучающее выражение и сноровисто полез на спину патрульного дракона.

НИКОЛАЙ НЕМЫТОВ

«БЕЛАЯ ЛИЛИЯ» НА ЧЕРНОМ БЕРЕГУ

Она стоит на валуне, раскинув руки, смеясь от восторга.

— Ах, Константин Викторович! Смотрите, какое море!

Яркий солнечный свет наполняет пространство синих небес и превращает волны то в громады бутылочного стекла, то в изумрудные горы. Шпагин улыбается, любуясь спутницей. Соленые брызги летят в лицо... Брызги в лицо...

* * *

Кто-то трясет за плечо.

— Шпагин, черт бы вас побрал! — ротмистр Тенишев кричит, приблизившись вплотную. — Не свалитесь, господин полковник!

Ночь. Ветер кидает в лицо снег, замечает дорогу. Черные ветви колышутся над головой, норовя зацепить. Склон так крут, что крыши домов оказываются едва ли не под ногами.

Люди задыхаются от ветра, который, кажется, срывает слова с губ и уносит вместе со снегом.

— Все нормально! — отвечает полковник, оглядывается — рядом с ротмистром солдат Серегин — совсем мальчишка.

— Где Алимка? — спрашивает Шпагин.

— Пошел вперед! Разведать дорогу!

Вряд ли в такую ночь кто-то поджидает их в засаде. Вообще, вряд ли кто-то знает, что они здесь, на Черном берегу.

Впереди грохнуло. Существо — в этой пустыне еще что-то обитает! — стуча когтями по камням, бросилось прочь, толкнув Серегина. Тот не удержался — длинная не по росту шинель постоянно путается в ногах, — упал на обочину в снег.

— Господи! — вскрикивает солдат.

Ротмистр скребет озябшими пальцами по кобуре: где же эта чертова застежка?

Полковник останавливает его руку:

— Спокойно.

Поздно суетиться. Что бы это ни было, оно уже убежало.

Деревья клонятся под порывами ветра, словно плакальщицы в черном над белым саваном земли. На тропе четкий силуэт. Сразу не поймешь, человек или зверь — неуклюжее существо, высоко поднимая ноги, бредет сквозь снег.

— Эт я. Алимка.

Коренастый татарин в кудлатой шапке подходит к Шпагину.

— Что там? — спрашивает полковник.

— Не ругай, Шпагин. Волк.

— Может, собака, — ворчит недовольно ротмистр, дыша на замерзшие руки — помогал Серегину подняться и окунул пальцы в колючий снег. — Они сейчас не меньше волков оголодали. И озверели.

— Запах, ы, — ответил татарин. — Собака, ы, съели. А это — волк. Точий софсем.

— Нашел «Белую лилию»? — спросил полковник Шпагин.

— Тута рядом, — татарин махнул вдоль дороги. — Ближ к морю.

Дачный поселок. Будто кладбище с разоренными склепами. Кому-то посчастливилось умереть до зимы — жареный виноградный жмых или горький миндаль — последняя трапеза. От отчаянья.

Кто-то еще умирает. Медленно, но верно. Без надежды просыпаясь каждое утро. Ветер нет-нет, да дыхнет дымком. Живут, словно тараканы по щелям, дорубывая сады, которые по весне могли бы прокормить, но жить надо сейчас. Зачем-то надо.

— Суда! Суда, ы!

Алимка зовет за собой. Калитки нет, металлические решетки забора выломаны. Среди белых наносов снега черные пеньки. Запах дыма гуще.

— Теперь можно, Серегин, — говорит ротмистр Тенишев.

— Что?

— Бога помянуть. Дошли.

Солдат стянул казачий капюшон перекреститься, но ротмистр толкнул его в плечо:

— Куда! Церковь там, — он ткнул пальцем во тьму. — А там Красноармейск, провалиться ему.

— Прекратить, — одернул его полковник Шпагин. — Приготовить оружие.

Притаились у стен дома. Белый камень увит плющом, рамы выбиты, и проемы заколочены кровельным железом. Вот лист на окне отошел, показалась

кудлатая голова — ловкий татарин пролезет в любую щель.

— Эт я. Алимка. Идем, ы.

Дверь когда-то была выбита, поставлена на место, но неумелыми руками. Полковник потянул за металлическую скобу, которой заменили вырванную ручку, — Шпагин успел увернуться. Верхняя петля отошла, и Серегина, стоящего рядом, едва не пришибло — экий нескладный, невезучий солдатик. В недрах дома мелькнул тусклый свет — человек в светлом костюме поспешил им на помощь, и следом из тьмы вынырнул татарин.

— Держите! Держите!

Алимка удержал створку, пока весь отряд не вошел внутрь, потом все вместе закрывали, сопротивляясь ветру. Мужчина в костюме — видимо, нынешний хозяин виллы — вставил стальной прут в замочные петли.

— Вот так лучше, — заверил он.

Гости отряхнулись, откашлялись с морозного ветра.

— Добрый вечер, господа, — произнес хозяин.

— Назовитесь, — потребовал Шпагин.

— О, да-да! Да, да, да... — Незнакомец поправил пенсне, огладил костюм и с поклоном представился: — Федосов Ипполит Сергеевич. Служил... — Ипполит Сергеевич пробубнил что-то невнятное и продолжил: — Впрочем, оставим оную формальность. Да-да! Теперь я вроде как директор приюта имени... Пуф, — он надул щеки, — «Красных коммунаров». Бывшая вилла «Белая лилия».

В свете, падающем из соседней комнаты, хозяин виллы выглядел щеголем: светлый в полоску костюм, сшитый из парусины с шезлонгов, а на ногах настоящие туфли — левый связан той же парусиной, чтобы не раскрывал «рот». Грязная борода, всклокоченные волосы и чудом уцелевшее пенсне.

Щелкнуло — ротмистр взвел курок нагана.
— О да! — спохватился Федосов. — Здесь кроме меня... Впрочем, пройдемте. Поверьте, господа, вам ничто не угрожает.

Он направился к комнате, коснулся занавеси рукой.

— Прошу вас.

— Стоять! — приказал ротмистр.

Ипполит Сергеевич вздрогнул.

Позади полковника тенью возник Алимка.

— Дом совсем пустой, ы, — прошептал он. — Большой и пустой. Засада нигде нет, ы.

— Я... Я же говорил, — робко произнес хозяин виллы.

Они вошли в комнату. Окно заложено камнем, железная печурка — отсветы огня из открытой топки пляшут по стенам и потолку, рядом грудой ломаные ветви и мебель — дрова.

— Как тепло, — Серегин вздохнул.

Хозяин быстро закрыл за ними дверь и завесил ее мешковиной.

— Прошу, господа, располагайтесь, — указал на пол, на груды тряпья.

На одной из куч сидела тощая растрепанная женщина в драном пальто с чужого плеча, подпоясанном веревкой. Обувь ей заменяли обмотки с кровельным железом вместо подошв.

— Батюшки светы! — пробормотала она при виде военных. — Зеленые!

— Тихо, Екатерина Мироновна, — Федосов поспешил к ней. — Спокойно. Это хорошие люди, уверяю вас.

Екатерина Мироновна заерзала, спрятала за спину плетеную корзину, что стояла у ног. В корзине что-то звякнуло.

В темном углу у стены стояли дощатые нары в два

яруса. Акимка котом проскользнул к ним, заглянул под залатанные одеяла.

— Ы, — оскалился татарин. — Семеро детишков.

— Ого, — удивился полковник.

В приюте может быть и больше детей. Если приют находится не на Черном берегу, где свирепствует голод, холод и дети порой становятся желанной добычей... нелюдей. Слухи о людоедстве здесь привычное дело.

— Да-да. Вы правы, — кивнул Ипполит Сергеевич. — Потому я назвал приют именем «Красных коммунаров». Раз в неделю приходит телега... — Воспитатель снял пенсне, принялся протирать его замусоленным платочком. — Привозят не много, но... Это дети, понимаете? То, что сейчас происходит. Что творится...

— Успокойтесь, — остановил его Шпагин. Он очень устал. — Давайте о деле.

— Да-да, о деле.

Шпагин с воспитателем взглянули на женщину в рваном пальто. Говорить при постороннем...

— Я давно знаю Екатерину Мироновну. Соседка, — прошептал Ипполит Сергеевич, приблизившись к полковнику. — Она порядочный человек, но обстоятельства порой сильнее нас. Она несет вино в степь. Ну, понимаете...

Полковник с товарищами прекрасно знали, куда идет женщина и что звенит в ее корзине. Ходоки на перевалах не редкость. Новая власть нанимала людей на работы и расплачивалась вином — единственной валютой, которой на Черном берегу в избытке. Многие работники шли через горы в степь, чтобы обменять заработанное на зерно или муку. Даже пронизывающий ветер и снег не останавливали людей. Какая разница, где умереть: дома или в дороге? Голод гнал пуще хлыста, и если оставалась мизерная толика на-

★ — дежды на возвращение с желанным грузом, то надо идти. Пусть в пути тебя ограбят бандиты, встретят зеленые, остановят красные, нападут изголодавшие за зиму волки... Случаются дела и похуже волков.

А в приют Екатерина Мироновна просто зашла по пути, чтобы согреться.

— Человек придет на рассвете, — сообщил Ипполит Сергеевич. — Ему удалось достать необходимые бумаги. — Воспитатель всплеснул руками. — А пока — милости просим, — и водрузил пенсне на нос.

Полковника Шпагина с товарищами тоже сорвала с места призрачная мечта. Сидеть на перевалах всю жизнь не получится. Рано или поздно власть зачистит леса от зеленых не посулами амнистии, так силой. Человек обещал достать необходимые документы, обещал вывезти с Черного берега, так почему бы не попытаться счастья?

«Чем мы лучше голодных ходоков?» — подумал полковник, но сказал иное:

— И на том спасибо. — Он скинул башлык, растегнул шинель. — Что ж это новые господа вам матрацев не пришлют?

Ротмистр грелся у печи, не отрывая взгляда от женщины. Серегин занял место у занавешенной двери рядом с Акимкой. Поставил карабин «лютцау», тут же зацепил ногой ремень, и оружие с грохотом упало на пол.

Никто ничего не сказал, только Екатерина Мироновна испуганно охнула.

— Простите, — проямлил солдат и поставил карабин в угол, как в оружейную пирамиду.

Акимка быстро скрутил изхлама подушку, положил под зад и снял с плеча вещмешок. На газету с воззваниями выложил четвертину хлеба, кусок сала размером с кулак, пакетик с лесными травами — чай.

Достал кружки. Воспитатель невольно сглотнул при виде такого пиршества.

— Эй, борода, — окликнул его татарин. — Вода дай, ы. Чай будет.

— Д-да, — на Ипполита Сергеевича ни с того ни с сего напала икота. Он снял с подоконника гнутый чайник.

— Только за в-водой сходить н-надо. Или снегу набрать.

— Серегин, — распорядился полковник — солдат с готовностью вскочил. — Акимка, помоги ему с дверью.

— А может, ну его к черту, господа? — ротмистр усмехнулся. — К черту чай?

Он подошел к Екатерине Мироновне. Женщина испуганно поджала ноги, затравленно глядя на него.

— Помилуйте, ваше благородие, — зашептала она. — Мне без хлеба вернуться никак нельзя. Детишки... Помилуйте.

— Отставить, ротмистр.

— Да бросьте, Шпагин, командовать. Или вы думаете, что она дойдет до степи с такой ношей? — Ротмистр покачал головой. — Мало мы видели ходоков, господин полковник.

— Отставить, Тенишев, — не отступил Шпагин. — Мне наплевать на нее. Я вас хорошо знаю: одной бутылкой не кончится.

Ротмистр нахмурился, отошел к печи, сел на кучу тряпья и стал смотреть на огонь.

Серегин с Акимкой вышли. В детском углу зашуршало, едва заметно колыхнулась занавесь из мешковины. Тенишев насторожился, вглядываясь в тени. Шпагин прислушался: воет ветер, трещат дрова и где-то у входа глухо переговариваются посланные за водой люди. Возьмется с дверью, вот сквозняком и потя-

нуло. А может, еще чего... Разоренный дом кряхтит, стонет, словно жалуясь на судьбу.

Полковник устало откинулся на стену. Сквозь осыпавшуюся штукатурку видна решетка из дранки, что тебе ребра обглоданной рыбы. Долгая тьма, злой ветер, и кажется, что никогда Черный берег не был пронзительно синим с золотым солнцем в вышине, не было ласкового плеска и горячего песка.

* * *

— Константин Викторович! Что ж это вы мне все розы дарите?

Яркое солнце сквозь ажурный зонтик, и милое личико скрыто в тени.

— Я же ромашки люблю.

Ее приятный смех... Как сон...

* * *

— Полковник! Ай-яй! Шайта-а-ан!

У входной двери возня. Серегина пришибло дверью?

— А-а-яй! Полковник! — орет Алимка не своим голосом.

Ротмистр срывает мешковину — серые тени метнулись в стороны. Вытянутая тень Тенишева, стоящего в дверном проеме с револьвером на изготовку, падает на Серегина, и полковник видит только удивленное лицо солдата. Видит, как тот поднимает руку, стараясь защититься от существа, повисшего на рукаве его шинели. Выстрел! Вспышка на мгновение освещает темный коридор, будто молния...

— Алимка! — полковник вглядывается во тьму, сквозь белесую пелену перед глазами — выстрел ослепил.

Колючий ветер рвется в дом зверем, и дверь едва держится на одной петле.

Шпагин с ротмистром быстро возвращают ее на место, запирают на прут.

— Серегин!

Солдат стоит, растерянно глядя на полковника. Чайник, полный снега, валяется в стороне.

— Вот так... незадача, — бормочет Серегин, судорожно глотая воздух, и падает.

Тенишев опускается на колено, расстегивает шинель раненого.

— Черт! Какой же ты дурак, Серегин! Какой дурак.

Ротмистр пачкается в крови, пытаясь зажать рану в груди солдата. Все кончено.

— Кто это был? — полковник еще пытается докричаться до сознания умирающего. — Где Алимка? Солдат! Где Алимка?

— В... воки, — шепчет тот, мертвеющими губами. — Воки...

— Волки, — понимает Тенишев.

Слабая улыбка появляется на губах Серегина и замирает.

— Кончено, — ротмистр пытается попасть наганом в кобуру.

Полковник закрывает солдату глаза. Кажется, что Серегин уснул и видит сон о том светлом мире, который только что грезился Шпагину. Или он в своем мирке, куда всегда мечтал попасть, — в мирке из книги Луи Буссенара, с которой не расставался? В любом случае, он во стократ счастливее тех, кто остался здесь, на Черном берегу.

— Я попал, — шепчет ротмистр. — Я попал в волка, Шпагин.

— Бросьте. — Полковник оборачивается к нему, смотрит в злые глаза. — С такого расстояния и ребенок не промахнулся бы. Просто волки чертовски проворны.

Тенишев вглядывается в его лицо, хорошо освещенное, и не находит ни тени насмешки или иронии. Ротмистр разворачивается и быстрым шагом возвращается в теплую комнату.

— Чай отменяется, — объявляет он. — Ну что, Екатерина Мироновна? Угощать будете?

Его руки в крови только что убитого солдата, и женщина с ужасом смотрит на них, уже видя себя с простреленной головой. Жалобно звенят бутылки в корзине.

— Берите все, — трясущимися губами шепчет Екатерина Мироновна. — Берите. Только не убивайте. Я вас умоляю.

Ротмистр слушает ее, яростно оттирая пальцы поднятой с пола тряпицей.

— Не убивайте...

— Заткнись! — кричит Тенишев.

— Я прошу вас, господин офицер, — лепечет Ипполит Сергеевич. — Тише.

— Чего? — не понимает ротмистр и спохватывается. — А, черт. Дети.

Он щурится, вглядываясь в темный угол:

— А вы уверены, что они еще спят?

— Я и пытаюсь вам это сказать! — Воспитатель срывается на крик. — Они испугались и убежали. Если их сейчас не разыскать — к утру замерзнут на смерть.

— Если их раньше не найдут волки, — в комнату входит полковник. — Звери в доме, господин воспитатель.

В его руках патронташ Серегина. Полковник взял карабин из угла, где его оставил солдат, проверил магазин — полный. «Лютцау» сейчас очень пригодится, если придется стрелять волков. Карабин любят охотники за надежность и кучность.

— Боже правый, — Ипполита Сергеевича едва не подвели ноги. — Это ужасно! Д-да. Ужасно.

— Но как дети прошмыгнули мимо нас? — ротмистр схватил воспитателя за отвороты парусинового пиджака, встряхнул, приводя в чувство. — Довольно причитать! Здесь есть еще дверь?

— Д-да, — несчастный Ипполит Сергеевич указывает в сторону нар. — Т-там.

За зановесью из мешковины — белая дверь. Она чуть приоткрыта.

— Нам нужен огонь, — Шпагин забрасывает карабин за спину, роется в дровах, выбирая палки для факелов.

Ротмистр отпускает воспитателя... И все-таки добирается до корзины с вином. Сургуч сбит, пробка вырвана зубами. Он пробует, делая хороший глоток.

— Десертное, — причмокивая, сообщает Тенишев. — Не люблю десертное, — отпивает из бутылки, звучно отрывая. — Дамское питье.

Он оборачивается к полковнику:

— Шпагин, вы угощали барышень мускатом с мороженым?

* * *

— Ага! — ротмистр Тенишев возникает возле столика, как черт из табакерки. — Так вот кого вы прячете от друзей, Шпагин! Нехорошо, Константин Викторович, нехорошо.

В его руках бутылка шампанского. Шпагин слегка смущен — ротмистр как всегда громок... А Тенишев лихо представляется Елене Александровне и целует ручку.

— Что ж вы барышню лимонадом поите, Шпагин! — Ротмистр слишком громок. — А мороженое?

— Нет-нет, — Елена смущена. — Не стоит.

★ — Стоит! — Тенишев оборачивается — у колонны ротонды стоит адъютант полковника. — Эй, Алимка! За мороженым! Бегом!

Адъютант молодцевато щелкает каблуками и бежит к мороженщику.

В лучах солнца ротонда кажется снежно-белой.

* * *

Шпагин поморщился, как от зубной боли:

— Прекратите пить, ротмистр.

— Бросьте, — тот протянул ему бутылку. — Там чертовски холодно. Да и Серегина помянуть надо.

После недолгого раздумья полковник кивнул, приняв из рук ротмистра бутылку и выпил, не произнеся ни слова об убитом.

— И надо затащить тело сюда, — сказал он, занюхивая рукавом.

Тело Серегина исчезло. Бесшумно и бесследно. Тенишев осветил прихожую горящим факелом. Видно, как волокни труп татарина — кровавый след уходил в темный проем. А солдат...

— Боже правый! — вновь взмолился воспитатель. — Боже правый!

— Они могут выйти и на вас, — сказал полковник, вытаскивая свой наган. — Огонь печи их сильно не испугает — изголодали твари, если в дом полезли. Держите револьвер. Стреляйте в голову, в пасть, в тело...

— Я никогда... — лепетал Ипполит Сергеевич.

— Просто стреляйте, — настаивал полковник. — А там мы подоспеем.

Какой-то шум возник на грани слышимости. Шпагин насторожился: откуда звук? Из темных комнат? Со второго этажа? Из подпола?

— Показалось, — пробормотал он и вошел в белую дверь, во тьму.

Доски пола сорваны, брусья вырублены, выпилены, расщеплены. Потому пороги в комнатах теперь едва ли не по колено. С потолка сыплет изморозь.

Ротмистр осветил помещение — пусто.

— Осторожней с факелом, — предупредил полковник. — Не ровен час — весь дом спалим.

Перебрались в следующую комнатку. Видимо, была детская: светлые матерчатые шпалеры с ангелочками рванными полотнищами. Ветер бросал снег в выбитое окно, и они не сразу заметили ребенка в полосатой пижамке. Мальчик лет двенадцати сидел в углу под окном, поджав колени. На плечиках и голове снег.

Ротмистр провел ладонью по горлу — готов. Шпагин подошел ближе. В темноте нелегко было что-то разглядеть. Тенишев закрывал собой трепещущее пламя факела, защищая его от ветра.

Полковник тронул ребенка за плечо. Оно оказалось на удивление мягким — пижама набита соломой и слегка колет пальцы. Рукава и штанины стянуты на запястьях и лодыжках. Будто кукла с фарфоровой головой и телом, набитым ватой. Он помнил такие игрушки. Помнил из той жизни, в которой был солнечный свет.

Только это совсем не кукла. Шпагин не рискнул прикоснуться к холодной плоти. Бледные впалые щеки, посиневшие губы, короткие волосики на голове торчком — ребенок замерз. И волки почему-то не тронули труп, но куда делись сами?

— Заберем на обратном пути, — решил полковник.

В соседней комнате немного передохнули, погребели над факелом руки. Окно здесь оказалось заложеным камнями с глиной, и пол содрали не весь.

— Слышите, — насторожился ротмистр. — Какой-то стук.

Шпагин прислушался, но в этот момент зашуршало под досками пола. Тенишев склонился, выставив впе-

ред факел. Ребенок выглядывал из-под досок затравленным зверьком, большие темные глаза на снежно-белом личике смотрели не моргая.

— Эй! Ты чего? — ротмистр передал факел Шпагину, протянул к ребенку руки. — Не бойся. Давай, малыш. — И проворчал: — Вот уж не думал, что еще придется с детьми возиться.

В следующий момент полковника ударили под колени. Шпагин упал на спину, сильно приложившись о брус. Карабин выпал из ослабевшей руки, факел рассыпался искрами.

Тенишев закричал. Закричал страшно, как Алимка перед смертью. В глазах полковника все плыло, и он видел лишь смутные тени, кружащие вокруг Тенишева, слышал дробный стук ног — лап? — по доскам пола.

От удара Шпагина на какое-то мгновение парализовало. Руки и ноги перестали слушаться...

* * *

Охапка больших ромашек в его руках. Ее восхительный смех.

— Вы, Константин Викторович, весь город ромашек лишили!

— Помилуйте, Елена Александровна! Отчего же город? Всю губернию!

— Право же. Как я такой букет принять могу?

— Вы мне отказываете в букете?

— Ах, мужчины! Он тяжелый, Константин Викторович!

* * *

Солнечный город. Нет теперь и его. Даже названия не оставили.

— Шпагин! Шпагин, черт бы вас побрал!

Это ротмистр. Спина ноет, но полковник уже пришел в себя и способен подняться.

— Шпагин, вы живы? Отзовитесь!

Кряхтя, поднялся на колени. Помотал головой, будто ошарашенная лошадь. Свет. Нужно найти факел. Брошенный, еще тихо горит в стороне. Шпагин подпалил новую тряпку, обжигая пальцы, кое-как намотал ее на тлеющую.

В свете разгорающегося огня проявляется фигура ротмистра. Он стоит, широко расставив ноги, и шарит вокруг себя в воздухе, будто слепец. Тенишев стонет от боли, одежда изорвана и измазана кровью.

— Шпагин!

— Я здесь. Не орите так. Что...

Ротмистр поворачивается на звук его голоса, и полковник отступает. Тенишев действительно слеп: сгустки крови вместо глаз, кровавые слезы по бледному лицу, искаженному болью.

— Где?

Ротмистр судорожно хватается за протянутую руку. Шпагин морщится — пальцы, словно стальные обручи, обхватывают его запястья. Конец охоте, надо возвращаться.

— Кто-то прыгнул мне на плечи и ударил по глазам, — Тенишев говорит навзрыд.

— Прости. Меня свалили ударом под колени, — сказал полковник. — Слишком приложило. Даже отключился на мгновение.

— Это не волки, Шпагин...

— Не важно. Надо возвращаться...

Выстрел! Еще и еще! Ипполит Сергеевич стреляет из нагана.

— Держитесь за португую! — командует полковник, подбирая «лютцау» с пола.

А где же ребенок? Под досками никого нет, только на отщепе клочок светлой пижамы. Дети прекрасно

знают дом и умело прячутся от хищников. От хищников ли?

Мальчишки в соседней комнате нет, только темное пятно, не занесенное снегом, там, где он сидел. Видимо, звери добрались до него.

Идти с ротмистром на прицепе не так-то просто, он спотыкается, цепляется руками за любую преграду. Наконец неясный свет брезжит впереди. На полу лежит человек, он мертв. Другой склонился над ним, пытается вытащить из руки мертвеца какой-то предмет.

Полковник выходит из темноты, когда Ипполит Сергеевич бьет рукоятью нагана по пальцам бездыханного Алимки.

— Господин воспитатель. Что здесь происходит?

Ипполит Сергеевич испуганно отскакивает, сжимая наган за ствол. Растрепанный, залитый кровью татарин страшен: глаза выпучены, зубы оскалены.

— Он выскочил так неожиданно, — бормочет воспитатель приюта. — Так неожиданно.

В мертвой руке Алимки... Шпагину показалось, что это отрывок знакомой парусиновой пижамы. Нет. Это оторванная нога набитой соломой куклы. Полковник наклоняется, прикасается к фарфоровой ступне — мертвая плоть, твердая от мороза!

— Что произошло? — спрашивает ротмистр.

Воспитатель перехватывает наган за рукоять, щелкает курок.

Ударом приклада полковник выбивает оружие из его рук. Ипполит Сергеевич вскрикивает, хватаясь за ушибленную кисть.

— Простите, господин воспитатель, — Шпагин поднимает ствол карабина, передергивает затвор, — забыл, что в «нагане» осталось три патрона.

— Не стреляйте...

— Говорите.

Ипполит Сергеевич стонет, морщится от боли в руке:

— Все не так просто. Боюсь, вы не поймете. Не поверите.

Чем больше говорит воспитатель, тем больше полковнику кажется, что тот тянет время.

— По-другому им не выжить во мраке и голоде, — Ипполит Сергеевич скалится.

— Шпагин! Сзади! — ротмистр не видит, но хорошо слышит.

Кто-то прыгает на полковника из темноты. Бледное лицо. Огромные глаза. Выстрел «лютцау» отбрасывает существо назад. Появляются новые, прыгают на плечи ротмистра — он самый слабый из добычи. Шпагин отбивается прикладом — перезарядиться нет времени. Удары разбрасывают тварей, но не причиняют им вреда. Тела слишком мягкие. Вот если по голове...

Тенишев похож на медведя, затравленного собаками. Он кричит, вертится на месте, но ловкий противник бьет его тонкими спицами в спину, в шею, в руки. Ротмистр оступается и падает. Шпагин пытается ему помочь, но один ловкач бросается под ноги, сбивает полковника на пол. В этот раз Шпагин готов — падает на руки, как кот на лапы, и сталкивается лицом к лицу с мертвым Алимкой.

Ротмистр Тенишев исчезает в темноте комнат. Его крики смолкают. Шпагин вскакивает на ноги, сжимая кулаки — бить в головы!

Воет ветер, трещит огонь в печурке. Никого. На том месте, где сидела женщина с корзиной, стоит недопитая бутылка вина и лежит накрытое тряпкой тело. Полковник склоняется — спина страшно ноет после схватки — поднимает карабин, быстро перезаряжает. По крайней мере, патроны к «лютцау» у него есть. Да. Еще закрыть глаза Алимке.

★ И корзина с бутылками на месте. Шпагин стоит над ней в раздумье, долго смотрит на труп женщины под тряпкой. С ней-то что приключилось? Застрелил воспитатель? Нет. Оставшиеся в револьвере патроны достались татарину. Странно.

Полковник берет бутылку наугад, скалывает сургуч, пытается зубами выдернуть пробку — у ротмистра были зубы на зависть, — справился. Отпил и поморщился — рот свело от холодного питья.

Что же с ней приключилось? С этой Екатериной... Мироновной, кажется. Шпагин дотянулся карабином до края тряпки, приподнял. Бледная рука с цыпками на костяшках и рукав солдатской шинели. Не женщина. Странно.

Серегин! Пропавший труп лежал и улыбался полковнику.

— Хорошо тебе там, солдат, — прошептал Шпагин. — Приняли, как родного.

Он вновь отпил, стоя над трупом. Еще одна странность — рукава словно пустые. Стволом карабина полковник приподнял край расстегнутой шинели.

За сегодняшнюю ночь он повидал всякого... В ушибленную спину дохнуло холодом, и волосы на загривке стали дыбом: под солдатской шинелью остались кости. Мелкие острые зубки оставили на них отпечатки и борозды, начисто удалив мясо.

Прав был Тенишев: сначала надо основательно напиться. Напиться в хлам, напиться вусмерть. Шпагин приложился к бутылке и не остановился, пока не глотнул из нее воздуха. Горячий ком растекся в груди, дрожь отступила, и лоб покрыла испарина.

То ли кровь в ушах застучала, то ли знакомый призрачный стук вернулся. Полковник обратился в слух — из-под пола? Точно!

Осторожно ступая, Шпагин вышел в прихожую. Стук усилился. Полковник присел над распростер-

тым Алимкой. Кровь татарина застыла, обозначив щели в полу. Шпагин оттащил труп к стене и, рассмотревшись, обнаружил в пазу доски рукоять. Шпагин поднял крышку — тусклый свет падал на каменные ступени подвала.

— Спасибо, брат, — обратился полковник к мертвому.

Винный погреб был обширен: на стеллажах запыленные бутылки и бочонки. Пара факелов чадит в потолок, освещая пространство. Некоторые камни вывалились из стен, на их месте зияли норы. Судя по всему, крысы тут водились размером с собаку. А может, и не крысы?

Шпагин прислушался, держа «лютцау» наготове, прошел на стук, к которому добавился еще легкий скрип. В глубине подвала полковник наткнулся на дверь, обитую кровельным железом.

* * *

— И как? — спросила она.

— Вы чудесная мастерица, Елена Александровна, — честно признался Шпагин.

Куколки в платьях и шляпках, в матросках и сюртучках сидели ровными рядами на полках. Другие, лишённые одежды, лежали на столе: шитые тела и конечности, набитые ватой, с фарфоровыми ладошками и ступнями, миленькие одинаковые — как показалось Шпагину — головки. Леночка стояла посреди мастерской, несравненно хорошенькая в белом передничке, и подушечка с разноцветными булавками на запястье выглядела драгоценным украшением...

* * *

Она срезала косу, и грязные пряди свисали на лицо, но полковник не спутал бы ее ни с кем.

— Леночка, — прошептал он, и плечи мастерицы дрогнули.

Игла швейной машины остановилась, не дошив полосатую пижамку из парусины, чугунная педаль перестала скрипеть.

Сидящая с ней рядом Екатерина Мироновна замерла с открытым ртом. Она набивала шитые тела чудовищных кукол тряпками и сеном, привязывала ладошки и ступни — мертвую плоть! — затягивала на посиневших шейках тесемки.

— Леночка.

Мастерица повернулась: потухший взгляд, выцветшие некогда голубые глаза, желтая сухая кожа старухи. Она смотрела сквозь Шпагина, и тот не видел ничего от прежней Елены Александровны. Она умерла, а он еще боролся. За что? За жизнь? За царя? За отечество? Он собирался убежать с Черного берега. Куда? От кого?

Константин Викторович Шпагин вдруг понял: последние три года он жил одним желанием — увидеть ее. Хоть раз, но прежнюю: в белом передничке, с русой косой на плече, улыбчивую хорошенькую девушку. Шпагин надеялся и боялся своей мечты: освоиться за границей, начать свое дело и вернуться сюда, чтобы разыскать, вытащить из ада, спасти Ее. Но из ада не выбраться самому.

Полковник Шпагин поднял карабин...

— Ипполит! — в подземелье голос Катерины прозвучал глухо, но выстрел оглушил.

Женщину отбросило на полки, головы и ладошки в беспорядке посыпались на пол. Леночка не испугалась. Удивленно глянула на убитую, и машинка застучала, заскрипела вновь. Шпагин выстрелил второй раз.

— Нет! — из соседней комнаты выбежал Ипполит Сергеевич. — Остановитесь!

Ствол карабина медленно повернулся к нему.

— Это все она! Она боялась смерти! Страшно боялась смерти! Она нашла мастерицу! Она придумала детей! Она поила людей вином и скармливала детям!

Шпагин потянул затвор.

— Стойте! — Воспитатель уже визжал от страха. — Без меня вам не выбраться! Я все расскажу! Мы не убивали детей. Собирали умирающих от голода, замерзающих, — он спешил, глотая слова, выпрашивая жизнь. — Это же благородно! Благородно давать детям новую жизнь. Завтра придет телега за... за вами, господин полковник, и вы уедете.

Выстрелом Ипполита Сергеевича сбило с ног. Он растерянно взглянул на простреленную грудь, коснулся дрожащими пальцами раны.

— Больно, — прохрипел воспитатель. — Вы... бесчеловечный солдафон... Как... больно.

Скаясь, Ипполит Сергеевич потянулся в сторону Шпагина. Иной человек от такой раны сразу бы отдал душу богу... Если есть что отдавать.

Второй выстрел — в голову — остановил воспитателя. Клеенчатый передник, измазанный кровью, который был на нем, омыла свежая кровь.

Руки сами перезарядили «лютцау». Механически переставляя ноги, полковник вошел в соседнюю комнату. На круглом столе в холодном синем свете корчилось тело. Видимо, Шпагин застал воспитателя за моментом творения. Разряды исходили из решетчатого круга, висящего над столом, в ладони и ступни чудовища. Его голова колотилась о крышку стола, шитое тело начинало дымиться.

«Воспитанники» приюта метались вокруг. Лишившись учителя — создателя? отца? — они не могли остановить агонию нового товарища. Один накинудся на полковника и тут же схлопотал пулю. Остальные бросились наутек, забились по углам комнаты, нырнули в норы в стенах.

★ Шпагин огляделся, подошел к большому деревянному ларю у стены слева, поднял крышку. Ладони, ступни и головы пришивали чудовищам. Здесь, пересыпанное солью, лежало остальное. Ясно, зачем придет телега.

Тряпичное тело чудовища на столе вспыхнуло, к запаху озона добавилась вонь горящей тряпки. Полковник опустил крышку ларя, вышел из комнаты и взял из кольца на стене горящий факел. Какое-то мгновение он смотрел на мастерицу, словно уснувшую у машинки за рукоделием. Черный берег окончательно поглотил светлый мир, в котором они с Еленой были счастливы. Теперь не останется даже воспоминаний.

Огонь жадно набросился на сено у ног Катерины Мироновны...

«Белая лилия» сгорела быстро. Ветер рвал пламя, сносил искры в море, и потому в поселке больше не загорелся ни один дом. Поутру от виллы остался черный остов. Рассказывают, что среди развалин невеста откуда появился человек в рваной одежде с ружьем на плече. Он постоял у ограды и ушел к морю.

Впрочем, никто не поручится, что тому на Черном берегу были свидетели.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА

УЛЫБКА

оим первым осознанным воспоминанием стал разговор с седеньким невзрачным человечком в роговых очках, которого мама называла доктором. На доктора человечек не походил — на нем не было белого халата, в его просторной светлой комнате не пахло лекарствами, и он не требовал открыть рот, показать язык или поставить градусник.

Некоторые люди утверждают, что помнят себя чуть ли не с рождения. Я — нет. В памяти сохранились лишь смазанные фрагменты детства. Поломанный трехколесный велосипед. Смешной пенсионер дядя Коля, выпивший по ошибке папин одеколон. Веснушчатая трехлетняя ябеда на соседской даче, научившая меня слову «жопа». Черепаха Степан, которая жила в картонной коробке и любила гадить в папины тапки, а однажды ушла от нас неведомо куда.

Доктора же, которого ни разу больше не видел, я помню отчетливо, а разговор с ним — едва ли не дословно. Возможно, потому что мама не раз доказывала отцу, как важно показать меня этому доктору, и я важностью проникся. А скорее всего, оттого, что в тот день я, семилетний несмышлениш, впервые узнал: я особенный. Не такой, как все.

Добрые полчаса доктор выпрашивал, что я думаю о своем любимом мультике «Маугли». Особенно его интересовали почему-то шакал Табаки и тигр Шерхан. Мне было предложено поразмыслить, отчего

★ я люблю Табаки ничуть не меньше, чем пантеру Багиру. Я поразмыслил, но ничего путного придумать не смог. Мне просто очень нравился этот мультик, и сам Маутли, и удав Каа, и бандерлоги, и все остальные звери. И «Винни-пух» мне нравился, и «Карлсон».

— А фреккен Бок? — зачем-то снял и протер очки доктор. — Что скажешь о фреккен Бок?

Фреккен была очень похожа на бабушку Валу и сердилась точно как она. А бабушка у меня замечательная, так я доктору и сказал.

Тогда мы перешли к родственникам и к тому, что я думаю о каждом. От них — к одноклассникам. Потом — к обитателям нашего дома. Особенно доктора заинтересовал Кирюха — долговязый, вечно не причесанный и небритый сынок пенсионера дяди Коли, того, что выпил одеколон. Мне очень нравился Кирюха, и я частенько подумывал о том, что с удовольствием водил бы с ним дружбу, будь я немного постарше.

— Это который у него деньги отнимает, — встряла в разговор мама.

— Пожалуйста, не помогайте ему, — попросил маму доктор. — Пускай мальчик сам. Он правда отнимал у тебя деньги?

Деньги мама давала мне на мороженое. Но Кирюхе они были нужнее — у него внутри горели трубы — он сам признавался, даже показывал где. Трубы необходимо было заливать вином со смешным названием «бормотуха». Без мороженого я вполне мог обойтись, а Кирюха без бормотухи никак. Так я доктору и сказал.

— Ну а тетя Нинка? — спросил наконец доктор. — С ней ты тоже бы с удовольствием водил дружбу?

Нинкой звали соседку снизу. Она была толстая, красивая и очень добрая. К ней постоянно заходили разные дядьки, по которым, как частенько говорил папа, плачет прокурор. Иногда дядька был один, ино-

гда сразу несколько. По ночам у тети Нинки громко шумели и ругались нехорошими словами, гораздо хуже, чем «жопа». Мама говорила «сколько можно», и что будет звонить в милицию, и что мальчикам такие слова слушать нельзя. Но звонить мама боялась, а почему нельзя, мне было невдомек — все эти слова я много раз слышал в школе, и от одноклассников, и от ребят постарше. Еще дядьки пели по ночам разные песни, мне особенно нравились про карты и про тюрьму.

— Так что насчет Нинки? — напомнил доктор. — Что ты о ней думаешь?

Я честно сказал, что ничего особо не думаю, но саму тетю Нинку, когда та бежит сдавать пустые бутылки по утрам и на ходу бранится и плачет, мне очень жалко, особенно если под глазом у нее новый фингал.

— Что ж, — доктор прекратил протирать очки и нацепил их обратно на нос, — спасибо, Прохор, мне было крайне интересно с тобой побеседовать. Мальчику будет нелегко в жизни, — обернулся он к маме. — Очень нелегко. Он у вас совершенно особенный, не такой, как все. Сказать по правде, редкостный случай: в моей практике, считайте, впервые. Прохор никому не желает зла. Вообще никому. Обо всех думает только хорошее. И еще эта улыбка... — доктор замялся, — словно приклеенная.

— Она и есть приклеенная, — отчего-то всхлипнула мама. — У Проши это с рождения. Уголки рта задраны вверх, поэтому кажется, что он все время улыбается, даже если обожжет палец или наживет синяков. Его мальчишки в школе так и дразнят — Улыбкой. А ему хоть бы что.

Мне и вправду было хоть бы что. Кирюха объяснил, что у меня козырное погоняло, другим такое нужно еще заслужить. Стало быть, «Улыбка» ничем не хуже,

чем, к примеру, «Кирюха», а то вон у Руслана Горшко-ва погоняло вообще Горшок.

Вернувшись домой, я призадумался о том, что ска-зал доктор. Никаких особенностей в себе я не видел. Ну, уголки рта тянутся вверх, ну и что? У Кати Остро-умовой, например, нос длинный, у Пети Каргина ро-димое пятно вполщеки, а у Дениски Петрова глаза враскорячку — один влево глядит, другой вниз. На-верное, все дело в том, о чем доктор сказал напослед-док. Я задумался пуще прежнего. Как можно желать кому-то зла, я не представлял.

— Папа, что такое желать зла? — спросил я отца. — Или думать о ком-нибудь плохо?

Отец поскреб в затылке, переглянулся с мамой.

— Как тебе сказать, сынок, — протянул он. — Же-лать зла, вообще-то, нехорошо. Но взять, к примеру, нашу соседку снизу. Ты не хотел бы, чтобы Нинка ку-да-нибудь от нас сгинула?

— Зачем? — удивился я. — Тетя Нинка хорошая, добрая.

— Да? Допустим. Но от ночных дебошей мы с ма-мой не можем заснуть. И ты тоже не спишь. Пахнет из Нинкиных дверей всякой дрянью, на лестнице грязь. На мужиках, что к ней ходят, пробы ставить не-где. Не говоря о ней самой. А ты — дескать, добрая. Так, может, лучше, чтобы она со своей добротой убра-лась отсюда к чертям?

Отцовские слова заставили меня снова задуматься, на этот раз очень крепко. Меня совершенно не забо-тило, что песни Нинкиных гостей мешают мне спать. Большое дело — завалиться поспать, если приспичит, можно и днем, после школы. Но мама с папой днем на работе. Получается, то, что мне в радость, им неприят-но: даром мама все собиралась звонить в милицию, но не звонила, потому что боялась дядек, по которым

плачет прокурор. Хотя что, спрашивается, их бояться — сам я не боялся ничуть.

— Тетя Нинка, — сказал я соседке в субботу, когда та, как обычно, трусила по двору с полными авоськами пустых бутылок в руках, — сгинь от нас, пожалуйста, к чертям.

Толстое красивое соседкино лицо стало вдруг багровым, бутылки в авоськах задребезжали.

— Ишь, сучонок, —дохнула на меня неприятным запахом тетя Нинка. — Мамашка с папашкой небось науськали? А ты вот что им передай.

На меня посыпались слова, которые мальчикам слышать нельзя. Я не все понял, но смысл уловил: тетя Нинка велела передать, что к чертям не собирается, а кому это не нравится, пускай шагает в плохое место, которое гораздо дальше того, где черти.

Я обещал передать и побежал в киоск за мороженым. Об обещании я тут же забыл, а вспомнил лишь в понедельник утром, когда мама вела меня в школу. Дверь в квартиру тети Нинки была почему-то крест-накрест перечеркнута бумажными лентами.

— Допилась Нинка, — тихо сказала мама. — Вот же: терпеть ее не могла, а все равно жалко.

— Как это допилась? — не понял я. — До чего?

— До того самого.

Я понял и заревел навзрыд. Мне было не просто жалко толстую, красивую и добрую тетю Нинку. Мне было плохо, очень плохо, гораздо хуже, чем когда от нас ушла невеста куда черепаха Степан. В школу я не пошел, а проревел весь день напролет, и мама даже хотела вызвать «Скорую», но посреди ночи слезы у меня иссякли.

Это была первая смерть в моей жизни. До этого умирали только на телевизионном экране, и справляться с жалостью мне кое-как удавалось.

* * *

Мне очень нравилось в школе. Я старательно учился, аккуратно готовил уроки и получал на занятиях сплошные пятерки. Мне нравилось все: и наша классная Варвара Алексеевна, и усатый строгий завуч Иван Иванович, и старенький доктор, у которого запросто можно было отпроситься с уроков. Я, правда, не отпрашивался ни разу. Но особенно мне нравились одноклассники, мои друзья. Все: и беленькая, голубоглазая и длинноносая Катя Остроумова, с которой сидел за одной партой, и кривой на оба глаза Дениска Петров, которому разрешили носить в классе темные очки, и все остальные.

— Моя мама сказала, что ты ангел, Улыбка, — сообщила однажды Катя. — Что совершенно особенный, других таких, мол, не бывает. Сказала, — Катя фыркнула, — что будет рада, если мы с тобой поженимся, когда вырастем.

Я зарделся от гордости и счастья, а потом сказал, что я бы с удовольствием женился на Кате, и, если она не хочет ждать, пока мы вырастем, могу жениться хоть сейчас.

Катя покраснела.

— Вот еще, — бросила она. — Ты, Улыбка, и в самом деле особенный. — Катя сделала паузу и добавила: — Придурок.

В третьем классе у нас появился новенький. Звали его Султан, а фамилия была такой трудной, что даже наша классная проговаривала ее с запинкой. Был Султан смутный, раскосый и постриженный наголо — по его словам, чтоб боялись.

Учебу Султан терпеть не мог и особенно не любил арифметику.

— Мой дед, — говорил он, — считал так: на левой руке пять пальцев, на правой пять. Вместе десять. Все

остальное — много. Отец считал так: хочешь купить пальто — отдай одного барана. Хочешь телевизор — отдай два барана. Хочешь жену — отдай полстада. Зачем считать, сколько в стаде баранов — отдай половину и женись. Мой дед в школу не ходил, отец в школу не ходил, а их обоих все уважали.

Султан был старше меня почти на четыре года, потому что в первом классе учился два раза, а во втором целых три. Он никого не боялся, на переменах курил в туалете, а в кармане носил свинцовый крутяк под названием «кастет». Мне сразу очень понравился Султан, я хотел бы быть таким смелым и сильным, как он.

Однажды после уроков Султан сказал:

— Улыбка, придурок, иди сюда.

Я подошел.

— Останешься. Разговор есть.

Третьеклассники один за другим потянулись на выход. Мне показалось, что Катя Остроумова чего-то испугалась — так странно она на меня посмотрела.

Минуту спустя появились трое парней из девятого «А», их имен я не знал. Последней зашла и заперла за собой дверь стройная черноволосая Даша Воронина из восьмого «Б», про которую мальчишки поговаривали, что, мол, трахается. Даша мне очень нравилась, я часто представлял, как она это проделывает, и переживал, не больно ли ей. Однажды Дениска Петров, к которому я заглянул в гости, показал мне начало одного фильма. Там тоже трахались, и раздетая, в одних туфельках, девушка очень громко кричала. Я едва не заплакал от жалости. Дениска уверял, что дальше вообще атас. Хорошо, что внезапно вернулись его родители, и ни до какого атаса дело не дошло.

— Улыбка, — подступился ко мне Султан, — знаешь, что у каждого уважаемого человека должна быть лошадь?

★ Я сказал, что не знал, но раз Султан говорит, значит, так оно и есть.

— Молодец, сообразительный, — хохотнула Даша Воронина.

— С этого дня ты будешь нашим конем, — заявил Султан. — Мы будем на тебе ездить в школу. По очереди.

Девятиклассники почему-то захихикали, хотя ничего смешного в словах Султана не было. Я растерялся.

— Зачем? — спросил я. — Разве на велосипеде не лучше?

— Настоящий придурок, — подал голос кто-то из троицы.

Султан довольно хрюкнул.

— А я вам говорил. Значит, так, Улыбка, сейчас будем тебя укрощать. Я первый. Нагибайся.

— Даму следует пропускать вперед, — заметила Даша.

— Слышал, придурок? — не стал спорить Султан. — Нагибайся, я сказал! Становись раком. Дашка первая.

В этот момент он перестал мне нравиться, и его приказания тоже. Я, конечно, не отказался бы побыть лошадью, раз ребятам так уж хотелось. Но меня можно было об этом хотя бы вежливо попросить.

— Не буду, — упрямо сказал я.

Кто-то сзади сделал подсечку, я упал на коленки. Султан больно наступил на ноги. Еще двое схватили меня за плечи и пригнули лицом к полу.

— Залезай, Дашка. Пошел, Улыбка. Трусой.

Я молча стерпел это, тем более что Даша оказалась не очень тяжелой. Я пронес ее по проходу между партами и обратно.

— Молодец, Улыбка, — похвалил Султан, когда всадница спрыгнула с моих плеч. — На сахарку. Заслужил.

Он с размаху съездил мне кулаком по зубам. Остальные рассмеялись. Я немедленно разревелись — мне было больно, очень больно, но не от удара, вовсе не от него. Мне не было дела до незнакомых старшеклассников. Но мне больше не нравился Султан. Со всем — я перестал считать его другом.

— И тебе сахарку, — выпалил я и размахнулся, чтобы его ударить.

Сделать это мне, конечно, не дали, да и не думаю, что мой слабосильный кулачок причинил бы Султану хоть какой-то вред. Но бить меня стали сразу, и били старательно, с удовольствием, по лицу, подхватывая и швыряя в круг всякий раз, когда я валился с ног.

— До смерти не забейте, — попросила стоявшая в сторонке Даша.

— А хоть и до смерти, — гоготнул Султан и дал мне оплеуху. — Одним придурком и плаксой меньше будет.

В следующий момент я, наконец, рухнул на пол разбитым лицом вниз. Перевернулся на спину и выдавил сквозь ставшие щербатыми десны:

— Сам придурок. Это тебя забьют до смерти.

Тогда Султан подскочил ко мне и размахнулся ногой, но в этот миг в дверь заколотили.

— Что здесь происходит? — ворвался в класс завуч Иван Иванович. За спиной у него я увидел Катю, и обида с болью вдруг ушли. Улыбка осталась.

Я пролежал в постели целую неделю. А когда появился в школе, узнал, что произошло несчастье. Три дня назад в драке на дискотеке Султан погиб.

— Бедному мальчику проломили голову, — всхлинула Варвара Алексеевна и промокнула носовым платком сухие глаза.

Мне стало плохо, очень плохо, а особенно от того, что я, всего раз побыв лошадьё, стал думать о Султане дурно. Я ревел целый день. Потом перестал.

Это была вторая смерть в моей жизни. Я ни о чем еще не догадывался.

* * *

Семнадцать лет от роду я прозрел. Потому что влюбился. В Катю.

Однажды я понял, что она не просто мне нравится, как остальные знакомые, а по-особенному. Мы по-прежнему сидели за одной партой, но теперь мне всякий раз было неловко, если нечаянно касался Кати или наталкивался взглядом на расpiraющие платье... в общем, я краснел и расстраивался, когда Дениска Петров говорил об этом «большие сиськи». Катя стала снится мне по ночам. Я постоянно думал о ней, даже когда читал, смотрел телевизор или готовил уроки.

— Проща, ты стал рассеянным, — сказала как-то за ужином мама. — Ты не влюбился, часом?

Я едва не подавился яблочным пирогом и понял, что мама права. Я влюбился. Что с этим теперь делать, я не знал. Из книг мне было известно, что за женщинами следует ухаживать. Дарить цветы, петь под окнами серенады и посвящать стихи. Но на цветы у меня не было денег, петь и музицировать я не умел, а рифмовать тем более. Тогда я решил посоветоваться с опытным человеком. Кирюха как раз освободился из тюрьмы и был самым опытным из всех, кого я знал.

— Ну, ты, Улыбка, и фраер, — сказал опытный Кирюха. — Телкам что надо? Чтоб их драли, понял? Возьми пузырь, подкатись. Шампусик, то да се, лапши навешай. Мол, сохну, жить без тебя не могу. Вмажете по стакану, она сама ноги раздвинет.

Я совсем не хотел, чтобы Катя раздвигала ноги. Я, конечно, уже был в курсе, что трахаться вовсе не больно. Но мне казалось постыдным предложить ей такое. Мои мечты ограничивались поцелуем в школьных кустах.

— Катя, давай выпьем, — отчаянно краснея, предложил я однажды после уроков. Бутылка шампанско-

го, на которую копил три месяца, лежала в портфеле. Аккуратно замотанные в тряпицу стаканы с ней содействовали.

Катя заморгала от удивления.

— Улыбка, с тобой все в порядке? Зачем?

— Ну как бы... — стушевался я. — В смысле, это...

Ты что, не хочешь?

— Не хочу. Что за дурацкая идея?

— Она не дурацкая. Я хотел... В общем... Ну... — Я вспомнил Кирюху, набрал в грудь воздуха и выпалил: — Я по тебе сохну. Жить без тебя не могу.

На секунду Катя опешила. Затем прыснула. Расхохоталась. Она смеялась, громко, заливисто, и мне хотелось провалиться на месте, потому что я понял: Катя потешается надо мной.

— Улыбка, — сказала она, отхохотав. — Посмотри на себя в зеркало. Неужели ты думаешь, что можешь заинтересовать девушку? Нет, я знала, конечно, что ты недоумок, но не настолько же.

Мне стало так обидно и унизительно, как никогда раньше. Ведь ничего плохого я Кате не сделал. Я лишь хотел ей сказать... Я...

— Сама ты недоумок, — в сердцах пробормотал я и едва не заплакал. Затем швырнул портфель в кусты и пошел прочь.

Неделю спустя я прозрел. Случилось это после того, как Остроумовы попали в автомобильную катастрофу. Больничная медсестра долго выпрашивала, кто я такой, потом сказала:

— Несчастливая девочка. Родители погибли на месте. А у нее черепно-мозговая травма — доктор сказал, что будет жить. Но умственно полноценным человеком навряд ли станет.

Я попятился, вмазался спиной в стену и сполз по ней на пол. Не помню, что было потом. Мама говорила, что я пролежал в беспмятстве почти сутки. А ког-

★ да очнулся, страшное, нелепое и потому еще более страшное подозрение обрушилось на меня, оглушило и вытеснило даже горе от того, что случилось с Катей.

Позже я понял, что изменился именно в этот день. Стал другим человеком. Инфантильный плаксивый придурок исчез. Я предположил, что мои в запале или по недомыслию сказанные слова, возможно, сбываются. И тогда получается, что я, тюфяк, мямля и маменькин сынок — виновен в смертях и увечьях.

Я вскочил с постели и в панике заметался по комнате — захлестнувший меня ужас мешал думать, мешал даже сообразить, что всякая гипотеза нуждается в проверке на опыте. Когда это, наконец, дошло до меня, я пришел в себя.

— Стоп! — сказал я вслух.

Если мои слова сбываются, почему мама с папой не выиграли в спортлото миллион? Я пожелал им это на последнюю годовщину свадьбы, еще радовался, что придумал такой нестандартный тост. Почему у Дениски Петрова глаза по-прежнему глядят в разные стороны? Ребята в шутку подарили Дениске на день рождения кривое зеркало, и я сострил: «Смотришь почаще в него, Дениска, подобное лечится подобным». В конце концов, в детстве я часто просил Деда Мороза подарить мне собаку или хотя бы кошку. Но под новогодней елкой нашел однажды лишь сонную черепаху Степана.

Мне полегчало. Действительно, надо быть редкостным придурком, чтобы навоображать невесть что, укорил я себя. Вот прямо сейчас что-нибудь пожелаю, и ничего не исполнится.

Я высунулся в окно, оглядел двор: беседку, в которой пенсионеры забивали козла, детскую площадку, где малыши возились в песочнице, облезлую помоечную кошку, крадущуюся к стае пригревшихся на асфальтовой проплешине перед трансформаторной

будкой воробьев. Это зрелище я наблюдал не впервые — воробьи были начеку и всякий раз взлетали, стоило кошке приблизиться, так что той приходилось довольствоваться содержимым мусорных баков.

— А ну, — крикнул я кошке, — попробуй-ка, сцапай птичку!

Кошка, стелясь по земле, подкралась, осторожно высунула морду из-за будочного угла. Воробьи дружно взлетели. Все, кроме одного, зацепившегося лапкой за щелястую доску. Кошка прыгнула. Я застыл при виде птичьей тушки, отчаянно трепыхающейся в кошачьей пасти. Затем отшатнулся от окна, осел на пол. Гипотеза получила подтверждение. Мои слова сбылись опять. Дурные слова. Злые. Те, в которых беда и смерть.

Следующие несколько дней я провел словно в трансе. Я по-прежнему ходил в школу, готовил уроки, но проделывал это будто бы механически. Произошедшее не давало мне жить. Я горячечно приводил выкладки, что все случившееся — не более чем череда совпадений, и не мог себя в этом убедить. Меня так и подмывало проверить гипотезу вновь, вскоре это стало навязчивой идеей. Я должен, обязан был разубедиться в своей догадке. На ком-нибудь. Кого не жалко.

Я стал присматриваться к окружающим. И ужасался всякий раз, когда осознавал, что слепая привязанность ко всем и каждому ослабла во мне, истончилась, дала трещину. Что защитный механизм, которым я был оделен с детства, прохудился и стал сбоить. Я по-прежнему симпатизировал соседям, одноклассникам, учителям. Но теперь я видел в них и недостатки. Петя Каргин прижимист и себе на уме. Дениска Петров циничен, хитрожоп и нахален. Завуч Иван Иванович занудлив и глуповат. А Кирюха так просто запойный алкоголик, хулиган и мелкий воришка.

★ Меня корежило. Выбрать худшего из лучших и поставить на нем эксперимент я был не в силах. Прошла неделя, другая, просквозил месяц: с каждым днем мне становилось все хуже, а идея проклясть кого-нибудь и посмотреть, что из этого выйдет, все навязчивее. Так продолжалось до тех пор, пока однажды в метро я не встретил Дашу Воронину.

— Узнаешь? — протиснулся я к ней сквозь толпу пассажиров.

Секунду-другую Даша недоуменно разглядывала меня. Затем закивала.

— Конечно. Ты Улыбка. Ты был моим осликом.

— Лошадью, — поправил я и процитировал покойного Султана: — У каждого уважаемого человека должна быть лошадь.

Даша прыснула.

— Я похожа на уважаемого человека?

Я оглядел ее. Черноволосая, стройная, со смешинками в уголках карих глаз. И вместе с тем что-то с ней было не так, я впитывал в себя исходящие от Даши усталость и надлом, хотя и не ведал, каким органом чувств их улавливал. Мне понравилась Даша. Но не так, как прежде, когда нравился любой и каждый. И не так, как несчастная Катя. Даша мне понравилась по-иному. Как женщина, неожиданно понял я.

— Похожа, — подтвердил я. — Как ты вообще?

— Лучше всех.

Я вышел из вагона метро за ней вслед.

— Ты что же, собрался меня провожать, Улыбка? — обернулась ко мне Даша. — На всякий случай: я замужем. Сколько тебе? Семнадцать?

— Почти восемнадцать.

— Ты сильно изменился. Совсем ничего общего с тем забитым пареньком, на котором я проехала между партами. Разве что улыбка осталась. Что ты от меня хочешь?

Я заглянул ей в глаза. Придержал за локоть.

— Тебя, — сказал я.

Даша остановилась. С минуту молчала. Я ждал, с удивлением думая о том, что мне ничуть не стыдно. Я умудрился даже не покраснеть.

— Я выгляжу, как доступная женщина? — подала наконец голос Даша. — Которой запросто можно предложить переспать?

— Ты выглядишь, как человек, которому нужна помощь.

— Вот как? — Даша смахнула со лба случайную черную прядь. — По мне это видно?

— Мне видно.

Часом позже, на парковой скамейке, Даша ревела навзрыд у меня на плече. Она выскочила замуж, едва закончив школу. За человека с прошлым, гораздо старше нее.

— Не знаю, что делать, Прошенька, — сказала Даша, когда отревела. — Он бьет меня, напьется и бьет, чуть ли не каждый день. Заставляет ложиться под своих дружков-уголовников. Сказал так: дернись — убьет. Он и в самом деле убьет. Боже, какой я была душой, когда за него пошла. А теперь дай мне волю, на край света сбежала б, под землю зарылась бы.

— Зачем же? — обронил я спокойно. — Под землю отправится твой благоверный.

— Что? — Даша вскинулась, испуганно посмотрела на меня. — Что ты сказал?

Я поднялся, подал ей руку. На душе у меня было легко и спокойно.

— Так, болтанул, не подумав. Пойдем, уже поздно. Телефон дашь?

Двумя сутками позже Даша овдовела. Ее мужа застрелили на воровской малине. У меня больше не осталось сомнений — дар, черный дар, которым на-

★ градило меня, а скорее, наказало нечто неведомое, больше не был гипотезой. Он стал явью.

Я сдал выпускные экзамены и легко поступил в Политехнический. Перезнакомился с уймой новоиспеченных студентов. С моего лица каждому из них улыбалась смерть.

Я переехал жить к Даше. Я снова стал ее лошадю — она скакала на мне в позе всадницы. Я придерживал ее за бедра и неотрывно смотрел в карие, с влажной поволокой глаза. И скалился беспечной и приветливой улыбкой, навечно приклеенной ко рту.

* * *

Несколько лет мы жили безбедно за счет оставшихся от покойного уголовного средств. Затем они подошли к концу, и нам пришлось затянуть ремни. Даша худо-бедно подрабатывала где придется. Я учился на четвертом курсе, получал грошовую стипендию, и все мои попытки найти заработок оканчивались ничем — руки у меня оказались приделаны к той самой жопе, о которой в трехлетнем возрасте впервые узнал. Мы едва сводили концы с концами, и я чувствовал себя довольно скверно, потому что фактически сидел у Даши на шее. Она ни единой раз не попрекнула меня, зато множество раз давала понять: она благодарна за то, что я для нее сделал. Я отнекивался, отшучивался и продолжал дармоедничать. Так было до тех пор, пока не появился Алик.

Он был смуглым, плечистым, кареглазым красавцем — хоть сейчас в кино на роль героя-любownika.

— Это мой давний знакомый, — представила Алика Даша. — У него неприятности, милый. Я выйду пройтись, а ты выслушай его, пожалуйста. Вдруг мы сумеем ему помочь.

Я выслушал. Алик задолжал серьезному человеку большую сумму. Очень большую, неподъемную. За

неуплату Алику грозили проблемы, о которых лучше не говорить.

— Понимаешь, дорогой, — сказал в заключение Алик. — Я человек веселый, люблю погулять, выпить, поиграть. Карты, нарды, шаш-бэш. Я проиграл деньги, с любым бывает. Со временем я бы отдал. Но Реваз не желает ждать. Я заплачу лимон. Половину сразу, половину потом.

— А кто он, этот Реваз? — спросил я.

— Это нехороший человек, дорогой. Очень нехороший, плохой.

Несколько дней я не находил себе места и не мог решиться. Во всех предыдущих случаях у меня было оправдание. В этом не было никакого. Уговорить себя, что киллер — обычная профессия, ничем не хуже прочих, мне не удавалось. Пускай даже оружие этого киллера не холодное или огнестрельное, а словесное.

— Мы могли бы летом съездить на море, — сказала Даша. — В Египет, например, или в Турцию. Одеться как люди. Тебе ведь самому неприятно, что твоя женщина ходит в обносках.

— С чего ты взяла, что я способен на это? — принял я последнюю попытку отказаться. — Мало ли что я болтанул сгоряча несколько лет назад?

Даша скривилась.

— Тебе ни к чему притворяться передо мной, Проща. Я сразу догадалась тогда. Вспомнила про Султана и поняла. А ты со мной как с дурехой: «способен», «сгоряча», «с чего взяла».

— Что ж...

Тем же вечером на овощном рынке Алик показал мне Реваза.

— Чтоб ты помер, Реваз, — выдохнул я.

С этого дня что-то надломилось во мне, треснуло. Что-то, позволяющее чувствовать себя пускай даже монстром и душегубом, но все еще порядочным че-

★ — ловеком. Мы съездили в Турцию. Даша купила себе новые наряды, а мне двубортный костюм и недешевую персоналку. Прошло полгода, год. Я понемногу стал забывать о газетном некрологе с фотографией скоропостижно скончавшегося от сердечной недостаточности Реваза Паташури. А потом в нашу дверь постучался новый проситель, чубатый усач, похожий на хрестоматийного донского казака.

— Григорий, — представился бородач. — Я от Алика. У меня проблемы, нужна помощь. Три миллиона наличными.

Я решил проблемы, отправив на кладбище чету предпринимателей. Затем пришел человек от Григория, за ним снова от Алика, за ними еще и еще.

Мы с Дашей переехали в дорогую квартиру в центре. Купили новенькую, с иголочки «Тойоту». Через год — дачу в пригороде. «Политех» я бросил, учиться дальше, чтобы вкалывать потом за гроши, было ни к чему.

Субботним утром я отправился на дачу навестить увлекшихся на старости лет садоводством родителей. Пятисотый «Мерседес» обошел мою «Тойоту» на пустынном проселке, подрезал и притер к обочине. Когда я выскочил из машины, в живот мне уже глядели круглые слепые глаза обреза двустволки.

— Стой, где стоишь, Улыбка, — каркнул рослый, заросший щетиной молодчик. — Я — Тимур Паташури. Будем говорить, как мужчина с мужчиной. Реваза Паташури помнишь? Это мой отец. Расскажешь, как его убивал!

— Н-никого я не уб-бивал, — запинаясь, выдавил я.

— Врешь, Улыбка. Говори, или пристрелю!

Пристрелит, понял я отчетливо. Страх хлестанул меня, спеленал, обездвижил. Я был безоружен против этого человека. Провидению, божеству или кому еще, оделившему меня непрошеным даром, необходимо было время. Сутки, двое, а то и больше.

— За что? — разлепил я стиснутые страхом губы.

Вместо ответа щелкнул и встал на боевой взвод курок.

— Постой! — я вдруг нашел выход. — Козел, — расчетливо бросил я. — Пальнешь — убьешься!

Обрез рявкнул. И разорвался у стрелка в руках. Усеченный приклад вмазался ему в горло. Затвор, слетев с крепежа, разворотил лицо. Раскинув руки, Тимур рухнул навзничь, захрипел, засучил ногами. С полминуты я, оторопело улыбаясь, смотрел на умирающего. Затем попятился, упал на водительское сиденье и дал по газам.

Я развернулся и поехал в город. Мысли путались, руки ходили ходуном, с трудом удерживая баранку. Я пришел в себя, лишь когда припарковал «Тойоту», поднялся из гаража в холл и вызвал лифт.

Надо выпить, сбивчиво думал я, пока лифт один за другим сглатывал этажи. Выпить. Забыть о круглых, черных, слепых глазах смерти на вороненом стволе. Сейчас первым же делом выпью. Я механически отпер дверь, переступил порог и увидел... Увидел Алика.

Секунду-другую я не мог понять, что этот человек, нагой и растрепанный, делает у меня дома. Потом Алик шарахнулся, смуглое лицо побледнело, исказилось от страха. Из спальни в одном исподнем выскочила Даша, судорожно залепила ладонями рот, застыла, с ужасом глядя мне в глаза.

Меня скрутило от омерзения и безразличия.

— Дрянь, — вытолкнул из себя я. — Ну и дрянь.

— Проша, подожди, — запричитала Даша. — Я объясню. Все сейчас объясню. Только не...

— Пропади ты пропадом, — выдохнул я обреченно и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Даша пропала пропадом в тот же день. Я больше никогда не видел ее и не знаю, что с нею случилось.

* * *

За месяц я, не торгуясь, все продал. Надо было начинать жизнь сызнова, вдалеке, там, где меня никто не знал. В одиночку: я лишь сейчас полностью уразумел, что, по сути, монстр, чудовище. Смертельная угроза для любого и всякого, кто окажется со мной рядом. И еще понял, что опять изменился. Я больше не совестился содеянным. Совсем. Я принял, наконец, свой дар как должное. Мне предстояло с ним жить. Жить я хотел долго.

На такси я подъехал к убогой лечебнице на окраине города, больше походившей на богадельню. Сунул мятую купюру вахтеру и поднялся на третий этаж. Я едва узнал Катю в жалком, неухоженном, слюнявом существе в инвалидной коляске. С минуту я, безмятежно улыбаясь, смотрел на нее.

— Катя, — окликнул я.

Она задрожала, затряслась, затем поникла.

— Не живи больше, Катя, — сказал я. Спустился вниз и велел таксисту везти в аэропорт. Вечером я был в Москве и уже на следующее утро вселился в однокомнатную у Кузнецкого моста.

Я больше не был ничем и никем связан. Мне предстояло изучить, на что я способен. Я стал ставить эксперименты.

— Чтоб тебе онеметь! — пожелал я испытому пенсионеру, вечно матерящемуся на лавке у подъезда при виде меня.

Сутки спустя пенсионера разбил паралич.

— Чтоб вам сгореть! — бросил я обсчитавшей меня кассирше в продуктовом магазинчике напротив.

Пожар случился той же ночью. Магазинчик выгорел дотла.

— Чтоб тебе провалиться! Подавиться! Разбиться! Потонуть! Повеситься! Околеть!

Я улыбался, глядя, как из водосточного люка вытаскивают провалившегося мужика. Как задыхается, судорожно пытаюсь глотнуть воздуха, подавившийся рыбной костью доходяга в пивной. Как полицейские суется вокруг насмерть разбившегося о придорожное дерево мотоциклиста. Как баграми тащат из пруда на Патриарших мальчишку-утопленника. Как выносят на носилках девчонку из соседнего подъезда, удавившуюся от несчастной любви. Как навзрыд ревет слепая старушенция, у которой внезапно околела собака-поводырь.

Я раздавал несчастья и смерть, с каждым разом все более хладнокровно и обыденно. Я расхаживал и разъезжал по городу, жители которого были в моей власти. Это я решал, жить человеку дальше или лежать под плитой.

Мало-помалу мне стало неинтересно выносить смертные приговоры незнакомым и малознакомым людям. Острота ощущений ушла, мимолетные убийства приелись. Мне захотелось видеть воочию и в деталях, как работает дар.

Я стал знакомиться с женщинами на вокзалах, на автобусных остановках и в метро. Приглашал в ресторан, сочувственно выслушивал нехитрые житейские истории. Подливал в бокал шампанское, смотрел на очередную визави и наслаждался острым ощущением абсолютной власти над ней. Будет ли новая знакомая жить или сегодня же сыграет в ящик, зависело от меня.

Светловолосую сероглазую девушку лет двадцати пяти звали Варей. Муж сбежал от нее, оставив с малолетней дочерью на руках.

— У тебя такая замечательная улыбка, Прохор, — растерянно ковыряя вилкой в салате, сказала Варя. — Я не проститутка, но у меня грошовая зарплата, а нам

с Оленькой отчаянно нужны деньги. Она сейчас дома одна, это неподалеку. Хочешь, пойдем ко мне?

Варя провела меня по темному коридору в крошечную, неприбранную, с засаленными обоями спальню. Я поморщился от брезгливости.

— Оленька в соседней комнате, — прошептала Варя, стягивая юбку. — Она нам не мешает. Извини, я немного стесняюсь. Как бы ты хотел?

Я улыбался, глядя на нее, обнаженную. На тонкие ножки, на перечеркнутый горизонтальным шрамом кесарева сечения впалый живот, на скверно выбритый лобок, на круглые налитые груди с бордовыми виноградинами сосков.

Я мог убить ее одним словом. Полюбоваться, как вспухают, взрывая нежную кожу, гнойные волдыри. Как на глазах усыхает грудь, скрючиваются от внезапной подагры руки. Как синее, корежится от удушья миловидное личико и закатываются серые глаза.

Я медлил. Во мне вдруг шевельнулось давно забытое чувство. Нет, не желание: с тех пор как пропала Даша, я брал женщин походя и бесстрастно. И так же бесстрастно отправлял на тот свет. Жалость, внезапно понял я. Мне почему-то стало жалко эту неухоженную, несмелую брошенку.

— Прохор, что с тобой?

Я тряхнул головой.

— Прости, задумался. Вот деньги, — я наугад вытащил из кармана десяток мятых купюр, не считая, бросил на обшарпанный комод в углу. — Я пойду.

— Тебе нехорошо? — Варя покраснела, серые глаза увлажнились. — Или я совсем не понравилась?

— Да нет же, дело не в этом. Извини.

Я плечом отворил дверь, прикрыл ее за собой. Секунду стоял недвижно, затем, держась за коридорную стену, двинулся в темноте на выход.

— Папа!

От неожиданности я вздрогнул. Застыл, глядя, как в пятно света в дальнем конце коридора ступила круглолицая девчушка в ночной рубаше по коленки.

— Папочка!

Она внезапно бросилась ко мне, и я, не соображая, что делаю, подхватил ее, поднял, прижал к себе.

— Ты не думай, Оленька только тебя так, — закусив губу, пыталась объяснить выскочившая из спальни в наброшенном на голое тело халатике Варя. — Не знаю, отчего. Прости нас, пожалуйста. И заberi деньги, ладно?

— Это ты меня прости. Я едва не...

Я осекся. Теплый комок жизни прильнул ко мне, жарко дыша в шею. Я держал Оленьку на руках и думал, что должен бежать, уносить отсюда ноги. Что обычная человеческая жизнь мне заказана. Что...

Мы с Варей уложили Оленьку спать. Потом пили чай на кухне, и я отчаянно пытался заставить себя встать и уйти, чтобы никогда больше не появляться.

Я не ушел. Я проснулся затемно рядом с притулившейся ко мне Варей и долго глядел на нее, спящую, ужасаясь тому, что едва не совершил накануне. Затем я тихо поднялся, выгреб из карманов деньги, добавил к тем, что так и лежали со вчерашнего вечера на комоде. Оделся и, бесшумно ступая, убрался.

На следующий день я пришел опять и снова остался на ночь. Потом еще и еще. Я держал Оленьку на коленях, заплетал пальцы в Варины светло-русые волосы и клялся себе, что больше никому не причиню зла.

Клятву я не сдержал, потому что подошли к концу деньги. Заработать их честным трудом я не мог, поскольку не владел ни единой профессией. Кроме профессии палача.

Я дал объявление в газеты и на рекламные сайты. Оно состояло всего из трех слов: «Решаю любые про-

★ — блемы». Адрес электронной почты был набран курсивом понизу.

Месяц спустя я получил первое послание. Анонимный наниматель интересовался спецификой моей деятельности и ставками. В ответ я отправил два слова «без разницы» и реквизиты банковского счета. Вскоре на нем появилась приличная сумма — задаток. А вслед за ним новое письмо со ссылкой на блог клиента и обещанием достать меня из-под земли, если кину.

Клиент оказался совладельцем строительной фирмы. Сумма на банковском счету утроилась, а неделю спустя появился новый задаток и новый клиент.

К подпольной жизни на этот раз я подошел основательно. Обзавелся тремя комплектами подложных документов и множественными счетами на разные имена. Обитал на съемных квартирах, меняя их каждые два-три месяца. Корреспонденцию отправлял исключительно из интернет-кафе, выбирая очередное из списка наугад.

Летели месяцы, годы. Оленька пошла в школу. Из двухкомнатной распашонки они с Варей переехали в роскошные апартаменты в элитном доме на Смоленской. Я появлялся там не слишком часто и исключительно как гость. Я не знал, что с этим делать. Множество раз я давал себе слово развязаться, исчезнуть, уйти, и всякий раз не мог его сдержать.

Я изменился опять. Стал молчуном, взяв за правило обдумывать каждое слово перед тем, как его выговорить. Чтобы не обронить проклятье сгоряча, в рот не брал ни капли спиртного и тщательно избегал эмоциональных встрясок. Из всех сил я пытался подавить в себе патологического садиста и больше не убивать из удовольствия. Мне это не удавалось.

На спокойную, размеренную жизнь заурядного обывателя — приходящего отца, души не чаящего

в приемной дочке и ее матери, то и дело наплывала другая, палаческая. Я устал. Устал пребывать в ипостаси безвредного, затюканного ботаника по кличке Улыбка. Раз за разом моя вторая сущность одерживала верх, и я в поисках очередной жертвы выходил в ночь. Потом возвращался и ужасался содеянному. Я устал. Смертельно устал от самого себя.

На Оленькино восьмилетие я купил двухнедельный тур в Черногорию на троих. Варя была сама не своя от радости и нетерпения, она вычеркивала из календаря остающиеся до вылета дни. Накануне отправления, однако, поступил новый заказ. Срочный и на огромную сумму.

— Не волнуйся, милая, — я поцеловал Варю в лоб. — Летите без меня, я на день-другой задержусь и в Цетине вас догоню.

На этот раз клиентом оказался депутат Госдумы — так высоко я еще не замахивался. Дело заняло неполные двое суток. Я дождался траурной речи по телевизору, покидал в чемодан вещи и вызвал такси.

Трое здоровяков ждали меня на выходе из лифта. Едва створки дверей распахнулись, меня выдернули из кабины. Двое подхватили под локти, третий, со шприцем в руке, всадил мне в бедро иглу.

Я пришел в себя в просторном светлом помещении. Я сидел в глубоком кожаном кресле, наручниками прикованный к подлокотникам, с заклеенным скотчем ртом.

— Это и есть Улыбка? — спокойно спросил неказистый плешистый человечек в очках. Он походил на скромного офисного клерка.

Из-за спины плешивого появился другой, чубатый и вислоусый. Я взгляделся и узнал Григория — того, что приходил по рекомендации Алика и заказал чету бизнесменов.

★ — Это он, Вадим Вадимович, — истово закивал Григорий. — Вы поосторожнее с ним, Улыбка очень опасен.

— Свободен, — Вадим Вадимович хмыкнул и обернулся ко мне: — Небольшая формальность, — пояснил он, кивнув на пятящегося к дверям Григория. — Я должен был убедиться, что мои люди не обознались.

Григория сменил верзила с «глоком» в руке. Я узнал здоровяка со шприцем, который встретил меня у лифта.

— Пока у Улыбки заклеен рот, он не опасен, — бросил верзиле Вадим Вадимович. — Но ты придержи его на мушке, Удав. На всякий случай. Итак, Улыбка: прежде всего, я хочу, чтоб ты знал: я искал тебя долгие годы. Тобой занимались детективы, аналитики и ученые. Мне известно о тебе все. На тебе две сотни жизней, в том числе жизней моих друзей.

Он больше не походил на безобидного офисного клерка. На меня, оскалившись, глядел волк.

— Жить хотите? — невнятно промычал я сквозь скотч, но волк понял.

— Разумеется. Жить хотят все. Ничего ты со мной не сделаешь, Улыбка. Тебе не вечно ходить с заклеенным ртом, и ты сможешь меня прикончить. В любой момент, пока жив сам. Но представляешь, что будет тогда с твоими бабами? Их обеих на лоскуты порежут, случись со мной любая, даже самая малая неприятность. Понятно тебе?

Я судорожно кивнул.

— Другой разговор, — хохотнул Вадим Вадимович. — Значит, так: я отныне — твой работодатель, господин, царь и бог. Ты будешь жить при мне и делать то, что скажу.

— А если не буду? — попытался выдавить я сквозь скотч. Опять вышло лишь невнятное мычание, но Вадим Вадимович смысл уловил.

— Будешь, куда ты денешься, — фыркнул он. — Ты ошибся, Улыбка. Привязался к бабе с девчонкой — променял на них свою силу и мощь. Не будь их, ты мог бы диктовать мне условия. А так тебе придется исполнять мои. И лучше по-хорошему. Потому что деликатничать с тобой я не стану.

Вот и все, понял я. Пришла пора платить по счетам. Управиться с Вадимом Вадимовичем проклятый дар не поможет. Я мог бы убить его, мог бы прикончить Удава, завалить Григория. И все. Обернувшийся волком человек с внешностью канцелярской крысы не соврал — он действительно, не моргнув глазом, прикажет расправиться с Варей и Оленькой. Даже если я сейчас соглашусь на рабскую жизнь, а потом хоть раз послушаюсь господина.

— Так что же, Улыбка? — подал голос Вадим Вадимович. — Тебе все ясно?

Я кивнул.

— Сдери ленту, — бросил Удаву волк.

Тот опасливо приблизился, с кожей отодрал скотч, но мне было наплевать на боль. Ствол «глока» целил мне в лоб.

— Чтоб тебе их не пережить, — выдохнул я волку в лицо и резко обернулся к Удаву: — Теперь стреляй!

АЛЕКС БОР

ГНИЛОЙ

1

Уходя, он все-таки оглянулся. Окинул взглядом узкую комнатку, похожую на монашескую келью.

Продавленный диван, стол с табуретом, в углу свалены книги. Холодильник, который мог, наверное,

★ помнить полет Гагарина, крикнул, как подраненная утка, — и обиженно умолк. Мужчина усмехнулся, поправил рюкзак — лямка лежала неудобно, натирая плечо, — и прикрыл дверь.

Он никогда не запирал комнату — когда замки были помехой для двуногих крыс? Но вряд ли кто-то сунется в его жилище, пока нет хозяина, — Прохан, если узнает, голову отрежет.

«Он, если что, и мне отрежет», — подумал мужчина. И снова удивился тому, что все еще жив. Что его до сих пор не пристрелили. Или не задушили во время сна. Все знали, что он никогда не запирается, полагая, что от судьбы все равно не уйти. Хотя — продолжал он размышлять, шагая по коридору, едва освещенному тусклыми лампочками, вкрученными в плафоны через каждые десять метров — если его убьют, то где они найдут такого же? Везучего, как тысяча чертей...

Если только на Хламе, но кто из заводских по доброй воле сунется к хламским? Те вообще в последнее время отморозились на всю голову, палят во все, что на глаза попадается, а потом разбираются. И ладно бы беспредельничали на своей территории — бойцы с Хлама держали в страхе все Ближнее Заволжье, доходили даже до руин Речного вокзала. Хотя что значит — «доходили»? Дойти можно куда угодно, были бы здоровые ноги. Но дойти — это еще половина дела. Вторая половина — живыми уйти. Вот так и хламские: дойти-то дошли, а вот обратно вернулось меньше половины. Речники — ребята тоже серьезные, они тоже чужаков не любили и мало кого пускали на свою территорию. После той стычки их совсем мало осталось. С десятков. Включая Гусара, бойца из затверецких, который пятерых стоил. То есть такие слухи ходили. А правда это или нет — никто не проверял. Жизнь дороже...

Под эти мысли он дошел до двери в конце коридора и постучал, как было условлено.

Тяжелая металлическая дверь со скрипом открылась, представив взору просторное помещение, похожее на древний офис. Правда, никаких компьютеров и прочих ноутбуков не наблюдалось — вокруг засаленного стола сидели четверо бойцов и резались в карты. Но не по-серьезному, на «валюту», а всего лишь на интерес.

Так Прохан решил. Чтобы ненужных обид не было.

— Гнилой пожаловал. — Лысый детина с косым шрамом через лоб и тремя зубами, которые торчали из пасти, когда он лыбился, оторвался от игры и вперился зенками болотного цвета в переносицу вошедшего.

Изо рта Зубастика постоянно разило гнилью — вот бы кому подошло погоняло Гнилой! — однако и рукопашник был хороший, и стрелял метко.

— Ну что, сталкер, на волю? — подал голос парень с длинным, как у Буратино, носом, корый украшала бородавка, похожая на еловую шишку.

Буратино было шестнадцать, он родился через год после Катастрофы и не помнил другой жизни.

Гнилой кивнул. Дежурные бойцы не могли помешать ему: Гнилой был сталкером и имел право уходить и приходить когда захочет. Только Прохан имел над ним власть — как и над всеми обитателями Завода.

Но если бы сейчас Прохан запретил ему идти, то он, Гнилой, все равно пошел бы.

Потому что он должен был пойти.

И Прохан это понимал, поэтому не препятствовал. Только сказал:

— Ты понимаешь, что без шансов?

Гнилой понимал.

Но он уже принял решение.

★ И это было его решение. Только его.

И Прохан не возражал. Молча расстелил изорванную карту Твери и окрестностей.

Бумажная карта была ровесница Катастрофы.

Они водили пальцами по карте, прикидывая маршрут, и Прохан отсоветовал идти через Хим и Деревню — то есть самой короткой дорогой.

Доходили слухи, что в Деревне кто-то поселился. Но люди или зомбяки — никто не знал.

А идти через Хим вообще равносильно самоубийству.

Даже для везунчика, такого как Гнилой.

«Там очень плохая земля, — сказал Прохан. — Засасывает и съедает. Но не расширяется».

То, что не расширяется, было хорошо.

Но кто знает, как там будет дальше...

Может, как в Торжке, где три года назад возникла похожая аномалия. Сначала в районе Монастыря, а потом охватила весь город и километров пятьдесят по периметру. Не выжил никто...

Гнилой и Прохан допоздна просидели над замусоленной картой. Оба понимали, что эта дорога — в один конец. И даже до конца можно не дойти. Особенно если идти по железке. Но другого пути все равно не было. Обходить железку — это делать большой крюк, заходить в лес. А кто знает, кто сейчас в этом лесу живет...

Но Гнилой уже решил, что пойдет.

А у Прохана, конечно же, был свой интерес.

Гнилой считался лучшим сталкером. Он всегда возвращался.

Прохан надеялся, что Гнилой вернется и на этот раз. А потом расскажет обо всем, что видел. Особенно о Вокзале.

Под Вокзалом были хорошие подземные убежища. Построили их в конце восьмидесятых годов про-

шлого века. Во времена почти былинные, ибо кто сейчас помнит страну, которая когда-то называлась СССР? Даже старики не помнят. Но все, даже зеленые юнцы, знают, что в СССР готовились к ядерной войне и поэтому плохих убежищ не строили. Вот и это убежище — Завод, тоже построили во времена СССР...

И Прохан был искренне благодарен за это погибшему почти сорок лет назад государству.

2

Миновав еще одну металлическую дверь, Гнилой вышел в очередной коридор. Электролампочки здесь горели ярче и были натканы через каждые три метра.

Он остановился за секунду до того, как из бокового ответвления коридора раздался окрик:

— Стоять!

Вспыхнул яркий свет, ослепив привыкшие к полутьме глаза.

Гнилой прищурился, но рук, чтобы прикрыть глаза, не поднял: кто знает, как его движение могло быть воспринято. Часовые могли оказаться очень нервными, сразу палить бы начали.

Когда глаза перестали слезиться от яркого света, что бил из ручного фонаря, Гнилой увидел перед собой двух молодых бойцов. Молокососов не старше семнадцати.

Но по их лицам было видно, что они родились с автоматами в руках.

— А, это ты, Гнилой, — откуда-то возник третий, старший караула. В комбинезоне антирадиационной защиты. И тоже с автоматом.

Правда, он тут же убрал его за спину.

— Отбой, парни...

* * *

Когда за спиной закрыли люк в подземное убежище, Гнилой снял рюкзак и уселся на него, положив автомат на колени.

И просидел так полчаса, ни о чем не думая. Он не боялся, что его обнаружат чужаки: противопехотные мины — самое действенное средство, которое отрывает не только ноги и яйца, но и желание без спроса соваться на чужую территорию. Ну а потом часовые устроят любому выжившему калеке допрос с пристрастием... Бойцы отлично ориентировались даже в темноте — Прохану где-то удалось раздобыть приборы ночного видения. Где — он не говорил. Да никто и не спрашивал. Правда, ходили слухи, что там, где эти приборы хранились, теперь хранятся человек двадцать. В виде трупов. Незахороненных... ибо зачем? Зомбьякам, которые выходят на охоту по ночам, тоже чем-то надо питаться...

Поэтому ночью наверх никто не высовывается, кроме караульных и сталкеров. Гнилой много раз ходил в ночное. Зомбьяков он не боялся. Его интуиция, о которой уже лет десять ходили легенды, позволяла ему чутать опасность за километр, так что он даже иногда жалел, что ни разу не столкнулся нос к носу с теми, кто уже перестал быть людьми.

Хотя Гнилого порой занимал вопрос: вот те люди, которые считают себя людьми, — разве они на самом деле люди?

Вот он сам, Гнилой, — разве он по-прежнему человек?

3

Он дождался, когда тяжелая серая хмарь, спрятавшая солнце много лет назад, чуть посветлела, и только тогда двинулся в путь.

Он был уверен, что доберется к Барьеру до сумерек — в июне темнеет поздно.

Дыхание сразу сбилось — он пошел прямо по груде битого кирпича, которую не хотелось обходить.

Прохан был прав, когда сказал ему: «Ты хоть и мой лучший сталкер, но как был гнилым, так им и останешься, пока не сдохнешь».

Прохан был прав.

Но именно Прохан и посоветовал идти на рассвете.

«Береженного бог бережет», — буркнул он, положив на плечо Гнилого широкую, как лопата, ладонь.

Такими ручищами легко убивать — не раз думал Гнилой. И если тот когда-нибудь решит свернуть мне шею... то я не буду сопротивляться.

«А не береженного конвой стережет!» — добавил Прохан.

И захохотал.

Прохану было около шестидесяти, его тело сплошь покрывали татуировки, и Гнилой был уверен, что до Катастрофы тот сидел в тюрьме. Но, понятное дело, ни о чем таком он у Прохана не спрашивал.

В этом новом мире, что родился под грибами ядерных взрывов, считалось плохим тоном интересоваться у кого бы то ни было его прошлым.

Невинный вопрос о том, чем твой собеседник занимался до Катастрофы, вполне мог закончиться для слишком любопытного пулей или ударом ножа.

Гнилой и сам так поступал.

Иногда...

А потом люто себя ненавидел и напивался до беспмятства.

Когда Гнилой выходил «на прогулку», лишнего он не брал.

Только самое необходимое.

★ Вот и сейчас в его рюкзаке лежало несколько банок консервов, две фляги с водой, аптечка, коробки с патронами.

По карманам комбинезона были рассованы гранаты, а в рукавах пряталось по паре ножей.

А на плече висел автомат — привычный спутник любого человека, выжившего после Катастрофы.

Гнилой как-то поймал себя на мысли, что если до Катастрофы люди не выпускали из рук смартфоны, то теперь они точно так же не расстаются с оружием.

Эта мысль показалась ему забавной.

* * *

Над убежищем когда-то стояли корпуса завода.

Вагоностроительного завода, самого крупного в Твери, если верить старикам, которым посчастливилось на нем работать.

Правда, тогда они еще не были стариками...

Теперь на месте завода — кирпично-бетонное крошево. Кое-где высились оплавленные стены, которые почему-то не рухнули за пятнадцать лет.

Хотя по всяким законам физики должны были давно рассыпаться.

Что-то в этих стенах было не так, и к ним старались не приближаться. Хотя опасности они как будто не представляли. Даже не фонили.

Удар пришелся не на сам завод: ядерный гриб вырос над площадью с символическим названием — площадь Конституции. И на месте площади появилась глубокая воронка. Что стало с людьми, которые жили рядом, в многоэтажках микрорайона Юность — об этом думать не хотелось.

Впрочем, им повезло: умерли они мгновенно.

Ударная волна смела заводские корпуса. И только подземные бомбоубежища, которые построили во времена СССР, уцелели. Именно они и стали сначала

прибежищем, а потом и родным домом для нескольких тысяч выживших.

Среди этих счастливиц оказался и Олег Воронцов, молодой человек тридцати трех лет от роду.

Тогда он еще не носил погоняло Гнилой.

До Твери долетели всего три боеголовки, но их оказалось достаточно, чтобы полностью уничтожить город.

Одна разорвалась на Петербургской заставе. Над зданием пожарной части.

И адский огонь испепелил улицу Горького, набережную Афанасия Никитина, переулки Никитина и Артиллерийский.

Ту часть Твери, где прошло детство и юность Олега.

Где стояла обычная панельная пятиэтажка, в которой он жил с трех лет.

Олег не сгорел вместе с домом, потому что поехал с утра на собеседование, по поводу работы. Контора находилась в центре города, в гостинице «Селигер». Было ли собеседование успешным, Олег так и не понял: менеджер по персоналу — молодой, но очень важный мужчина — пожал ему руку и, дежурно улыбнувшись, выдал сквозь белые, как на рекламе, зубы: «Вам позвонят».

А это значило, что не позвонят. Чтобы успокоиться, Олег пошел домой пешком. Прошел по Советской улице до Городского сада, посидел на скамейке, раздумывая о том, что делать дальше и позвонить ли Светке... В конце концов, решил, что раз она опять решила его бросить, то пусть сама звонит.

С этими мыслями он поднялся со скамейки и по Старому мосту перешел на свою сторону Волги.

И едва оказался на берегу, услышал оглушительный вой и увидел, что на город летит смерть.

Правда, он сначала не понял, что это была смерть. Но интуиция спасла Олегу жизнь: еще не до конца

★ осознав, что происходит, он упал на песок городского пляжа, даже сделал попытку зарыться в него, превратиться в маленькую, незаметную песчинку. Потому что только став песчинкой, можно было остаться в живых...

Олег накрыл голову руками, и не видел, как погибал его город. Не слышал его предсмертных стонов. Он оглох почти сразу, когда обрушилась ударная волна. А не ослеп он только потому, что крепко зажмурил глаза.

...Когда Олег очнулся, он не сразу понял, где находится и что произошло. Он сидел на песке, словно пьяный. Зрение и слух возвращались медленно, голова гудела как церковный колокол, по которому долго колотили гигантским биллом.

Он с трудом поднялся на ноги, огляделся. Сталинки с набережной пропали, многоэтажек улицы Горького тоже не было видно. Воздух пах гарью, глаза слезились от едкого дыма.

Он чувствовал: случилось что-то страшное — но не мог поверить, что на самом деле началась война. Ядерная война, о которой он читал в фантастических романах, но не верил, что такое может случиться... Хотя с тревогой смотрел новости по телевизору, слушал воинственные заявления политиков и генералов.

Но не верил, что эти люди переступят черту...

И, видя перед собой горящие руины родного города, он по-прежнему не верил...

Кожа на голове и лице жутко зудела, руки чесались, — и надо было пойти домой, чтобы смыть с себя грязь, которая впилась в кожу, пока он валялся в песке.

Олег был твердо уверен, что его дом цел.

Но когда он добрал до родной улицы, то еще долго стоял у оплавленных руин, и ему казалось, что это кошмарный сон, и надо немедленно проснуться, и тог-

да, наконец, закончится эта жуть и все будет по-прежнему.

Но кошмар не кончался, и пробуждение не наступало. По руинам, как сомнабулы, бродили какие-то тени, похожие на людей... Или люди, похожие на тени... Олегу врезалась в память девочка, лет четырнадцати. Она лежала на земле и плакала, и никто не обращал на нее внимания. На девушке почти не было одежды — какие-то обгорелые лохмотья, которые не закрывали очень внушительных размеров грудь, совсем не подростковую, с крупными красными сосками.

А еще у девушки не было ног ниже колен.

Олег не помнил, сколько времени он простоял над девочкой, переводя обезумевший взгляд от сосков, похожих на капли крови, на обрубки ног, вокруг которых вся земля была красной. Девочка плакала, размазывая слезы окровавленными руками, и от этого казалось, что ее лицо тоже изранено.

И лишь на груди не было ни капли крови.

Только ярко-красные буторки сосков...

А потом в мозгу Олега словно что-то переклинило, он отвернулся от умирающей девочки, нашарил в кармане джинсов мобильник.

Набрал номер Светки. Он вдруг представил, что она тоже сейчас где-то лежит и умирает — голая, с обрубками ног...

Он несколько раз набирал номер Светки, но телефон молчал.

Ядерный удар превратил его в бесполезную игрушку.

Прохан сказал, что не надо идти к Старому мосту. Мост недавно снова восстановили, как понтонный, но на переправе засели какие-то уж совсем отморожен-

ные отморозки, и они за перевозку на другой берег требуют отдать им все, что у тебя есть.

Включая оружие.

И только после этого переправляют...

На дно Волги.

А если находятся смельчаки, которые начинают артачиться, их имущество все равно достается «паромщикам». Ну а тела опять-таки радостно принимает в свои холодные объятия Волга.

— Если ты не хочешь стать утопленником, то забудь про Мост, — с улыбкой посоветовал Прохан.

Прохан любил шутить, но его юмор никогда не был смешным.

* * *

До переправы, которая находилась недалеко от Петербургской заставы, Гнилой добрался спустя полчаса.

Едва Гнилой свернул к реке с тропинки, сначала из-за зарослей показалось дуло, а когда Гнилой остановился, вылезли два хмурых типа. Один носил черную бороду, и невозможно было разобрать, молод он или стар. Другой был абсолютно лыс, и даже издали было заметно, что взгляд у него недобрый.

Гнилой держал ствол автомата горизонтально, палец гладил спусковой крючок.

Он не снял оружие с предохранителя — те, кто не избавились от этой дурной привычки, давно уже отравились пировать в чертоги Валгаллы.

— Эй, дядько, ты до нас? — прокричал бородатый, держа на мушке Гнилого.

— Может, и до вас, — ответил тот.

— Ну тады ходь сюды, если так. Только резко не шебуршись, мой кореш шибко нервный.

Не опуская ствол автомата к земле, Гнилой медленно подошел и остановился в пяти шагах от бородатого.

Который вблизи был очень похож на Фиделя Кастро.

— Ну, рассказывай, мил человек, куда путь держишь?

— А ты, мил человек, всем всегда говоришь, куда путь держишь? — в тон бородатому спросил Гнилой.

«Фидель Кастро» насупился, оглянулся на товарища, который спустился к воде и возился у лодки.

— Слышь, Баграт, что он гутарит? Что с ним делать-то будем?

— Может, что и сделаем, — отозвался Баграт. Как ни странно, голос у него был писклявый, как у ребенка.

— А может, сначала поговорим? — Гнилой обратился к Баграту.

Интуиция подсказывала, что именно лысый с голосом ребенка здесь главный.

— Поговорим, отчего бы не поговорить? — пропиסקлявил Баграт.

И резко развернулся.

На плече у него уютно лежал портативный подствольник. Хороший такой подствольник, с лазерным наведением. Секунды не пройдет, как от тебя и ошметков не останется.

— Ну, говори, — раздался голос бородача, который благоразумно отошел в сторону. При этом его автомат глядел Гнилому в лицо. — Говори, сталкер, а мы слушаем...

Гнилой молчал. Он понял, что влип. И первым выстрелить не успеет. А еще он подумал, что Прохан мог специально направить его в западню. Гнилой, конечно, хороший сталкер, опытный, много пользы принес. Но ведь, по сути, он же — гнилой...

— Ну что, дядько, стоишь, как член? — снова прозвучал писклявый голос лысого. — Стоишь и молчишь. Немой, что ли?

— Конечно, он не твой, — пробасил бородач. — А мой...

И захохотал.

При этом опустил оружие.

Вот тут бы и броситься в сторону, уходя с линии огня, а потом попробовать положить обоих.

Но Гнилой не двинулся с места.

Интуиция ему подсказывала: если дернешься — тут и ляжешь. А если проявишь хладнокровие — есть шанс. Потому что когда хотят убить — то стреляют сразу, а не ведут разговоры

Бородач, похожий на Фиделя, оборвал смех и вполне миролюбиво спросил:

— Ты ж Гнилой?

Тот кивнул.

— Ну а что тогда стоишь, как зомбьяк беременный? — Пискалявый снял с плеча гранатомет и тоже положил на землю. Однако Гнилой не спешил убирать палец со спускового крючка, и это не ускользнуло от внимания обоих собеседников.

— Зря ты вот так, мужик, — миролюбиво проговорил лысый. — Тебя ж Прохан прислал?

Гнилой молчал.

— Прохан — дружан наш. Давний, — пробасил Баграт. — Так что мы тебя не обидим. Слышь, Жабчик, лодка готова.

— Это хорошо, — ответил бородач, погоняло которого совсем не соответствовало его внешности.

Гнилой наконец опустил автомат дулом к земле и подошел к лодке

— Правду баял Прохан: гнилой ты какой-то. — Баграт оглядел Гнилого цепким взглядом. И сплюнул сквозь редкие зубы в воду. Гнилой проследил за полетом желтой слюны и поморщился.

— Как тебя угораздило сталкером стать? Или ты не сталкер?

— Сталкер.

Желтый плевок Баграта медленно плыл по воде и не тонул.

— Да знаем мы, что ты сталкер, — раздался за спиной голос Жабчика.

И почувствовал, как в спину уткнулось что-то холодное.

«Ну вот и все», — понял Гнилой.

И эта мысль почему-то принесла облегчение.

— Да, теряешь навыки, — резюмировал Жабчик. Но ствол от спины убрал. — Жить устал?

Гнилой промолчал. Бородач был прав: он уже давно устал жить. И часто думал, что зря не умер еще тогда...

Когда над Землей взметнулись грибы ядерных взрывов.

— А ведь о тебе легенды ходят, — сказал Жабчик. — Ты ж и до Медного ходил, и путь до Комбината разведаль, где Топь была.

Гнилой снова ничего не ответил. Ничего они о нем не знали, эти мужики...

И не узнают.

Потому что не их это дело.

— Ты молодец, сталкер! — Багра́т протянул Гнилому широкую ладонь. Рука у него была мозолистой, шершавой. И очень крепкой. Как у Прохана.

Жабчик уже спустил лодку на воду.

Лодка была старая, деревянная.

— Тариф знаешь? — спросил Жабчик.

— Знаю. Я сниму рюкзак? Все там.

— Да сымай, только без резких движений. А то мало ли что... Тут место топкое...

Пока Гнилой снимал рюкзак, лысый внимательно разглядывал свои крепкие ладони.

...Когда пять банок тушенки и три упаковки с гранатами перекочевали Багра́ту, тот сразу сменил грозное выражение лица на приветливое.

Даже заулыбался.

Но эта улыбка не была человеческой.

Так, наверное, мог улыбаться зомбьяк, когда готовился к трапезе.

6

На том берегу не было ни одной живой души. Только метрах в двухстах чернел остов церкви. Гнилой сразу решил, что мимо руин церкви он не пойдет, хотя там путь до Вокзала ближе.

— Ну, прощевай, сталкер! — Бородатый, который славно поработал веслами, протянул ему руку.

У Жабчика тоже была сильная ладонь.

— И тебе не хворать, — ответил Гнилой.

— Ну, бывай, Гнилой, — Баграт опять протянул ему руку.

На этот раз он мял ладонь Гнилого дольше, чем нужно, и тот всерьез начал опасаться, что на прощанье Баграт все-таки решил сломать ему пальцы.

— Может, еще свидимся, как думаешь? — Жабчик склонил голову по-собачьи и пристально посмотрел Гнилому в глаза. — Когда обратно вертаться будешь...

— Я не знаю, когда пойду обратно.

— Смотри, сталкер, — Жабчик покрутил головой, насаженной на бычью шею. — Может, компаньон нужен, а то мало ли что?

— Спасибо, но я должен сам...

— Смотри, — Жабчик вздохнул.

— Только мимо церкви не ходи, — подал голос Баграт. — Там зомбяки сидят, среди бела дня людей харчат.

— Я знаю путь, — сказал Гнилой.

— Ты знаешь Путь? — усмехнулся Баграт. — Ну да, конечно, ты же сталкер. Причем самый удачливый сталкер. Ты веришь, что знаешь Путь.

— Я верю, что знаю Путь, — проговорил Гнилой, пробуя на вкус это слово: «путь».

— И правильно. Путь — он у каждого свой. У тебя, например...

Баграт вдруг замолчал и, отвернувшись от Гнилого, пошел к лодке. Принялся сталкивать ее в воду, натужно кряхтя.

— У меня свой Путь, — сказал Гнилой, обращаясь к спине Баграта.

Тот перестал толкать лодку, но не обернулся.

Но Гнилой понимал: тот ждет, что он скажет дальше.

И он сказал — хотя никогда и никому не собирался этого говорить:

— Я хочу вернуть прошлое. Свое прошлое. Где я не был сталкером...

Спина Баграта напряглась, но он ничего не ответил...

7

Он хотел вернуть прошлое. То прошлое, которое пятнадцать лет назад было настоящим. И если бы не Катастрофа, которая разразилась 13 августа 2014 года, когда политики и военные уничтожили прежний мир, то Олег никогда не стал бы стрелять в живых людей. И вместо автомата носился бы с ноутбуком. И убивал бы виртуальных монстров.

Но случилась Катастрофа.

И он выжил, хотя должен был умереть в числе первых. Когда прошел первый шок, люди начали сбиваться в стаи. Он видел, как обезумевшие толпы бродили по руинам, врываются в уцелевшие дома и магазины и грабили, грабили, грабили, старались унести как можно больше. Тех, кто не хотел отдавать свое добро, — убивали. Убивали жестоко, подвергая мучениям, которые не может выдержать человек.

★ Словно те, что сбились в звериные стаи, хотели очистить землю от тех, кто еще оставался людьми.

Он, Олег, тоже был в толпе. Потому что лишь так можно было выжить. Толпа несла его, как морская волна серфингиста, и оставалось лишь отдаться ее течению.

Наверное, только поэтому Олег и выжил. Потому что сумел сломать себя. Сумел преодолеть отвращение к насилию и смерти.

Он помнил, как это было нелегко. Но он очень хотел жить и был вынужден играть по тем правилам, которые диктовали совсем другие люди. Когда вдруг вылезли наверх и стали править... нет, не самые сильные — самые наглые. Хотя именно так и было всегда в человеческой истории, только существовала какая-то система сдерживания. Но Катастрофа обрушила все прежние моральные устои.

Олег часто думал, почему люди — те, кто выжил, потеряв близких, — не объединились, чтобы вместе пережить общую трагедию, чтобы помочь слабым — а сбились в дикие звериные стаи и стали рвать друг другу глотки. И главным принципом новой жизни стал тот, по которому жили в тюрьме: «Сегодня умрешь ты, а я — завтра».

Олег думал, что же случилось с людьми, и приходил к страшной мысли, что не только ядерная катастрофа стала тому виной. Возможно, ракеты вместе с атомными боеголовками несли и какое-то бактериологическое оружие. «Вирус вражды», как в повести советского писателя-фантаста, который писал добрые сказки о светлом будущем. Книгами этого писателя Олег зачитывался в детстве... И ведь на самом деле никто же не знал, какие исследования проводились в секретных лабораториях.

Одного только Олег не мог понять: почему на него

этот вирус не подействовал. Или почти не подействовал.

Почему ему, Олегу, удалось сохранить в себе человека.

И, сохранив, спрятать его так далеко в глубинах души, чтобы никто о нем не догадался.

Потому что если бы этого человека нашли и вытаскивали наружу, то его ждала бы быстрая смерть.

А Олег не мог умереть.

Он хотел выжить.

Чтобы изменить этот чертов мир.

Сделать его лучше...

А для этого нужно было пройти через Барьер: говорили, что он исполняет желания. И что Барьер могут преодолеть только те, кто не убил в себе человека. Возможно, это были обычные байки, которые любили травить пьяные сталкеры — никто из тех, кто ходил к Барьеру, ничего не рассказывал, потому что не возвращался. Радиация около Барьера была запредельной и убивала быстро.

Но сталкеры верили, что не все, кто не вернулся, погибли: кого-то Барьер пропустил. И теперь они живут в счастливом мире, где голубое небо и зеленый лес.

Гнилой не верил этим байкам... и верил.

И верил, что у него есть шанс.

Потому что среди зверей только он остался человеком.

8

До Вокзала он добирался больше часа. Сначала шел вдоль берега реки Тьмаки, которая больше походила на заросшее зловонное болото.

Когда толстый зеленый стебель, увенчанный красными щупальцами, вылез из затхлой воды и радостно

★ устремился к ногам Гнилого, тот просто расстрелял его из автомата.

Прошитый очередью, стебель издал почти человеческий стон и быстро ретировался. Гнилой даже не оглянулся, когда услышал всплеск.

Видимо, флора хорошо освоила урок, и пока Гнилой шел вдоль реки, никто не пытался завязать с ним гастрономическое знакомство.

Когда Гнилой свернул туда, где когда-то шла Советская улица, и выглянул из-за обломка стены, то заметил группу вооруженных мужчин, которые толпились у руин театра и что-то обсуждали, размахивая руками. Гнилой не стал проявлять любопытства, вернулся назад, к Тьмаке, и вдоль берега дошел до того места, где когда-то стояло здание цирка.

От цирка не осталось даже воспоминаний.

Только оплавленная земля.

Оплавленной была и вся территория Тверской площади, и улица Новоторжская, по которой Гнилой дошел до Тверского проспекта, где тоже не сохранилось даже руин.

Тверской проспект органически перетекал в проспект Чайковского, который и упирался в Вокзал.

Гнилой поймал себя на мысли, что до сих пор помнит названия улиц города, который погиб пятнадцать лет назад. Тверская площадь, Советская улица, улица Новоторжская, Тверской проспект, проспект Чайковского, а также улицы Трехсвятская, Вольного Новгорода, Симеоновская, набережная Степана Разина — это когда-то был исторический центр Твери. Здесь скромные домики восемнадцатого века соседствовали с величественными сталинками, безликими хрущевками и серыми панельными многоэтажками брежневских времен. В девяностые на месте деревянных домиков старой Твери появлялись помпезные особняки нуворишей, которые, как считал Олег, уро-

довали старую Тверь. Но уже полтора десятка лет не было ни роскошных особняков, ни деревянных домиков, ни сталинок, ни хрущевок. Ничего не было, кроме сторевавшей земли, которая давно уже превратилась в камень.

Это был эпицентр самого сильного ядерного взрыва. И даже спустя годы здесь ничего не росло. И фонило так, что редкий смельчак рискнул бы здесь прогуляться без полного комплекта антирадиационной защиты, включая противогаз с кучей фильтров.

Но Гнилой на этот раз был без противогаза. И без фильтров.

Узнав, что Гнилой собирается идти через эпицентр налегке, Прохан прямо спросил: «Ты ищешь смерти?» Гнилой пожал плечами. Смерти он не искал, но если он не пройдет Барьер, то и жить будет уже незачем.

— Ты точно гнилой, — буркнул Прохан.

* * *

Погоняло «Гнилой» приклеилось к нему сразу. Правда, в самом начале его величали «Гнилой интеллигент» и ржали, как жеребцы в табуне, когда он пытался драться. А дрался он неумело, но так, что даже самые отмороженные отступали. Потом слово «интеллигент» показалось кому-то очень сложным, и его сократили до «интель».

А потом и «интель» исчез за ненадобностью.

И он стал просто Гнилой.

И «Гнилым» он жил уже пятнадцать лет, а многие из тех, кто его так прозвал, уже давно сгнили, хотя ни силой, ни наглостью дьявол их не обделил.

А он, Гнилой, который долго не мог смириться с тем, что выжить самому можно только отняв жизнь у кого-то другого, — он выжил.

И не только выжил, но и стал самым удачливым сталкером Твери и окрестностей.

Ему всегда везло.

Он всегда возвращался.

Но сейчас, идя по пустыне, которая когда-то была его родным городом, он знал, что не вернется.

Сможет он преодолеть Барьер или нет — это уже не имело значения.

Он чувствовал: его Путь подходил к концу.

9

По спекшемуся асфальту проспекта Чайковского Гнилой дошел до Привокзалки — площади, на которой стоял храм, восстановленный как раз перед Катастрофой.

Сейчас о храме не напоминало вообще ничего — как и о самом вокзале, но Гнилой помнил, на каком именно месте стоял собор в честь Александра Невского, а за ним, метрах в двадцати — новый железнодорожный вокзал.

Пройдя мимо невысокого холмика, под которым, скорее всего, нашел последний приют какой-то неудачник, Гнилой приблизился к оплавленной площадке, которая когда-то была храмом.

Остановился там, где, как он предполагал, когда-то был вход. Ему очень хотелось перекреститься и попросить Всевышнего о помощи — но он не мог поднять пальцев, которые вдруг стали тяжелыми, а слова застряли в горле, которое сдавил спазм.

Гнилой никогда не верил в Бога, и даже после Катастрофы не мог поверить, что Он есть.

Но сейчас ему как никогда раньше хотелось верить...

Гнилой стоял на месте, где когда-то возвышался храм, закрыв глаза. И видел и сам белый храм, и башню вокзала, потоки людей с сумками и чемоданами,

слышал голоса и шум автомобилей, которые ехали мимо.

Он видел и слышал жизнь, которой здесь не было уже давно.

И ему очень хотел верить, что все, что исчезло пятнадцать лет назад, может вернуться...

10

Гнилой шагал по железнодорожному пути.

Правда, рельсов не было: железную дорогу даже после ядерного удара нещадно бомбили, и Гнилого сейчас окружал пейзаж еще более пустынный, чем тот, что был на месте города.

По этой дороге редко кто ходил — радиация здесь была выше, чем в Твери.

Остановившись, чтобы отдышаться, Гнилой снял рюкзак, выудил из него дозиметр. Долго смотрел на маленький, похожий на старый мобильник прибор, трогал, но никак не решался нажать красную кнопку.

Он и так знал, что доза, которую он получает ежедневно, сведет его в могилу через два-три дня.

Он умрет, если не преодолеет Барьер, за которым можно ходить под открытым небом, не надевая противогазов и защитных костюмов.

Умрет не от облучения — просто жить будет больше незачем.

* * *

Вначале он думал, что дойдет за полтора часа. Или за два.

Однако ноги словно одеревенели, идти было невозможно трудно. Кожа на голове чесалась, словно после укуса десятков слепней. Видимо, начало сказываться действие радиации.

★ Сделав еще несколько мучительных шагов, Гнилой остановился. Снял рюкзак, сел на землю, достал дозиметр.

Снова смотрел на него, не решаясь включить.

А потом размахнулся и швырнул за спину. Услышав всплеск, повернулся — и увидел, что прибор плавает на поверхности жидкости черного цвета.

Ради интереса Гнилой подобрал камешек и кинул его в черную жидкость.

Камешек тоже не утонул.

Интуиция сразу завопила, что отсюда надо уходить. И очень быстро.

Схватив тяжелый рюкзак, Гнилой быстрым шагом пошел прочь от странной аномалии. Воздух был горячим, рвал легкие, но Гнилой решил идти до тех пор, пока может переставлять ноги.

Дыхание окончательно сбилось минут через десять, и Гнилой, сев на валун, оглянулся...

Матово-черной жидкости уже не было видно, но Гнилой чувствовал, что ушел вовремя. Потому что мог остаться там навсегда.

Отдохнув полчаса и прикончив банку с тушенкой, он продолжил путь.

Как ни странно, идти стало легче, дыхание больше не сбивалось, глаза не слезились, и кожа на голове не зудела.

Похоже, его организм уже перестал реагировать на смертельную дозу.

...Еще через полчаса пути ему попался искореженный вагон. Судя по всему, когда-то это был «Сапсан». Почему вагон был один и куда за пятнадцать лет могли деться остальные — Гнилого не особо интересовало. На всякий случай он решил обойти стороной неожиданное препятствие, для чего пришлось прошагать лишние метров триста влево, а потом идти по дуге, не

выпуская из поля зрения вагон. Палец при этом лежал на спусковом крючке.

Путь в обход отнял много сил, дышать снова стало тяжело, на лбу выступила испарина, ноги едва двигались — но Гнилой хотел как можно быстрее покинуть место, где могла таиться опасность.

Но, похоже, тревожился он напрасно: никто не выскочил из мертвого вагона ему навстречу — ни человек, ни зомбьяк. Но очередной привал Гнилой устроил только тогда, когда злополучный вагон остался далеко позади.

11

На этот раз отдых длился больше часа. Вскрыв последнюю банку, Гнилой без аппетита съел мясо, запил водой из фляги. Пить хотелось ужасно, и Гнилой пожалел, что взял с собой так мало воды. Собираясь в поход, он почему-то подумал, что путь от города до Барьера будет не таким трудным, и только теперь понял, как сильно он ошибался. Причем ошибся не он один. Сначала он считал могильные холмики, а потом прекратил это бесполезное занятие. Могила были безымянными, и только на одной кто-то написал от руки имена: «Стас Швец» и «Леофер». Про обоих Гнилой слышал: Стас слишком ценил свою жизнь, а на жизни других ему было плевать; ну а богатырских габаритов бородач Леофер отличался еще более скверным нравом и желанием нагадить ближнему. То есть оба сталкера были достойны друг друга, и трудно было поверить, что они могли ходить в паре. Но тем не менее — их могилы были рядом, а это значило, что о них позаботился кто-то третий.

Который, быть может, сам и отправил Стаса и Леофера на тот свет, потому что уж очень много они врагов нажили.

Гнилой подумал, что он зря отказался от спутника. Который, если что, прикопал бы его бранные останки, соорудив такой же памятный холмик.

Человек никогда не узнает, что станет с его телом, когда он умрет, но почему-то его тревожит мысль, что оно может остаться незахороненным и станет кормом для хищников.

Хотя какие здесь хищники, при такой радиации? Даже двуногих нет.

12

Когда показались два холма, через которые когда-то был перекинут автомобильный мост над железной дорогой, Гнилой понял, что прошел больше половины пути. Его по-прежнему окружала пустыня, и ему казалось, что он — единственный человек, оставшийся на Земле после катастрофы, и эта катастрофа случилась только что.

Он подумал о Светке — своей девушке, о которой ничего не знал пятнадцать лет.

Светка жила в Чуприяновке — в поселке, который находился за Барьером.

Олегу хотелось верить, что когда бомбили Тверь, девушка не приехала в город, а потому осталась жива.

И если ему удастся пройти через Барьер, то он наверняка увидит Светку. Которая, возможно, уже давно забыла, что хотела его бросить пятнадцать лет назад.

Они встретятся за Барьером — и станут первыми людьми, новыми Адамом и Евой, которые положат начало новой человеческой цивилизации.

И эта цивилизация будет построена совсем на других законах, нежели та, которая погибла — на законах добра и света.

Гнилой усмехнулся: и как он раньше не обращал внимания, что имя Света имеет прямое отношение

к свету? А ведь так оно и было — все пятнадцать лет Олег помнил Светку, эта девушка была для него тем самым светом, который он стремился сберечь в глубинах души.

Хотя их отношения нельзя было назвать исключительно светлыми...

И теперь, когда до Барьера оставалось совсем немного, всего час или два пути, он пытался понять, почему только сейчас, спустя пятнадцать лет, он решился разыскать ее. Только сейчас решился отправиться к Барьеру.

Наверное, просто раньше было не время — а сейчас это время пришло.

Время собрать камни...

Время вспомнить, что когда-то он был не сталкером, а обычным парнем тридцати с лишним лет, сердце которого было наполнено любовью.

Любовью к Светке...

Светка...

Девушка с длинными золотистыми волосами, зелеными глазами и приятной улыбкой.

Хотя улыбалась она почему-то очень редко.

Олегу Светка нравилась. И он хотел быть рядом с ней. Он хотел ее видеть и слышать.

Он ее просто хотел...

А вот любил ли?

Наверное, любил.

Именно поэтому ему было так трудно, до спазмов в горле, произнести одно короткое слово: «Люблю!»

«Я тебя люблю!» — почему, когда по-настоящему любишь, так трудно даются такие простые слова?

Вот если... Если он сейчас преодолеет Барьер и увидит ее — он скажет ей эти слова?

Он скажет...

Потому что пришло время собирать камни.

★ ...И не хотелось думать, что камни могут быть разбросаны так далеко, что не хватит жизни их собрать...

13

Остаток пути он шел очень медленно, останавливаясь на отдых через каждые десять шагов. После одной из таких вынужденных остановок он вдруг обнаружил, что на плече не ощущается привычная тяжесть автомата, хотя он по-прежнему держит пальцы так, как будто в любую секунду готов стрелять.

Он остановился, оглянулся. Автомат лежал не очень далеко. Но возвращаться к нему — это значило, потерять силы. Которые будут очень нужны, когда он дойдет до Барьера.

И, допив остатки воды из фляги, он пошел вперед, потому что до цели оставалось несколько сотен метров, и впереди уже был виден домик путевого обходчика, который стоял на холме совсем рядом с платформой.

А это значило, что он все-таки дошел!

Он прибавил шагу, удивляясь, откуда взялись силы и почему ему так легко стало идти. А потом понял, что это не крылья выросли за спиной — просто он где-то потерял рюкзак.

Но и это уже не имело никакого значения — потому что он дошел...

...Все-таки сталкеры, которые рассказывали про Барьер, не врали. За Барьером на самом деле кончалась мертвая земля и начинались рельсы. И железнодорожные платформы. А еще — густой лес на холмах вдоль железнодорожного полотна. И, вдалеке — аккуратные домики поселка Чуприяновка..

Не веря глазам, он остановился в трех шагах от рельсов, посмотрел направо — и увидел ступеньки,

что вели от платформы вверх. Если подняться по ступенькам, то через пять минут можно будет дойти до дома, где жила Светка. До небольшого домика в конце улицы, за которым сразу начинался лес...

Гнилой стоял, не решаясь подойти к Барьеру.

Он не верил...

А когда поверил и решился сделать три шага — то уперся в стену.

Стена была невидимой, но осязаемой. И очень холодной. Как космический вакуум.

Гнилой отдернул руки, которые сразу покраснели и онемели, и пнул преграду, вставшую у него на пути.

Но на Барьер это не подействовало.

А нога отнялась.

И, опустившись на колени, потому что уже не было сил стоять, Гнилой прошептал:

— Пожалуйста...

Но Барьер остался глух к его мольбе.

Барьер не хотел пускать его.

Не хотел пускать к свету. К солнечному свету, который лился с ясного голубого неба.

Не хотел пускать к Свете...

— Света, — шептал он. — Светка... Я пришел к тебе...

Но Барьер молчал.

Олег посмотрел на свои руки. Кожа с кистей слезала клочьями, оголяя кости. Но болело почему-то совсем в другом месте — в груди. Там, где колотилось сердце, готовое разорваться.

И тогда он, подняв глаза к хмурому пепельному небу, которое пятнадцать лет было небом его мира, крикнул:

— Ну почему?

То есть он так думал, что крикнул..

А на самом деле сухие губы едва слышно шептали:

★ — Почему? Я ведь пришел... Почему ты не хочешь меня впустить? Чем я провинился перед тобой? Разве я не человек? Разве я сделал так много зла? Почему ты считаешь, что я так плох, что не могу вернуться туда, где я был счастлив? В чем я виноват? В том, что я выжил? Но я же не стал зверем... Сохранил в себе человека... Сохранил свет...

Но небо молчало. А в груди пылал пожар, превращая сердце в пепел.

Олег упал.

Щека коснулась спекшейся, мертвой земли.

А перед глазами, за Барьером, была совсем другая земля.

Земля, на которой росла зеленая трава. А по травинке ползла божья коровка.

Она ползла вверх, к небу.

Не грязно-серому, сквозь которое давно уже не пробивались лучи солнца.

А пронзительно голубому, ясному.

— Почему, Господи? — шептал Гнилой, обращаясь к небу, тому и этому. — Неужели я такой же... как и все?.. Но если ты всех покарал... то ведь можешь и всех спасти? Вернуть прежний мир... Тебе ведь это ничего не стоит, Господи... Спасти... весь мир...

Но небеса молчали.

А божья коровка ползла все выше и выше.

ДМИТРИЙ ЛУКИН

БОДИТЕК

Сознание возвращалось всполохами, изредка затмевающими мутный потолок.словно в засвеченной киноплёнке под гул проектора нет-нет да и промелькнет

два-три кадра. Только картинки не разобрать. Долгая мутная серость — несколько ярких кадров — и снова пустота, снова жди затмевающих всполохов.

С приходом темноты «кино» заканчивалось. Тьма поглощала все: и гул проектора, и редкие всполохи, и серый потолок.

Потом круговерть начиналась сызнова, и постепенно «кадров» становилось все больше: три-четыре, пять-шесть, семь-восемь... Еще чуть-чуть, самую малость — и можно будет ухватить картинку, можно будет вырваться из тьмы и серости в мир ярких красок. Нужно только собраться и не упустить момент.

Тебе почему-то боязно. Появляется тревога и страх. Привычные серость и тьма уже не пугают, наоборот — кажутся спасительным коконом, из которого ни в коем случае не стоит высвобождаться. Реальность грозит обернуться «три дэ» ужасником, где ты — главная жертва. Ты боишься очнуться, комкаешь простыни в кулаках. Очередные яркие кадры наконец-то склеиваются в картинку. Ты что-то припоминаешь... Нет у тебя уже кулаков. И рук нет. Остались кровотокающие культы в стальных тисках. Как же теперь простыни сминать? Ты смелая девочка, ты хочешь узнать больше. Почему, как, зачем? Ты готова досмотреть этот ужасник до конца. Но поздно. Нет уже никаких всполохов — они склеились в яркий, оглушающий... рекламный ролик?

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования. Наши стенты лечивают сосуды, наши импланты не отторгаются организмом, «Бодитек» вернет вам полноценную жизнь, если, конечно, проблема в теле. Над остальным придется поработать самим. «Бодитек» — это более ста тысяч успешных операций...

Уверенный женский голос:

— Кажется, мы очнулись, и двух недель не прошло. Рановато. Крепкий организм. Сейчас перепутается, вопить начнет. Аня, зови Михалыча и выключи телик. А нам нужно еще поспать. Да-да, баю-баюшки-баю...

В руках у медсестры шприц. Или это докторша?

Реальный мир снова блекнет. Потолок и стены «поплыли». Укола не почувствовала. Значит, с телом совсем плохо. Ушло в отказ. Комплектация и состояние — неизвестны. Закрывать глаза. С головой тоже непонятки: мозг включается на несколько минут в сутки. Но соображалка работает. Уже кое-что. За это можно зацепиться. Главное услышано — «Бодитек». Отсюда и надо плясать. Стоп! Зачем плясать? Потеряла мысль. Где это я? Муть какая-то. Сплю, что ли? Ничего не соображаю!

Мрак.

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования! Наши стенты излечивают сосуды...

С добрым утром, зомбоящик! Значит, это не сон. Я в больничке. Справа от телевизора — круглые настенные часы. Минутная стрелка — ровно на двенадцати. Запомним. Тело по-прежнему не ощущается. Боли нет, значит, можно спокойно поразмыслить.

Конференция компании, неудачная попытка интервью, неуловимый понтанутый сынок учредителя... Приставучий весельчак из пресс-службы. *Такая интересная девушка и такие скучные вопросы! Зачем вам Алексей Михайлович? Он не общается с журналистами, ему жалко времени: он людей спасает. Реклама? Не нужна нам реклама. У нас вся продукция на несколько лет вперед раскуплена. Да вы не расстраивайтесь, девушка! Я сам вам все расскажу! Вы обратились по адресу. Аккредитация имеется?*

Потом дорога домой. Эстакада. В мой маленький «Матиз» слева врежется джип. Ни затормозить, ни руль повернуть не успела. Грохот, удары, дорога переворачивается, стекла высыпались. Руки-ноги не ощущаются, боли нет, только прямо перед глазами асфальт. Снова грохот от столкновения машин. Тело мокрое, что-то течет сверху на лицо и потом — на асфальт. Кровь. Чьи-то шаги. В красной лужице — черные кожаные туфли, начищенные до блеска. Перевернутое мужское лицо, рука со шприцем. Холодный оценивающий взгляд профессионала. Ни капли жалости или участия. Решил добить. Пальцы со шприцем приближаются к моему лицу. Укол в шею. Кожаные туфли расплываются, а дальше память отказывает.

Не на ту попал, Алексей Михайлович! Я тебя узнала! Я всегда очень ответственно подхожу к заданиям. Целое досье на тебя собрала, с фотографиями и видео. Погоди у меня!

— Опять проснулась наша красавица! Как по расписанию. Что ж ей не спится-то? Колоть?

— Коли! Она должна спать! Алексей Михайлович строго велел: никакого бодрствования. Только сон!

Алексей Михайлович? Вот это новость! Практически сенсация.

Опять повело. Картинка расплывается. Укололи-таки гады! Даже не заметила никого! За головой, наверное, спрятались. Голоса все те же. Ладно, до следующего утра!

Посмотреть на минутную стрелку забыла!

Мрак.

Звонкий девичий голос:

— Как увидела, чуть не грохнулась: руки-ноги на жилах болтаются, тело — будто из мясорубки, только мордочка целая осталась. Сейчас-то уже привыкла, а первые дни жуть брала — аж выворачивало. Дев-

ка-то красавицей себя считает. Что ж будет-то, когда очнется?

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования!

Ага! Не нужна им реклама. Лицемеры! Минутная стрелка снова на двенадцати. Закрывать глаза, чтоб раньше времени не усыпили! Судя по сплетням этих сестричек, с комплектацией тела наблюдаются проблемы. Ничего, Алексей Михайлович, вы за все ответите. За каждую конечность на жилах. Придет Красная Армия и повесит вас на ближайшем дереве! Только зачем я вам сдалась?

Ничего не могу понять. Надо вернуться к самому началу, к моменту получения заказа на «Бодитек». Эту контору я давно отслеживала. Уж больно скользкие ребята. Всюду проникли: и в армию, и в больницы, и в Пенсионный фонд! Только у старичка суставы заноют, ему сразу же советуют обратиться в «Бодитек»! А сколько в армии киборгов понаделали! Вон и в рекламе их показывают, не стесняются.

— «Бодитек» объединяет в себе новейшие технические и технологические разработки. Несчастный случай, ранение на войне, тяжелые травмы? Это не приговор. Компания «Бодитек» вернет вашему телу полноценную жизнь. Остальное зависит от вас!

Опять глаза открыла, не сдержалась!

Скоро обычному человеку и податься будет некуда! У «бодитековских» киборгов — конкурентное преимущество. Этот Алексей Михайлович Лебедев и сам того, железками под завязку напичкан. Дважды становился победителем на соревнованиях «Стальная рука России». Ладошкой камни и доски раскалывал как здрасьте! А потом вдруг отказался от участия в соревнованиях. По этическим причинам. Надо ж и другим дать шанс! Аккурат когда для участников сделали

обязательным медицинское обследование. Как же тут участвовать? Вдруг импланты обнаружат? Вдруг выяснится, что двукратная «Стальная рука России» на самом деле — титановая? Нежданчик! Такого поворота совладелец компании «Бодитек» допустить не мог. Вот и все «этические» причины. Пресса тогда долго над младшим Лебедевым глумилась. И папаше досталось на орехи. Превратил сыночка в киборга! Сколько там времени?

Стрелка на четырех минутах.

Закрывать глаза!

Потом поступил заказ. Это даже не джинса — чистая заказуха на убой, черный пиар. Нормальный журналист (хоть штатник, хоть фрилансер) никогда до такого не опустится, но если задача совпадает с твоими внутренними установками, почему нет? Это ж не только за деньги, это ж по зову души и сердца! Кто-то должен был раскрыть глаза обществу на монстров от медицины! По ходу, монстры оказались проворнее. Быстро подсутились!

— Кажется, наша опять проснулась. Давай-ка ей укольчик.

Стрелка на пяти минутах. До встречи, девочки!

Мрак.

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования!

Подъем! Стрелка на двенадцати. Четко по расписанию. Очередная пятиминутка для ума! Думай, Таня, думай! Это ты еще можешь. Итак, поехали. Заказ. Предложение работы от агентства при «Международной гильдии журналистов-расследователей». В письме — комплименты моему журналистскому таланту, заказ и сумма гонорара. «Гильдия» — контора серьезная и уважаемая. Пока думала, что ответить, из банка

пришла эсэмэска о пополнении счета на триста тысяч: агентство перевело аванс. Такими предложениями не разбрасываются. Особенно когда за квартиру уже неделю платить нечем. Наверное, я где-то прокололась в сборе материала и «Бодитек» меня вычислил. Сработали на упреждение. Теперь конечности на жилах висят. Но мозг работает, почему? Лебедев хотел меня убить, это ясно. Киборгов совесть не мучает. Первый удар, второй. Не получилось. Я не умерла. Почему не оставил на трассе? Испугался расследования? С какой радости? Все равно ведь отмажется. Правда репутация фирмы пострадает. Ха! Какая там репутация?! Клейма ставить негде! Такое про них рассказывают! Не зря же я за это дело взялась! Так почему не добил и не оставил подыхать? Изменились планы?

— Что ж такое, Катя?! Следи за ней! Опять проснулась! Коли!

Уже Катя? Была же Аня. В две смены меня пасут! Мрак.

Операционная. Перепуганные медсестры и врачи. Все в масках. Два мужских голоса:

— Зачем притащил ЭТО ко мне? Что мне с ЭТИМ делать? В «Склиф» надо было!

— Переливание крови. Быстро!

— Какая группа?

— Не знаю.

— Пока мы узнаем, ОНО умрет. Тест не готов. А еще проверка! Не успеем! Донора нет, крови нет. Заказывать надо. Это ж мы только завтра...

— Перелейте мою, тогда точно не умрет. Отвечаю.

Один из врачей засучил рукав.

В разговор встревает медсестра:

— А у вас какая группа?

— Девушка, меня зовут Алексей Лебедев, я совладелец компании «Бодитек». Не тратьте время на лишние вопросы! Моя группа крови значения не имеет.

— А! Нанороботы! — догадалась медсестра.

— Именно! Наниты пятого поколения. Ставьте систему!

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования!

Приснится же такой бред! Или не бред? Теперь ясно, почему он меня не сбил и не оставил подыхать. Картинка потихоньку прорисовывается. Им нужна живая реклама. Смотрите-ка, люди, ярая противница «Бодитека» попадает в аварию и только благодаря нашим разработкам снова становится похожей на человека. Фотки «до» и «после» прилагаются. Что мне потом делать? Отказаться от высокотехнологичных протезов? Чтобы жить дальше без рук и ног, но с чистой совестью? Беспроеигрышный ход. Гениально, Алексей Михайлович! Только лучше сдохнуть, чем всю оставшуюся жизнь рекламировать вашу контору! Не на ту напали! Плодите своих монстров без меня!

Опять видеоряд расплывается. Не успела время заметить. Вот она, безалаберность, когда боком выходит! На этот раз Аня вовремя подсуетилась. Или Катя? Ничего, всем ответка придет! Красная Армия уже на подходе! Своих в обиду не дают!

Мрак.

Знакомый женский голос:

— Сильно глушить нельзя. Ровно три кубика. Не больше. Пусть она будет где-то посередине между сном и явью. Алексей Михайлович строго велел. Мне, говорит, нужно ее сознание. Кратковременные пробуждения не страшны. Только зафиксировали — глу-

шите, но осторожно и не сильно. Иначе, говорит, все бесполезно.

— Поняла, Наталья Васильевна. Ровно три кубика. Вечно путаю их имена. Аня? Катя?

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования!

Длинная стрелка на двух минутах.

О! Кажется, я на правильном пути. Понятно, почему мне сохранили жизнь. Догадка о ходячей рекламе оказалась верна. Теперь меня пичкают психотропами, держат в полусне и обрабатывают мозг рекламными роликами! Немного устаревшие технологии, но зачем придумывать что-то новое, если есть методика, проверенная временем? Вот вам и «Бодитек»! Недалеко ушел от цыганщины! Наверняка у них медсестры по ладошке гадают. Конечно, если есть ладошка.

— Колоть, Наталья Васильевна? Может, хватит уже? Пять минут бодрствует, если приборы не врут.

— Три кубика!

Опять за голову спрятались! Что ж вас не видать-то никого! Обкололи, наверное, уже всю — места живого нет, а ничего не чувствую! Колите, колите! Все равно не буду вас рекламировать! Меня на гипноз не возьмешь. Информационные технологии — мой хлеб. Сама кого хошь в чем хошь убедю! Кстати, о хлебе! Я бы сейчас съела бутер с семгой! С дикой, которая в море-океане плавает и ныряет глубоко-глубоко! До самого дна. Там очень темно и холодно.

Мрак.

Ослепляющий свет бестеневой лампы. Вокруг люди в зеленых халатах и масках. Усиленно копошатся в моих внутренностях. Модернизируют меня. Консилиум собрали.

— Проснулась.

— Наконец-то, я уж боялся, потеряли мы ее. Живучая.

Из-за лампы не видно, кто говорит.

— Все, закрывай.

Накрыли мне мордочку зеленой простынкой и думают, правильно сделали! Судя по шагам, расходятся.

Опять лампа в глаза бьет. Даже часы не разглядеть. А где же неизменный мрак? Замешкалась Катя с укольчиком?

Один доктор *остался*. Лампу выключил, добрый человек, снял маску. Сразу вспомнилось: перевернутая машина, рассыпавшееся стекло, черные туфли в луже крови, рука со шприцем и холодный взгляд убийцы. Сволочь, даже не прячется!

— Здравствуйте, Татьяна Даниловна! — Склонился прямо надо мной. — Думаю, пришло время познакомиться. Меня зовут Алексей Михайлович Лебедев. Скажите что-нибудь. Вы меня слышите, видите?

— Я тебя узнала! Это был ты у машины. Убийца!

— Зрение и слух в порядке, память в наличии, речь сохранилась, ну хоть что-то осталось рабочее. Уже хорошо.

— Можешь не стараться! Я не буду тебя рекламировать!

— Наталья Васильевна, что вы ей кололи? Откуда такие фортели?

— Все строго по листу, Алексей Михайлович.

— И никакой самодеятельности?

— Обижаете, Алексей Михайлович. Что ж я, не понимаю...

— А девочки?

— Глаз не спускала!

— Не сработал ваш гипноз, да? Можете разбирать меня обратно! Ненавижу «Бодитек»!

— Татьяна Даниловна! Мы — не убийцы, мы — врачи, и нам необходимо ваше сотрудничество для положительного результата. Постарайтесь...

— Не дождетесь! Никакого сотрудничества с «Бодитеком»! Это принципиально!

— Томография у вас шикарная, Татьяна Даниловна, сотрясения нету. Головкой вы не ударились. Но лучше б это было сотрясение, потому что глупость даже я вылечить не в силах. Тут все разработки «Бодитека» бесполезны. Хотя странно, статьи вы писали борзые и неглупые. Почему же сейчас тупите?

— Ничего у тебя не выйдет, Леша Лебедев! Сколько бы ты крылышками не махал! Ха-ха! погоди! Придет Красная Армия — покажет тебе!

— Вот оно в чем дело! Теперь понятны все наши сложности. Упорствуете, Татьяна Даниловна? Это вы зря.

Откуда-то из-за головы донесся грубый мужской голос:

— Алексей Михайлович, взрыв под Махачкалой. Трое «тяжелых». Местные врачи их не удержат. У нас три борта готовы к вылету. «Внуково», «Домодедово», «Шереметьево». Поможете?

Невнятные шумы. Писк.

Кто-то поднес Лебедеву рацию. Ответил коротко:

— Уже в пути. «Внуково».

Глянул на меня жалостливо.

— Придется немного потерпеть, Татьяна Даниловна. Я не могу заниматься только вами. Будет больно. Но вы упертая, вы справитесь. Продолжим, когда вернусь.

Отошел мне за голову.

— Наталья Васильевна, убирайте обезболивающие. За два дня выходите в ноль. Как бы совсем не отупела. Колите по кубику, если будет кричать. Коктейльчик обязательно: двигаться она не должна. Оставьте ей

только глаза и речь. Сейчас пусть поспит. Если что — зовите Кашина. Связь в экстренном случае. Все, полетел.

— До свидания, Алексей Михайлович! Не волнуйтесь, все сделаю. Удачи!

Мрак.

Тело напомнило о себе адской болью, и мозг перестал соображать. Только успела порадоваться собственной комплектации: раз болит, значит, что-то там, ниже шеи, еще осталось, как боль перестала заигрывать и обрушилась на голову разрушительным цунами, сметая все мысли на своем пути.

Стоны, вой, крики. Это не я, это мое тело.

Медсестры надо мной не издевались — наоборот, всячески помогали: обещанный кубик обезболивающего кололи, не дожидаясь воя; пот и слезы с лица вытирали, не давая высохнуть; компрессы на лоб ставили! Даже нашептывали что-то сочувственно-жалостливое. А толку?

Через два дня я сломалась. За кубик обезболивающего готова была ползать в ногах, целуя ступни сразу и Ане и Кате. Импланты не приживаются, вот меня и корчит всю. Наверняка уже заражение началось. Я же генетически ненавижу все эти высокотехнологические протезы! Как тут прижиться? Сотню раз проклинала себя за глупость и борзый язык. Если б не нахамила, не было бы и боли! Уууу, как закладывает! Подумаешь, рекламой по ушам ездили! Святые люди! Господи, ну зачем я их так разозлила?! Больше никогда! Болью-то оно быстрее мозга на место ставятся, факт! Может, все-таки было сотрясение? Может Лебедев что-то напутал с томографией? Предлагали же взаимовыгодное сотрудничество! Всего-то требовалось — отрекламировать медицинские девайсы! Жалко, что ли? Тем более, современные и продвину-

★ — тые! Тут уж не до жиру! На все согласна! Хоть наниты пятого поколения, хоть самые простенькие протезики, лишь бы человека немножко напоминать, и ладно. А то ведь совсем жуть. Да уж, не получилась из меня разведчица. Попала бы в плен — сразу бы всех сдала и все выложила. Ну... про других-то, наверное, не сразу и не все, еще бы помучилась, а про себя бы точно утаивать ничего не стала и мешкать — тоже. Стыдно-то как! Сломалась на ровном месте. Даже не пытал никто. Все, не придет теперь за мной Красная Армия, не станет спасать. И десантников не пришлют, и морпехи дверь не высадят. Облажалась! Разве что МЧС? Не, тоже вряд ли. Сама бы за такой размазней никого не послала. Зло останется безнаказанным! Обсмотрелась, дура, сериалов! Уууу!

Еле дождалась, когда Алексей Михайлович вернется и снова ко мне заглянет. Тут же без обиняков и выдала ему:

— Я готова к сотрудничеству!

— Искренне рад.

— Вы победили! Буду рекламировать «Бодитек» до конца жизни! Только не уменьшайте обезболивающие и не забирайте протезики! Главное, что мордочка более-менее сохранилась. А остальное ерунда. Остальное я одеждой прикрою, и хорошо будет, пусть даже поскрипывает. Лишь бы все сгибалось в нужную сторону и ничего лишнего не выпирало. Я пончо куплю! Вы же не маньяк, вы же бизнесмен. Договорились?

— Наташа! Это еще что за фокусы?

Наталя Васильевна удивленно глянула на меня и пожала плечами.

— Мне-то откуда знать, я у нее в голове не копалась.

— Можно прямо сейчас один кубик? А потом я все, что хотите, сделаю! Обещаю. Один кубик!

— Колола уже, Алексей Михайлович. Еще выпрашивает.

— Неужели трудно потерпеть? Татьяна Даниловна, вы же сильная женщина. Самое страшное позади. Дальше будет легче. Должно быть.

Женщина??? Уже? До аварии девушкой была. Двадцать восемь лет — не возраст! Самому-то тридцать два! Это она так постарела?!

Даже боль на секунду отступила. Но тут же нахлынула с новой силой.

Стиснутые зубы не помогли — завывала на всю палату. И просить-умолять не хотела! Рот сам открылся:

— Пожалуйста! Один кубик! Не могу больше! Изверги!!!

— Где болит?

— Везде! Голова! Все болит! Ваши наниты не справляются!

Он взял меня за руку — и тепло от его ладони разлилось по всему телу, заглушая боль.

— Как так? Наниты?

Он убрал руку — тепло осталось.

— Попробуйте сами уснуть, без уколов. Организм должен отдохнуть от лекарств. У вас будет три дня передышки. Потом начнется вторая фаза, и мы снова погрузим вас в сон. Утром боль вернется. Надеюсь, вы справитесь. Выздоровливайте.

— Стойте! Как там ваши «тяжелые» под Махачкалой? Спасли?

— Только двоих. Проводника и одного сапера.

— Из-за меня не успели?

— Он умер, когда наша бригада садилась в самолет. Мы не волшебники, Татьяна Даниловна. Просто у нас возможностей чуть больше, чем у обычных больниц. Иногда этого недостаточно.

— Зовите меня Таней, какая уж теперь Татьяна Даниловна! Обломок один остался!

★ — Не унижайте наш труд. Когда выздоровеете, будете хоть Таней, хоть Танюшей, хоть плюшевой зайкой, а пока что вы — Татьяна Даниловна, и точка! Спите!

— У, какой строгий! Хорошо! Я постараюсь уснуть!

— Да, чуть не забыл... Когда станет полегче, попросите доктора Наталью Васильевну показать вам кино. Думаю, после просмотра вопросов у вас поубавится. Я снял на камеру все ваши приключения, начиная с аварии и заканчивая прибытием в нашу клинику. Общая продолжительность записей — тридцать шесть часов. Но вам покажут полуторачасовой фильм. Самое главное и интересное. Записи с регистратора моей машины, запись с моих экшен-камер, записи с больничных камер. Никаких спецэффектов — только монтаж. Ну... еще по мелочи ребята постарались местами. Увидите. Смотреть не больше двадцати минут за раз. Что будет непонятно, спрашивайте Наталью Васильевну. Она в курсе вашей ситуации.

А теперь спите...

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования! Наши стенты излечивают сосуды...

Минутная стрелка на единичке.

Кажется, я продешевила. С перепугу. Надо было поторговаться. Они же особо и не настаивали. Так нет же, подписалась на всю жизнь! Наверняка у них тут камеры и все фиксируется. «Заднюю» теперь не включишь. Надо было им лет пять предложить. Или десять! Вдруг согласились бы? А теперь до могилы рекламировать! Трудно было потерпеть?

Потом вообще башню снесло. Только полегче стало — с доктором заигрывать начала! Мужчина за руку взял — сразу и «поплыла»! Дура озабоченная! Забыла и аварию, и его укольчик! *Зовите меня Таней!* Это же

он меня в овощ превратил! Здравствуй, стокгольмский синдром! Дело не в телевизоре. Они тут чем-то конкретно облучают. Используют новейшие технологии. Сейчас голова болит, а тело не чувствуется, будто и нет его вовсе — ни рук, ни ног. А вчера правая рука была! С пальцами! Надо же, вчера первый раз после аварии почувствовала свою руку и даже не заметила этого! Руку Лебедева тоже почувствовала, когда он нанитами поделился. Слишком теплая для титановых труб. Или у него имплант с подогревом? Где же тогда батареечка? Чушь какая-то! А может, это не моя рука была? Может, это уже протез начал действовать? Включили на минутку и снова выключили. И «тяжелых» наверняка никаких не было. Мужик из соседней палаты текст по бумажке зачитал — и готово! Разыграли дурочку. Что ж вам надо-то от меня, изверги?

Катя нарисовалась (я уже научилась их различать). Зависла надо мной и улыбается.

— Доброе утро, Татьяна Даниловна! Как ваше самочувствие?

— Пока терпимо. Рекламу слышу. Стрелку часов вижу. Про договор помню. От слов своих не отказываюсь.

— Вот и хорошо! У меня для вас приятная новость: Алексей Михайлович велел покормить вас с ложечки! Вы идете на поправку.

Радость-то какая! Обкакаться!

— Любите манную кашу?

— Обожаю просто! А семги нет?

— Шутите? Так держать! Позитивный настрой — залог вашего выздоровления!

Боль отступила, но пришел стыд и стало еще хуже. Из-за постоянного сна, а потом боли я просто не понимала всей глубины своего падения. Теперь же появилось время осознать и прочувствовать.

★ Лебедева нет, но эксперименты не закончились. Какие-то люди в зеленых халатах и масках продолжают во мне копошиться, отгородившись простынкой. Что-то достают, что-то вкладывают. Почему так долго? Киборга из меня делают? Уже десять раз можно было всю комплектацию поменять! Выпотрошить и вставить импланты! Нет же! Тянут и тянут! Работают бригадами в три смены. Бестеневая лампа надо мной почти не выключается. А в перерывах — кормление с ложечки, вытирание рта салфеткой, катетер, смена памперсов, профилактика пролежней и другие манипуляции с остатками моего бесчувственного тела. Воля к сопротивлению убита окончательно. С уколами не так страшно было. Кошмарило немного, и что? Все лучше, чем бесконечное созерцание собственной беспомощности. Сколько можно-то?

Думала, меня сломала боль. Ошибалась. Тогда это было тактическое отступление. А сейчас — окончательная капитуляция. Беспомощность и слабость. Полное безволие. Точка.

Стоп! Почему я не сплю и мне не больно? Почему я могу говорить? Так не может быть. Они должны были мне трубку в горло просунуть и подключить к аппарату. Обезболивающие — ладно, еще можно объяснить, но я в сознании, значит, на убойных миорелаксантах. Значит, у меня ничего не должно шевелиться: кровь поступает ко всем мышцам. Значит, я и дышать сама не должна. Но я дышу, и никакой трубки в горле нет!

Ни черта не понятно!

Это меня Бог за мать наказал. Обещала ей, как учебу закончу, к себе в Москву забрать да по докторам здешним поводить. В нашей-то глубинке такие диагнозы не лечатся. Ни одного нормального кардиолога не найти, только и знай, таблетками глушат, а больной продолжает погибать. Клятвенно обещала. А как

закончила пятый курс, надо было самой устроиться. Комната на двоих с подругой — это не условия. Устроилась, квартиру сняла, худо-бедно работенка появилась. Но про мать я не вспомнила. Решила приодеться, чтоб на серьезных мероприятиях выглядеть адекватно. Приоделась. Потом на права сдавала. Машины купила, будь она неладна! Не ездить же серьезной журналистке на метро и трамвае! В нормальных редакциях у всех машины есть! А потом вообще не до матери стало. Закрутила столичная жизнь. Деньги как сквозь пальцы утекали, да все мало было, все не хватало. За квартиру заплати, за ремонт машины заплати, бензин тоже не бесплатный, к новому сезону новую дубленку прикупить надо.

Не дождалась мать дочкиной заботы. Теперь сама будет меня выхаживать. С ее-то сердцем! Только и гадай, кто первым сдохнет. Как же я увлеклась этой мишурой? День за днем, день за днем — и десять лет прошло! Господь долго ждал. Терпелив оказался. А мне что? Я бы и через двадцать лет о матери не вспомнила. Все решала бы свои мелкие проблемы. То машина сломается, то с очередным редактором поругаюсь, то еще какое-нибудь приключение.

А может, и не в деньгах дело? Может, мне просто захотелось красивой столичной жизни с полным отрывом? Пригласишь парня домой, а там больная мать лежит. Ни в кино, ни к подруге ее не вытолкаешь — не дойдет. Вот тебе и отрыв! Никакой романтики.

Дура была. Смело могла мать забрать. Нормальный парень не испугался бы.

И зачем мне теперь машина? Зачем платья красивые и дубленки (два шкафа под завязку набиты)? Зачем коробки с обувью штабелями? Кому все это надо? Ни в одну нормальную редакцию так в штат и не пробилась. Замуж тоже не взяли. Не вышла. Ото всех мужиков, кто интерес проявлял, хотелось бежать

★ без оглядки. А мне самой так никто и не понравился. Женатиков не учитываем.

Лучше бы спокойно ездила на метро! В обычных джинсах и рубашке. Зимой пуховиком бы обошлась. И обуви столько не нужно. Смартфон навороченный — тоже излишество. И планшет! Я уже про ювелирку молчу. А ведь на сэкономленные деньги мать можно было вылечить. Внуков бы помогала воспитывать. Капец! Придется возвращаться в родное село. Если добрые люди довезут!

По всем фронтам проигрыш. Беспросветность. Усыпили бы, что ли, побыстрее! Где этот спасительный мрак?! Где укольчик? Даже телик выключен.

Ну вот, покатилося мокрое по щекам. Все-таки заплакалась! Катя углядела и уже салфеткой вытирает мои слезы. Шепчет что-то успокаивающее. А я только сильнее реву.

— Все, больше не могу. Сами себя рекламируйте. Катя, усыпи меня.

— Нельзя, Татьяна Даниловна. Приказа нет. Алексей Михайлович вернется, его и просите.

Конечно, никто меня не усыпит. Это я размечталась. Не для того они надо мной колдуют. Столько денег вложено — надо отрабатывать.

— Вы не расстраивайтесь, Татьяна Даниловна, вам очень повезло. Нужно переждать.

— Чего ради?

— Счастье будете лаптем хлебать!

— Что?

— Шутка! Простите, не сдержалась. Хотите, позволю Алексею Михайловичу?

— Зачем? У него «тяжелые».

— Ну, «тяжелее» вас представить сложно. Ой!

— Скажи, Катя, почему у меня трубки в горле нет, когда меня оперируют?

— Так вас по военному сценарию пустили. Так у нас разведчиков и сбитых летчиков лечат. Чтоб успеть получить информацию! Сердце не ко всем мышцам лекарство подводит. Я тонкостей не знаю, но Алексей Михайлович почему-то этот сценарий недолюбливает. Легче к аппарату подключить и усыпить.

— Я же не разведчица, к чему такие сложности?

Катя улыбнулась:

— О, с вами как раз все очень просто. Никаких проблем. Ваше сердце качает кровь Алексея Михайловича. Элементарно же! Тут можно и без трубки.

— И как я сразу не догадалась!

— А давайте фильм посмотрим? Отвлечетесь немного. Развеетесь. Мы его уже несколько раз видели. В кинотеатрах такого не покажут. Зачетный фильм!

— «Бодитек» представляет?

— Именно! Супербоевик! Вам понравится! Только Наталью Васильевну позову!

— Уговорила. Давай твою кинотерапию.

Ниче так девка, помоложе меня будет, глазки живенькие, личико красивое даже в маске. Фигуру не вижу.

Полтора часа пролетели как одно мгновение. Никаких перерывов через двадцать минут. Засмотрелись. Серьезная контора этот «Бодитек». Умеют люди кино снимать. Профессиональная работа с цветом и звуком. Шикарно подобранная музыка. Хоть на фестиваль посылай. До глубины души пробрало. И снова захотелось жить.

Я далеко не сразу поняла, что это про меня. Хотя нет, какой там про меня! Это про девочку-дурочку, которая решила спасти мир и немного подзаработать. У нее в правой руке черная сумочка из коззама (там блокнот с очень неудобными вопросами), у нее в левой руке — диктофон (для сбора неопровержимых

★ — доказательств). Она заявила в центральный офис «Бодитека» будто в логово врага. Но почему-то вырядилась как на праздник: белое платье, новенькие колготки, белые туфельки, шикарная прическа и отпадный макияж. Даже надела свое лучшее нижнее белье. Так хотелось произвести впечатление на «злых дядек в корпорации». Белье под платьем, конечно, не просвечивало, но впечатление произвести удалось. Пока нарядная журналисточка общалась с пылким юношей из пресс-центра, пытаясь отыскать Лебедева-младшего, сам он стоял у журналисточки за спиной и несколько раз медленно переводил экшен-камеру с ее каблучков на заколку в волосах и с заколки — обратно на каблучки. Резкость проверял, не иначе. Все по законам жанра.

Хорошее получилось кино. Обещали доснять минут десять-двадцать и при выписке подарить законченную версию.

Той девочки уже давно нет. Но хоть память останется. Очень красивая память.

Ревела весь вечер — успокоить не могли, только слезы утирали.

— Ну сейчас-то чего, Татьяна Даниловна? — удивлялась Катя.

— Стыдно!

— А давайте-ка мы немножечко поспим! Утро вечера мудренее. Что-то вы совсем разволновались.

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования! Наши стенты...

Включился родной! Наконец-то! Куда ж без тебя!

Всю ночь снились роботы и киборги, вооруженные автоматами Калашникова.

Лампа выключена. Смотрю на часы как на картинку. Время не интересует. Какая разница? Сопротивле-

ние бесполезно. Пятиминутки подрывной аналитики ожиданий не оправдали. Чуть сама себя не угробила. Сколько дура добра ни делай, все не впрок! Думать вредно, когда умнееешь не с той стороны. Теперь буду беспрекословно подчиняться. Буду слушаться и внимать.

Может, импланты — не так уж и плохо? Зря я на них грузила в своих статьях. Оно хорошо грузится, когда молодая, здоровая и в полной комплектации, когда в туалет сама ходишь. Воистину сытый голодного не разумеет. А если проблемы с комплектацией? Отчекрыжило тебе руки-ноги, и что делать будешь? Обрубком беспомощным на шее близких висеть или в интернате матюки санитарок слушать? Не лучше ли на протезиках остаток жизни проскрипеть?

Я слышала, что Бог разговаривает с человеком языком жизненных обстоятельств. Ха! Вот и поговорили. В моем случае общение получилось уж слишком красноречивым. И без черного юмора не обошлось. Но винить некого: намеков я бы не поняла. Да что там намеки! Я и прямой текст не поняла. Авария изменила только мое тело. А личность оставалась прежней до вчерашнего вечера. Не зря меня мама называла «упертой козой» и «девкой с характером».

Но этот фильм... он оказался сильнее аварии.

Пока смотрела, ничего понять не могла — только рот разевала. А теперь мозги зашевелились, кое-что стало доходить.

Аню перепугала (пришла ее очередь за мной присматривать). Косилась на меня с подозрением, будто я какую-то гадость замышляю. Потом прямо спросила:

— Что-то вы, Татьяна Даниловна, странная какая-то. Случилось что?

— Кино мне вчера показали. Осмысляю.

— А-а-а... Ясненько.

★ Явилась бригада в масках. Лампу включили, отгородились от меня зеленой простынкой, копошатся во мне, руки-ноги стальные приклеивают, а я уже не переживаю: у меня перед глазами Лебедев-младший из вчерашнего фильма. И зеленый фон — не помеха. Знать бы тогда, какой мужчина моей фигурой любит-ся! По-другому бы жизнь сложилась. Всего-то и надо было — обернуться. Теперь я ему неинтересна: нечем увлечь. Всю по частям разобрал — никаких тайн не осталось. И со внутренним миром беда. Дурой истеричной себя выставила. А таких мужики больше всего боятся. Повернуться бы тогда к нему... Эх, ладно. Не буду душу травить. Решила же: это не про меня кино, а про недалекую столичную журналисточку! О, сразу спокойнее стало!

Как он просек-то все, где зацепился?

Первые минут двадцать смотрела с высокомерием и стебными комментариями. Разумеется, комментировала *про себя*. Соображалка работает, мысли вслух — это не про нас. Тут нет сомнений. Сказал же доктор, что голова у меня в порядке: сотрясения не наблюдаются.

Вот эти комментарии теперь из головы не идут. Врезались в память накрепко. Стыдоба!

Впрочем, началось не с комментариев, а с разочарования. Обидно стало.

Когда журналистка отошла от столика с табличкой «ПРЕСС-ЦЕНТР» не солоно хлебавши, Алексей Лебедев устроил юному пресс-секретарю допрос:

— Вася, что за фифочка? Кто такая? Откуда принесло?

Вася пожал плечами и нервно поправил бейджик. Потом ломаться начал:

— Затрудняюсь сказать определенно, Алексей Михайлович. Тут ведь какое дело... очень деликатная тема. Когда вопрос касается прекрасной половины...

— Вася! Телеграфируй!

— Вас хотела, Алексей Михайлович! Аккредитации нет. Никакой «корочки» не предъявила. Работает на себя. Типа что-то расследует. Короче, посланный казачок. С отцом вашим не разговаривала. Его выступление не слушала. Все вас искала. Я ее тоже не заинтересовал. Даже охмурить не пыталась.

— Опять вражины ищейку наняли. Компромат хотят нарыть. Когда уже успокоятся? Точно одна пришла?

— Вроде бы...

— Странная ищейка. Подставой пахнет. В «Бодитек» просто так дурочку не пришлют. Погоди-ка...

Дальше переговоры с охраной. Слово за слово — и выясняется, что «ищейка» уже покинула мероприятие. Пока Лебедев разговаривает с охраной на предмет «таинственной» журналистки, «ищейка» в белом платье садится в свой красный «Дэу Матиз». Картинка тут же появляется на телефоне Лебедева.

— Уехала, Вася. Это как понимать? Ищейки так не делают. Они ждут своего шанса до последнего, а эта вот-вот заплачет, как девочка, которой пирожного не дали. У папы еще один доклад запланирован. Почему не осталась?

— Может, вам стоило с ней поговорить?

— Ага! Одно слово скажешь — потом десять лет не отмоешься: все переврут, смонтируют, как им выгодно, и сделают из тебя либо посмешище, либо преступника. Смотря кто заказчик. Нетушки! С такой публикой никакого общения. Отец как-то умеет, вот пусть сам и отдувается. А мое дело — народ лечить. Ладно. Мне тоже лучше уйти. Непокойно что-то. Поеду в клинику. Вдруг опять осложнения.

Вот за это и обиделась. Я-то считала себя успешной журналисткой! Ладно, без пяти минут успешной журналисткой. И вдруг *фифочка, вражина, ищейка,*

засланный казачок! Словом со мной перекинешься — потом *десять лет не отмоешься*. А *девочка, которой пирожного не дали*, — это просто вишенка на торте, это финиш. Вот так взял проходя и одной фразой помножил меня на ноль. Успешная журналистка, ага! Со стороны, конечно, виднее, но все равно крутовато получилось.

Наверное, мои стебные комментарии — это защитная реакция. А *сам-то ты кто? На себя посмотри, киборг недоделанный!* Не оправдание, конечно. Нет мне оправдания.

Как он вышел к машине! Что за походняк! Ха! Герой индийского боевика! Крутой мачо из рекламы новой тачалы!

А всего-то человек подошел к машине!

Просто дорогой седан — это уже не круто. Купе, джип — вчерашний день! Настоящий мачо должен ездить на броневице! Наша машина — армейский «Тигр». На таких «вежливые люди» Крым защищали. А мы чем хуже? Милитари-стайл — наше все! Слегка модернизировал под медицинские нужды (эмблему «Бодитека» на капоте и дверцах нарисовал, приварил к бамперу лебедку с навороченным кенгурятником) — и можно смело кататься. Да уж, любит богатенький сыночек понты покидать!

Я же не выдержала, я спросила Наталью Васильевну:

— Что это Алексей Михайлович на военной машине катается? Как он умудрился ее купить?

— Катя, поставь на паузу. Он и не покупал. Это подарок от Министерства обороны. Алексей Михайлович постоянно сотрудничает с военными. А по нашим дорогам на обычной машине далеко не до каждого полигона или военной части доберешься. После двух опозданий военные подарили Алексею Михайловичу «Тигр». Приурочили ко вручению очередного ордена.

Теперь хочешь не хочешь, приходится ехать в любую глушь хоть по бездорожью. Помню, Алексей Михайлович долго матерился. А куда деваться? Катя, нажми кнопочку!

Все, поехали. Музыку включил. Классику. Знакомое что-то, но шут его знает откуда. Типа не попса. Типа продвинутый чел едет! Элита!

Впереди — красная малолитражка. Приближается. *Бог ты мой! Неужто перед нами машинка сбежавшей журналисточки? Надо догнать и расспросить с страстием!* Музыку выключил. Сосредоточился. Подбавил газку.

Выезд на эстакаду. Метров сто до малолитражки. Пятьдесят. Впереди слева вылетает черный «Лэнд Крузер», сминает малолитражку и отбрасывает ее на ограждение. Руки на руле вздрагивают. Рев двигателя. Лебедев с перепугу путает педали газа и тормоза. Ну... мне так показалось. «Тигр» ускоряется и вот-вот тоже врежется в малолитражку. «Лэнд Крузер» уже отъехал, но... почему-то разгоняется и снова метит в красный «Матиз».

Вой двигателя. Удар. Дерганье кадров. «Лэнд Крузер», брызнув стеклами, отлетает вперед метров на пять, поворачивает и медленно уезжает.

Вот тебе и Красная Армия! На этих кадрах кончились мои ехидные комментарии, а Катю, наоборот, проперло: вскочила, сжала кулаки и давай правым локтем крушить воздух прямо перед собой:

— Да! Получи, фашист, гранату!

— Катя!

Натаалья Ваильевна взяла пульт и поставила фильм на паузу.

— Что? Это моя любимая сцена! Ничего не могу с собой поделать! Давайте перемотаем чуток назад и еще раз посмотрим! Разинул пасть на семьсот килограмм, а получил семь тонн в челюсть! Нежданчик!

★ — Оглушающий хук справа — аж ряха треснула! Как еще ноги унес, гаденыш, после такого пенделя! Надо было догнать и еще разок навесить!

— Катя, утомонись! А вы чего улыбаетесь, Татьяна Даниловна?

— Пришла Красная Армия!

— Все-все, поняла. Вопросов больше не имею! Катя, ты успокоилась? Мы смотрим дальше.

— Ладно-ладно, поняла, дальше там тоже хорошо. Смотрим.

Лебедев поправил камеру регистратора и вышел из машины. В левой руке — чемоданчик с эмблемой «Бодитека» (типа продвинутая аптечка). Подошел к «Матизу». Оглядел его. Раскрыл чемоданчик, опустил прямо на асфальт, достал заряженный шприц, сел на корточки перед «Матизом» и сделал укол пострадавшей в шею. А потом я увидела «стальную руку России» в действии. Лебедев СПОКОЙНО открыл покоруженную дверь «Матиза», оторвал ее и отбросил себе за спину, то же самое сделал со второй дверью и начал возвращать скомканному «Матизу» первоначальную форму, выравнивая машину изнутри.казалось, кто-то надувает «Матиз» насосом, как большой фитбол. В этот момент я очень полюбила киборгов. По крайней мере — одного. Готова была перецеловать все его титановые трубки. Как ни крути, а в наш век без хороших имплантов — никуда. Пострадавшей в ДТП точно помочь не сможешь.

В ход пошли жгуты из продвинутой аптечки. Четыре штуки — один за другим. Лебедев метнулся к «Тигру» и достал из него четыре поворотных шины (отцовской конструкции, как сказала Наталья Васильевна). Шины одна за другой исчезли в «Матизе».

Потом вынос тела в КРАСНОМ платье. Никакие конечности у пострадавшей на связках не болтались. Наверное, крепко прижал.

В «Тигр» на руках донес.

Ближайшая больничка с допотопным оборудованием. Переливание крови с нанитами пятого поколения. Все, как я видела в бредовом сне.

На этой сцене Катя засмеялась:

— Умеет наш Алексей Михайлович людей убеждать!

— Катя! — пригрозила Наталья Васильевна.

— Ладно, поняла!

— А что не так? В чем дело? — удивилась я.

— В нанитах пятого поколения. Врет он все! — выпалила Катя.

— Как врёт? Почему?

— Потому что у него уже давно седьмое поколение! Но это секрет. А наша Катенька, если еще раз откроет свой милый ротик, будет уволена! Болтушка!

— Молчу-молчу!

Тут я не выдержала:

— Да какая разница: пятое или седьмое? Давайте дальше смотреть!

А дальше — еще веселее. Дальше — вообще Голливуд. Три пересадки из одной машины в другую. Начали с обычной «Скорой», закончили бронированной операционной, замаскированной под рефрижератор. От больнички нас конвоировали военные, потом — ФСО. Первые полчаса над нами гудел вертолет в раскраске МЧС. Дважды машины сопровождения устраивали пробку, чтоб мирно устранить преследование. До стрельбы так и не дошло. Кому охота стрелять по бронированным «Тиграм» с крупнокалиберными пулеметами на крыше? И фэсэошники сработали грамотно: ближе двухсот метров никого к нам не подпустили. В операционной увидела двух киборгов штурмовой модификации — последняя линия обороны. Ничего человеческого в них не заметила: сталь, вооруженная пушками, на головах — закрытые шлемы. Может, это

и не киборги были вовсе? Может, роботы? Уточнить не стала.

Почему-то опять вспомнилась первая сцена, когда я, еще красивая... Опять «я»! Не получается абстрагироваться. Да и кого я обманываю. Позднйак метаться. Надо привыкать к себе новой. Была ведь красивой... Была! В белом платье... а потом кровь и...

Почему кровь на салатом? Капает и расплывается пятнами. Свежак. Это доктора переусердствовали. Довспоминалась, блин!

Взволнованные мужские голоса. Приказывают меня усыпить. Что-то явно пошло не так!

Аня тут как тут:

— Татьяна Даниловна, все в порядке: просто зажим слетел, вот и брызнуло слегонца. Смотрите, у меня для таких случаев есть специальная штука!

Для таких случаев?!

Секунда — и вместо окровавленной салатовой ткани появляется кипенно-белая простынка с огромным желтым смайликом. Мне будто мозги на несколько секунд отключили: вообще соображать перестала. Оригинальный у медиков юмор.

— Правда, так лучше? — проворковала Аня, улетающая куда-то далеко-далеко вместе со смайликом.

Проснувшись как раз к обходу. Глаза открыла: надомной Лебедев стоит-улыбается.

— Утро доброе, Татьяна Даниловна! Напугали вас мои эскулапы?

— Ничего, просто зажим слетел. Обычное дело.

— Вы молодец. Правильно держитесь.

— Аня больше напугала.

— Да уж, она у нас барышня с фантазией. Я сам не могу привыкнуть к ее шуткам. Но девочка добрая, хуже еще никому не сделала и, кстати, очень грамотно вас переключила.

— Да уж!

— Узнаете этот ноутбук? Думаю, пришло время поговорить.

Судя по звукам, он пододвинул стул поближе к моему «ложу» и уселся, исчезнув из поля зрения. Так даже лучше. Не хочу сейчас ему в глаза смотреть. Буду говорить с бестеневой лампой.

— Мой ноут, мой. Чего уж там! Раскрыли шпиенку. Сдаюсь!

— Мы в нем немного покопались, пока вы отдыхали. Пришлось подобрать пароли, поскольку вы были без сознания и при всем желании не могли их назвать.

— Не страшно! После того, что вы со мной... для меня сделали... После того, что я вам наговорила... Короче, после всех наших приключений я как-то не очень стесняюсь.

— Речь о сотрудничестве. Я хочу убедиться, что мы на одной стороне и вы нам доверяете.

О, снова надо мной нарисовался.

— На одной стороне? Да мы на одном операционном столе! Я снизу, вы сверху! Выбор стороны предопределен. Не тратьте время на глупости. Я ваша целиком и по частям.

— Нас интересовали не только материалы про меня и «Бодитек», но и вся личная информация. Надеюсь, вы понимаете. Чтобы лучше...

— Разумеется!

— Вашу почту мы тоже изучили. Всю переписку за последний месяц. И квартиру обыскали.

— Презираете теперь?

— Я хочу поговорить о вашей статье про «Бодитек». Просмотрел наметки, и у меня появились вопросы.

— Давайте я отвечу сразу на все. Дура была, в теме не ориентировалась. Жизни не знала. Внутренне дискриминировала людей по признакам комплектации.

Искренне раскаиваюсь. Осознала. Только сядьте уже пожалуйста, телевизор загораживаете.

— Он же выключен.

— Ну и что?

Лебедев снова исчез из поля зрения.

— Татьяна Даниловна, вы же неплохой журналист. Писали интересные статьи и репортажи (я некоторые и раньше читал), как же вы могли состряпать такую феерическую чушь про меня? Я про заготовки. Это же просто непрофессионально. Без личной беседы, совершенно не зная человека, не задав ему ни одного вопроса...

— Вам задашь, как же! На пушечный выстрел не подпустят!

— Вы даже не пробовали. Просто взяли и переписали вражеские оговоры. Откуда эти вымыслы про подкуп судей на «Стальной руке России», про издевательства над пенсионерами и солдатами? Вы побеседовали хоть с одним судьей, пострадавшим пенсионером или солдатом? Зачем вы из меня киборга сделали? Я без претензий. Просто интересно, что вас подвигло?

— Подождите... Но я же сама видела...

— Что именно вы видели?

— Как вы машину покореженную надули... распрямили. Как двери стальные вырвали голыми руками. Как нанитами со мной поделились.

— А! Ну тогда конечно!

Лебедев поднялся.

— Послушайте, у меня нет оправданий. Разумеется, я должна была все проверить (наверное, деньги мозг затуманили), но вы же и правда киборг. Это даже здорово!

— Это совсем не здорово, Татьяна Даниловна. Спасибо за честные ответы. Теперь я вам кое-что скажу. Думаю, вы должны это знать. Мы нашли тех, кто вас

подставил. Всех исполнителей. Больше они никому не навредят. Заказчики, к сожалению, сидят далеко.

— Проклятая гильдия!

— Это не они. Гильдия ваших расследователей в подобных делах не замечена. Только никакого агентства при гильдии не существует. Одноразовая контрола, придуманная под конкретную задачу. Рассчитывали на ваше безденежье. Они знали, что вы пишете социалку и никогда не занимались расследованиями, а значит, не будете глубоко копать и проверять заказчика. Денег у вас на счету тоже нет. Ошибочный платеж. Поманили, а конфетку не дали.

— Кто они?

— Наемники. Работали на западных фармацевтических гигантов. Задача — опорочить «Бодитек». Вы должны были погибнуть в аварии. Возвращаясь с нашей конференции. У вас в ноуте и дома честные опера нашли бы материалы, «развенчивающие» «Бодитек». Нужные журналисты в «рукопожатных» СМИ провели бы свое «неполживое» расследование в правильном свете. «Медицинский картель заткнул рот молодой журналистке, пытавшейся донести до людей правду». Фото красавицы в шикарном белом платье (вас хорошо поцелкали) поставили бы рядом с фото окровавленного трупа...

Красавицы?

...А сверху крупными буквами — «ЛЕЧЕНИЕ ОТ «БОДИТЕКА». КТО СЛЕДУЮЩИЙ?» Это был бы мощнейший удар по репутации компании. Нам просто повезло. Отдыхайте, вам больше ничего не угрожает.

— А заказчики?

— Про вас они ничего не знают. Это стратеги. Тактикой не заморачиваются. Так безопасней. Вернетесь домой — можете гулять не оглядываясь.

— Некуда возвращаться. Квартира не оплачена, и счет обнулили.

★ — С хозяйкой квартиры мы договорились. Считайте, оплачено до Нового года.

— И на сколько же она вас разорила?

— Никаких денег — бартер! Вам о здоровье нужно думать, а вы все про деньги!

— Ха! Забыть! А за лечение чем платить?

— Татьяна Даниловна, расслабьтесь, на ваше лечение было потрачено столько ресурсов и человеко-часов, что их суммарный денежный эквивалент на несколько порядков превышает любую адекватную сумму для честного человека. Плюс ресурсы, не имеющие денежного эквивалента. Вам никогда с нами не расплатиться. Поэтому не ждите астрономического чека. Его не будет. Вы идете по статье «инвестиции, инновации и эксперимент». Все, переключитесь на другую тему.

— Их никак не достать, наемников?

— Попробуем выгнать с нашего рынка. Для них это самое страшное. С администрацией президента уже ведутся переговоры. Там видно будет.

Я потеряла счет его командировкам. Отдых от лекарств закончился, и меня снова начали глушить, а в наркотическом сне с короткими полубредовыми пробуждениями время тикает очень субъективно. Неделя, две, месяц? Обходы проводила Наталья Васильевна. Лебедев то уезжал к очередным «тяжелым», то возвращался на несколько дней и заглядывал ко мне, чтобы приободрить и «поделиться нанитами». А я все еще шла на поправку. Очень медленно и упорно.

Я больше не строила грандиозных планов, не пыталась осмыслить происходящее и уже никого не доставала своими оригинальными взглядами на мир. Во-первых — под наркотой, во-вторых — надоело выставлять себя идиоткой. Оставалось лежать и слушать.

Оказалось, я сильно разочаровала Лебедева своим неумеренным красноречием. Хотела как лучше, целую оду пропела трансгуманизму, и все мимо кассы. Проснулась чуть раньше и услышала, как Наталья Васильевна Кате на меня жалуется. Я ничего не поняла. Но спрашивать не стала. Насильно мил не будешь. Уж какая есть! Может, потом, отойду от наркотиков, голова прояснится и не придется спрашивать. Сама соображу, где накосячила.

Я не сразу поняла, что меня перевели в палату. Телевизор тот же, а бестеневая лампа и часы на стене исчезли. Просто в какой-то момент удивилась, что уже давно не вижу над собой хирургов. Только Катя с Аней вокруг бегают да Наталья Васильевна каждое утро наведывается — обход совершает.

— Перенесли меня? — спросила Катю.

— Перевезли! На телеге!

— Вчера?

— Недельки две назад уже.

— Иду на поправку?

— Со страшной скоростью! Давайте-ка массажик сделаем, а потом Наталья Васильевна сказала помыть вам голову. Кстати, может, вас побрить налысо? Голова легче мыться будет! Нет? Шучу! Успокойтесь! Алексей Михайлович не велел вашу голову брить. Красивые, говорит, волосы, хоть что-то осталось! *Авария голову сберегла, и мы не тронем.* Массажик! Начну-ка я с левой ступни! И не переживайте: вы все равно ничего не почувствуете!

Через неделю я начала чувствовать. Аня массировала мне пальцы на правой ступне.

Я тут же выдала все свои восторги, а напоследок уже спокойно добавила:

— Даже и не знаю, как вас благодарить...

★ — Аня аж замерла на секунду. Зыркнула на меня из-под маски удивленно и давай поучать, массируя уже голень:

— Тоже мне проблема! С этим все просто: денег мы не берем категорически (считается, у нас достойная зарплата), алкоголь тоже противопоказан, потому как считается, что яд, остается только шоколадно-конфетная и чайно-кофейная продукция. Мы с Катей предпочитаем шоколад и чай (марка значения не имеет, главное, чтобы шоколад натуральный, а чай желательно белый), Алексей Михайлович предпочитает конфеты и кофе. Только конфеты берите не в коробках, а на развес. Килограммчика достаточно. Кофе, разумеется, в зернах. Наталья Васильевна все равно. Она всеядная. Запомнили?

— Кажется. Конфеты и чаи я осилю.

— Еще шоколадки и кофе, — напомнила Аня и тут же, выпрямившись, пригрозила пальцем: — Но! Это только в случае полного выздоровления! И начальству ни слова!

На следующее утро вернулся Лебедев и сам проводил обход. Теперь после осмотра он уже не маячил надо мной, а просто стоял справа. Все-таки палатная койка пониже операционного стола.

— Я соскучилась, Алексей Михайлович!

— Добрый признак. Будем готовить к выписке! Сестры говорят, вы уже ворчать начинаете и скоро от скуки будете жалобы катать в министерство. Дескать, не обеспечиваем вам полноценный досуг!

— Я все ждала, когда и вы юморить начнете. Вот начали.

— С вами, Татьяна Даниловна, без шуток нельзя. Вас надо периодически взбадривать. Иначе вы совсем в депрессии утонете.

— Ничего, я как-нибудь тоже освою ваш юмор!

— Вот это правильно. Теперь серьезно: жалобы? пожелания?

И я решилась!

— Алексей Михайлович! Понимаю, что это наглость, но я хочу показать вам свою маму. У нее проблемы с сердцем. Вдруг у вас получится ее вылечить? В кредит, если можно. Я потом все оплачу. Обещаю! Потому что, кроме вас, ей вряд ли кто-то поможет.

— Вы вспомнили о матери? Это добрый признак, Татьяна Даниловна. Идете на поправку. Я передам Ольге Максимовне ваши слова. Думаю, ей будет приятно.

— Как передадите? Вы ее знаете?

— Ваша мама здесь. Мы вышли на нее через два часа после аварии. Стандартная процедура в такого рода операциях. Пообщавшись с Ольгой Максимовной, наши ребята решили забрать ее сюда. Она плохо выглядела. Вторую неделю сидела без лекарств: некому было в аптеку сходить, а «Скорые» к вам уже не ездят. Но теперь она в порядке. Года два сердце ее беспокоить не будет, а дальше все зависит от образа жизни и мыслей.

— Стенты, которые излечивают сосуды?

— Побойтесь бога, Татьяна Даниловна! Какие стенты?! Шутите?

— Наниты? — обрадовалась я.

— Свят, свят, свят! Еще чего! — Лебедев перекрестился.

— Дорого, да? Нет, я все понимаю, наниты — дорого. Но стент можно было поставить? Я бы потом заплатила. Наверное...

— Все, Татьяна Даниловна! Помолчите. Вас опять понесло не в ту степь!

Он зачем-то заглянул под мою кровать, потом под простынку, обошел меня кругом...

★ — Что вы там не видели, Алексей Михайлович? Только что ведь осматривали!

— То с другой целью! Нет нигде диктофона?

— Только если вы сами его в меня зашили!

— Вот и вы освоили медицинский юмор. Ладно, слушайте. Хватит бредить нанитами! Тупиковая технология. Годится, чтобы высасывать гранты, писать фантастику и делать научпоповские доклады на престижных конференциях. Но боже упаси использовать в реальной лечебной практике! Вреда больше, чем пользы. Одни сплошные проблемы. Грантососы будут петь сладкие песни, и ни слова о потере управляемости нанитов, о частых поломках, о скученности, о порче клеток, о проблеме вывода, о сбое в работе сразу нескольких систем организма, включая кровеносную. Про ЭМ-поле я вообще молчу. И вы хотите такое счастье своей матери?

— Н-н-нет... — выдавила я. — Не хочу. Я за стенты!

— Вы издеваетесь?

— Тоже нет?

— Стенты вообще варварство! Только представьте: в живой организм засовывать железяку, травмируя и так больные сосуды. Это при постоянном облучении! За что вы так мать ненавидите?

— А как же тогда?

— Разумеется, используя технологии тела! Забыли, где находитесь?

— Ну знаете! Зачем же вы мне каждый день по ушам ездите этой рекламой стентов?

— Потому что они действительно хороши и «не зарастают бляшками», как любят говорить пациенты. Аналогов на рынке нету. Это вынужденная мера. К сожалению, наши технологии слишком необычны для обывателя. Большинство пациентов уверены, что сосуды чистятся ершиком, а все болезни лечатся уколами и капельницами. Другого не дано. Мы же не

здесь начинали, а в муниципальных больницах. Помню, привезли одну старушку — божий одуванчик. С инфарктом. Откачали, уколами, капельницами, все по ГОСТу, потом начали излечивать грамотно. Резонанс, генетический лазер, образцовые матрицы... Как только в себя пришла, посыпались обвинения. Дескать, мы не хотим ее лечить. Капельниц не ставим, уколов не делаем. Убеждать бесполезно. Родственники стали катать жалобы в министерство. Дескать, мы списываем лекарства. А сердце у старушки уже как новое! Наконец поставили ей физраствор, чтобы успокоилась. И о чудо! Бабушке сразу же стало легче! Она аж прямо физически почувствовала, как эта капельница ей сосуды очистила. Родственникам рассказывала с упоением. Выписали здоровой, но так и остались «жадюгами, зарабатывающими на больных стариках». Думали, уникальный случай. Ан нет. Оказалось, классика жанра. Со стентами — то же самое. Лечишь по уму — подозревают в воровстве и требуют стентирования. Квотами в нос тычут. Сами себя до инфаркта доводят! Проще поставить, чем переубедить. Доказать что-либо невозможно! Вот и разработали свой стент, чтоб хоть на таблетки не подсаживать и потом снова не оперировать. Все равно таблетки никто не пьет. С военными то же самое, только еще фактор времени. Поверьте, мы не от хорошей жизни занялись протезированием. Лучший универсальный солдат создается природой-матушкой и грамотными тренировками. Любой имплант снижает боеспособность и сокращает область применения солдата. Киборги ослабляют армию. Исключение — единичные спецоперации. Только объяснить это ни раненому, ни начальству невозможно. Проще вместо оторванной ноги поставить интегрированный протез. И сразу все довольны! Слово «бионический» я даже произносить

★ боюсь: услышат — попросят здоровую ногу заменить. Вот и занимаемся ерундой.

— А моя мама...

— Умная женщина. Она ж у вас физик. Сразу увлеклась нашими технологиями, доверилась и теперь здорова. Помолодела. Уже со мной флиртует.

— Ну это она зря!

— Почему же?

— Нечего ей!

— Вы бы порадовались за матушку. Она зайдет к вам через пару недель. Ближе к выписке. Раньше вам видаться не стоит. Сейчас отдыхайте.

— Подождите! А что же тогда у меня внутри?

— Вскрытие покажет! Всем «здрасьте»! Я не опоздала?

— Ты как раз вовремя, Катя. Но твой юморок...

— Поняла-поняла! Больше никогда! Готова лишиться месячной премии!

— Татьяну Даниловну нужно обмыть. Она переволновалась и пропотела. Где твоя маска?

— Ща сделаем! Ща все будет!

Катя дождалась, когда за Алексеем Михайловичем закроется дверь, и подмигнула мне:

— Предлагаю начать с памперса. Вскрытие временно откладывается!

Снился Алексей Михайлович. Зашел в палату, красивый, благородный, натуральный, сел у изголовья и начал рассказывать сказки о технологии тела. Я слушала и верила-верила! Прямо уносила во все эти чудеса научно-медицинской мысли от «Бодитека»! Хорошо мне было. Аж замлела. Потом повернулась да призналась Лебедеву в любви! Он выслушал, поднялся и крикнул в сторону двери:

— Катя! Обмой Татьяну Даниловну и смени ей памперс: воняет уже!

А в проеме стоит моя счастливая мама.

— Компания «Бодитек» — безусловный лидер на рынке искусственных органов, имплантов и протезирования!

Засмотрелась я на рекламу. Там на десятой минуте Алексей Михайлович появляется. Серьезный, красивый, в белом халате. И без маски! Хорошо получился.

Я уже знала, что он не киборг. Катя просветила, после «отмены вскрытия». Вы, говорит, Татьяна Даниловна, попробуйте титановым прутком доску хорошую перешибить! Не получится у вас. Доске ничего не будет, а прут вам в лоб отскочит. В некоторых случаях крепкая мужская рука куда эффективнее стали! И так улыбнулась хитренько, с юмором, что я даже не рискнула представить себе эти случаи. Уже сколько здесь лежу, а все никак не привыкну к медицинскому юмору. Про «наниты» Катя тоже все объяснила:

— Первая группа, здоровый образ жизни, железобетонная уверенность в правильности поступка, прочие фишки от Лебедева... Тут без вариантов. Смело можно переливать!

Самый обычный живой человек! И в кадре хорошо смотрится. С экрана прямо на меня глядит.

Залюбовалась я. Забылась. Аня подловила:

— Красивый, да?

— Угу.

— Десять пулевых ранений, множество осколочных, все руки-ноги перебиты, лицо дважды миной разорвано, и ничего: даже следа не осталось! С вами тоже все будет хорошо. Уже хорошо. Давайте кашку поедим. Семгу опять не разрешили.

Удобно быть немощной, когда вокруг тебя добрые, заботливые люди. И с ложечки покормят, и памперс поменяют, и обмоют, и массажик сделают, и словом

★ — утешат. Как дальше сложится, я думать боюсь. Зачем себя пугать и расстраивать, если сейчас все хорошо? Голова работает и шевелится, язык ворочается, ресницами хлопаю. Что еще нужно?

На днях Лебедев обещал «включить» мне тело. Говорит, боли не будет. Не должно быть. Но честно предупредил, что ремнями накрепко привяжут к койке: во избежание «непредумышленного самовредительства». «Освобождать» будут только для массажа и гигиенических процедур. Вот и думай: радоваться или плакать.

Вчера после осмотра он спросил:

— Кстати, вам телевизор не мешает?

— Нет, что вы! А! Телевизор? Да, я все никак не пойму... Вам же не нужна реклама!

— Верно.

— Зачем же тогда?

— Так получилось. Это для внутреннего пользования. Народу нравится.

— Что-то я сути не улавливаю.

— Да нет тут никакой сути. Вытянули с «того света» одного дяденьку. Привезли на «Скорой». Выписали с богом, ни копейки не взяли. Дяденька оказался торговцем бытовой техникой. Держит сеть магазинов по всей России. Через неделю после выписки привез нам два грузовика: один — со стиралками, другой — с телевизорами. Мы сотрудникам пораздавали кому надо, но все равно осталось. Не выбрасывать же? Вот и повесили в клиниках, чтоб человека не обидеть. А что показывать-то? Моду, дикую природу, клипы? Только пациентов расстраивать. Вот и крутим ролик про себя, любимых. Вам он мешает? Не нравится? Выключить?

— Ни в коем случае! Замечательный ролик! Я даже хотела вас попросить, скинуть мне его на флешку при выписке. Поставлю себе как будильник на семь часов. Привыкла уже под него просыпаться! Как послушаю, так настроение улучшается!

— Вот видите! — просиял Лебедев. — Другим пациентам тоже нравится. Поэтому и крутим. Отдыхайте!

Он вышел, аккуратно закрыв дверь палаты.

Я очень пожалела, что не умею свистеть. Слов уже не было.

Пазл сложился. Картинка получилась ясная. Но мой неутомонный разум все никак не хотел успокоиться. Скованная толстыми кожаными ремнями по рукам и ногам да еще поперек тела, глядя в идеально белый потолок, я мучилась новыми вопросами, и самый главный из них: как такое место вообще возможно? Слишком уж все тут правильно и хорошо, а так не бывает. Не может быть! Уж это я точно знаю! Ни у нас в России, ни в Европе, ни в Америке.

Если меня не взяли в штат ни в одну центральную редакцию, это не значит, что я плохая журналистка. Материалы мне заказывать никто не брезговал. Особенно по медицине. Те же «Известия» регулярно печатают. Так что в теме я ориентировалась прекрасно и ситуацию знала, считай, изнутри. Все инициативы «снизу», не предполагавшие распилов, сразу же блокировались. Если предложение не требовало дополнительных денег из бюджета, оно даже не рассматривалось. Улучшение условий для пациентов, дешевые аналоги дорогущим западным лекарствам, новые эффективные методы лечения... Зачем это? Чиновников от медицины проблемы пациентов не волнуют. В жизнь воплощались исключительно распильные инициативы. Стоило выключить диктофон, и эту песенку слово в слово мне пели все порядочные врачи,

о которых я писала... Некоторые припоминали итальянца Тулио Симончини, посаженного в тюрьму за то, что осмелился дешево излечивать рак. Дескать, у нас — та же мафия.

И тут вдруг — «Бодитек»! Откуда? Как? Почему?

Но долго мучиться я не стала и, дождавшись очередного обхода, высказала Лебедеву все свои сомнения.

— Вам бы, Татьяна Даниловна, еще одним ремешочком челюсть к черепушке подвязать, и было бы совсем хорошо. Полная гармония.

— Издеваетесь над беспомощной девушкой?

— Над вами поиздеваешься! Ага! Вас, журналистов, прямо хоть не спасай: такие любопытные, такие любопытные! Житья нету!

— Ну спасли же, теперь отвечайте!

— Да что отвечать? Мы работали вместе с Симончини. Вы правы, все то же самое было бы и с нами. Вряд ли бы нас посадили, но загнали бы точно. Поэтому мы не пошли в Минздрав. Учили печальный опыт. Мы пошли к военным. Так сказать, на полевые испытания. Сначала Донбасс, Сирия, а потом пошло-поехало! Два года сотрудничества — и без нашего участия уже не планируется ни одна военная операция. Паркетные генералы тоже свою выгоду не упустили: повели к нам родственников. ФСО и ФСБ на нас вышли сами. Как отказать уважаемым конторам?! Короче, в Минздрав отец пришел в сопровождении генералов армии, ФСО и ФСБ. Еще был звонок министра обороны. Так мы получили зеленый свет.

— Хитро́!

— Вы довольны? Нет больше вопросов? Выздоровливайте!

Вопросов не было. Я все узнала. Я была довольна, только почему-то слезы стояли в глазах и никто не спешил их утирать.

Меня уже не глушат лекарствами. Лебедев просто говорит «Отдыхайте» или «Выздоровливайте», и я засыпаю. Думала, это его личная фишка, но нет, Марина Васильевна меня так же усыпляет. Все они здесь немало волшебники.

Я уже не просто лежу под простышкой — меня одели в белую сорочку. Красивую, с длинными рукавами. Памперс убрали. Ремни тоже. В туалет отводит Катя или Аня, придерживая за руку, но самое важное я делаю сама. И все получается! Обещают выписать через недельку. Говорят, я уже здоровая, только еще очень слабая. Врут, наверное. Какое уж тут здоровье?!

Настал великий день! Ремней нет, в палате я одна, даже телевизор почему-то выключен. Грех упускать такую возможность. Момент истины! Я сунула ноги в тапки и медленно встала, придерживаясь за спинку кровати. Вроде бы не шатает. Голова не кружится. Можно продолжать. Зеркала здесь нет, придется так смотреть. Главное — не спешить. Я медленно подобрала подол сорочки и задрала его до самой шеи! Ничего нового, все на своем месте. Все очень симпатично. Шрамов нет. Будто и не было никакой аварии.

— Здравствуйте, Татьяна Дани... Ой, извините, не хотел вас смущать.

— Да вы и не смущаете! Вы же мой врач!

— Был. Уже нет. Вы красивая здоровая девушка и в моих услугах больше не нуждаетесь.

Я разжала кулаки, поворачиваясь к Лебедеву, — край сорочки упал к ногам.

— Глупости! Вы мой врач навсегда! Ни одного шрама, как у вас получилось?

— С трудом, Татьяна Даниловна, с трудом.

Бросилась на него, обняла и прижалась изо всех сил.

★ — Спасибо! Спасибо! Спасибо! Я все помню! Кофе в зернах, конфеты в пакетике! Сделаю в лучшем виде! От счастья голова закружилась.

Лебедев сжал мои предплечья, развернул меня и под ручку вернул на кровать.

— Рано вам еще такие нагрузки испытывать, Татьяна Даниловна. Упадете же! Ходите медленно и осторожно. Придерживайтесь за спинку кровати. Завтра по коридору попробуйте, вдоль стеночки. Потихонечку надо, потихонечку. Еще напрыгаетесь, будет время. А сейчас ложитесь.

Послушалась. Легла.

— Вы можете увидеть маму. Она скоро к вам зайдет. А я пришел попрощаться. Вас выпишут без меня. В следующий понедельник.

— А вы куда?

— Куда Родина скажет. Ей снова нужна моя помощь. К следующему понедельнику точно не вернусь. Удачи вам!

— Стойте! — У меня все похолодело внутри. Я повернулась на правый бок и приподнялась на локте. В глазах — слезы. — Стойте! Нет! Подождите! Пожалуйста!!!

Остановился.

Сказала первое, что пришло в голову:

— Можно будет взять у вас интервью? Потом, когда совсем очухаюсь. Официально! С визированием! Вы все проверите! Можно?

— Незачем. Вы же знаете мое отношение к интервью и журналистам. Не люблю я это дело. Не мое это.

— А... Да... Помню... Ну и ладно! Поняла.

Он тоже все понял. Рыдания душат, говорить не дают, но я пытаюсь «сохранить лицо»:

— Тогда просто кофе и конфеты девочкам оставляю. Они вам передадут.

Подошел, сел на корточки перед кроватью, за руку взял.

— Танечка, ну какое интервью, какое интервью?! В тебе до сих пор два литра моей крови, а ты все про интервью! Соскучишься — звони. Мой номер забит в твой телефон. Найдешь Алексея Лебедева в списке контактов. Только не раньше двух недель. Вернусь живым — попьем твой кофе с конфетами. Все, пойду позову Ольгу Максимовну.

Я не услышала, как закрылась дверь.

Что это было? На свидание пригласил или пожалел? Ничего себе кровный братик!

Вряд ли у нас что-то получится. Лебедев — птица не моего полета. Я это чувствую. Расти мне еще и расти. Но все равно к такому мужчине надо держаться поближе. Тут без вариантов. Думай, Таня, Думай! Решено! Не мыгьем, так катаньем, хоть тушкой, хоть чучелом, но я обязательно устроюсь работать в «Бодитек». Они от меня не отвертятся. Сделаю им нормальный пресс-центр и PR-службу. С моими связями в половине московских редакций мы быстренько репутацию «Бодитека» подсушим. Из козла Васи человека сделаю, чтобы он, сволочь, больше ДТП не провоцировал. Покажу ему, как надо работать с прессой! Пока Алексей Михайлович людей лечит, буду за него языком ворочать. Это как раз мое! Это я умею! Глядишь, стиралка с теликом обломится как сотруднику! Тоже не лишнее.

А там кто знает... Он не женат, с мамой уже познакомился, я ему не противна. Коллекция платьев и белья актуальности не потеряла. В конце концов, не все так безнадежно. Оставил же мне свой телефончик! И Танечкой назвал!

Вкалывать, конечно, придется до чертиков, но ничего, я справлюсь. Пусть только вернется! Сюрприз будет!

— Здравствуй, мама!

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ФАСАД

— Добро пожаловать в Анагуак, сеньор. — Испанский таможенник был безупречен, а белые зубы на смуглом лице сверкали.

— Благодарю. — Джон Уайтхед улыбнулся, сунул паспорт в карман и зашагал к выходу из зоны досмотра.

Под сводами аэропорта «Куаутемок» царила жара. Старавшиеся изо всех сил кондиционеры назойливо гудели и без толку перемешивали горячий, словно кофе, воздух. Obsidianовые маски в витринах магазинчиков для туристов блестели, точно покрытые потом.

Едва Джон сделал шаг за дверь, как тут же оказался объектом атаки. На него набросились десятка полтора мужчин весьма свирепой внешности.

— Поедем, сеньор! Поедем! — наперебой вопили они, хватая Уайтхеда за сумку и рукава. — Поедем!

— Поедем! — Ощущая, что он сейчас оглохнет или будет разорван на куски, Джон ткнул пальцем наугад.

— Да, сеньор! — обрадовался тощий и смуглый тип. — Клянусь Святой Девой, отвезу куда скажете!

Прочие таксисты, неразборчиво ругаясь, отпрянули.

«Да, — думал Джон, шагая к довольно потрепанному желтому «Форду» — и шеф считает, что мне будет тут легче, потому что я сам немного индеец? Похоже, он крупно ошибается...»

— Куда едем, сеньор? — Таксист обернулся и одал пассажира улыбкой, состоявшей в основном из гнилых зубов.

— Отель «Чикомосток», — сказал Джон. — И, пожалуйста, не надо возить меня по городу. Я не турист.

В темных глазах таксиста мелькнуло удивление. Судя по всему, он искренне считал, что иностранцы приезжают в Анагуак только затем, чтобы обойти музеи и древние храмы с жуткими статуями кровожадных богов.

Кашляя, с перебоями, заработал мотор, и машина сдвинулась с места.

Спустя десять минут она вывернула на шоссе, ведущее на юг, к Теночтитлану. Джон полулежал на неудобном сиденье, борясь с сонливостью. Многочасовой перелет из Нью-Йорка измотал его, и больше всего Уайтхеду хотелось принять душ и вздремнуть.

Такси лавировало в потоке транспорта, далеко впереди росли блестящие колонны небоскребов. Со всех сторон виднелись горы. Похожие на исполинов в белых шапках, они окружали долину, точно собираясь растоптать построенное козьями-людьми чудо — город.

Над одной из вершин курился легкий дымок.

С переливчатым воем пролетела красно-белая полицейская машина, за ней вторая. Таксист, бормоча под нос то ли молитвы, то ли проклятия, спешно повернул к украшавшим обочину агавам.

Машины шарахались от центра шоссе. По освободившемуся коридору промчались еще несколько автомобилей с мигалками, потом один за другим, величаво и медленно, как большие акулы, проплыли несколько черных лимузинов. На капоте каждого трепетал государственный флажок.

— Кто это? — любопытствовал Джон, когда вой сирен стих вдалеке.

— Тлакатекухтли! — ответил таксист торжественно и пояснил, не надеясь на понятливость пассажира. — Король!

Джон кивнул. Как и всякий американец, он с глубоким недоверием относился к монархии в принципе,

но лично ничего не имел против правителя Анагуака, Итцкоатля Пятого.

Особенно учитывая, что власть того была чисто номинальной.

За окошком мелькнул громадный плакат «Добро пожаловать в Теночтитлан!» на двух языках, испанском и науатль. По сторонам потянулись пригороды — причудливое скопище разномастных зданий, построенных из чего угодно, от пластика и жести до кирпичей и упаковочных ящиков.

Они оборвались внезапно, и такси оказалось на широкой дамбе, подножие которой облизывали серебристые волны. Там и сям виднелись привязанные к сваям плоты, сплошь покрытые цветами.

— Чинампа, — сказал таксист с такой гордостью, словно лично соорудил все до единого плавучие огоры.

Дамба закончилась, шоссе запетляло между небоскребами. По правую руку ненадолго открылось громадное, заполненное людьми пространство — знаменитый рынок Тлателолько.

Фасады многих зданий в центральной части города увивали бело-алые гирлянды, там и сям болтались полотнища с изображением сидевшего на кактусе орла, державшего в клюве змею. По сравнению с американским собратом пернатый хищник выглядел не столь надменным, но зато куда более свирепым.

— Что это у вас? — поинтересовался Джон. — Праздник?

— День Объединения! — сообщил таксист гордо. — В этот день погиб Кортес и была снята осада Теночтитлана. Страшно подумать, чем бы все кончилось, возьми тогда испанцы город.

Машина остановилась у помпезного темно-багрового здания. Джону оно напомнило правительственное учреждение — сплошь колонны и выпирающие кар-

низы. Но надпись над входом недвусмысленно гласила «Hotel».

— Приехали, сеньор, — сообщил таксист, — вас подождать?

— Нет, благодарю, — Джон расплатился и выбрался из такси. Смесь городских запахов — бензина, выхлопных газов, гниющего мусора и горячего асфальта мгновенно вышибла слезы.

Окунуться в полутьму и прохладу гостиничного холла после этого ада было все равно, что в жару зайти в душ.

— Чем могу помочь? — Администратор за стойкой улыбнулся с холодным профессиональным радушием.

— Мое имя — Джон Уайтхед, — Джон вытащил из кармана визитку, — я сотрудник частного розыскного агентства.

— Э... — администратор даже не поглядел на картонный прямоугольник. — Вы по поводу того американского профессора? Так мы все сказали по телефону!

Под «американским профессором» подразумевался Йен Мак-Келлен, доктор философии, преподаватель истории Принстонского университета.

— Вы сказали это госпоже Мак-Келлен, — Джон улыбнулся, — не считите за труд повторить все мне?

Читающие детективы люди часто полагают, что частный сыщик только и делает, что стреляет и дерется. На самом деле его работа чаще всего заключается в том, чтобы внимательно слушать и замечать то, что ускользает от внимания других.

Да, Уайтхед носил с собой пистолет, но пользовался им очень редко. Сейчас оружие мирно лежало на самом дне сумки, и Джон искренне надеялся, что оно там и останется до самого возвращения домой.

— Ну... — администратор выложил на стойку журнал регистрации, — сеньор Мак-Келлен прибыл к нам

седьмого... Отбыл двадцатого, вечером. Я помню, поскольку было мое дежурство.

Джон кивнул. Мак-Келлен, уехавший в Анагуак осваивать грант по переводу каких-то древних рукописей, звонил жене каждые два дня. Последний звонок, в котором профессор сказал, что уезжает посмотреть какие-то интересные развалины, состоялся как раз двадцатого июня.

После чего Мак-Келлен пропал.

Перепуганная супруга позвонила сюда, в «Чикомосток», выяснила, что муж не объявился. Запаниковав, обратилась в «Паркер и Стил», одну из лучших сыскных контор Северо-востока.

А уж Альберт Стил решил, что с поисками потерявшегося профессора лучше всех справится Джон Уайтхед, хорошо знающий испанский язык, а кроме того, на четверть являющийся оджибве.

— Он не говорил, куда именно собирается?

— Нет... — Администратор наморщил лоб. — Но он вроде бы брал железнодорожный билет...

— Позвольте осмотреть его номер? В сопровождении горничной, разумеется. — Уайтхед еще раз улыбнулся. За двадцать лет работы он хорошо усвоил, что улыбка порой бывает эффективнее пистолета. — Ведь профессор так и не съехал?

— Позавчера звонили люди из посольства, обещали забрать его вещи, — администратор потянулся к телефону, — но пока, по-моему, никого не было... Луиза? Сейчас поднимется сеньор, покажи ему семнадцатый номер... Нет, не полиция.

— Благодарю вас. — Зеленая бумажка с цифрой и портретом давно умершего президента переключалась в ладонь администратора, и тот впервые за всю беседу улыбнулся.

Номер оказался самым обычным — гостиная с телевизором, просторная спальня и санузел. Луиза, глаза-

стая толстушка с кожей темной, как шоколад, торчала рядом, пока Уайтхед осматривал вещи Мак-Келлена, но ее присутствие мало ему мешало.

В любом случае он не нашел ничего интересного. Отсутствовали деньги, документы и предметы, необходимые каждый день. А вот то, без чего можно обойтись в короткой поездке, Мак-Келлен оставил.

— Добро пожаловать, сеньор, добро пожаловать. — Лейтенант Уэмак Бланко был высок и округл, как крепостная башня. Под форменной голубой рубашкой колыхалось необъятное брюхо. — Присаживайтесь. Чем могу помочь?

— Я звонил вам из «Чикомостока», — второй экземпляр визитной карточки пошел в ход, — и представляю здесь интересы госпожи Мак-Келлен...

— А! — Улыбка полицейского увяла, как цветок, который давно не поливали. — Вы все по поводу этого американца...

— Да, — Джон понял, что тут улыбки не помогут, куда лучше подействует строгий, почти официальный тон, — и мне хотелось бы знать, что предпринимает полиция Теночтитлана?

— Пока нет запроса из посольства, — Бланко насупился, как носорог, — мы не можем открыть дело. Ну а когда откроем, — ручищей, которой можно было глушить китов, он выразительно шлепнул по грудке картонных папок, — оно попадет сюда... Ясно?

— Да. — Джон кивнул. Намек выглядел прозрачнее куска горного хрусталя. Вряд ли местные полицейские с энтузиазмом ринутся искать пропавшего американца, когда у них своих забот полон рот.

— А вообще, честно вам скажу, сеньор Уайтхед, — тон лейтенанта стал задушевным, — Теночтитлан — большой город... Всякое может случиться. Люди иногда пропадают на улицах и у вас в Штатах, ведь так?

★ — Глупо спорить. — Уайтхед пожал плечами. По сравнению с тем же Нью-Йорком Теночтитлан — сущий рай.

— Так что я надеюсь, — на улыбку Бланко должны были слететься сотни ос, — что на меня не будут слишком сильно давить...

— А я надеюсь, — Уайтхед чуть понизил голос, — что полиция Анагуака не станет препятствовать маленькому частному расследованию.

— Упаси нас Святой Атональцин! — Бланко замахал руками, заставив вентилятор на столе смущенно кашлянуть. — Расследуйте на здоровье! Ведь если вы его найдете, то нам же забот меньше...

— Вот и отлично, — Джон встал, ощущая, как пропитавшаяся потом рубашка неприятно липнет к плечам, — если что, я всегда могу сослаться на вас. Ведь так, сеньор лейтенант?

— Истинно так. — На этот раз полицейский улыбнулся по-настоящему дружелюбно.

— Еще октли, сеньор? — Официант возник рядом с ловкостью хорошо вышколенного джинна.

— Нет, благодарю. — Джон покачал головой. Традиционный анагуакский напиток славился убойной силой, а Уайтхед вовсе не собирался заканчивать вечер под столом.

Отель, где он остановился, назывался «Чапультепек» и был известен даже в Штатах благодаря своему шеф-повару.

Джон успел попробовать жаркое из собачьего мяса с гарниром из фасоли, которое на вкус мало чем отличалось от телятины. Сейчас подумывал о том, чтобы заказать что-нибудь еще вроде запеченного на углях ужа или игуаны с кукурузной кашей.

Меню пестрело всякими хитрыми штуками вроде кактуса «нопаль», рыбы-меч с лимоном или с чесноч-

ным соусом, супа с морепродуктами, лангустов с авокадо, так что тут растерялся бы и опытный гурман.

В конечном итоге Уайтхед решил не рисковать.

— Что посоветуете на десерт? — спросил он у официанта.

— Есть жареный сахарный тростник, сладкий королевский хлеб, — затараторил тот, — булочки и кексы, а также вишневое чимичанги, суфле из кукурузы, манго со сливками, кесадили, тыква в сиропе...

— Давайте тростник, — вздохнул Джон.

Пока ждал десерт, разглядывал развешанное по стенам оружие. Тут были круглые щиты из бамбука, украшенные мозаикой из камней и перьев, копья с обсидиановыми наконечниками, мечи и стрелы, и посреди всего этого — дряхлая винтовка девятнадцатого века.

Такая же висела на стене старого дома в Индиане, где родились Джон, его отец и дед. По семейному преданию, с ней прадедушка участвовал в Первой Юго-Западной войне, в которой на стороне анагуакцев яростно сражались вытесненные из США индейские племена — чероки, семинолы, чактавы...

Насколько Уайтхед помнил, именно тогда США заполучили бывшие испанские земли по Миссисипи.

— Ваш десерт, сеньор.

Сахарный тростник оказался приторным, и Джон доел его с трудом. Расплатившись, поднялся в номер, где улегся на кровать, напоминающую размерами аэродром.

Некоторое время он честно пытался смотреть телевизор. Но на одном из каналов транслировали соккер, на другом тлатоани — депутаты местного парламента, тлатокана — яростно мешая испанский и науатль¹, обсуждали важный вопрос о каких-то кальпишки².

¹ Науатль — группа индейских языков.

² Сборщик налогов.

★ Не обнаружив ничего интересного, Уайтхед сдался и выключил телевизор. Заснул он с мыслью о том, что попал в другой мир, хотя всего в восьми сотнях километров на север, за рекой Колорадо, все точно так же, как в Нью-Йорке...

Площадь Сокало была столь велика, что на ней без тесноты убрались бы несколько стадионов. В центре возвышался памятник Матлалошичитлю — герою революции, свергнувшей императорскую власть в начале девятнадцатого века. Рука гордо выпрямившегося в седле революционера указывала на дворец, возведенный еще при Монтесуме.

Сейчас в нем обитали потомки того императора, которого Матлалошичитль благополучно изгнал. На окружавшей дворец стене виднелись бережно сохраняемые оспины от пуль и снарядов. Одни остались от революции, другие — от боев времен французской интервенции и последовавшей за ней Реставрации.

Напротив дворца высился храм Святого Креста. Исполинская ступенчатая пирамида ранее была языческим святилищем, и не одна тысяча человек рассталась с жизнью на плоской вершине. Сейчас над венчавшими ее двумя вершинами торчали кресты, но они выглядели чужеродно. Так и казалось, что из двери появится жрец в черных одеждах, потрясая окровавленным, только что вырванным из груди жертвы человеческим сердцем...

Все это было до жути занимательно, но Джона мало интересовали памятники архитектуры. Его целью был скромно втиснувшийся в один из углов Сокало Национальный Музей.

Именно тут работал Йен Мак-Келлен.

За высокими дверями из темного дерева путь Уайтхеду преградил толстый охранник, компактно упакованный в темно-синюю форму:

— Вы куда? Сегодня посетителей не принимаем...

— Мне к сеньору Васкесу, — ответил Джон. — Мы с ним договаривались.

Секоатль Васкес, анагуакский историк, в документах на грант, которые Уайтхед просмотрел еще в Нью-Йорке, числился вторым номером после профессора из Принстона.

— Да, он говорил, — охранник расплылся в улыбке и отступил в сторону. — Сейчас я вас провожу. Эй, Кинацин, смени меня...

Из полуоткрытой двери, за которой, скорее всего, прятался пункт видеонаблюдения, явился второй охранник, а первый повел Джона за собой. Они поднялись по лестнице и свернули налево.

Когда вошли в длинный зал, где вдоль стен выстроились стеллажи, Джон поначалу решил, что проникающее через узкие окна солнце играет на толстом стекле. Только приглядевшись, понял, что на подложках из темного бархата сверкают бликами самые настоящие сокровища.

Тут были зеркала из драгоценного металла, подвески в виде головы ягуара, бабочки и черепахи, усыпанные драгоценными камнями, и целая выставка черепов из золота, в которой самый большой отличался от настоящего только материалом.

«А ведь мир не увидел бы всего этого, захвати Кортес Теночтитлан четыреста пятьдесят лет назад, — подумал Джон. — Как и сокровища инков, попавшие в руки испанцев, все оказалось бы переплавлено...»

Крошечная комната после сверкавшего зала выглядела убогой и пыльной. Находившийся тут невысокий человечек с копной черных с проседью волос, бегал вокруг стола, на котором лежали какие-то древние свитки, и судорожно бормотал что-то в диктофон.

Джон вслушался.

— Необходимость языковой идентификации станет тем более очевидной, если вспомнить о том, что в провинции Уашаякак проживает больше языковых семей, чем во всей Европе...

— Сеньор Васкес, — охранник кашлянул с тактичностью, достойной носорога, — к вам пришли...

— А? Да? Что? — Темные глаза на узком лице сверкнули недоумением. — А, вы сеньор Уайтхед? Да, прошу, прошу... Я тут занимался статьей... Чем могу быть полезен?

Через пять минут выяснилось, что почтенный ученый не обратил на пропажу коллеги особого внимания. Насколько понял Джон, мир Секоатля Васкеса ограничивался закорючками на камнях или обрывках ткани.

— Э, я думал, что он уехал... — растерянно бормотал историк, — и несколько увлекся... мы с ним занимались расшифровкой одного из кодексов, созданных в шестнадцатом веке сапотекской знатью, «Льенсо Гевеа»...

— Чем именно увлекся? — прервал собеседника Джон. Ему вовсе не улыбалось выслушать лекцию о каких-нибудь индейцах, сгинувших тысячу лет назад.

— Так я и говорю! — Васкес замахал руками так, словно собирался взлететь. — Мы занимались сапотекскими текстами и зашли в тупик. Йен решил съездить в Уашаякак¹ на пару дней, посмотреть еще не описанные надписи в поисках новых идей...

— И вы не знаете, куда именно он отправился?

— Забыл, — историк сокрушенно вздохнул. — Там много пирамид и прочего... вот он, наверно, и увлекся...

¹ Совр. Оахака.

Выходя из музея, Джон чувствовал себя довольно скверно. Надежды закончить дело в Теночтитлане рухнули. Ему предстояло отправиться в южный Анагуак, царство тропических джунглей и древних развалин.

— У вас должен был останавливаться этот сеньор. — На стойку легла фотография. Высокий светловолосый мужчина в очках с толстой оправой улыбался, держа в руке здоровенную форель.

Эту фразу Джон за день повторил, наверное, раз двадцать. Ушаякак — не такой большой город, но отелей тут оказалось множество, и Уайтхеду ничего не оставалось, как обходить их все.

Поезд из Теночтитлана прибывал сюда к вечеру, так что Йен Мак-Келлен вне зависимости от того, куда он собирался отправиться дальше, должен был где-то ночевать.

— Хм, — администратор отеля «Ачиутла» воззрился на фотографию так, словно человек на ней был в робе арестанта, а сверху имелась надпись «РАЗЫСКИ-ВАЕТСЯ!», — что-то я припоминаю... его имя Мак-Клун?

— Мак-Келлен, — Джон даже перестал дышать, не веря собственной удаче. — Вы не могли бы посмотреть, когда он у вас был?

Бумажка в десять долларов исчезла со стойки так стремительно, будто ее сдуло ураганом.

— Он провел у нас одну ночь, — сообщил администратор, изучив журнал регистрации постояльцев, — с двадцать первого на двадцать второе...

— Как вы думаете, куда он мог отправиться?

— Люди приезжают в Ушаякак с одной целью, — администратор пожал плечами с умудренным видом человека, знающего о жизни все, — посмотреть древние храмы. Я бы на вашем месте отправился на пло-

★ — щадь Тонатиуичан, откуда уходят автобусы с экскурсантами, и опросил бы проводников...

— Проводников?

— Ну да. Тех, кто водит людей по развалинам...

— Благодарю. — Уайтхед растерянно кивнул и двинулся к дверям, но его остановил окрик:

— Сеньор, не вы потеряли?

Перегнувшийся через стойку администратор указывал на лежащую на полу бумажку. По темно-золотистому цвету можно было легко узнать железнодорожный билет. Когда Уайтхед купил его, то в первый момент решил, что сошел с ума — в одном из углов стояла дата: 20.07.48.

Если верить календарю, шло третье июля тысяча девятьсот семидесятого года.

Вглядевшись в билет внимательнее, Джон нашел на нем и обычную дату и только тогда вспомнил, что Анагуак — одна из немногих стран, наряду с общепринятым григорианским календарем использующая собственный. Год по нему начинается где-то в феврале, состоит из восемнадцати месяцев по двадцать дней и пяти добавочных дней.

Пятьдесят два года образуют цикл. Затем следует праздник Нового Огня, и все начинается сначала.

— Благодарю. — Уайтхед наклонился и подобрал билет, выпавший, должно быть, когда он доставал фотографию.

Площадь Тонатиуичан, до которой он добрался за пять минут, напоминала громадную сковороду, где готовилось одно из экзотических блюд анагуакской кухни. Крики, разговоры и смех сливались в громогласное шкворчание, яркие автобусы казались овощами в подливке из суесящихся и бегающих людей, а занимавшие окраины сувенирные лавчонки сверкали, как масло.

И Джону предстояло окунуться в это варево с головой.

Он двинулся туда, где на сером неприметном здании виднелась яркая вывеска «Экскурсионный центр», и на первом же шаге его атаковали торговцы. Крики на дикой смеси испанского и английского звучали причудливо, словно речь попугаев из окрестных джунглей:

— Маски древних богов, сеньор, не проходите мимо...

— ...украшения из гробницы самого Восемь Олень!

— Инкрустации, какие инкрустации! Обсидиан, перламутр!

— Коврики! Знаменитые коврики из Теотитлана!

Но Уайтхед упрямо шел вперед. Возможно, когда он закончит дело, то купит пару сувениров.

Но никак не сейчас.

Автобус взревел, как рассерженный слон, и умчался, на прощание обдав Джона облаком пыли и выхлопных газов. Его ждал Монте-Альбан, признанный туристический центр Южного Анагуака, Джону же предстояло отправиться в небольшую деревушку Куилапан, славную разве что пирамидами в ацтекском стиле.

Именно у них дней десять назад видели человека, похожего на Йена Мак-Келлена. Проводник Кинацин Моралес долго разглядывал фотографию и тряс головой, но точной даты вспомнить не мог.

Но Джон был рад хоть какой-то зацепке.

Деревушка, до которой пришлось идти минут двадцать, выглядела довольно обыденно — тростниковые хижины посреди густых зарослей, длинное деревянное здание, похожее на барак, из-за которого торчал венчавший маленькую церковь крест.

★ В пыли валялись вывесившие языки собаки, бегали смутные дети.

Пройдя немного по единственной улице, Джон обнаружил строение, напоминавшее салун из малобюджетных вестернов. Проржавевший кусок жести с надписью «Pepsi» смотрелся на нем так же, как реклама «Форда» на изуродованном лице египетского сфинкса.

Солнце палило, так что логично было предположить, что спасающиеся от жары аборигены находятся именно здесь. Уайтхед осторожно толкнул прогнившую насквозь (если судить по виду) дверь и оказался в прохладной полутьме.

На него уставились пять пар изумленных глаз. Одна принадлежала бармену, другие — устроившимся за угловым столиком мужчинам в одинаковых широкополых шляпах и белых рубашках.

Повисла тишина, нарушаемая только жужжанием кружащихся под потолком мух.

— Добрый день, — на всякий случай сказал Джон и шагнул к стойке. — Пива, пожалуйста...

Из рассказов того же Кинацина Моралеса он знал, что экскурсии тут бывают редко. На юг Анагуака люди приезжают, чтобы увидеть Монте-Альбан, а не уменьшенную копию храмов Теночтитлана. Поэтому не удивился, когда его появление восприняли как Второе Пришествие.

Но чего Уайтхед никак не ждал — что здесь не понимают испанского!

Бармен выпучил глаза и уставился на посетителя так, словно тот заквакал.

— Э, — Джон несколько растерялся. — П и в о!

Один из сидевших за столом сорвался с места и вскочил на улицу, точно за ним гнался ягуар. Уайтхед посмотрел ему вслед и выразительно пощелкал указательным пальцем по горлу. Потом обхватил ладонью воображаемый стакан и поднес ко рту.

До бармена, похоже, дошло. Он торжественно кивнул и выставил на стойку бутылку коричневой жидкости, мало похожей как на кофе, так и на пепси-колу.

— Что это? — подозрительно спросил Джон.

— На вашем месте я бы не стал рисковать, — глубокий, сильный голос донесся от двери, — вряд ли это вам понравится...

Уайтхед повернулся. На него, улыбаясь, глядел невысокий мужчина в одежде священника. Выбритые щеки его лоснились, а из-за плеча робко выглядывал недавно сбежавший из «салуна» тип.

— Вы полагаете? — спросил Джон.

— Я знаю, — священник сделал шаг вперед. — Отец Хуан, к вашим услугам. Что вы забыли в нашей глуши?

— Я ищу одного человека. — В ход вновь пошла фотография, несколько измявшаяся и засалившаяся за последние дни. — Говорят, его видели у ваших пирамид несколько дней назад...

Отец Хуан взял фотографию, чуть наклонился, чтобы лучше падал свет. Стало видно, что мочки его ушей исколоты и изрезаны, словно их долго царапали чем-то колючим.

— Нет, сеньор, я его не видел, — священник покачал головой. — Хотя, может быть, кто-то из них? — последовал кивок в сторону мужчин в шляпах. — У нас в деревне новости распространяются быстро, если кто заметил чужака, то к вечеру все об этом знают...

Он повернулся и что-то спросил у сидящих за столом. Те дружно замотали головами.

— Увы, сеньор, — отец Хуан с извиняющейся улыбкой протянул Джону фотографию. — Никого не было...

— Жаль, — Уайтхед вздохнул, почесал затылок. — Но для очистки совести мне хотелось бы осмотреть эти пирамиды...

★ Йен Мак-Келлен мог вовсе не добраться до этой деревушки. Кинацин Моралес, вероятно, что-то напутал. Но, с другой стороны, имелась возможность, что профессор из Принстона побывал в окрестностях Куилапана, но забрел не туда, оказавшись в пасти ягуара или еще какой хищной твари...

На лицо священника набежала тень.

— Сеньор, не стоит тратить время, — сказал он, — ничего интересного. Их возвели во времена ацтекской религиозной реформы в середине шестнадцатого века. Правители Теночтитлана пытались тогда унифицировать культы, чтобы противостоять натиску христианства, и строили везде, где можно, подобию столичных храмов...

— Все равно автобус назад будет только завтра, — Джон улыбнулся, — а заняться мне нечем...

— Что вы, я покажу вам достопримечательности нашей деревни, — священник оживился. — А на ночь приму вас у себя.

Джон вздохнул. Похоже, он напоролся на одного из тех энтузиастов, что помешаны на старине родного края. Таких можно встретить в Штатах, да и в любом уголке мира, где они с радостью замучат вас историями о событиях, случившихся лет эдак двести назад.

Странно только, что он не хочет вести гостя к пирамидам. Что-то тут не так...

Но сопротивляться было поздно. Уайтхеда за рукав вытащили во двор:

— Вон то здание — тельпучкалли и одновременно кучкалалько, — отец Хуан взглянул на ошеломленное лицо гостя и спешно поправился: — Школа и клуб... А вот церковь. Мало кто знает, что это одно из первых христианских святилищ в Анагуаке!

Дальше на Джона обрушился поток информации о проповедниках-иезуитах, приплывших сюда из Испании.

— Их одного за другим приносили в жертву! — трещал отец Хуан, волоча за собой Джона, который сам чувствовал себя жертвой. — Но они шли и шли! В Теночтитлане первый храм был возведен в тысяча шестьсот сорок третьем, а эта церковь — чуть позже...

Священник отцепил от пояса ключ, выглядевший как изощренное орудие убийства, и вставил его в замочную скважину. Заскрежетало так пронзительно, что у Уайтхеда заложило уши, и дверь открылась.

— Прошу вас, сеньор.

Внутри пахло ладаном и пылью. Косые лучи света врываются через узкие окошки, пронизывая воздух полотнищами из золотившейся пыли. Вдоль стен, в полутьме ниш расположились вырезанные из дерева статуи — Христос, Дева Мария с младенцем, кто-то из святых.

Блики играли на деревянных лицах.

— Это все очень древнее, — гордо сказал отец Хуан, — и нигде больше такого нет...

Джон медленно пошел вдоль статуи. Как и большинство обитателей Штатов, Уайтхед считал себя католиком, хотя не так часто бывал в церкви, но даже на его взгляд статуи выглядели необычно. Христос был изображен улыбавшимся, но из-под преувеличенно алых губ, словно измазанных кровью, виднелись клыки, а в руке он держал зеркало.

На шее Богоматери висело ожерелье, составленное из чего-то, сильно напоминавшего змеиные головы, а плечи одного из святых, в покоем на парус головном уборе, украшал оскаленный череп.

— Как-то все это странно, — сказал Джон, разглядывая алтарь, сплошь покрытый непонятными заколючками и рисунками.

— Иезуиты были умны, — отец Хуан покачал головой, — они знали, что христианство надо подать так, чтобы его поняли и приняли... А с учетом того,

★ — насколько отличались воззрения европейцев и анагуакцев, задача перед ними стояла непростая.

Уайтхеду ничего не оставалось, как молча кивать.

— А теперь пойдёмте, — священник указал на выход. — Приглашаю вас к себе. Ужин и беседа — что еще нужно хорошему человеку?

Джон вздохнул и подумал, что гостеприимство порой бывает хуже открытой враждебности.

— Благодарю, благодарю, — Уайтхед выдавил самую дружелюбную из улыбок. — Я сам дойду до дороги. Прогуляюсь маленько...

— Ну, как хотите, — отец Хуан развел руками. — Всего хорошего!

— До свидания, — Джон кивнул и зашагал прочь от деревни. Спину жег пристальный взгляд радушного священника.

Принял тот гостя отменно — напоил, накормил и весь вечер развлекал занимательными рассказами о прошлом этого края. Уайтхед узнал о сапотеках и миштеках, о Монте-Альбане и Митле, о приходе сюда ацтеков, сделавших Уашаякак одной из провинций своей огромной империи.

И тем не менее он ни на миг не забывал о том, зачем сюда приехал.

Мисс Мак-Келлен не поймет, если в отчет о проделанной работе будет включено описание странной церкви и перечисление князей, правивших в какой-нибудь Саачиле, но ничего не будет о том, что именно случилось с ее мужем.

Поэтому Джон свернул с хоженной тропы, не доходя до дороги. Как он понял из рассказов отца Хуана, неприметная стежка, ныряющая в тень деревьев, вела как раз к оставшимся от ацтеков пирамидам.

Некоторое время шел сквозь настоящие тропические джунгли. Гудели насекомые, из чащи доноси-

лись птичьи вопли, одуряюще пахли крупные и яркие цветы.

Потом лес разбежался в стороны, и впереди открылись три каменных горба — пирамиды. Две были совсем небольшие, метров пять высотой, а третья — посередине, раза в два больше.

Подойдя ближе, Джон обнаружил, что строения вовсе не кажутся древними. Ведущие на плоскую вершину ступени были не сколоты, а украшающие каждый ярус жуткие хари выглядели так, словно их вытесали несколько лет назад.

Если бы не валявшаяся у подножия одной из меньших пирамид раздавленная банка из-под кока-колы, впору было поверить, что неведомое волшебство перенесло Уайтхеда на пятьсот лет назад, когда храмы действовали и тут реками текла человеческая кровь.

Если Йен Мак-Келлен и побывал тут, то не оставил никаких следов.

Чтобы осмотреть окрестности, Джон полез на большую из пирамид. Ступени были высоки, и пока он добрался до вершины, рубашка промокла от пота, а в мускулах ног появилась ноющая тяжесть.

На плоской верхушке лежал круглый камень, похожий на пуфик от исполинского дивана. Уайтхед пригляделся к покрывающему его коричневому налету и похолодел, несмотря на нестерпимо палившее солнце.

Это была кровь, причем никак не вековой давности!

Для верности Джон наклонился, колупнул пальцем. Ржавого цвета крупинки легко шелушились, с шорохом падая на серый камень. Когда выпрямлялся, заметил, как в щели между двумя блоками что-то блеснуло.

Встал на колени, сунул туда руку. Пальцы сомкнулись на разогретом металле.

Вытащенные часы сверкали позолотой, время на них застыло, показывая без пятнадцати двенадцать.

Ремешок оказался разорван, а на боку красовалась надпись «Таймекс».

Если верить мисс Мак-Келлен, именно такие носил ее муж...

За спиной что-то зашуршало. Джон повернулся, краем глаза заметилдвигающийся темный силуэт, а потом что-то со страшной силой ударило по затылку.

Очнулся он от дергающей боли в голове. Попробовал двинуться и осознал, что обнажен, лежит на чем-то твердом, а руки крепко связаны за спиной. Над головой виднелось черное ночное небо, усеянное звездами.

— Ты очнулся? Это хорошо, — прозвучал знакомый голос, и из тьмы выступил человеческий силуэт.

— Отец Хуан? — востроенулся Уайтхед. — Что это...

Он осекся. Священник был в длинном черном одеянии, а из разодранных мочек на плечи капала кровь.

— Не стоило вам сюда лезть, сеньор кимичтин¹, — Усмешка отца Хуана напомнила Джону оскал Христа в церкви.

— Это вы убили Йена Мак-Келлена, — сказал он.

— Увы мне, не удержался, — отец Хуан вздохнул. — Сейчас не времена Монтесумы, но как тламасак², я должен обеспечивать приношения богам. Людей, готовых добровольно отправиться в Тлалокан, не так много, поэтому не воспользоваться появлением одинокого чужака было бы глупо... Я думал, его никто не хватится, но ошибся. Ну что же, боги получают еще одну жертву...

¹ «Мышь», прозвище шпионов.

² Жрец.

— Вы что, серьезно верите в них? — Уайтхед глянул на то, что держит в руке его собеседник, и вздрогнул. Звездный свет поблескивал на острейшем обсидиановом лезвии. — В этих кровожадных чудовищ?

— А вы серьезно верите в Распятого? — отец Хуан презрительно усмехнулся. — Верите в того, кто принес себя в жертву? Куда логичнее верить в ТЕХ, кому он СЕБЯ принес...

— Но это же бред! Вы же цивилизованный человек!

— О да, это так, — священник кивнул, — и мои предки были цивилизованными задолго до того дня, когда Кортес ступил на берега Анагуака. Вот только вы, его потомки, никак не поймете, что может быть другая цивилизация, не такая, как ваша! Не мир «Макдоналдсов» и бега за наживой, а нечто иное, основанное на служении богам!

Он махнул рукой. Из мрака выступили несколько человек. Джон ощутил, что его распутывают. Он дернулся, но его держали крепко, конечности прижали к камню так, что грудь выпятилась.

— У вас же тоже есть «Макдоналдсы», церкви и все остальное...

— О да! — Отец Хуан плавным движением поднял нож. — Но это всего лишь фасад, которым мы прикрываемся, чтобы выжить.

Джон закричал, но от боли в груди подавился собственным воплем. Последним, что увидел через туман в глазах, оказалась торжественно вскинутая рука, в которой трепетало нечто округлое...

Историческое послесловие

30 июня 1521 года Эрнан Кортес, предводитель осадивших Теночтитлан конкистадоров, имел все шансы попасть в плен и погибнуть на жертвенном камне.

Что бы изменилось после такого события?

В отсутствие вождя экспедиция Кортеса потерпела бы полный крах, и государство ацтеков, во главе которого стоял талантливый полководец Куаутемок, получило бы многолетнюю передышку. До следующего нападения, вероятного не ранее середины шестнадцатого века, оно имело шансы с помощью ренегатов-европейцев перенять у испанцев новое оружие и тактику. При таком положении дел завоевание стало бы невозможным и независимое государство ацтеков могло уцелеть до нашего времени. Оно прошло бы через постепенную и поверхностную христианизацию, революции и потрясения, но в любом случае на территории нынешней Мексики сохранилась бы уникальная культура.

Экспансия испанцев в таком случае была бы направлена в Северную Америку, в долину Миссисипи, и вероятнее всего, США в продвижении на запад столкнулись бы с большими трудностями, чем в реальной истории, территория Штатов была бы несколько меньше, чем сейчас, а вторым государственным языком еще век назад стал бы испанский.

АЙНУР СИБГАТУЛЛИН

ПОСЛЕДНИЙ ДЖИХАД ЗА ЛЮБОВЬ

— Ну и как тебя называть после этого? — Айдар с укоризной посмотрел на кота. Кошак только что сделал лужу в углу кухни и теперь терся у ног хозяина, вымурлыкивая прощение.

Айдар вздохнул и продолжил драить ершиком бутылку из-под кефира. Ладно, пока что амнистия, кото-

сапиенс. Потому как мать на работе и не видела сего безобразия.

В квартире было душно и влажно. Над городом только что пролился дождь. А в комнате Айдары еще и пыльно от множества книг, стоящих на открытых стеллажах. В основном это были книги по истории, хотя к его роду деятельности все-таки больше подошли бы книги по физике и программированию.

Айдару безумно нравилась его работа. Тихая, интересная. Конечно, он не мог себе позволить отдыхать на Лазурном Берегу. И машины у него не имелось сроду. И одевался он лишь в то, что покупала мать. И еще много было всяких мелких и обидных вещей, постоянно напоминавших Айдару о его материальном положении. Но все это забывалось, когда Айдар думал о своей работе. Даже мать и его лучший друг Вадик не знали толком, над чем на самом деле он работал. Хотя, казалось бы, ответ лежал на поверхности. Достаточно было внимательно прочитать название его института. Но почему-то, такое сочетание слов как «Институт клиодинамики» не вызывало у окружающих желания узнать подробности. Мать лишь ворчала из-за того, что сын не порадует ее внуками и покладистой снохой.

Нет, пусть все-таки до поры до времени его работа для друзей и родни останется тайной. К тому же пока что и похвастаться особо нечем, и диссертация туго идет. Хотя тема так и просится для того, чтобы обкатать на ней последнюю версию программы клио-серфинга. Да и директор института, Магомед Магомедович, скорее всего не стал бы ругаться, узнав о том, что его ассистент Айдар Казаков совсем немножко злоупотребил служебным положением.

Небо за окном постепенно прояснилось. Кот залез на подоконник и с интересом глядел на голубей, прогуливающихся по перилам балкона. Айдар посмотрел

★ на часы и начал собираться. Сегодня был особенный день — пробный запуск новой версии моделиатора, что поставили вчера вечером. И новый таймлайн для первого прогона.

Магомедыч советовал тщательно подумать над вводимыми категориями данных, иначе опять получится «каша, мед, говно и пчелы». Как в тот раз, когда Айдар просчитывал таймлайн с переселением казанских татар в 1946 году в Монголию. Эту идею жарко обсуждали на интернет-форуме альтернативной истории. Поговаривали, что была такая идея фикс у Сталина. И всякий раз в финале таймлайна получалась какая-то ерунда: татары и монголы выступали походом и сокрушали Китай, а потом СССР. Почти как в старые добрые времена Темуджина. Весь институт ржал над результатами исследования.

Оказавшись в лаборатории, Айдар первым делом включил компьютерный комплекс и пошел ставить чайник. «Что же сегодня попробовать просчитать?» — думал он, наливая воду в старенький «Тефаль». Вернулся к рабочему столу и принялся пролистывать архивные записи на экране монитора.

«Пожалуй, все-таки надо реабилитироваться перед ребятами на таймлайне по татарской тематике. Итак, что мы имеем?.. Древние времена трогать не будем. Средневековые тоже пропустим. Семнадцатый век, восемнадцатый... девятнадцатый... — никаких интересных точек бифуркации. Двадцатый век... Вот оно! Обращение татарской интеллигенции в секретариат ЦК КПСС о предоставлении статуса союзной республики Татарской АССР...»

Айдар запустил программу сбора данных и через пару минут получил подробную справку. Татария могла впервые стать союзной республикой еще в 1922 году. Или в августе 1991 года... Татарская АССР подписывает Союзный договор, становится шестнад-

цатой союзной республикой и выходит в 1991-м из состава РСФСР. «Годится!» — Айдар запустил модельтор.

Дверь в лабораторию отворилась, и вошел седой, аккуратно постриженный мужчина, среднего роста, с бородкой-эспаньолкой.

Айдар встал и шагнул ему навстречу. Тот крепко пожал протянутую руку Айдара и слегка приобнял за плечо.

— Ну что, уважаемый, как успехи? Как дома дела, как мама?

— Да потихоньку, Магомед Магомедович. Вот, только что запустил расчет очередного таймлайна.

Директор хмыкнул и поинтересовался:

— Что на этот раз? Опять свои татарские корни будешь тешить?.. Эй, дай-ка угадаю: Казанское ханство включает унию и мирно входит в состав Московского государства?.. Войска Гитлера доходят до Казани и провозглашают штат Идель-Урал?.. Или, может, Тохтамыш разбивает вусмерть Тимура под Кондурче?..

— Просчитываю последствия наличия у Татарии статуса союзной республики в 1991 году, — улыбнулся Айдар. — Все таймлайны просчитать пока не получается — комп все время зависает. Я ребятам из техподдержки, наверное, ящик водки буду должен.

На главном экране комплекса извивалась разноцветная лента Мебиуса, и был отчетливо слышен тихий вой винчестеров, работающих на максимальных оборотах. Директор присел на край стола и достал массивный портсигар, раскрыл и протянул подчиненному. Айдар не стал отнекиваться и взял папиросу. Они закурили.

— А как там твой диссер продвигается? Напомни-ка тему, — Магомед Магомедович смачно затянулся и медленно выпустил дым через нос, — давно над ней корпишь, уважаемый?

Айдар пожал плечами:

— Да не очень. Диссертация называется «Мирные инициативы России в Гаагских конвенциях и декларациях 1899 и 1907 годов как упущенный шанс человечества».

— Имеешь в виду, что после этих конвенций все ведущие мировые державы должны были дружно прекратить наращивать свои вооружения, и в итоге — мир во всем мире?

— Типа того. Российский император Николай Александрович предложил тогда остановить гонку вооружений и путем мирных переговоров решать все конфликты да много чего еще.

— Что-то я не припомню, чтобы эту тему в школе или институте проходили...

Айдар усмехнулся.

— Вряд ли во времена вашего детства коммунисты стали бы рассказывать о том, что задолго до их курса на разрядку ровно то же самое предлагал русский царь. Он ведь, по их мнению, хотел войны не меньше чем его кузены — германский кайзер Вильгельм II и король Великобритании Георг V.

Директор слегка нахмурил брови, встал и прошелся вдоль стола.

— Я чего зашел-то, Айдар-джан. Послезавтра будет конференция по клиодинамике, а у меня в этот день теща из Гудермеса приедет в гости. Сам понимаешь, не могу я обидеть родню. Так что давай-ка ты вместо меня туда сходишь, послушаешь. Может, даже доклад прочтешь в тему, а?..

Айдар замотал головой, но шеф словно не заметил этого.

— В общем, сходи, потом расскажешь за чашкой чая. Как говорил один мой знакомый шейх: «Кто общается себя к новым познаниям, для того Аллах об-

легчает путь в райскую обитель...» О, кажется, у тебя появился результат!

Магомед Магомедович подошел к монитору и стал, щурясь, читать с экрана, потом крикнул и похлопал вставшего рядом Айдара по плечу.

— Может, машина на самом деле не глючит? Довольно-таки правдоподобный расклад дается.

Айдар пустил файл на печать. Он не мог понять: шутит шеф или нет? Компьютер сообщил, что в случае получения статуса союзной республики Татария провозглашала независимость наравне с другими ССР. Вслед за Татарской ССР такие национальные республики, как Якутия, Башкирия, Дагестан и другие, также потребовали аналогичный статус, после чего в стране вспыхнула гражданская война. Ожесточенные бои шли не только на Кавказе, но и в Поволжье, Сибири и Дальнем Востоке. Перед глазами Айдара поплыли таблицы с вероятным количеством убитых и раненых...

* * *

Конференция проходила в здании Академии наук на Ленинском проспекте. Айдар подошел к лифтам в просторном многолюдном холле и нажал кнопку вызова, размышляя о вчерашнем таймлайне.

— Давно ждете? — вывел его из задумчивости женский голос с легкой хрипотцой. Айдар оглянулся и увидел девушку в синем джинсовом костюме с яркой арафаткой на шее. Каштановые волосы девушки мягкими волнами лежали на плечах, во рту торчала палочка «чупа-чупса». В карих глазах незнакомки прыгали насмешливые искорки.

Айдар собрался было ответить, когда каким-то невероятным образом сумка выскользнула из его рук. Он едва успел ухватить за уголок футляра с ноутбуком. Потом кинулся поднимать сумку, но она вдруг

★ раскрылась, инаружу посыпались ручки, карандаши, какие-то листы и листочки. Айдар, чертыхаясь, принялся собирать вещи. Наконец, сложив все обратно в сумку, он выпрямился. Девушка по-прежнему с легкой усмешкой смотрела на него.

— Извините, я тут... э-э... лифт скоро будет. — Айдар провел рукой по волосам и поправил очки.

Девушка вынула палочку от конфеты изо рта и ткнула ей в ноутбук.

— Хорошая машинка, почему?

— Э-э... это друг привез. Из Штатов...

— Ясный перец, что не из Талды-Кургана. Это же «Неотех-3000»! У нас они еще официально в продажу и не поступили. Где-то через пару месяцев старт заявлен... Ну и как она?

— Да вроде ничего. Шустрая...

— Да, блин, в этом ей не откажешь! У нее одна оперативка на сто гигов — облачная технология!..

В этот момент звякнула кабина лифта, и двери его нехотя разошлись. Айдар облегченно шагнул в кабину, следом вошла незнакомка. Нажав нужную кнопку, Айдар сообразил, что не спросил у девушки, на какой ей этаж?

— Нам по дороге, — бросила она, роясь в своей большой кожаной сумке.

Лифт, кряхтя, полз вверх. Айдар смотрел на светящиеся цифры этажей. Наконец спросил:

— А вы, случайно, не на конференцию?

Девушка перестала копаться в сумке и внимательно посмотрела на него.

— На нее самую.

— Я тоже. Вы, кажется, с кафедры медиевистики? По-моему, я там вас видел...

— Какая еще медовистика, на фиг?! Меня контора наша прислала.

Лифт остановился, и молодые люди вышли в широкий, застеленный изрядно вытертой ковровой дорожкой коридор.

— Пошли скорей, — бросила девушка на ходу, — и так опоздали!

В конце коридора она открыла дверь в зал заседаний и, пригнувшись, просочилась в последний ряд. Айдар, на секунду задумавшись, прошел за ней и сел рядом. Потом не торопясь огляделся. Конференция, судя по всему, вот-вот должна была перейти от официальной части к секционным заседаниям. На сцене что-то радостно бубнил седобородый лектор. В зале почти не было свободных мест.

Незнакомка достала планшетник, повернулась к Айдару и спросила:

— Тебя как звать-то?

Айдар не глядя сунул руку в сумку и вынул оттуда визитку.

— Вот. Тут все написано.

Девушка взглянула на карточку и прыснула в ладошку. На них зашикали. Айдар недоуменно посмотрел на нее, потом на свою руку и увидел, что вместо визитки протягивает собеседнице... рекламу мужского стриптиз-клуба! Похоже, она попала в сумку с ворохом другой рекламы, когда он сгреб туда всю утреннюю почту. Айдар покраснел, скомкал бумажку и буркнул:

— Извините, в почтовом ящике валялось... Вот, это настоящая...

Все еще хихикая, девушка пробежала взглядом по визитке.

— Круто! Хотя первая мне понравилась больше!.. А меня Машей звать. Но я не аспирантка какая-нибудь, я здесь совсем по другому поводу.

На них опять зашикали. Сидящий впереди лысоватый пожилой мужчина повернулся и прошипел:

★ — Молодые люди, хватит болтать. Здесь вам не дискотека! Или вас придется вывести...

Маша нахмурила брови:

— Ой, как страшно!

— Вы еще и хамите?! А ну, убирайтесь отсюда!

На них начали оглядываться с соседних рядов.

Не терпевший скандалов Айдар шепнул:

— Вернемся в холл. Я видел: там продают бутерброды и кофе...

Маша кивнула, и они выскользнули из зала.

— Вот козел, докопался! — возмущалась девушка. — Выведет он меня... Да он уже меня реально вывел!

Она снова достала планшетник и быстро застучала по экрану пальцами, изредка клацая наманикюренными ноготками.

— Так что у тебя за повод? — спросил Айдар, попивая кофе.

— Да ничего особенного. Я программист, а наша контора игру сейчас пишет новую. Там по истории много чего будет. Сказали, чтоб сходила, послушала умных людей. А ты что тут забыл?

— Меня от института послали. Тоже послушать умных людей. А по какому историческому периоду будет игра? Я как-то играл в «Ордусь 2.0». Ничего так...

— Наша игра покруче, Айдар... Петрович. — Маша дожевала бутерброд и продолжила: — В «Ордусе» все было замкнуто на сюжете одной книги. Одномирье косорукое! А у нас игра пойдет совсем не так. Мы задаем все основные события, которые были у нас в истории. Ну, там — Куликовская битва, Ледовое побоище... А потом по ходу действия игроки смогут изменять ход истории на фиг!..

Она вдруг перестала пить кофе и быстро огляделась по сторонам.

— Что-то разболталась я с тобой... Это же — КаТэ, блин!

— Катэ?!

— Коммерческая тайна сокращенно. Ладно, ты только не болтай никому, ОК?

Маша снова стала что-то набирать на экране планшета.

— Ага, вот ты где, Аркадий Иванович!.. Глянь. — Она развернула к Айдару экран, и он увидел фотографию давешнего лысого дядьки, выгнавшего их из зала. — Сейчас посмотрим, что это за гусь такой... Так, ну понятно, здешние админы забили на безопасность. Боже, ну что за детский сад! Хоть бы элементарный файервол... прям даже не знаю. Ага...

Айдар смущенно уточнил:

— Ты что, проникла в их Сеть?! Это же...

Маша усмехнулась:

— Проникла... Да тут и проникать никуда не надо, все сами вынесли на блюдечке с голубой каемочкой, чтоб их... через три порта с присвистом! Так, ну-ка поглядим... Ага, а дедуля-то с душком! Смотри, что у него в кэше... Я таких за километр чую. И вот — фу, какая гадость!.. Ты не парься. Просто я кое-что проясню для окружающих про этого «ученого»... Вот. Вуаля!..

— Что ты сделала?

— Да так, ничего особенного. Просто переслала инфу в управление «К», отлавливающее таких, как он. Ну и заодно его супруге в почту сбросила да коллегам по кафедре. Ладно, продолжаем пить кофе дальше.

Айдар ошарашенно пытался осмыслить услышанное. Наконец спросил:

— Маша, ты что... хакер?

— Ну, допустим. А в чем дело?

— Я просто подумал... Ты же видела название моего института на визитной карточке?

— Ну, видела. Какой-то там креодинамики.

★ — Не крео, а клио. Институт клиодинамики. Я думаю, тебе будет гораздо полезнее поработать над одним нашим проектом, чем... заниматься такими вещами.

Девушка распрямила плечи.

— С чего ты решил? И вообще, мне есть чем заняться.

— Маша, ты же сама сказала, что пришла сюда послушать умных людей. Чтобы потом в своей конторе использовать для разработки новой игры, так?.. Но здесь толкутся одни теоретики, а я — практик. И все, о чем они тут толкуют, я давно знаю. В нашей лаборатории я занимаюсь расчетом таймлайнов — слышала такое слово?

— Знаю, конечно. И что дальше?

— Я работаю на институтском компьютерном комплексе, где просчитываю варианты развития нашей истории. У нас есть огромная база данных по всем сюжетам мирового и российского исторического процесса. Проблема только в том, что модельатор, ну в смысле наш компьютер, не тянет... То одно глючит, то другое. И я вот подумал, что, может быть, нам объединить усилия? Ты сможешь использовать наши наработки, а взамен поможешь разобраться с модельатором?

Девушка задумалась. Спустила минуту спросила:

— А начальство твое что скажет? Вдруг у вас там тоже сплошное КаТэ, и тебе потом башку отвернут?

Айдар рассмеялся:

— Да какое там КаТэ! У нас не институт, а проходной двор... Я договорюсь с шефом, не переживай. Он только спасибо скажет. Ну что, по рукам?..

— По рукам. Только потом не жалуйся...

* * *

— С чего ты решил, что модельатор глючит? — Маша шустро барабанила изящными пальчиками по клавиатуре. — Может, тут проблемы в железе? Я, ко-

нечно, в нем тоже немного шарю, но, сам понимаешь, здесь...

— Да нет же! — Айдар расхаживал по лаборатории, отчаянно жестикулируя. — Говорю тебе, проблема в софте! Наши админы все нутро комплекса с лупами облазили. Разработчики тоже руками разводят...

— Ладно. Дай мне еще полчаса... А пока завари кофе, что ли?..

Айдар кивнул и принялся искать банку с зернами. Маша лишь досадливо морщилась, слушая, как он громыхает ящиками и хлопает дверцами шкафов. В итоге банка была все-таки найдена, а вместе с ней и турка.

— Слушай, — Маша развернулась в кресле и посмотрела на Айдара. — Программа твоя, модельтор, в полном порядке. Я все проверила. Сначала думала, вирус какой засел или действительно баги. А вот и нет, все чисто. Тут кое-что другое, по-моему... Кофе готов?

— Сейчас будет. А что ты обнаружила? — Айдар подтащил стул и сел напротив девушки так, чтобы ему были видны ее стройные загорелые ножки. На новую «работу» Маша пришла не в джинсе, а в легком коротком платье и даже соорудила из своей гривы некое подобие прически, заплетя полукосу.

— Я просмотрела записи таймлайнов, которые, как ты говоришь, были глючные. И знаешь, проблема не в глюках, а в корректном вводе данных. А еще ты задал слишком мало параметров для просчета таймлайна. Мы с такой же проблемой сталкивались, когда предпоследнюю игру делали... Ой, у тебя там кофе выкипает!

Айдар вскочил и бросился к плитке. Кофе был спасен. Теперь осталось найти чистую чашку для дамы.

— Короче, слушай дальше, — продолжила Маша, потягивая ароматный напиток. — Надо задать как минимум нескольких сотен параметров. Может, и ты-

★ — сяч — я не знаю. Тогда твои таймлайны станут похожи на вполне реалистичные сценарии. И еще. Вводить надо не только цифровые параметры, но и оцифрованные социальные факторы. Ну, как в играх, где у персонажей есть свои модели поведения, так и в таймлайнах нужно задавать всякие социальные моменты. Я в них не шарю, тебе самому виднее должно быть. Ну, это, типа — религия, традиции разные. В общем, много чего, понимаешь?

— Да, у меня есть все эти данные в цифре, — удивленно подтвердил Айдар. — Просто я думал, что хватит нескольких десятков. Численность населения, территория, количество вооружений... Мне эти дополнения загрузить в модельатор — раз плюнуть.

— Ну, тогда давай, заводи. Я тебе еще могу перекинуть кое-какие наши разработки. Но только это все — КаТэ! Так что ты — никому ни слова. А за это с тебя — ваша база данных по истории. Я ее, конечно, и так могла бы скачать. Ты ее и зашифровать-то по-человечески не смог... Да решила не расстраивать тебя.

Она подошла к своей сумке, висевшей у двери вместе с летним плащом, достала серебристую флешку и кинула Айдару. Тот еле успел поймать. Потом снова села за компьютер. Айдар активировал второй терминал и дал команду на копирование.

Часа через полтора девушка откинулась в кресле и устало выдохнула:

— Аллес!

— Неужели все?

Маша покачала головой.

— У меня лично — все.

— У меня в принципе тоже. Может, попробуем?

— Почему бы и нет. С чего начнем?

Айдар задумался. Его взгляд скользнул по комнате и выхватил обложку диссертации на столе. Он взял

в руки распечатку и принялся задумчиво перелистывать. Затем отложил в сторону и, сев за терминал, начал вводить дополнительные данные. Маша подкатилась к нему на кресле и стала читать с экрана.

— Ты не слишком размахнулся, парень? Этого будет достаточно?

— Вполне.

— А почему именно такая тема? Есть же более интересные таймлайны — например, открытие Америки, Вторая мировая война, Крестовые походы всякие...

— Это пускай в Голливуде такие темы окучивают. А у нас свои есть, родные. Тем более что я диссертацию пишу. Как видишь, все просто. Ну что, запускаем?..

Моделятор тихо загудел — началась обработка данных. На экране пошел обратный отсчет. Айдар повернулся к девушке.

— Что ты знаешь о Гаагских конвенциях и декларациях 1899 и 1907 годов? Хотя... в школе вы это, конечно, не проходили.

— Гмм... зачотновангуешь! Первый раз слышу. Хотя вообще-то про город такой знаю — года три тому назад с друзьями мимо проезжала. Там вроде особо ничего такого нет, не то что в Амстердаме.

— Ладно, тогда я расскажу, чтобы ты понимала, какими могут быть таймлайны. В августе 1898 года российские дипломаты от имени императора обратились ко всем ведущим державам с предложением провести конференцию по сокращению расходов на вооружения. Россия предлагала также запретить использовать в морской войне подводные лодки, вводить в оборот новые взрывчатые вещества. В общем, тогда было предложено еще много других ограничений, применяя которые миллионы людей остались бы живы и здоровы. А главное, могло не случиться ни Первой,

ни Второй мировой войн! Удушающий газ, разрывные пули, ядерные бомбы, беспилотники — все это могло остаться только плодом фантазии писателей.

— Фантазии?! — Маша пожала плечами. — Помогите, фантазией осталась эта идея императора. Или, может, я что-то попутала и теперь в школе учат, что Первой мировой не было вовсе?

Айдар усмехнулся.

— Да нет, ты права с точки зрения уже произошедших событий. Предложение России вызвало во всем мире разнообразные реакции — от удивления и восхищения до насмешек и подозрений в предательстве интересов союзников. Из всех предложенных ограничений почти ничего не утвердили. Мир продолжал готовиться к грядущей великой войне, которая никуда не делась. Хотя как же легко можно было ее избежать! Да если бы в Гааге все страны договорились разрешать конфликты в третейском суде, как предлагал вначале Николай II, то конфликт Сербии с Австро-Венгрией, с которого все и началось, можно было загасить в самом зародыше.

— И тем не менее, Первая мировая война была. И Вторая — тоже. И все другие, так ведь?

— Были. А могли и не быть. И мы скоро увидим, что из всего этого могло получиться.

На табло на экране монитора возникло «00:00». Принтер тихонько зажуужал и стал выплевывать один за другим листки бумаги.

— Ну что, как успехи? — Маша нетерпеливо поерзала в кресле.

Айдар протянул ей распечатки.

— Посмотри сама.

Маша сморщила носик.

— Ой, давай, может, ты сам прочитаешь, а то я уже так устала...

— Хорошо, слушай. Значит, я поставил модельтору задачу: рассчитать два таймлайна. Первый — это период с 1898-го по 1951 год. Точка бифуркации — 1898-й, год принятия Гаагских конвенций. Второй таймлайн связан с первым, то есть продолжает ход истории в период с 1951-го по 1991-й. Что мы имеем в итоге?.. Компьютер пишет следующее: после подписания Гаагских конвенций, утвердивших некоторые инициативы русского императора, Первая мировая война так и не началась. Потому что Сербия и Австро-Венгрия разрешили свой конфликт в 1914 году в Гаагском мировом суде. Правда, потом, спустя два года, вооруженный конфликт между ними состоялся, но это была сугубо региональная война, в которую другие великие державы не стали вмешиваться.

Конфликт между Россией и Германией по альтернативному таймлайну также не произошел. Тут я попробовал просчитать известную историю о телеграмме Николая II кайзеру.

— Телеграмму?! Это что, у них тогда уже мессенджеры были? Ха-ха!..

— Ну, хватит прикалываться! Эту историю ты тоже, конечно, в школе не проходила. Так вот. Великая война могла не произойти, если бы кайзер, двоюродный брат русского императора, ответил на его телеграмму с предложением созвать третейский суд.

— И что просчитал модельтор?

— То, что я сказал. Первой мировой войны не будет. Но, конечно, будут локальные войны на континенте. В большинстве вариантов Австро-Венгрия и Османская империя разваливаются. Что еще... А, ну, понятное дело, никакой революции в России не случается. Ни в феврале, ни в октябре, ни вообще. И Гражданской войны тоже не будет. Только небольшие волнения в национальных окраинах — поляки да финны немного побузят и успокоятся. Гм-м... А, вот это инте-

ресно! Знаешь, какие территории будет контролировать Российская империя?..

— Неужели Аляску?! — прищурилась Маша.

Айдар довольно улыбнулся.

— Почти угадала. Россия при императоре Алексее II после 1925 года вернет назад Порт-Артур, а еще станет держать под собой весь Северный Китай, почти весь Иран и Проливы. Присоединит Монголию и Туву сразу. Но, кроме этого, важно другое. Судя по прогнозу, золото России не достанется американцам, которые во многом за его счет нарастили свою промышленность. И таким образом Штаты останутся сугубо региональной державой без претензий на мировое господство!

Это первый таймлайн.

Во втором Россия успешно продолжит развиваться. Ее население достигнет к 1951 году трехсот миллионов. Это будет первая экономика в мире! А вот чего не будет — так это ни Гитлера, ни Сталина. Потому что для них не окажется почвы — Первой мировой войны не было, не будет и Второй! Ну, и к 1991 году империя, конечно, станет более конституционной, ближе по формату британской, но все-таки — монархией!

Я лишь бегло посмотрел выкладки, но, по-моему, оба таймлайна просчитаны почти идеально. Спасибо, Маша!

Девушка радостно улыбнулась.

— Всегда пожалуйста, Айдар Петрович. И тебе спасибо — за базу данных. — Она вдруг повернулась к двери и прислушалась. — По-моему, сюда кто-то идет?

— Да... — Айдар тоже напряг слух. — Может, это кто-то из айтишников?

В тот же миг дверь распахнулась, и в кабинет вошел директор института. Он удивленно посмотрел на

девушку, но ничего не сказал. Айдар же подскочил к нему и, едва поздоровавшись, начал:

— Магомед Магомедович, кажется, все получилось! Моделятор работает без сбоев и выдал точные таймлайны! Вот, поглядите.

Он сунул в руки шефу распечатки и стал что-то тихо и быстро пояснять. Маша стояла в стороне, шурша оберткой очередного «чупа-чупса». Наконец Айдар представил ее директору:

— А это — Маша. Без нее я бы не справился! Она... независимый эксперт по программному обеспечению. Занимается разработкой игр по исторической тематике.

Магомед Магомедович сухо кивнул девушке и продолжил чтение. Айдар подошел к Маше и тихо сказал:

— Директор — наш человек. Я его с детства знаю!

Магомед Магомедович сел в кресло у компьютера. Он снова быстро начал листать записи таймлайнов, время от времени что-то набирая на клавиатуре. Маша повернулась к Айдару и шепнула:

— А он что, тоже в компьютерах шарит? Я смотрю, он коды мои проверяет!

— Да, у него первое образование — техническое. А потом вот занялся историей. Или, точнее сказать, математическим моделированием исторических процессов.

— А что же вы раньше не могли кого-то позвать из нормальных программистов?

— Магомедыч как-то особо не давил на меня. И вообще он в этом плане спокойный. Всегда говорит: «На все воля Аллаха»...

— Молодые люди, что вы там шепчетесь? — Директор развернулся к ним вместе с креслом. — Давайте лучше обсудим результаты вашей работы.

Айдар с Машей подошли поближе.

— Я просмотрел данные модельатора. Неплохое имитационное моделирование. Даже не верится, Айдар. Я так понимаю, что это все благодаря вам, Маша?

Девушка посмотрела на Айдара и ответила:

— Да, есть такое дело.

— Вы где-то работаете сейчас?

— На фирме компьютерной. Игры пишу.

— Я бы хотел взять вас к нам на работу. Хотя бы в качестве внештатного эксперта.

Маша пожала плечами:

— Даже не знаю...

— Вы не спешите с ответом. А насчет оплаты ваших услуг не беспокойтесь, не обидим.

Магомед Магомедович достал из кармана пиджака визитную карточку и протянул девушке.

— Надумаете — позвоните. А ты, Айдар, давай-ка откорректируй данные по продолжению полученного таймлайна и вводи их в базу. Будем дальше тянуть имитационную модель. Посмотрим, справится ли модельатор. Ты помнишь, какой хадис пророка висит на входе в мой кабинет?

— «За ученого человека молится все живое на небесах и земле, даже рыбы в море»!

— Амин.

Директор попрощался и вышел из лаборатории. Айдар повернулся к Маше:

— Ну что, пойдешь к нам?

Девушка хитро улыбнулась.

— Я подумаю...

* * *

На следующее утро Айдар спозаранку примчался в лабораторию и засел за работу. Он прогнал модельатор еще несколько раз, чтобы проверить итоговые прогнозы. Незадолго до обеда раздался телефонный

звонок. Айдар взял трубку и услышал голос директора.

— Алло, здравствуй, дорогой! Как успехи?

— Все нормально, я как раз хотел к вам зайти и поговорить. И спросить кое о чем.

— Вот и заходи. С последними данными. А у меня для тебя еще сюрприз есть. Так что жду.

Айдар распечатал последнюю версию таймлайнов и отправился к шефу. По дороге он встретил Пашку Колычева из соседней лаборатории. Тот спросил с ехидной ухмылкой:

— Ты что, девушек теперь к себе водишь? Смотри, Магомедыч — мужик правильный, чисто по шариату тебя выпорет.

Молча обойдя Колычева, Айдар двинулся дальше.

— Да ладно, чего обижаешься, чувак, я же завидую белой завистью! — Пашка миролюбиво похлопал его по плечу и зашагал рядом. — Лучше расскажи, как ты с модельтором развлекаешься. Есть успехи?.. О, я смотрю, ты таймлайны какие-то отрисовал? О чем хоть?..

— Гаагские конвенции. Я тебе рассказывал...

— Да-да, помню. И что, тебе удалось просчитать таймлайн?

— Да, удалось. Я даже тебе хотел... потом показать, как специалисту по военной истории.

Пашка довольно крикнул.

— Ну, специалист — это громко сказано. Так, просто сведущий человек. Да и не только в военной истории... Ну и что у тебя после Гаагской конвенции случается?

— Случается великая и процветающая держава, которая...

— Погоди-погоди! А что с Первой мировой? Когда она у тебя начинается? В 1920-м? Или в 1921-м?..

— Да не начинается она у меня! И Вторая мировая — тоже. Будут локальные войны и только.

★ — Обалдеть!.. А ты хоть знаешь, что появилось благодаря мировым войнам?

— Ну, ясно дело что. Более совершенные орудия убийства. А еще произошло много других трагических вещей, которых могло не случиться, если бы конвенция...

— Вот заладил: «конвенция», «конвенция»!.. Для начала хотя бы вспомни, как изменилось положение женщины после войны? Да не будь ее, женщины еще бы несколько десятилетий продолжали прозябать, не имея ни возможности зарабатывать, ни голосовать! И все это у них появилось из-за войны, когда они стали заменять мужчин. Даже прокладки появились в гигиене женщин после того, как в ходе боев придумали новые перевязочные материалы. А пластическая хирургия?.. Это ведь все тоже из военной медицины. Женское здравоохранение и снижение младенческой смертности — тоже изменилось в лучшую сторону после войны...

Айдар усмехнулся.

— Паша, тебя послушать, так война — это двигатель прогресса.

— Именно так, дружище, и ничего более! Ядерная энергетика, авиация, медицина, тяжелая промышленность, химия, космические технологии... Я могу продолжать бесконечно долго перечислять. Так вот, все это развивалось благодаря исключительно тому, что наши предки из века в век вели войны. И чем больше войн происходило, тем больше человеческая цивилизация продвигалась вперед.

— Да ну тебя! — пожал плечами Айдар. — Никуда бы не делись без войн ни космос, ни медицина, все бы мы получили и миллионы жизней сохранили.

— Ладно-ладно, иди, мыслитель! Все равно я прав...

* * *

В приемной директора, как обычно, никого не было, кроме секретарши. Пухленькая крашенная барышня, увидев Казакова, ни на секунду не прекратила покрывать алым лаком свои коготки.

— У себя? — буркнул Айдар.

— У себя, конечно.

Айдар шагнул в кабинет. Шеф встал из-за стола и дружески поманил к себе любимого сотрудника.

— А-а, уважаемый, проходи, проходи. Садись, пожалуйста. Чай?.. Кофе?..

— Спасибо, Магомед Магомедович. Можно, я сразу к делу перейду?

— Ну, переходи, давай. — Директор сел напротив и достал портсигар: — Будешь?

— Нет, спасибо. Пытаюсь бросить.

— Похвально... Так что у тебя там? — Он пыхнул папиросой и откинулся в кресле.

— Я просто хотел сказать, что еще раз прогнал на модельторе полученные таймлайны. Все сходится. Может, и есть разница в несущественных моментах, но в целом результаты отличные!

Директор выпустил клуб дыма и после паузы произнес:

— Ты сильно продвинулся вперед за последние дни. Субханаллах!.. У тебя такой прогресс в работе пошел! Может, тебе помощь какая-то нужна? Люди, ресурсы?..

— Да нет, спасибо. Пока справляюсь. Да, Маша мне хорошо помогает.

— Вот пусть и дальше помогает. А у меня для тебя есть кое-что интересное. — Шеф открыл ящик стола и протянул конверт. — Держи.

Айдар недоуменно взял его.

★ — В институт пришло приглашение из Турции на международную конференцию по математическим моделям в гуманитарных науках. Поезжай туда с Машей вместе — вам это будет полезно. И захвати с собой модельтор. Будет чем похвастать. В общем, удачно тебе съездить.

* * *

Самолет приземлился в аэропорту ранним утром. Маша растолкала своего спутника.

— Вставай, в отеле выпишься. А пока мне нужна твоя грубая мужская сила — вещи достань, а?

Вокруг суетливо копошились пассажиры. Айдар вытянул сумки с багажной полки и стал пробираться к выходу из салона. Маша семенила следом. Одновременно она посматривала в зеркальце и подкрашивала губы алой помадой.

Влажный и горячий воздух плотно окутал молодых людей, едва они выбрались наружу. Выйдя из здания аэропорта, Маша с Айдаром направились к автостоянке. Их уже ждал микроавтобус с табличкой отеля. Водитель, пожилой турок, радостно кивал головой и что-то лопотал на своем птичьем языке, усаживая их в машину.

— Слышь, Казаков, — горячо шепнула Айдару на ухо Маша, — ты за ним приглядывай. Тут все водилы кемарить в пути любят. Как заметишь, что водитель иногда вздрагивает головой, сразу чем-нибудь его развлекай. А я пока посплю, ладно?

Она откинулась в кресле и закрыла глаза. Дорога до отеля показалась Айдару вечностью. Старичок-водитель, поначалу выглядевший бодрячком, через полчаса стал подозрительно смыкать веки и вздрагивать. Айдар, холодея от ужаса, начал говорить с шофером на дикой смеси русского, английского и татарского языков. Собеседник, услышав в речи иностранца зна-

комые тюркские нотки, оживился и даже попытался что-то ему отвечать. Поболтав так с полчаса, Айдар немного успокоился и залюбовался проносящимися мимо пейзажами. С одной стороны синело море, с другой — на дорогу напирали бурые анатолийские горы с торчащими на них соснами. Дорога крутилась меж травы и камней, уходя на узких поворотах в небо.

Наконец автомобиль подъехал к отелю. Маша тут же сняла босоножки и босиком зашлепала к морю, бросив Айдара разбираться на ресепшене с заселением.

Их поселили в соседних номерах. Спровадив носильщика, Айдар вышел на балкон. Перед ним растянулось море, шумно бросающее на галечный берег пенные бирюзовые волны. На пляже было полно свободных лежаков. Отдыхающие, в основном семейные пары с детьми, почти все залезли в воду и плескались недалеко от берега.

В дверь номера нетерпеливо постучали. Айдар открыл. Перед ним стояла Маша в легком шифоновом платье, под которым смутно угадывались линии груди и бедер.

— Ты как хочешь, а я иду искупаться! — Девушка подошла к холодильнику и достала оттуда запотевшую бутылку пива. Скептически прочитав название, Маша поставила бутылку на место. — Я уже купальник надела. Пошли давай, не тормози.

— Может, чуть позже? Я хотел проверить модельатор — его на таможне так долго крутили-вертели. Не нравится мне это. К тому же сейчас самая жара. — Айдар пододвинул к себе футляр модельатора и отщелкнул замки.

— После проверишь. Никуда он от тебя не денется. — Маша подошла к Айдару и оттащила его за руку от прибора. — Если ты сейчас со мной не пойдешь,

★ я буду кричать, что ты ко мне приставал, и сдам тебя в полицию...

Через десять минут они уже были у моря. Побросав вещи, молодые люди наперегонки ринулись в воду, брызгая друг на друга, и поплыли к буйкам.

Когда же они, вдоволь наплававшись, вышли на берег, Айдар вдруг ощутил странное беспокойство. Будто под сердцем противно застонала гитарная струна. Он остановился и огляделся по сторонам.

— Казаков, ты чего там завис? — крикнула Маша, расположившись под тентом. Она собрала волосы в пучок и заколола их на манер конского хвоста. — Если ты о модельаторе переживаешь, то ладно, пошли в номер. Я же вижу, как ты извелся весь.

Айдар тряхнул головой, словно прогоняя морок. Затем решительно подошел к одежде, натянул на себя рубашку и джинсы и заспешил в сторону отеля. Он почти не обратил внимания на то, как пыталась его догнать Маша, неуклюже шлепая вьетнамками по скользким плиткам дорожек.

Войдя в номер Айдар остановился и прислушался. Внутри было тихо. Он достал ключ и собрался открыть чемодан с модельатором, когда кто-то бесшумно подкрался сзади и ударил его по голове...

* * *

Айдар с трудом разлепил веки. В висках и затылке остро пульсировала боль. Он попробовал пошевелиться и понял, что руки и ноги туго связаны веревкой. Судя по тряске, его куда-то везли. Айдар посмотрел по сторонам. Он лежал на боку в грязном кузове грузовика. Затем он увидел ноги, обутые в армейские ботинки, и приклады автоматов. Люди в пятнистой форме, сидевшие напротив друг друга на узких лавках вдоль бортов, громко переругивались друг с другом на незнакомом языке, потом вдруг захохотали.

Айдар попробовал приподняться на локтях. Ему очень хотелось пить. Куда его везут, кто эти люди? Зачем я им вообще сдался?» — билась мысль в голове. Айдар стал вспоминать все известные ему истории похищений. Вряд ли его выкрали из-за денег. Может, перепутали с кем-то?.. А где модельатор и что с Машей?.. Что с ним сделают? Может, это какое-то недоразумение и когда все выяснится, его отпустят?..

Наконец машина остановилась. Айдара грубо подняли и вытолкнули наружу.

Протасив несколько десятков метров, его бросили на землю. Щурясь после полумрака кузова, он огляделся по сторонам. Он находился в огромном шатре, испещренном пулевыми отверстиями.

— Ты!.. Смотри на меня! — раздался громкий голос. Человек сказал это по-русски, но с сильным акцентом.

Айдар поднял голову. Перед ним стояли несколько человек с автоматами и в черных масках-балаклавах. На стене шатра висел черный флаг с белой надписью по-арабски. Под флагом в кресле сидел седовласый мужчина с открытым лицом. Айдар понял, что это он обратился к нему.

— Меня зовут шейх Абу-Саид. Ты находишься на священной земле Ислама, где нет места неверным! И то, что ты оказался здесь, — воистину была воля Аллаха, давшего тебе шанс встать на путь исправления!

— Я не понимаю... — начал было Айдар.

— Молчи! Мы знаем про тебя все. Айдар Петрович Казаков, тысяча девятьсот восемьдесят шестого года рождения и так далее. У тебя есть то, что нужно нам для победы над неверными. Это ведь твое? — Шейх кивнул в сторону.

Айдар повернул голову и увидел модельатор. «Откуда они узнали о нем? Почему именно сейчас, когда

все наконец наладилось с таймлайнами?» — Ворох мыслей мешал сосредоточиться.

— Ты ведь уже понял, что от тебя нужно?

Айдар замотал головой.

— Вы, наверное, меня с кем-то спутали, я...

— Ты! Именно ты нам и нужен. Специалист по кли-одинамике — это ведь ты, не так ли?.. Так вот, нам не нужны твои исторические бредни. Однако твоя машина может обсчитывать сценарии не только прошлого, но и будущего. Причем с абсолютной точностью! Не так ли? Отвечай!

Сценарии будущего... Да, модельатор теоретически мог просчитывать таймлайны не только прошлых исторических событий, но и сценарии будущего. Именно об этом они не раз спорили с шефом. Магомед Магомедович считал это наиболее перспективным коммерческим направлением. Айдар же всегда отнекивался и сводил аргументы к историческим исследованиям, упирая на то, что иначе институту не дали бы грант. Директор вздыхал, чертыхался, но не давил. Только время от времени снова пытался вернуться к теме.

— Вижу, что я правильно сказал, — удовлетворенно кивнул шейх. — Итак, нам нужно, чтобы ты просчитал несколько сценариев войн халифата с неверными. Все необходимые данные уже залиты в модельатор. Скоро мы планируем наступление. И ты просчитаешь его так, чтобы мы смогли победить. Ты понял?.. Ты ведь тоже мусульманин, насколько нам известно. Только поэтому еще жив. Когда закончишь, ты получишь все, что хочешь. И, конечно же, получишь в наложницы свою русскую девку. Притащите ее сюда!..

Айдар услышал шум. Повернув голову, он увидел, как две женщины в черных абаях втащили Машу с мешком на голове. Одна из них сдернула мешок и приставила нож к горлу девушки.

— Это что за хреновина?.. Казаков, где мы?.. — Маша дернулась, но, почувствовав лезвие у горла, притихла.

— Молчи, неверная! Или я отдам тебя своим войнам на потеху. — Абу-Саид встал с кресла и подошел к Айдару. — Теперь все в твоих руках. Или сделаешь то, что мне нужно. Или...

— Я сделаю, что вы просите. Только прошу вас, не причиняйте ей вреда!

— Об этом не беспокойся. До тех пор, пока ты не докажешь нам, что верен делу Ислама, с ней будут обращаться, как с самой любимой моей наложницей. Когда закончишь, ты получишь ее. Живой и здоровой, если справишься...

* * *

Айдар третий день подряд комбинировал данные, полученные от подручных Абу-Саида, вводил в модельтор, но каждый раз в финале нового сценария халифату наступал конец. Это происходило через год, через полгода, даже через десять лет. Но всегда финал различался лишь в деталях. Где-то Абу-Саида вешали свои же, где-то расстреливали американцы. Иногда он сам сдавался... Да, такие сценарии нравились Айдару, но разве этого от него ждут боевики?..

— Ну что, чем порадуешь нас? — Вкрадчивый голос Абу-Саида раздался прямо над ухом. Айдар вскочил. — Покажи-ка свои успехи.

Айдар повернул экран модельтора к шейху и сказал:

— Я стараюсь, как могу, использую все ваши данные, но...

— Можешь не продолжать. Я и так знаю, что наши дела плохи. Американцы с саудитами обложили нас с юга. Русские с сирийцами на западе. Все против нас!

Айдар рискнул поинтересоваться:

— А откуда вы так хорошо говорите по-русски?

Абу-Саид оскалился.

— Очень трудно не знать язык, на котором с тобой говорит родная мать. Еще труднее забыть его, если ты родился и вырос в России.

— Как же вы оказались здесь и...

— На все воля Аллаха. Но я пришел сюда не обсуждать с тобой свою жизнь.

Абу-Саид прошелся по шатру.

— Послушай, я слишком хорошо знаю историю войн человечества. В них успех не всегда зависит от перевеса сил. Ватерлоо, Гавгамелы, Куликовская битва... Всегда можно нащупать слабые места врага и нанести удар. И ты нам в этом поможешь. Но, видно, тебе нужно немного отдохнуть. Сегодня приведут твою женщину. Она — твоя рабыня. Делай с ней все, что захочешь. А пока работай!..

* * *

— Вот ведь зараза! А я еще обрадовалась, когда такая поездка обломилась на халяву! — Маша ходила из угла в угол тесной каморки, куда поселили Айдара. — Что же нам делать, Казаков, а?..

Айдар пожал плечами:

— Я бы ни в жизнь сюда не поехал, если бы не эта конференция...

— А что у тебя с их заданием? Получается?

— Пока никак. Всегда одно и то же: их халифат летит к шайтановой матери, а Абу-Саида кончают..

— Эх, а если бы даже ты смог, то что?.. Халифат победит, реализовывая твой таймлайн, и тысячи, миллионы людей погибнут или попадут в рабство? А ты, что ты будешь чувствовать? Как будешь жить после этого? Тебя ведь не отпустят.

— Зато тебя освободят!

— И я стану твоей наложницей? И какой я буду по счету в твоём гареме? Ну уж спасибо!

Маша фыркнула. В плену ее одежду забрали и выдали черную абайю, которую она швырнула в угол шатра, едва вошла. На ней осталась одна тонкая ночная рубашка.

Айдар встал и подошел к девушке вплотную. Сегодня она пахла не так, как обычно, в Москве. Ее тело пахло благовониями и сандалом. У Айдара слегка закружилась голова от аромата, и он притянул девушку к себе...

* * *

Прошло уже две недели, как Айдар работал над таймлайнами. Результаты улучшались раз от раза. Иногда модельтор давал оптимистичные сценарии для войск халифата, которые, правда, были все-таки еще нестабильны. Лучше, чем то, как было в начале, и все же без особого успеха.

Машу приводили к Айдару каждую ночь. Они занимались любовью до изнеможения, хотя место, где они находились, напоминало ад. Каждое утро Айдар слышал звуки автоматных очередей — Абу-Саид предпочитал совершать казни через расстрел, в отличие от других полевых командиров.

— Ты любишь меня? — спрашивала Маша, сидя на нем и вбивая его в постель сильными упругими толчками.

— Да, конечно... — Айдар хватал ее за волосы и притягивал к себе, впиваясь в губы.

— Хорошо! — шептала Маша, еще крепче охватывая его бедрами и ускоряя ритм...

* * *

Однажды утром в каморку ворвались боевики и молча потащили Айдара наружу. Он покорно шел, стараясь не думать о том, что его ждет.

★ Этой ночью от безысходности он решил загрузить в модельтор совсем безбашенный сценарий, который неожиданно показал практически стопроцентный успех джихадистов. Айдар едва успел распечатать файлы и теперь на ходу перечитывал их. Невероятный исход казался глюком взбесившейся машины, но Айдар вспомнил слова профессора Волдеева из университета. Тот всегда говорил, что вся история человечества невероятна и невозможна, но ничего более похожего на правду не существует.

В шатре Абу-Саида было многолюдно. У стола с картой толпились полевые командиры, что-то громко обсуждавшие. Один из них, стоявший спиной к Айдару, показался смутно знакомым.

— А, вот и ты, наша карающая десница Аллаха! — Голос Абу-Саида звучал насмешливо. — Чем порадуешь, брат?

Айдар показал распечатки.

— Я сильно продвинулся вперед. Я перебрал много сценариев для ваших солдат, но только один ведет к победе. Вот, посмотрите.

Абу-Саид выхватил у него распечатки и стал жадно читать. По мере чтения на его лбу появлялись новые складки. Наконец он произнес:

— Я не понял. Ты что, издеваешься над нами?! Что все это значит?!

— Это значит, что вы сможете победить и мирно распространить законы шариата и границы халифата от берегов Атлантического океана до Индийского, и не только. Вам нужно лишь...

— Нам нужно лишь немедленно разоружиться и без всяких мирных переговоров сдаться неверным! Вы слышали, братья?

Айдар закивал.

— Все верно. Полностью разоружиться. Отпустить всех пленных. Перестать совершать теракты. Напра-

вить все деньги на строительство мечетей и медресе. Вести всю свою работу лишь политическими средствами — через партии, вакфы, благотворительные фонды. Так пришли к власти умеренные исламисты в Турции. Так и вы постепенно придете к власти во всех мусульманских регионах...

Абу-Саид насмешливо зацокал.

— И что, неужели никто не будет нам мешать? Ни американцы, ни их продажные марионетки?

— Конечно, вас будут пытаться останавливать, бросать в тюрьмы и лагеря, но на этот случай есть сценарий Махатмы Ганди, который без насилия смог привести Индию к независимости. Так и вы, если и вправду хотите мусульманского ренессанса, сможете...

— Довольно! Ты сильно нас огорчил, брат. А мы так надеялись на тебя. И даже твой наставник возлагал на тебя такие надежды. Да, брат Магомед?..

Айдар близоруко прищурился. Рядом с Абу-Саидом действительно стоял Магомед Магомедович в арафатке и камуфляже. Загорелый, обветренный.

— Ассаламалейкум, Айдар!

— Вы?!.. Так это вы?!.

— Да, Айдар. Во имя Аллаха я возглавил институт клиодинамики и занялся разработками модельатора, с помощью которого можно просчитывать варианты истории прошлого и будущего. Я долго в тебе сомневался и уже хотел бросить все и перебраться в халифат, когда ты неожиданно стал получать отличные результаты.

— И вы решили...

— Да, я направил тебя с твоей девушкой-программисткой и последней версией модельатора в Турцию якобы на конференцию, чтобы наши братья смогли тебя выкрасть и победить в битве с неверными. Правда, я не думал, что ты все-таки еще недостаточно продвинулся вперед... Хотя, вероятно, твоя наложница

★ — сможет нам помочь не только своим красивым телом, но и мозгами? Абу-Саид, прикажи воинам, чтобы они привели ее сюда.

В шатер втащили Машу в черной абайе. Абу-Саид подошел к ней и взял за подбородок.

— Я смотрю, ты тут прямо расцвела, неверная, а? Может, тебе стоит прийти ко мне сегодня вечером, если твой жених не сможет нас порадовать?

Айдар сделал шаг вперед, но тут же упал под ударом приклада автомата. Лежа на земле, он увидел, как девушка выхватила из-под абайи что-то блестящее, но тут же упала, скошенная короткой очередью.

Абу-Саид вытер с лица кровь и нагнулся, чтобы взять из руки девушки оружие.

— Забавно! — хохотнул он. — Она хотела убить меня ножом для бумаги. Воистину Аллах лишает разума врагов его! — И повернулся к Айдару: — Следующим будешь ты, если к завтрашнему утру не сможешь меня порадовать!..

* * *

— Так, значит, ты говоришь, что все теперь нормально и наши войска победят, если выступят на Дамаск тремя колоннами и окружают русскую базу? — Абу-Саид нехорошо прищурился.

— Вот компьютерная модель, смотрите сами. — Голос Айдара был сух. Казалось, что ему было все равно, верит ему шейх или нет.

Абу-Саид вертел в руках модельатор и радостно цокал языком.

— Ты только посмотри, брат Магомед! Хвала Аллаху, мы через месяц, иншалла, захватим всю Сирию, потом Турцию и Ирак, потом Саудию и Египет, а потом...

— Амин! — Бывший директор института клиодинамики вознес руки кверху. — Да ниспошлет Аллах

смерть неверным от наших победоносных войск! И спасибо нашему брату Айдару, который смог наконец совершить то, что мы от него так долго ждали!

Абу-Саид усмехнулся.

— Иди отдохни, брат Айдар, в своем шатре. Мы пришлем тебе сегодня новых наложниц, дабы твоя легкая грусть после утраты своей неверной подружки быстро исчезла. Как говорят у нас, что общего между караваном верблюдов и женщиной? За одной всегда приходит другая. Ха-ха! Иди же, наслаждайся отдыхом. А воинам Аллаха пора на бой с неверными!..

* * *

Через три дня, когда войска халифата были полностью уничтожены в ходе контрнаступления. Айдар схватили и бросили в подвал. Абу-Саид приказал оставить его в живых до своего приезда, чтобы он сам мог лично запытать предателя до смерти.

Но не успел.

Однажды утром Айдар услышал звуки перестрелки. Скоро она стихла. Потом раздались быстрые шаги, загремел замок, и дверь открылась. На пороге стоял Магомед Магомедович с автоматом в руках.

— Хвала Аллаху, я успел! Айдар, ты в порядке?

Казаков сделал шаг назад и прижался к стене.

— Не бойся, Айдар! Абу-Саид и его подручные сбежали. Последние бойцы из его отрядов сдаются в плен. Самолеты альянса контролируют небо над всем халифатом.

— Вы же были с ними заодно! Это из-за вас погибла Маша! — одними губами прошептал Айдар.

— Сынок, — в голосе Магомеда Магомедовича послышались отеческие нотки, — теперь я могу тебе рассказать, что я не только директор института. Я — глава отделения суфийского ордена Накшбандия в России. Ты ведь знаешь, что это за тарикат?.. Мно-

★ — гие твои предки служили нашему ордену. А недавно орден взял под свое крыло институт, где ты работал...

— К шайтану ваш тарикат! Зачем вам нужно было влезать во все это и втравливать меня с Машей?

— Айдар, послушай, мы давно ведем тайную войну с джихадистами, которые нас люто ненавидят и считают вероотступниками. Они уничтожают наши мечети, убивают братьев тариката, как убили славного брата Муамара в Ливии. Так что поводов влезть сюда у нашего ордена предостаточно. Все наши попытки покончить с ними терпели неудачу. Тогда мы стали прощупывать Абу-Саида, большого любителя технологий, и придумали легенду с модельерами, которые якобы могут с абсолютной точностью просчитать любые военные сценарии. Джихадисты долго не заглаживали наживку, а мы все никак не могли им показать успешные наработки. Пока наконец случай не свел тебя с Машей, известным хакером, с помощью которой ты смог сделать рывок...

— ...и которую вы послали сюда на верную смерть! — с ненавистью перебил Айдар.

— Абу-Саид слишком доверял технологиям и решил попробовать модельер как последнюю надежду. — Бывший шеф говорил, словно не услышал обвинения. — И ты мог реально привести его к победе. Особенно, если бы еще пару месяцев подзадержался в лагере, где его люди легко обрабатывают молодежь. Но ты мог подставить джихадистов, что в итоге и сделал. Только, чтобы ты их подставил, пришлось... найти довод для твоей ненависти.

— Убирайтесь к чертям собачьим! — Айдар осел наземь и закрыл лицо руками. — Будьте вы прокляты!..

Магомед Магомедович присел на корточки рядом с ним.

— Так было нужно, сынок... Благодаря тебе и Маше тысячи людей смогли стать свободными и будут живы. А теперь, когда при помощи модельатора мы знаем, как мирным путем, без кровопролития взять власть здесь и почти повсюду... У нас будет свой халифат, где все будет по-другому. И ты сам сможешь узнать, каким может быть мир без войн. Осталось просчитать лишь несколько таймлайнов. Разве тебе, как ученому, не хотелось бы...

— Где аппарат? — глухо спросил Казаков.

— О, я знал, что ты согласишься! Сейчас, я достану его...

Бывший шеф развязал рюкзак и уже почти достал модельатор, когда Айдар обрушил на его голову кусок бетона. Следующим ударом он разнес на куски модельатор. Истекая кровью, Магомед Магомедович прохрипел:

— Что ты наделал, глупец?!..

Тогда Айдар поднял с пола «калаш» и передернул затвор.

— У вас в кабинете на стене в красивых рамках висело так много хадисов, что вы забыли самый главный: «Всякий, кто искренен в науке, побеждает, но тот, кто хочет от нее лукавства, гибнет...»

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

ВРЕМЯ УХОДИТЬ

Что мое время на подходе, я понял позже многих. А раньше всех это понял Беспалый. Собственно, даже прежде, чем *это* по-настоящему началось.

Мы тогда успешно отбили нашествие лемешных. Ну как — «нашествие», они ведь не хищники и не пере-

вертыши, им наши жизни не нужны: единственное, что по-настоящему нужно этим травоядам, — переть напролом. Только вот они хоть и травояды, но плодовые заросли тоже сведут подчистую, поэтому роща со стороны равнин у нас огорожена не менее надежно, чем водорослевые заводи со стороны моря. Раньше этому стаду была известна крепкость наших оград и острота наших копий, так что последний раз оно всерьез пробовало прорваться очень давно, в пору молодости прошлого вожака. Сейчас в Поселке не осталось никого, кто сам помнил бы те времена, но вообще память о таких славных битвах сохраняется надолго.

Однако всему приходит срок, и в прошлом сезоне у стада появился новый вожак. Мы это обнаружили во время их весеннего прохода, но в ту пору и лемешные вялы, и, главное, роща, еще бесплодная, их привлекает не так сильно. Так что все обошлось.

У нас некоторые даже решили, что, мол, стадо и само по себе впредь будет ограду обходить. Ну конечно. Чего только народ не придумает, чтобы лень свою потешить. Что такое — «стадо само по себе», оно есть разве? Вот мы что — Поселок или те, кто в нем живет: я, Светлая, Прыгун, Одинаковые, ну и прочие, вплоть до зеленой молодежи, чьего мнения пока не спрашивают, и вернувшихся стариков, чей голос стоит десятка? То-то. Вот у нас сходка решает, а в стаде безмозглом — вожак.

Скажу не хвастаясь: я был среди тех немногих, чья решительность переломила общее мнение. Все равно вряд ли вышло бы, но мою сторону приняли все трое наших стариков, и Беспалый из них первым. Ничего они в ту пору не заметили еще: наверно, нечего было. И он тоже.

Или заподозрил что-то уже тогда? Просто никому не сказал — может, даже самому себе не признался?

Поди угадай теперь. Да и не важно это.

Так или иначе, мы с весны по осень заготавливали и обтесывали бревна, углубляли ров, шлифовали наконечники. Светлая хотела было повести молодежь за ветками шиполиста, но старики отговорили: это против перевертышей в самый раз будет, а лемешный, если войдет в раж, даже не заметит, усилена ограда колючей оплеткой или нет. А вот сушильный стан оборудовать — это да. Когда стаду приходится обновлять урок, почти обязательно кто-то из матерых окажется завален насмерть, так не пропадать же мясу. Это только вожака убить ни в коем случае нельзя, даже подранить нельзя сколько-нибудь серьезно. Только ослабить его боеспособность — на следующий сезон стадо придет с новым вожаком во главе. И что же тогда, заново стену готовить?

Мы завалили двух. Без потерь, даже раненными: когда огромный самец, было дело, чуть не снес целый сектор ограды, Длинного ушибло переломившимся столбом, однако он полежал-полежал да и поднялся вскоре, еще помог нам оборону держать. И одна из Одинаковых заработала вывих локтя, когда изо всех сил ткнула того самца рогатиной, но угодила в кость. Это ничего, вправим. Старики в этом умелы.

Как раз додумывая эту мысль, я ощутил на себе взгляд одного из стариков, пристальный, давящий. Очень удивился. Первым делом осмотрел себя: может, что не в порядке? Да нет, я как я. Не ранен; а что в крови по макушку — так ведь я сейчас стою на туше того лемешного, который подверг нашу стену такой опасности, и резаком отделяю мясо, пласт за пластом. А как иначе: для чего мы тогда сушильную заново возводили?

Оглянулся через плечо. Но нет никого за мной, значит — именно меня держит Беспалый на остриях своих зрачков, как на раздвоенном копье.

★ Что тут поделаешь. Надо спускаться, узнавать, чего он от меня хочет. Ох, как это некстати... Кому резак передать — Коротышке, что ли? Надо бы ему, он сейчас в цепочке ко мне ближе всех, но ведь плохо же справится, тут нужны длинные руки...

Рыкнул на Коротышку, подозвал Левозолотистую, хотя она была через три звена, уже на земле. Очень все удивились, но ничего — дело важней.

Пока цепочка перестраивалась, еще раз осмотрелся. Одного из стариков, Трижды Укушенного, что-то не вижу, Припадающая На Ногу сейчас как раз вправляет локоть Одинаковой (вторая Одинаковая взволнованно топчется рядом и верещит громче первой, словно их обеих вместе врачуют), а Беспалый по-прежнему смотрит на меня. Вот нет у него больше другого дела и все тут.

Молодежь, самая зеленая, тоже собирается вокруг него, замирает, разинув рот, и начинает меня рассматривать, будто в первый раз увидев. Лучше бы чем-нибудь полезным занялись, бестолковые!

Напоследок успеваю наметить линии отреза еще трех длинных пластов. И, уже передав резак вскарабкавшейся по очищенному от мяса хребту Левозолотистой, один из них отрываю сам — без всяких орудий, полюбуйтесь!

Восторженно загомонили все, не только молодняк. То есть почти все — кроме Беспалого. Он, если раньше просто держал меня на копье взгляда, теперь, можно сказать, сделал выпад — и проткнул насквозь, вон, между лопаток наконечник выскочил. Так что придется слезать. Хотел было по пути один из лемехов выломать, чувствую, мне это сейчас по силам, но лучше все-таки не задерживаться, наверно.

Что же все-таки ему от меня нужно? И почему он этого просто не скажет при всех — я что, когда-то раньше мнением стариков пренебрегал?

Нашему Поселку повезло: у нас их трое. Редко такое бывает. А не так давно было даже четверо, это вообще на всем побережье у нас одних. Самый старший, Потерявший Пятую Часть, рассказывают, вернулся много раньше всех и долгие годы оставался единственным, это уже потом один за другим пришли нынешние трое.

Как же мы жили тогда, до его прихода — без стариков совсем? Некому теперь рассказать. Впрочем, может быть, это совсем недолго продлилось, пару лет всего.

Я его хорошо помню: был уже соображающим подростком, когда он умер. Умер от старости, подумать только! К нам, прослышав про такую диковину, с двух соседних поселков сбежался молодняк, ну и кто повзрослее тоже, специально чтобы посмотреть. Опоздали, конечно: наши старики в тот же день его вывезли на плоту и похоронили (это так называется) в море. Так что инопоселковым осталось только этот плот разглядывать. Вообще-то с них и хватит: если не привыкнуть к Потерявшему Пятую Часть с детства, то он даже живой был страшен, от него на самом деле куда меньше четырех пятых осталось.

Все наши старики хоть что-то да потеряли...

И вот я стою перед Беспалым, потерявшим меньше прочих, и никак не могу понять, зачем он меня позвал. Впрочем, он ведь и не позвал. Это я сам решил, что ему зачем-то понадобился. И, может быть, ошибся.

— Я пойду? — спрашиваю Беспалого, после того как мы молча постояли достаточное время, чтобы Левозолотистая отделила оба оставшихся пласта по моим наметкам и принялась надрезать новый.

— Ты уйдешь, — отвечает он.

Вряд ли молодняк, подслушивавший наш разговор, понял хоть что-нибудь. Даже мои сверстники, навер-

но, не сразу догадались. А я сам — догадался ли? Вот именно в первый же миг?

— Куда?

— Знаешь. Да и не важно это. Главное — откуда.

Вот сейчас мои сверстники, во всяком случае, начали догадываться. Светлая в ужасе прижала руки ко рту.

— Сразу? — несколько мгновений помолчав, спрашиваю я. — Или хотя бы кровь смыть у меня время есть?

— Ты хочешь, чтобы крови на тебе стало больше? — Беспалый невесело растянул уголки губ.

Вот так живешь, всегда принимая как должное, что старики видят глубже и знают больше, недаром же их голос стоит десять наших. И вдруг...

Не знаю, что со мной сделалось, что отразилось на лице, как изменилась поза. Даже сверстники разом отступили на шаг, а молодняк так и вовсе словно ветром сдуло.

— Ты все-таки не забывай, с кем говоришь, — Беспалый-то не отступил, он даже чуть придвинулся: без угрозы, медленным движением, словно бы устал. Потом ощерился еще более невесело, чем прежде, плавно поднял целую руку, повернул ее ладонью ко мне — и из кончиков всех ее пальцев неуследимо выскользнули длинные лезвия когтей.

Всю жизнь знаешь, что старики не только умнее и опытнее, но вдобавок сильнее, что на охоте или в бою им доступно многое, для тебя закрытое. Но это ведь в бою за Поселок, а не *против* его насельников! Ах ты ж перевертыш увечный!

И снова: не знаю, что со мной произошло, что я сделал... Точнее, знаю — вычислил это потом, — но не помню, следующие мгновения как проглотил кто. У одного из стоящих рядом было копьё, он, разуме-

ется, держал его вертикально, ведь нельзя же, пускай по случайности или во время игры, направлять острие в сторону кого-либо из своих — и вот я этот наконецник тоже ни на кого не направил, да и копье из рук не выхватил, но, схватившись за древко, как за опору, обеими ногами изо всех сил нанес удар. Прямо перед собой, вытянув тело вдоль земли в линию. Под когтистую руку.

Значит, старики сильнее? Все и всегда? Так ли, перевертыш?

Сшиб я Беспалого наземь, как плохо вкопанный колышек. На несколько шагов отшвырнул.

Огляделся, сам не знаю, горделиво или в ярости — и мгновенно потух, словно трут под ливнем. На меня все смотрели как... как на...

— Вот теперь сам понимаешь, — с земли произнес Беспалый. Он единственный из всех смотрел на меня совершенно по-прежнему, скалился грустно, без угрозы. И в его все еще выпущенных когтях тоже не было угрозы, а было объяснение.

Понимание действительно пришло. Даже не пришло, а обрушилось, погребя под собой без остатка.

Всегда ведь знаешь, что *это* с тобой тоже случится, оно ведь никого миновать не может. Но вот живешь — и не веришь

В третий раз за сегодня (и вообще в жизни) я не помню, что сделал потом. Хотя опять-таки знаю: перескочив через лежащего старика, огромными прыжками понесся вниз по склону, к морю.

* * *

— Он сказал... — Светлая слотнула. — Сказал — на самом деле около суток у тебя еще есть. Но...

Голос ее дрожит. Она еще за меня боится или уже меня?

★ Я, не оборачиваясь, похлопал рукой по камню справа. Светлая, ни мгновения не промедлив, подошла и села рядом. Значит, за меня.

От меня сейчас не пахнет кровью: я отмылся так тщательно, словно это еще могло иметь значение. Яростью, надеюсь, тоже не пахнет.

— Значит, завтра вечером.

Светлая хотела было что-то сказать, но промолчала. Впрочем, я знаю, что. Завтрашний вечер — крайний срок, до него лучше не дотягивать, *это* поражает не с такой точностью.

— Не беспокойся. Я уйду раньше.

— Я вовсе не беспокоюсь! — Она возмущенно вскочила, в сердцах даже стукнула меня кулачком по плечу, больно. — То есть беспокоюсь, конечно, — но...

Я попытался улыбнуться. Нет, я улыбнулся, сумел! Я пока еще прежний, тот, с кем Светлая знакома с детства. Ударить того, кому и вправду пора уходить, — нельзя.

Значит, у меня действительно есть не менее суток. Но, конечно, я все-таки уйду раньше.

Ощупал ушибленное плечо, поморщился, снова хлопнул по камню рядом с собой. Светлая опять села справа от меня, но теперь уже не сразу, а колебавшись немного. Не из боязни: скорее ей стыдно было.

— Хватило места на сушильном стане? — спрашиваю как ни в чем не бывало.

— Нет, — оживилась она. — Ты был прав: со второй туши примерно треть пришлось на Плоскую скалу тащить. Натонко резали уже там, а до скалы несли большими кусками, даже в шкуре: старики сказали, что иначе только зря соком истечет.

Я киваю. Именно так.

— Знаешь, как тяжело было? — с гневной обидой говорит Светлая. — А ты здесь рассиживался!

И осекается.

Я качаю головой. Нет уж. За оставшиеся сутки, последние здешние сутки, надо бы сделать многое — но точно мне не следует оказываться там, где хрустит под резакими только что переставшая быть живой плоть, истекает соком свежее мясо, где...

Нет! Нет... Нет.

Много других дел. Большой водорослевый плут давно нуждается в починке, а теперь как раз появилась возможность заменить выщербленный лемех. Изгородь тоже нуждается в починке. Не тот участок внешней стены — то есть он прежде всего, но еще слишком там все липко, багряно и пахуче, а... какая-нибудь другая часть.

Ограда детского пляжа, например. Она ведь настолько...

— Покажи руку, — тербит меня Светлая. — Ну покажи!

Не совсем понимая, что ей нужно, я протягиваю ладонь. Светлая придирчиво осматривает мои пальцы. А, вот в чем, значит, дело...

— Другую! — решительно требует она. И, обследовав каждый палец по отдельности, со слегка разочарованным (или мне так показалось?) облегчением посмотрела мне в лицо.

— Нет у тебя ничего. Слушай, может, ошиблись старики?

— Вряд ли. Ты лучше скажи: на детском пляже...

— Нет, ты погоди, — Светлая не собирается сдаваться, — я сейчас сказала — «старики», но ведь даже это не так! Тебя не все они осматривали. Один только Беспалый. Разве не мог он ошибиться?

На миг меня вдруг словно обожгла сумасшедшая надежда: мог! мог ошибиться один из стариков, пускай он самый опытный — ведь Припадающая и Укушенный не подтвердили его слова... скорей, скорей надо показаться им, они наверняка дадут отсрочку, они, мо-

жет быть, даже отменят... Потом опомнился. Чего уж там: даже если Беспалый ошибся — я не ошибаюсь. самого себя не обманешь. Совершенно зря, кстати, Светлая пытается это с собой проделать: бесполезно такое для взрослых и даже опасно.

Для взрослых. Да. Очень взрослая мысль.

Даже слишком.

— Оставь, — говорю Светлой, — примем это, как вечернюю росу на закате. Я тебя о чем спрашивал: не помнишь — на детском пляже внешний ряд кольев...

— Дался тебе детский пляж! — Она, не сдержавшись, снова стукнула меня, теперь по колену. — О себе подумай! О нас подумай!

— Так ведь и думаю... — Я осторожно потер место нового ушиба. Удивительно все-таки, до чего же Светлая меня не боится, хотя только что готова была увидеть, как из моих пальцев выщелкиваются когти перевертыша. Или, наоборот, совсем не готова? — Детский пляж — это разве не о нас? Может быть, нашим детям на него ходить всего через несколько лет...

Всем телом ощутил, как она вздрогнула. Прикусил язык, гадая, что сказал не так. Не сумев угадать, сидел молча. И Светлая тоже сидела рядом, будто каменная: не то чтобы заговорить или отодвинуться — она даже вздрагивать больше не решалась.

Тогда я отодвинулся сам. И отвернулся, чтобы не видеть, как Светлая, стараясь быть бесшумной, приподнимается, украдкой делает несколько осторожных шагов — а потом уносится прочь, стремглав, без оглядки, заботясь уже только о скорости, не о тишине.

Можно подумать, будто хоть кто-нибудь не знает, откуда берутся дети.

Скверен оказался мой последний день...

* * *

Беспалый, поджав под себя ноги, сидел на краю учебной площадки. В это время там обычно толпится молодняк, но я продирался через кусты шумно и медленно, давая всем, кто хочет, возможность загодя разбежаться. Так что дождался меня только старик. А может, и не было здесь на этот раз молодых, все-таки сегодня день очень необычный...

В мою сторону Беспалый даже не смотрел, что-то рисовал на песке прутиком. Подойдя, я присмотрелся: оказывается, он обновлял чертеж счетной таблицы. Нижние, «ножные» разряды были целы, а «ручные» оказались стерты, затоптаны — и следы маленьких ступней, нескольких пар, вели дальше, прямо по песку площадки. Значит, все же был здесь только что молодняк, самый мелкий: заслышав меня, в панике рванул прочь, как вовсе не обученный, куда глаза глядят.

Старик, по-прежнему на меня не обернувшись, аккуратно вычертил «пальцы руки», стоячую графу верхнего разряда, и уже взялся за лежащую, «когти». Я как заметил это, невольно глянул на свою руку, опасаясь, наконец, увидеть на ней то, что высматривала Светлая. Или, наоборот, надеясь: нет больше сил терпеть.

— Рано, — буркнул Беспалый, проводя последнюю линию.

— Да что у тебя, глаза на затылке?

— Этого нет. И даже не было. — Он наконец удостоил меня взглядом. Невесело усмехнулся. — Просто память: я в свой последний день перед уходом тоже все смотрел, как там у меня с... ручным разрядом, лежащей графой... Будто только в этом дело.

Беспалый покачал головой, удивляясь своей тогдашней глупости. Несколько раз впустил и выпустил когти: на правой руке пять, на левой, понятно, лишь

четыре. При нас — детях, юнцах или даже повзрослевших, — старики избегали проделывать такое, только на опаснейших из охот или когда набег хищных отражали. Там оно само собой получается, даже если копья в руках — то есть всегда: от хищников когтями не отобьешься, у них свои длиннее... А у бродячих перевертышей — не длиннее, но в точности такие...

При этой мысли моя правая кисть вдруг, словно сама по себе, дернулась каким-то незнакомым движением.

— Ого! — Беспалый снова качнул головой. — Не торопись. А то придется уходить прямо сейчас. А перед этим — меня убьешь, переранишь и убьешь еще нескольких... может быть, как раз тех, кто тебе особо дорог... Да и сам, наверно, не уйдешь, а будешь убит. Тебе именно этого хочется?

— Из всего, что ты перечислил, старик, мне хочется только убить тебя.

Ко многому меня не подготовила жизнь, в том числе к двум вещам: что когда наступит срок, мне доведется говорить с кем-то из стариков вот так — и что после этого я все-таки смогу усмехнуться.

— Держишься. Молодец, — Беспалый прищурился. — А убить ты меня и так чуть не убил сегодня: когти уже хрупковаты становятся...

Когти у него, оказывается, все еще были выпущены. Только сейчас он их спрятал окончательно.

— Когда ты впервые увидел это на своей руке, старик? — Я опять шевельнул правой кистью. На сей раз ничего в ней не отозвалось.

— Уже вернувшись...

— Как это?

— Просто. Тот, который смотрел моими глазами сразу после... после — это был не я.

Понятно. Только вернувшись, значит... То-то и оно, что возвращаются далеко не все. Очень мало кто возвращается.

— Совсем ничего не помнишь? (Это вопрос из числа тех, на которые, как кажется, в общих чертах знаешь ответ, а точнее и знать неприлично — но мне сейчас общих черт мало, да и не до приличий уже.)

— Что-то помню. Сразу после возвращения — помнил больше. Но и тогда это была не совсем память, а... Сам узнаешь. Скоро.

Да уж. Возвращение — оно всегда как бы почти сразу после ухода...

— И что же мне делать, старик? Что ты делал в свой последний день, что твои старшие друзья делали? Это-то в памяти осталось?

Снова вопрос из числа полузапретных. Но какие уж запреты, когда мы стоим друг напротив друга, словно и впрямь готовые к бою, хотя уже выяснили: незачем нам вступать в бой.

— Вот тут, мальчик, ты прав, — старик опустил взгляд на счетную таблицу, немного подумал и стер ее ребром стопы. Ну, понятно: ночью, по всему судя, дождь пойдет, а сегодня все равно уже никто на занятия не явится. — А мы не правы. Уж прости: я только сейчас и понял, что ваше поколение выросло с таким большим отрывом от предыдущего... для нас-то он невелик: несколько лет туда-сюда, поди их заметить...

— Надо было заметить.

— Надо. Ты, когда вернешься, следи за таким. Как уходили старшие из нас, я запомнил хорошо: между нашими поколениями был разрыв всего год. Двое юношей ощутили приближение срока одновременно, одного из них ты знаешь.

— Потерявший Пятую Часть?!

— Он. Тогда, конечно, носил другое имя. И вот они, не упуская один другого из виду, сходили в дальние

★ заросли за ветвями шиполиста — и дотемна, а потом до утра, оплетали им внешнюю ограду. От себя самих. Несколько раз отправлялись за новыми охапками, видно было, что все тяжелее им дается работа... мы не дыша следили за ними, не смея сунуться наружу... Тени уже протянулись на четверть полудня, когда они ушли в последний раз. И не вернулись.

— Совсем? — глупо спросил я.

— В тот день — да. А через годы — кто же узнает... Я, уходя, одного желал: чтобы ни разу не вернуться к своему поселку до того, как снова стану собой. И тебе того же желаю.

Мы помолчали.

— Но это был подвиг, на который можно решиться только вдвоем... — задумчиво произнес Беспалый. — Поддерживая друг друга и прослеживая друг за другом. А я, как и ты, уходил один. Помню, пушистиков покормил напоследок...

Мы в детстве кормили любимцев как раз после занятий на учебной площадке, не этой самой, ближе к морю, но точно такой же. А корзины с кормом оставляли... ну вот где нынешний молодняк их и оставил, пустившись наутек от страшного меня.

Сделал шаг к ним — и вдруг остановился, кое о чем подумав.

— Будь спокоен, — Беспалый и сейчас просчитал меня, как только что стертую таблицу. — Там не мясная нарезка сейчас, а фруктовая.

— Во всех трех?

— В двух. В третьем рачки с жучками. Совсем забыл, чем пушистики питаются?

Я как раз помнил. Потому и был удивлен.

На всякий случай оставил короб с насекомыми старику, сам взял два остальных. Действительно: плодое крошево и зерновая смесь. На такое у меня точно

ничего не проснется, но... кто-то ошибся. Или старик, или детишки.

Вскоре выяснилось, что ошибся все-таки я. А может быть, любимчики. Я смешал крошево в привычных с детства долях, не один к двум, но поровну, протянул сквозь прутья клетки — и сразу три пушистика, до странности безбоязненно подступившись вплотную, принялись нетерпеливо отгибать мне пальцы, спеша добраться до кормовой смеси. Потом самый крупный из них, рыжий в полоску, прямо на ладонь мне вскарабкавшись, начал с наслаждением вылавливать из крошева кусочки фруктов.

Надо же! Да нет, не мог я настолько забыть: всегда они предпочитали фруктам плоть, даже такую, что в хитине. А от зерен носишки свои воротили с особым упорством, мы еще, помню, много сил потратили, чтобы отыскать злак с крупносемянным колосом, который...

Колос. Зерна.

Фруктовая нарезка и крошево из букашек. Плоть в хитине.

Плоть...

Заполошно пискнув, метнулись от меня любимчики. Рыжий едва успел соскочить с ладони, прыгнул к задней стенке клетки, вскарабкался по ней...

Выдернув руку из проема между прутьями, я прикусываю ее до боли, но тут же разжимаю челюсти (успел!), потому что нельзя, никак нельзя мне ощутить во рту страшный, желанный вкус крови...

И четырехпалая кисть со звонким шлепком ударяет меня по затылку. Плашмя. Когти не выпущены.

— Уходи-ка ты поскорей, — спокойно произносит старик. По-видимому, он не сомневается, что я все еще его понимаю.

— Совсем? — бормочу я. Значит, действительно понимаю.

★ — Пока нет. Просто подальше от уязвимого, — и он повел меня, подталкивая перед собой, прочь от уголка любимчиков.

Я шел покорно, как раненый. Шагов, наверно, восемь дюжин так сделал, прежде чем окончательно опомнился.

— Вот, — Беспалый отпустил меня. Присмотрелся: — Держишь своего перевертыша?

— Держу.

— Тогда уложи его спать. Он сейчас уснет, и ты с ним вместе. А завтра, как проснешься, уводи его. Он пробудится позже.

«Уводи...» — повторил старик.

«Уводи...» — повторяет где-то вдалеке Светлая, невидимая и неслышимая.

«Уводи...» — скрежещет дочиста оголенными костями скелет лемешного у проломленной внешней ограды.

«Уводи...» — обрушивается волна на детский пляж.

* * *

Солнце бьет через лиственную кровлю. Нет — сквозь кустарник.

Спутанные ветви над головой. Остывший песок под боком.

Я проснулся. Это я, а не перевертыш. Он будет дремать, наверно, до самого вечера, но — прав Беспалый! — надежней увести его прямо сейчас.

Выбираюсь из зарослей, куда, оказывается, забился на ночь. Где это я? Ага, понятно: вон к небу тянется краснокорая громада Двуглавого Гиганта, а раз уж мне сейчас видна только одна его верхушка, так это потому, что... и вправду далеко забрался, на самую окраину. В общем, лучше мне перевертыша через рощевые ворота гнать.

Все просто, не о чем жалеть и незачем терять время. Страха нет, горечи тоже. Даже любопытство: что там будет потом?

О, меня все-таки заметили. Бегут — не прочь, а сюда. Это вы зря, сверстники и младшие: нас сейчас двое. И того, кому я веду, совсем не до вас.

— Прочь! — издали кричит Светлая. И замахивается многожалым копьем. Я оглядываюсь, но за моей спиной никого.

— Уходи! — кричит Коротышка. У него в руках тоже копье с разветвленным наконечником. Размахивает им скорее испуганно, чем грозно, стремится теснить меня — и не видит, что я уйду сам.

Вот оно что...

Набегают остальные. Четверо, шестеро — перестаю считать. И узнавать многих перестаю: вон Правопятнистый — видно плечо из-за щита, а так-то почти у всех щиты, сплетенные из колючих веток, большие, закрывающие от ног до головы, некоторые даже вдвоем приходится тащить.

— Вас старики послали? — спрашиваю, обращаясь исключительно к Светлой.

— Старики ни о чем знать не должны. А ты уже не разговариваешь, — совсем непоследовательно объясняет она. И снова тычет в мою сторону копьем: — Уходи, перевертыш!

Перевертыши действительно не разговаривают. Это она права.

— Прочь! Уходи! — подтверждает кто-то между Правопятнистым и Светлой.

— Прочь! — дуголосо кричат Одинаковые, слитным движением поднимают руки из-за общего щита — и два дротика ударяют в песок недалеко от меня. Один из этих дротиков вонзается и остается торчать, второй падает плашмя, как палка. Что ж,

по крайней мере ясно, какой из Одинаковых вчера вправляли локоть: той, что за щитом слева.

Зачем это мне? Такое перевертышу бы надо, а я ведь не собираюсь с ними сражаться, искать слабые места в их обороне. Хочу одного: уйти!

— Прочь-прочь-прочь! Пошел! Уходи!

Еще несколько дротиков летят уже не в землю у моих ног, а именно в меня. От трех я уклоняюсь, четвертый отбиваю лапой... рукой, пятый ударяет меня в бок. Больно.

Перевертышей не убивают: ведь всем известно, кем был перевертыш раньше и кем, если повезет, станет потом. Откуда берутся дети, тоже всем известно.

Поэтому дротики, которыми отгоняют перевертышей, лишены наконечников, а на копьях, наоборот, острия множественные, рогульчатые, такими мелкую рыбу быют... Того, кто крупнее, можно лишь не подпускать к себе, подталкивать куда-то, делать больно... больнее, чем тупоносым дротиком...

Перевертышей не убивают. Почти никогда. Разве что кроме тех случаев, когда сдержать их не выходит — и разумный оказывается в опасности. Нет ничего ценнее, чем жизнь разумного. Потому, когда гонят прочь перевертыша, всегда есть кто-то со смертобойным копьем и запасом острых дротиков. Сзади, за спинами остальных.

Длинный. Его рост никаким щитом не скроешь. А однозубое копьё он и скрывать не собирается, держит открыто.

Он вчера был сбит наземь, ушиблен и оглушен. Но сейчас уже полностью оправился, его рука с копьем тверда.

— Пошел! Убирайся! — Копья надвигаются, грозя многожалыми остриями. Пячусь от них, остерегаясь повернуться спиной.

— Эй! — утрюмо выкрикивает Длинный, обращаясь не ко мне, а ко всем остальным. И указывает им куда-то в сторону.

Понимаю его, кажется, только я. Потому что теперь мне не удастся идти туда, куда я с самого начала собирался, к рощевым воротам. Меня теснят прямо к глухой ограде. Она еще далеко, перевертыш не видит ее и, следовательно, не знает, но я-то знаю.

А вот все-таки не полностью оправился Длинный. Его вооруженная рука едва заметно дрожит, древко в ней чуть вихляется.

— Прочь! — взвизгивают Одинаковые, потрясая над краями щита оружием: левый дротик слеп и бессилен, как сухая валежина.

— Уходи! — Левозолотистая швыряет камень, промахивается, бросает еще один, но в меня трудно попасть, а перевертыша глупым камнем и не остановишь.

— Прочь отсюда! — отчаянно кричит Светлая, тыча перед собой копьем.

И свет меркнет у меня перед глазами. Последнее, что я вижу — уже сквозь темноту, — это собственную руку, заслоняющуюся от копейного выпада... руку... лапу, вдруг выплеснувшую из кончиков пальцев острия втяжных когтей...

* * *

Прыжок! Когти задней лапы, распрямляясь, коротко полосуют плоть того существа, что по левую сторону самого большого из колючих сплетений; добывать некогда, второй прыжок — на другое существо с опасной веткой в передней лапе... Какое оно неуклюжее, как легко переламывается от моего удара сперва его ветка, а потом...

Прыжок!

★ Нет, нет, нет! Это не добыча, ее не едят! Скорее отсюда, скорей...

Добыча! Вот настоящая добыча, рогомордая, большая! Она разгоняется в беге — отпрыгнуть, заскочить на хребет, вгрызться, вкогтиться... Сорвался! Добыча не бросается на меня, ее внимание отвлечено кем-то другим; а вот и третий! Четвертый! Еще несколько — много! Стая! Стать в ней своим: опасно перебежать прямо перед носом добычи, смелее всех запрыгнуть на нее снова...

Мясо! Три дня сытного изобилия! Я в стае свой, но вожака перед собой пропускаю, и почти-вожака пропускаю тоже, а вот того, кто раньше шел к добыче третьим, не пропущу! Ты куда? Смотри на высоту моего прыжка, оцени оскал, убойся скрещения когтей... Отступи! Отступи!!!

То-то.

Самки! Самки! Ты куда первым? Да, ты вожак, но я давно уже почти-вожак, смотри на меня, я с тебя ростом, но намного гибче и подвижней, оцени и устранись, отступи! Не хочешь? Бейся! Бейся!!! Умри!!!

Я вожак!

Я никогда прежде не водил стаю этим путем, но двое старших идут спокойно, ущелье им хорошо знакомо, они оба мне не соперники, так что можно пропустить их вперед... На склоне возле приметной скалы — приметное дерево, молодое, верхушкой до середины этой скалы... Запомню! В следующий раз сам поведу!

Самки! Самки! Все мои! То есть все желают стать моими, увиваются передо мной и цапаются друг с другом (исподтишка: в моем присутствии никто открыто драк не затевает, даже двое почти-вожаков нашей стаи!), но я удостою вниманием лишь нескольких, самых светломастных, белесых. Каждый сезон такое повторяется, однако стая послушно ждет, когда отберу приглянувшихся светлых, а прочих допущу к остальным самцам...

Мы потеряли обоих старших. Одного — в схватке со стаей-забродой (Мы победили эту стаю, убили многих, остальных прогнали! Я победил их вожака!). А второй сегодня вдруг остановился без всяких причин, поднес лапы к глазам, словно снимая с них пласт липкой паутины, затем посмотрел на меня испуганно и произнес множество странных звуков. Непонятно. Еще непонятней стало, когда он повернулся спиной и умчался прочь. Я даже подумал — он, самый опытный, какую-то угрозу заметил. Долго осматривался и принюхивался, но не оказалось вокруг ничего опасного. А старшего с тех пор не видел вовсе.

Это ущелье, с приметным деревом возле приметной скалы, мне хорошо знакомо, много раз уже водил стаю этим путем. Скала почему-то съезживается каждый сезон, теперь она намного ниже дерева.

Я вожак! Я все еще вожак!

Странная стая. Живет за необычно плотными зарослями возле того берега, куда ненадолго уходят самки, когда наступает срок. На наших глазах одна самка как раз пробралась обратно через те заросли, где они были преодолимы — постройневшая, избавившаяся от груза, — и, завидев нас, проворно пустилась

★ — наутек, потому что она не из нашей стаи, а самочий сезон давно миновал. Оба почти-вожака бросились было за ней, но я помешал: нечего им своевольничать. Тогда они, став корпус к корпусу и зарывав на меня, бросились к тем зарослям, но проем в них за это время как-то исчез, закрылся сплетением иглистых ветвей. Почти-вожаки попытались было растащить это сплетение, но их вдруг изранили прямо через чашу, слишком плотную, чтобы сквозь нее прорваться. В той странной стае все мелкие, меньше убежавшей самки, но из лап у них растут острые палки.

Хорошо. Теперь почти-вожаками станут другие. А я по-прежнему вожак.

Я до сих пор вожак!

Добыча, огромная длинношеяя добыча! Мы не дали ей прорваться к воде, она теперь неуклюже переступает, вздыбясь на задние лапы, чтобы уберечь маленькую голову и уязвимую часть вытянутой шеи. Пока уберегает: не достать, это высота четырех прыжков. Но наша стая терпелива, а стоять долго добыча так не сможет.

Топчется, иногда с маха опускается на все четыре, норовя при этом затоптать кого-нибудь из стаи. Каждый раз промахивается: только земля дрожит от таких попыток.

А вот сейчас земля вздрогнула сильнее прежнего, хотя добыча уже снова стоит на задних. Там, в недостигаемой высоте, ее головенка поворачивается туда-сюда, высматривая что-то, невидимое для нас. А потом добыча вновь опускается на все четыре лапы и не вздыбливается, но делает такое движение, словно собирается бежать от опасности, как будто есть для нее большая опасность, чем обступившая со всех сторон стая...

Я вожак! Я должен быть первым — особенно сейчас, когда беру в основном опытом, потому что суставы мои уже не столь гибки, а мышцы утратили упругость. Я не могу, не должен промахнуться!

И я не промахиваюсь: повисаю у добычи на шее, сразу запустив в нее все когти. Зубы тоже запускаю. В два хвата мне удастся переместить точку укуса к позвонку, вгрызаюсь изо всех сил — и чувствую, как под моими зубами с хрустом расщелкается кость, здесь и только здесь хрупкая, тонкая, уязвимая.

Добыча уже мертва, но она такая громадная, что ее тело не сразу это поймет. И оно содрогается в последнем усилии, это тело, снова взметывает себя на дыбы, взметывает непомерную шею отвесно, как ствол дерева... меня, не удержавшегося, забрасывает много выше, в небо над собой... над...

...Над грохочущим валом — вода, валуны, обломки ветвей и стволов (откуда? откуда? откуда?!), который проносится со скоростью смерти, кипит далеко внизу, погребает под собой стаю, погребает добычу по самый кончик ее перекушенной шеи, где на обрывках мышц еще косо свисает окровавленная мертвая голова, погребает все...

Что это? Что это было?

Я — вожак! Но где же моя стая?

Где я? Кто я?

* * *

Я стою на окраине Поселка — но где Поселок? Нет изгороди, нет хижин. Одичавшая молодая поросль пробивается сквозь бурелом там, где раньше была плодовая роща. Только контур берега и подсказывает: я — на краю.

★ Даже он изменился. Детского пляжа, самой хранимой части Поселка, нет тоже, вместо него — словно бы море выгрызло огромный участок, а потом засеяло его перемолотыми скалами.

Вот тот огромный пенёк, уже почти полностью занесенный песком — это... это остатки Двуглавого Гиганта? Сколько же лет меня не было?

Старики, вернувшись, часто не узнают ничего вокруг — водорослевые заводы расположены иначе, хижины строят на иной манер, среди плодовых растений появились новинки... ручные пушистики сейчас есть, а в пору их молодости, до ухода, вовсе не было еще... новые знания и умения возникли... И, конечно, давно нет никого, кто был стариком до твоего ухода. Это все в пределах понимаемого: взрослая жизнь ведь длится не годы, а с десятков дюжин лет, если не дюжину дюжин.

Сверстников иногда можешь встретить. Тех немногих, кто вернется.

Я вернулся. Отбыл срок взрослой жизни, когда созревшее естество грозного хищника гасит молодой разум — и вот я вновь в числе разумных, более того: я старик, чей голос равен десяти. Но где те, чьим десяти голосам равен мой? И где старики-сверстники?

Что там берег, что роща — где все?!

Может ли статься, что мой уход продлился вместо десяти дюжин лет целых сто дюжин? Но так не бывает, да и не объяснит это ничего.

То странное, помнящееся словно бы сквозь сон — содрогание почвы, страшная волна, месиво живого и неживого, долгие годы голодного одиночества, — было такое? Почудилось? Прав Беспалый: это не совсем память...

Смотрю на свои руки. На левой не хватает двух пальцев: значит, теперь меня будут звать Трехпалым? Но есть ли кому меня так звать?

Втяжные когти, не выпускающиеся у молодых, вдруг сами собой выскользнули наружу, все восемь... и сами же собой втянулись мгновение спустя. Нет тут врага, которого можно побеждать.

Даже врага — и того нет.

Я... я — последний? Я остался один?

Встречалась ли ты со мной, Светлая, когда мы оба были перевертышами? Успели ли наши потомки сбросить с себя скорлупу на детском пляже? Сколько лет миновало им, прежде чем пришла волна?

Щебечущий писк, такой знакомый, но неожиданный в только что мертвой тишине. С ветки ближайшего дерева на меня смотрит пушистик. Рыжий. Непривычно круглоголовый. Очень крупный, но все равно маленький, без труда у меня на ладони уместится. Еще двое опасливо, но любопытно поглядывают на меня с соседних ветвей. Ничего они не расскажут о том, что случилось здесь.

Так что же, любимцы, только мы и остались друг у друга, от прошлой жизни и для грядущей?

Вы теперь — мой Поселок?

СЕРГЕЙ БИТЮЦКИЙ

ДОРОГА В НИЧТО

...никаких мотивов. Решительно никаких. Восемнадцать убийств за четыре месяца. Все утром — с семи-тридцати до восьми ноль-ноль. Все — на километровом участке второстепенной дороги из районного центра в Михайловское. Никаких попыток ограбить убитых. Никаких признаков экстремизма. Некоторые пытались скрыться, большинство оставалось на месте

★ — преступления. На допросах все клялись, что ничего не помнят.

— Ну хоть какие-то связки есть?

— Есть. Убивал всегда пассажир с правого сиденья. Единственный раз убил водитель. Но эта машина была праворульной. То есть убивал человек, сидевший справа.

Первые три случая были совпадениями, толкнувшими нас на ложный след. Тогда каждый раз убивал водителя случайный попутчик, взятый на трассе. Там, на окраине Волочанска, полно народу голосует — едут утром на работу на Михайловский комбинат. Мы встали на версию секты маньяков. Версия с треском разлетелась. Убил брат брата. Потом муж — жену, которой недавно подарил машину. Потом...

— А по стоимости машин? По социальным группам?

— Каша. Никаких зацепок. От «Москвича» до «BMW». Народ в этих местах суеверный, сразу же перестали брать попутчиков. Комбинат пустил автобус. Когда в этом автобусе непьющий передовик убил двоих и троих ранил, автобус отменили.

— Где?

— Здесь же, на проклятой версте, как ее окрестили.

— Патрулировали?

— Каждый сантиметр облазили. С собаками. Дежурных ставили. Пока капитан Сычев, объезжая дежурных, не застрелил своего водителя.

— О как!

— Ну да, пока ты в столице прохлаждался, мы тут не скучно жили. Его тут же взяли его же патрульные. Он не сопротивлялся. Твердит, что внезапно потерял сознание и пришел в себя с табельным в руке. Уже месяц, как местные вообще перестали здесь ездить. Предпочитают крутала давать восемь километров через Слободку. Батюшка местный без зазрения сове-

сти нагнетает, проповедуя про грешников и происки Сатаны.

— Силь, но ведь должно же быть объяснение. Без сверхъестественной дьявольщины.

— Базару нет, должно. Кому вот должно, хер сыщешь.

Милицейская «десятка» вывернула с Волочанской грунтовки на корявую Михайловскую двухрядку. — Кто в этот раз вызвал?

— Местный грибник.

— А он, значит, не боится?

— С пешими никогда ничего в этой гибели не случилось. Позвонил, сказал, что иномарка с неместными номерами. Труп рядом с машиной, второго не видит. Приходится ехать.

— Силь, получается, что это я сижу на месте тайного киллера?

— Получается, Ромчик. Без понтов страшно.

— Твою ж душу... Ну, я тебя, ежели что, зарезу ласково. Помнишь, как нам это Ахмет говорил?

— Хотел бы забыть, Ромчик.

Машина вписалась в длинный поворот. Солнечный свет сквозь строй придорожных тополей забарабанил по глазам гулкой чечеткой. Звенело в ушах от вспышек морзянки. Трасса выпрямилась. Вдалеке нарисовалась машина с распахнутыми дверцами. Барабанная дробь света сползла с лобового на правое стекло свербящим глаз лучом магазинного сканера штрих-кода.

Василий бросил руль. Чутье, спасшее когда-то их обоих под перекрестным огнем, бросило вперед руку. Выстрелы один за другим обжигали левую щеку, а Василий бил лбом в искаженное яростью Ромкино лицо. Удар машины в дерево погасил сознание.

— Ромчик, ты в норме?

— Офуительно.

★ — Не ссы, зубы новые отрастишь. У нас было дэ-тэпэ, понял. Техника подвела. Тебя не закроют, нет состава. Пули через лобовое ушли, а оно — вдрызг. Я, если вдруг, подсоблю, чтоб ты быстрее отделался. Оформим тех, приезжих, потом надо будет вернуться с канистрами и зафигачить тут пожарчик. Смекаешь?

— Трактор потом пригони. Перепахать, чтобы последовательность деревьев по пням не смогли восстановить.

— Самый зуд — языки за зубами держать. Чтобы никто не заподозрил, что можно вот так просто. Проектором. Теликом. Мобилкой... Иначе — всем хана.

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

КОТ В РЕБРАХ БРОНТОЗАВРА

Кем был Иван Ефремов для русской культуры?

 ван Антонович Ефремов двулик. Или, вернее, в отечественной культуре существует как будто два Ефремова — столь сильную метаморфозу претерпела его писательская манера за несколько десятилетий творчества... Иной раз, читая Ефремова 1940-х, а затем открывая его же книгу 1970-х, с трудом веришь, что все это создано одним автором.

Известность пришла к Ивану Антоновичу весьма быстро. Первый рассказ напечатан в 1943 году, первый сборник — в 1944-м, первый роман — в 1956-м. По меркам советского времени для литератора это поистине стремительная «карьера».

Более, уже ранние публикации Ефремова завоевали умы и сердца читающей публики. Его приняли — сразу и сразу поставили очень высоко.

Строгая логика, склонность видеть четко выстроенную систему в художественном произведении — вот главные приметы ефремовского стиля. Профессиональный геолог и палеонтолог, доктор биологических наук, он принес в изящную словесность поэзию дальних экспедиций, забытых окраин, где человека порой ожидает чудо открытия или неожиданная страшная гибель. Ефремов воспевал человека сильного, отважного, готового бороться хоть в одиночку с опасностями доселе запретных мест. Ученые только-только

★ — добираются до этих «незнаемых» земель и вод. Там можно встретиться с чудовищем, которое не вошло ни в одну из научных классификаций («Олгой-Хорхой»), и с тайной древнего искусства («Голец Подлунный»). Стоит ли открытие иска? О да!

«Я часто стоял по ночам у открытого окна. Ветер, пахнувший полынью, сухой и свежий, приветливо обвевал меня. Легкая степная темнота подчеркивала древнее безлюдье равнины», — у какого мальчишки не занает под ложечкой, когда прочитает он эти слова из рассказа «Обсерватория Нур-и-Дешт»?

Рассказы «Бухта Радужных Струй», «Путями Старых Горняков» и «Ак-Мюн-гуз (Белый Рог)» — это настоящие стихотворения в прозе.

В «Белом Роге» современник автора повторяет подвиг, совершенный за много веков до него. Обстановка, в которой происходит действие, — древние горы, неспешный ход событий, отвага героя, драгоценный меч, добытый им с покоренной вершины, — все придает рассказу оттенок легенды. «В поисках трещины геолог начал разрывать молотком тонкий слой щебня. Ветер был все сильнее, подхваченные им исколки щебня ударяли по лицу и рукам Усольцева. Молоток вдруг звякнул о металл, и этот тихий звук потряс геолога. Усольцев вытащил из-под щебня длинный тяжелый меч, золотая рукоять которого ярко заблестела. Истлевшие лохмотья развевались вокруг ножен. Усольцев оцепенел. Образ воина — победителя Белого Рога из народной легенды — встал перед ним как живой. Тень прошлого, ощущение подлинного бессмертия достижений человека вначале ошеломили Усольцева. Немного спустя геолог почувствовал, как новые силы вливаются в его усталое тело. Будто здесь, на этой не доступной никому высоте, к нему обратился друг со словами ободрения. Усольцев накинул веревочную петлю на небольшой выступ белой породы. Осторож-

но поднял драгоценный меч, крепко привязал его за спину и, улыбаясь, положил на площадку свой геологический молоток... У основания отвесного фундамента Белого Рога геолог остановился, выбирая путь. Прямо на Усольцева, гонимое ветром, двигалось облако. В полете огромной белой массы, свободно висевшей в воздухе, было что-то неизъяснимо вольное, смелое. Страстная вера в свои силы овладела Усольцевым. Он подставил грудь ветру, широко раскинул руки и принялся быстро спускаться по склону, стоя, держа равновесие только с помощью ветра, в легкой радости полета. И ветер не обманул человека: с ревом и свистом он поддерживал его, а тот, переступая босыми ногами, пятная склон кровью, спускался все ниже. С бредовой невероятной легкостью Усольцев достиг узкого карниза, миновал и его. Тут ветер угас, задержанный выступом соседней вершины, и снова началась отчаянная борьба. Усольцев скользил по склону, раздирая тело, кроша ногти, переворачивался, задерживался, снова сползал. Сознание окружающего исчезло совсем, осталось только ощущение необходимости цепляться изо всех сил за каждый выступ каменной стены, судорожно искать под собой ускользящие точки опоры, с жуткой обреченностью прижиматься к камню, борясь с отрывающей от горы, беспощадно тянущей вниз силой. Никогда позже Усольцев не мог вспомнить конец своего спуска с Белого Рога...

Но поэтом, художником Ефремов был недолго. В его сочинениях возобладал философ, историк (автор исторических романов «На краю Ойкумены», «Таис Афинская»), а поэту пришлось отступить.

В 1958 году вышел его роман-утопия «Туманность Андромеды». Это фантастическое сочинение похоже на ученый труд. Каждая глава романа похожа на раздел в монографии: здесь об искусстве будущего, здесь о космических полетах, здесь о том, какие сохранятся

★ к тому времени преступления и как их научатся пресекать, а здесь — из чего будет состоять образование и воспитание детей... Во всей русской и советской литературе нет примера более масштабной и более фундаментальной утопии. Но утопия эта... холодна, если не сказать прямо — холодна; в ней многое, почти все — от логики, эмоциям оставлено не столь уж много места.

Незадолго до смерти, в романе «Час Быка», Ефремов предложил новую утопию — значительно более тонкую, чем «Туманность Андромеды». В последнем произведении писателя сталкиваются два общества: служители света и приверженцы тьмы. Но конфликт между ними ничуть не похож на битву социализма и капитализма. Это вечное противостояние двух начал, прошедшее через всю историю человечества и унаследованное далеким будущим. «Час Быка» во многом опирается на восточные религиозные и философские традиции. Автор подробно выстроил этику, философию и весь образ жизни идеального человека — человека света.

Главный труд Ефремова — роман «Лезвие бритвы», над ним Иван Антонович работал около пяти лет (1959 — 1963), и в год завершения работы появилась первая его публикация. В нем, думается, мировидение и художественная манера зрелого Ефремова проявились в наибольшей мере.

Все, что Ефремов создавал как писатель, привлекало внимание огромных читательских масс, оказывалось в фокусе общественного интереса. Но именно «Лезвие бритвы» вызвало настоящую бурю. Многие читатели, ознакомившись с текстом, увидели в авторе духовного наставника, своего рода «гуру». Сам Ефремов был этим недоволен, ему больше нравилось аналитическое, т.е. рациональное отношение к любимому произведению. Прошло много лет после выхода кни-

ги, и на склоне дней своих писатель все еще считал этот роман недопонятым...

Взявшись писать «Лезвие бритвы», Иван Антонович уже мог рассчитывать на колоссальный читательский запрос: за его спиной к тому времени были «Звездные корабли», «Туманность Андромеды», циклы рассказов и повестей. Ефремов завоевал огромную известность как фантаст и заслужил значительный авторитет как ученый. То, что вышло из-под его пера, было одновременно и фантастикой... и не фантастикой. Имело научную основу... но не особенно близкую к традиционной науке. Более того, «Лезвие бритвы» оказалось еще и литературой, которая... не вполне литература. Это один из самых загадочных текстов советского времени, произведение, идущее поперек всех стандартов и форматов, даже конфликтующее с понятием «роман» — как его видели тогда, полстолетия назад.

Ефремову требовалась большая смелость и еще бо́льшая уверенность в собственной правоте, чтобы написать такую вещь. И действительно, его книга погрузила тысячи и тысячи читателей в шок... но шок вызвал, скорее, притяжение, нежели отталкивание. У Ефремова родился роман-экзот, существо, как ни парадоксально, одновременно уродливое и по-своему красивое.

Когда-то, в эпоху Оттепели, роман громыхнул. На протяжении всего советского периода он притягивал к себе внимание читателей и высоко котиrowался на «черном рынке». Автор этих строк очень хорошо помнит, сколь трудно было достать «Лезвие бритвы» — хоть за самые безумные деньги. А украсть эту книгу из библиотеки не представлялось возможным, поскольку из большинства библиотек «Лезвие бритвы» украли задолго до того, как у тебя впервые появлялась такая мысль...

★ В 1971 году Ефремов писал: «Лезвие бритвы» и по сие время считается высоколобыми критиками моей творческой неудачей. А я ценю этот роман выше всех своих (или люблю его больше). Публика уже его оценила — 30 — 40 руб. на черном рынке, как Библия. Все дело в том, что в приключенческую рамку пришлось оправить апокриф — вещи, о которых не принято было у нас говорить, а при Сталине просто — 10 лет в Сибирь: о йоге, о духовном могуществе человека, о самовоспитании — все это также впервые явилось в нашей литературе, в результате чего появились легенды, что я якобы посвященный йог, проводивший сколько-то лет в Тибете и Индии, мудрец, вскрывающий тайны... До сих пор издательства относятся к «Лезвию» с непобедимой осторожностью, и эта книга пока еще не стала пройденным этапом, как все остальные, хотя о йоге печатаются статьи, снимаются фильмы, а психология прочно входит в бытие общества, пусть не теми темпами, как это было бы надо».

Фантастический элемент, позволяющий включить «Лезвие бритвы» в поле НФ, присутствует, но он незначителен. Речь идет о находке на дне морском древнего венца, принадлежавшего когда-то Александру Македонскому, который добыл его в одном из древнейших городов Индии. Этот венец способен влиять на психику человека, и при неблагоприятном стечении обстоятельств он отбирает значительный фрагмент памяти. Еще в романе есть сцены, когда современный ученый с помощью биохимических коктейлей (много разного плюс немного ЛСД) оживляет «генетическую память». Ну и несколько картинок, демонстрирующих возможности гипноза: исцеление тяжелобольного, победа одного мастера внушения в дуэли с другим мастером, перевоспитание врача-садиста... Вот, собственно, и все. Фантастическое допущение разбросано скудными вкраплениями по всему тексту

романа, оно оживляет его, тянет за собой читателя, ожидающего новых «чудес» и окончательной разгадки. Однако элемент фантастического играет в романе сугубо служебную, инструментальную роль, находится на втором плане.

Но и само полотно художественного повествования также не составляет смысла и наполнения книги. Персонажи знакомятся, влюбляются, время от времени испытывают незначительные приключения (спасение индийским художником Даярамом возлюбленной Тиллотамы, открытие частной экспедицией итальянцев затонувшего флота Неарха у берегов Южной Америки и т.п.). Но и приключенческие фэстончики, и романтические бантики, и даже блестящая вышивка любовных отношений — всего лишь детали на платье, сшитом из суровой научной ткани.

«Туманность Андромеды» — роман, который в большей степени напоминает монографию, т.е. монографическое описание будущего Земли, каким видел его Ефремов. А вот «Лезвие бритвы» — роман-трактат, средоточие философии, публицистики, научных гипотез, идей, высказанных в виде наброска и самого краткого обоснования. «Час Быка», кстати, следует в кильватере «Лезвия бритвы», это литературный корабль того же типа — роман-трактат.

Тут все «обслуживают» нескольких героев, в свою очередь, служащих устами Ивана Антоновича. Из них главное лицо — врач Гири́н. Эти персонажи, и Гири́н прежде всех прочих, дают книге основную «плоть», наполняют ее главным смыслом. Они продельывают это двумя разными способами, служащими для достижения одной цели — популяризации ефремовских идей. Чаще всего Иван Антонович позволяет основным действующим лицам читать большие лекции, изредка прерываемые репликами оппонентов. Например, тот же Гири́н в самом прямом смысле

этих слов читает лекцию, по ходу которой представляет основным критерием красоты (в данном случае, красоты человеческого тела) биологическую целесообразность. Он же в других местах романа произносит монологи, например, о пользе психофизиологии, о язвах современной цивилизации и необходимости их уврачевания за счет ускоренного развития знаний о психике человека, или, скажем, о возможности проникнуть в «генетическую память» — «память поколений». Все эти монологи, по сути, те же лекции. Ефремов-ученый, как видно, не находил адекватной аудитории для публичных выступлений на подобные темы, и он сумел превратить роман в сборник непрочитанных лекций, скрепленных сюжетом, приключенческой составляющей и т.п. Если тема высказывания оказывалась слишком дискуссионной для подобного монологического выступления, Ефремов использовал очень древнюю, еще к античной мысли восходящую конструкцию — сократический диалог. Такой диалог обычно происходит между истинным мудрецом, человеком, владеющим правильным взглядом на вещи, и его менее искушенным собеседником. Этот самый собеседник может спорить и даже сердиться, но философ обречен на победу в диспуте, во всяком случае, именно в его словах читатель увидит истину. Иногда оппонентов может быть больше одного, но все же носителем правильной позиции всегда является единственная персона. И диалоги действующих лиц весьма часто превращаются у Ивана Антоновича в восхождение от неправильной позиции к позиции более правильной или же в коррекцию не совсем правильной платформы в абсолютно истинную. Очень хорошо видна культура академической полемики, знакомая Ефремову по его профессиональной деятельности и буквально затопившая страницы романа — вплоть до самых бытовых, казалось бы, эпизодов.

Ефремов-ученый, или, вернее, мыслитель в более широком понимании, на страницах романа победил Ефремова-писателя. От той спокойной и задушевной манеры автора-рассказчика, которая звучит в небольших произведениях Ивана Антоновича, опубликованных в 40-х годах, не осталось ничего. А для современного читателя несколько десятков страниц очередной «лекции» или очередного «сократического диалога» — непривычно тяжелое испытание.

В 90-х полыхнул «ефремовский ренессанс», а затем имя Ивана Антоновича и тексты его в подавляющем большинстве своем откочевали в область «культурной археологии». Иными словами, сделались частью мемориала советской культуре, утратив притягательность для массового читателя. Ефремов — классик нашей НФ, но его сейчас читают очень мало. Поздний Ефремов слишком тяжел в восприятии, слишком тягуч его язык...

Ефремов был «коммунаром». Он видел будущее России и всего мира в коммунизме. С его точки зрения, современная цивилизация, цивилизация больших городов, страдала чудовищными язвами и сильно искажала сущность человека, изначально здоровую. Другой роман Ивана Антоновича, «Час Быка», был посвящен ее слабостям и ее «искажающим факторам»; нет в этом романе ни пародии на капитализм, ни пародии на социализм; есть общий тупик мегаполисной культуры. Но если из «капиталистической модели» Ефремов не видел выхода в будущее, к исправлению, то модель социалистическая давала ему самые добрые надежды. Фантаст обернулся идеологом, притом весьма оригинальным, но труды его недолго оставались жизнеспособными.

«Лезвие бритвы» сообщает об этой части мировоззрения Ефремова совершенно однозначно. Словами одного из персонажей Иван Антонович говорит о не-

★ — обходимости веры в социализм, поскольку «...Другого пути у человечества нет — общество должно быть устроено как следует. Разумеется, социализм без обмана, настоящий, а не национализм и не фашизм». Но Ефремов подходил к коммунистическому маршруту в жизни человечества с романтическим пафосом. За бетонными коробками советской действительности он видел прекрасную картину отдаленного будущего. С его точки зрения, мощную струю новых смыслов и жизненной энергии «реальному социализму» обеспечила бы прививка восточных духовных учений. В частности, тантризма, йоги. Ефремова устроил бы индуистско-марксистский путь развития, странный сплав коммунизма и восточной эзотерики.

Однако советская действительность умерла, не успев превратиться в самостоятельную цивилизацию. «Сценарий» будущего, милый сердцу Ефремова, сгинул вместе с нею. Разнообразные восточные учения хлынули в нашу страну мутным потоком на рассвете 90-х, был воспринят, главным образом, через поп-версии, весьма далекие от ефремовского сложного письма, насыщенного дискуссиями и своего рода острыми «проповедями»; а те, кто освоил восточные учения позднее, всерьез, уже в ашрамах и разного рода углубленных семинарах, не читал Ефремова за ненадобностью: тот хотел выплавить из коммунизма и эзотерики самостоятельную философию, но востребованной оказалась (до поры до времени) именно эзотерика, коммунизм же, что в сплаве, что без него, уходил безвозвратно. А мощная прослойка советской техфизматинтеллигенции, составившей ядро восторженных поклонников Ивана Антоновича, изрядно уменьшилась в размере. И в наши дни «Лезвие бритвы» представляет собой монумент на могиле давних надежд и упований, памятник несбывшемуся сценарию.

Но уж во всяком случае Ефремов оказал огромное влияние на всю последующую русскую фантастику. Его имя многие в сообществе фантастов до сих пор произносят с трепетом.

Помимо текстов Ефремова, до наших дней дошло еще одно его наследие — «ефремовская школа». Много было споров вокруг того, кто был истинным последователем Ивана Антоновича, а кто «примазался» к его громкому имени. Из советского времени чаще всего называют рано умершего Вячеслава Назарова, а из нынешних авторов — здравствующего и активно публикующегося Дмитрия Федотова. Фирменный стиль школы — соединение твердой науки с размышлением о судьбах всемирного социума и с элементами все той же восточной эзотерики: слова «стихия», «энергия» и какое-нибудь «состояние самадхи» для истинного ефремовца — органика.

С 2004 года вручается литературная премия имени И.А. Ефремова, учрежденная международным Советом по фантастической и приключенческой литературе и Союзом писателей России. Ефремова помнят, хотя читают мало.

Ефремова пока еще помнят...

И вот вопрос вопросов: да, конечно, Иван Антонович — ученый муж, обретавшийся на весьма высоком уровне научного социума (доктор биологических наук, профессор, орденоносец), его не могло не тянуть и тянуло, разумеется, на философию, на высокоумное теоретизирование, отсюда смена творческого стиля, но... останься он прежде всего художником, как знать, не пользовалось бы его творчество большим спросом у наших современников? Ныне то, что от него осталось, напоминает музейный скелет бронтозавра, меж ребер которого бродит красивый кот сибирской породы.

ОТЧЕГО НА РУСИ НЕТ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ?

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Прежде всего, хочу сказать о состоянии жанра НФ у нас в стране. Его фактически нет. Редкие исключения не в счет: они малотиражны и незаметны в общем потоке «палп-фикшн». Это, конечно, связано с рядом факторов:

а) политикой издательств, которые, идя на поводу у книготорговцев, сделали своей аудиторией подростков и «невзыскательного индивида», ищущего в книге удовлетворения простых эмоций;

б) что привело, согласно механизму с положительной обратной связью, к падению интеллектуального уровня аудитории;

в) соответственно, неудивительно, что аудитория начала замещать в своем досуге чтение интеллектуально более простыми видами досуга: компьютерные и РПГ-игры, общение в Интернете, кино, интерактивные приложения и прочее.

г) любители сложной фантастики — а НФ такова — обратили свои взоры к научно-популярной литературе и зарубежной НФ.

Однако и это важно. Западная НФ, а также японская (НФ-анимэ) и даже, в последнее время, — китайская, никакого дискомфорта не испытывают. Узкая страта российских любителей НФ не верит в существование качественного отечественного продукта, читает НФ западное, причем зачастую пользуясь «самопальными» переводами. Поскольку переводится далеко не все и тоже издается малыми тиражами.

Все это лишь подчеркивает мой старый тезис, что сильная НФ — один из признаков великой державы.

На всякий случай, повторим определения.

Настоящая НФ всегда пишется людьми с научным складом мышления. Есть в науке такое понятие «мозговой штурм». Это когда для решения сложной задачи ученых делят на две группы — «генераторы» и «эксперты». Дело «генераторов» — обсуждать и высказывать самые безумные и даже нелепые гипотезы в рамках поставленной проблемы. Все это записывается и потом анализируется «экспертами» — и зачастую «эксперты» в данном шквале безумия находят нити, ведущие к нужному решению. Так вот, научные фантасты — они генерируют. Зачастую ученые пренебрегают их предсказаниями, а зря. Задним числом ученые очень неохотно признают, что «такая-то идея была высказана тридцать лет назад в рассказе такого-то». Кто ж добровольно отдаст лавры первооткрывателя? Но генерация имеет место, факт.

При этом НФ-произведение должно обладать художественной ценностью. Сразу возникнет вопрос: а что такое НФ-текст, почему НФ, почему нельзя обойтись без нее? Ответ. Нф-текст является таковым, если вне рамок заданного автором фантастического допущения (или системы фантастических допущений) невозможно раскрытие данной проблематики, или раскрытие будет неполным, или не слишком, скажем так, ярким и убедительным. Предлагаю простой тест: если вычленишь из текста фантастику и сюжет это выдержит (меняем космические корабли на галеоны и бригантины, скажем) — то перед нами антуражная развлекательная фантастика. Следовательно, зачастую НФ-фантаст выступает и в роли социолога, и в роли футуролога, и — особенно — в роли философа. При этом, писать НФ очень непросто, так как в рамках сделанного фантдопущения, искажающего привычную

★ картину мира, автор должен быть абсолютно художественно убедителен (ведь и так читатель знает, что перед ним — вымысел, fiction): логически непротиворечивый мир, острый конфликт, живые герои...

Но проблема в другом.

Талантливых авторов у нас хватает — но НФ они не пишут. Квалифицированных читателей пока тоже не «съели» подчистую компьютерные игры и иные виды легкого досуга, но они НФ не читают. Ведь даже переводы современных западных мастеров выходят мизерными тиражами в две-три тысячи экземпляров, да и те, прямо скажем, продаются не ахти как. Значит, есть что-то еще. Что же?

ПРОГНОЗ

Что происходит? Закономерный процесс. Прогнозирую, что в среднесрочной перспективе (двадцать — двадцать пять лет) чтение как массовое явление, то есть, развлечение с целью получения эстетического, эмоционального и интеллектуального наслаждения, исчезнет. Поясню, почему. Осмысление любого, даже примитивного текста требует хотя бы минимального умственного усилия: хотя бы представить внешность персонажа, или внешний вид технического устройства, или описываемый автором пейзаж. Это станет недоступно широким массам. Если еще недавно ребенок в период развития и закрепления нейронных сетей в мозгу получал от родителей прежде всего книгу — сперва в виде чтения на ночь, потом — самостоятельно, то сейчас — телеканал мультфильмов и электронный планшет с играми. Это советские дети мультики смотрели по выходным и в передаче «Спокойной ночи, малыши». Нынче «поколение пепси» сменилось «поколением айфон», а следующее — уже напрочь будет лишено способности устанавливать

связь между текстом и образом. Взамен же — широкий спектр развлечений: кинематограф, компьютерные и РПГ игры, социальные сети и множество иных видов досуга, не требующих столь существенного умственного напряжения, как чтение художественного текста.

Таким образом, мир неизбежно вернется к ситуации начала девятнадцатого столетия (для Европы — чуть ранее, второй половины восемнадцатого), когда чтение книг было уделом элиты. И не только в России, но и на Западе. И на Западе это хорошо понимают.

ПЕРВАЯ ИТЕРАЦИЯ

Немного повторюсь. Итак, сильная НФ всегда была признаком (одним из, но признаком) великой державы. В самом деле, сильная НФ писалась в США — Великобритании и в СССР. И вот вам доказательство «от противного». Мне могут сказать: вот в Польше был великий научный фантаст Лем, а Польша — отнюдь не сверхдержава. Был. И широко издавался... в США и СССР. На родине же он был практически не востребован, даже в период высшего своего расцвета, как писатель. Ну, не было в Польше достаточного количества читателей, способных осмыслить его творчество. А в СССР, США, Великобритании — были. Известен случай, когда советский космонавт (кажется — Леонов) приехал в Польшу с «официальным дружественным визитом», и его спросили: каковы пожелания уважаемого гостя? Леонов ответил, что хотел бы встретиться с Лемом — это был пик славы пана Станислава в СССР. Возникло тягостное недоразумение. Очень долго разбирались, кто такой этот Лем, где живет, но встичу, в итоге, все же обеспечили.

Именно поэтому на Западе целенаправленно поддерживают научную фантастику. Никакая власть не

★ — может существовать без творческой элиты — технократов, ученых, инженеров, — необходимого базиса успешной сверхдержавы, без которого неизбежен цивилизационный и экономический проигрыш государства в конкурентной борьбе. Если массами достаточно манипулировать с помощью информационных симулякров, то для творческой элиты этого недостаточно. Она хочет и будет читать. Даже когда массы станут воспринимать текст только как источник информации и способ общения в социальных сетях. Что, кстати, уже и происходит, и доказательство тому — тотальный рост безграмотности в социальных сетях: «плывущая» орфография, почти полное отсутствие пунктуации, потеря заглавных букв, «иероглифизация»; все это уровень бытового письма примитивного человека, известный, например, уже из новгородских берестяных писем.

Но у нас власть имущие всегда исходили из посыла: умные нам не надобны, надобны верные. А вот Западу — надобны верные, но умные. Осталось разобраться — зачем.

ВТОРАЯ ИТЕРАЦИЯ

А для этого достаточно посмотреть на современную западную НФ — не всю, конечно, такая задача вне рамок небольшой статьи, но на «мэйнстрим».

Возьмем известную трилогию Питера Уоттса «Рифтеры». Посмотрим, что за мир там описан. А очень примечательный мир. Миром правит некая могущественная Корпорация. Ее члены — боги и демиурги для простых смертных. В привилегированном положении находится обслуживающий технический персонал (sic!). А удел широких масс, удел простого смертного — быть объектом манипуляций: информационных, биотехнологических и прочих, вплоть до массового

уничтожения по воле «богов». В трилогии почти нет положительных персонажей. А те, кто есть, — эпизодичны, и автор их даже не асфальтовым катком давит: система прихлопывает всех, проявляющих человечность, как давят вошь или таракана. В трилогии нет России. От слова «совсем». Я здесь намеренно не разбираю сюжет. Дьявольски талантливо описано совершенно фашистское (по Ефремову) общество.

То же самое, но в еще более жуткой форме — в трилогии Хану Райаниеми «Квантовый вор». Снова группа демиургов — еще более всемогущих, снова «особо приближенные», владеющие частями информации, вот только людям теперь нет покоя даже в посмертии. Все блестяще обосновано с научной точки зрения — Райаниеми математик и с квантовой физикой знаком не понаслышке. Цикл сразу писался на английском, с одобрения издателя контракт заключен сразу на трилогию, дебютный роман активно «продвигался» и пиарился.

Можно вспомнить и Дэвида Брина с его «Возвышением». Да, возвышают неразумные расы до стадии разумных, благое дело вроде бы, но ведь не за красивые глаза! Ох, не за красивые. Впрочем, «Возвышение» написано несколько ранее и может служить примером начала тенденции, которая окончательно сложилась в англосаксонской-НФ в двухтысячные годы. Подчеркиваю, разумеется, не все западные тексты таковы, я говорю о «мэйнстриме».

ТРЕТЬЯ ИТЕРАЦИЯ

А теперь вспомним, каков же цивилизационный проект Западной цивилизации? Да именно таков: отказ от государства, навязывание планете западной монокультуры, управление сосредоточено в руках узкой группы всемогущих транснационалов (корпораций!),

★ которых, конечно, должны обслуживать квалифицированные ученые, медики, биотехнологи, техники. Удел остальных — тотальное невежество, полная управляемость через создаваемые информационные симулякры и роль расходного материала. Вот же оно!

Но ведь эта система в подробностях описана и в советской фантастике. Именно, в романе Ивана Ефремова «Час Быка». Очевидно, что это — роман-предупреждение, один из путей, по которому может пойти наша цивилизация, а не рассказ об абстрактно-далекой планете Торманс. Именно Ефремов предупреждал об опасности распространения по планете монокультуры западного типа. Именно он определял фашизм прежде всего как полное и монопольное распоряжение информацией узкой группой лиц. Так вот, именно систему «владыки» — «джи» — «кжи» навязывает исподволь западная НФ своему читателю. Какому читатель? А тому самому, который видит себя в этой иерархии на месте «джи». А что? Отличное место. И такого читателя на Западе много.

РЕШЕНИЕ

А вот у нас — поменьше. Тоже есть, и именно этот читатель потребляет переводы западной НФ (он-то — наверняка потенциальный «джи» в потенциальной Корпорации) и морщится от единичных текстов отечественной. Но все же поменьше, и сильно. И связано это с тем, что Россия не выработала собственного цивилизационного проекта — пока не выработала (советский мертв), а застряла на осмыслении прошлого. Ведь, к примеру, вал «попаданческой» литературы (иногда удачной, иногда отвратительной в художественном смысле) — не что иное, как попытка в художественной форме осмыслить и переосмыслить наше прошлое. Сюда же интерес к «историческому»

нон-фикшн. Сюда же эскапизм множества фантастических произведений. Если реальность непонятна, а перспективы неясны — то вперед, в прошлое! Или в сказочные миры.

Следовательно, пока не возникнет и не будет внятно ощущаться хотя бы на уровне коллективного бессознательного новый цивилизационный проект, научная фантастика, как самобытное русское явление, проявлена у нас не будет. А вот слепое копирование и потребление западных шаблонов, напротив, может привести к последствиям весьма печальным. Особенно если учесть, что чтение художественной литературы перестанет быть уделом масс, но станет уделом элиты. Не в смысле политиков и олигархов, боже упаси, а элиты настоящей — ученых, людей искусства, медиков, технологов... Такова реальность, данная нам в ощущениях.

Ищите проект, господа!

ВАДИМ ПАНОВ

«ДЕТСКИЙ МИР: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ»

*Расшифрованная и расширенная версия семинара,
состоявшегося в рамках фестиваля
«Созвездие Аю-Даг 2016»*

Вадим Панов (В.П.): Добрый день! Прежде чем начать семинар, хочу сказать, что после его объявления в предварительной программе фестиваля я получил довольно много писем от удивленных друзей и читателей, которые спрашивали, почему семинар будет посвящен «Детскому миру»? Но если изначально за-

★ — явленная тема вызвала недоумение, то сейчас, уверен, многие из вас уже поняли, почему я решил поговорить об этой литературе: примерно месяц назад увидела свет книга «Ириска и Звезда Забвения», написанная в новом для меня жанре фэнтези для подростков. Работа над этой книгой стала своего рода вехой — не побоюсь этого громкого слова, — и многому меня научила. Точнее, мне многому пришлось научиться, и теперь я хочу поделиться впечатлениями, которые остались от работы, и приобретенным опытом.

Вопрос: Какой был мотив перехода к литературе для подростков?

В.П.: Во-первых, пришло время. За свою карьеру я писал книги на самые разные темы: фэнтези, городское фэнтези, киберпанк, стимпанк, современная мистика, постапокалипсис, и, как мне кажется, новое направление стало естественным продолжением поиска. Во-вторых, это действительно интереснейшая тема и настоящий вызов для писателя, потому что, на мой взгляд, самая сложная из существующих литература — для детей. Сложнее нет по целому ряду причин, и о некоторых из них мы сегодня поговорим. В-третьих, я взялся за работу, будучи основательно подготовленным, ведь книга об Ириске родилась из долгих сказок на ночь, из не связанных друг с другом историй, а некоторые из них рождались, что называется, «на ходу»: в машине во время долгого путешествия, в поездках или на пляже; родилась из персонажей, о которых меня просили рассказывать снова и снова. Вокруг меня постепенно накапливались законченные эпизоды, полностью описанные персонажи, эпизоды, которые складывались в сюжет, и оставалось лишь связать их крепкой нитью.

Таким был мой путь в «детскую лигу». А теперь давайте приступим к семинару.

КТО ТЫ, ЧИТАТЕЛЬ?

Этот первый момент я выделил еще до начала работы, понял, что впервые в жизни обращаюсь к конкретной аудитории. «Ириска» — «семейная» книга, ее читают и взрослые, и подростки, но в первую очередь — подростки, и это обстоятельство я не мог игнорировать и постоянно держал его в голове. И если при работе над «взрослыми» книгами я показываю тестерам уже законченные версии, то при написании «Ириски» приходилось советоваться с будущими читателями начиная с самых ранних этапов, чтобы выяснить, понятна ли им история, сюжетная канва, мотивация персонажей и многое-многое другое. В том числе — понятны ли им слова, которые используются в тексте. Мы, взрослые, не задумываемся над тем, как много на самом деле знаем, помним или же просто понимаем. Наш лексикон формировался годами, у нас в голове огромный массив информации, к которому идет постоянное обращение, многие слова мы используем «по умолчанию», абсолютно точно зная их смысл, и напрочь позабыли о том, как некогда узнавали значения слов и понятий. Сейчас мы считаем их элементарными, не стоящими нашего внимания, а они, оказывается, совершенно непонятны детям. Соответственно, приходилось внимательно выискивать такие слова и либо давать разъяснения в тексте, либо делать сноску с определением.

Вопрос: Какие слова, например?

В.П.: Разные и иногда — совершенно неожиданные для меня. Например, «нокаут». Не могу назвать себя записным драчуном, но это слово знаю с раннего детства, уже в первом классе мы с ребятами азартно обсуждали бокс, ну и уличные столкновения у нас, разумеется, были, куда же без них. Так что слово в по-

★ —
вседневных разговорах звучало довольно часто. А вот многие девочки, как выяснилось, понятия не имеют, что оно означает, и этот факт стал для меня большим сюрпризом.

То есть приходилось обращать внимание не только на те слова, которые дети и подростки могут не знать в силу возраста, но и учитывать гендерные отличия, определять, что понятно мальчикам, а что — девочкам.

Вопрос: А не легче было перенять для книги сленг современных подростков?

В.П.: Легче, разумеется, но какой в этом смысл? Сленг — это поветрие, он быстро приходит и быстро уходит. У каждого поколения детей есть свои особые словечки, присказки и обороты речи. Например, те слова, которые я употреблял, будучи подростком, мои дети практически не используют, для них они звучат очень странно, а значения некоторых наших общепринятых оборотов они даже не понимают. И это нормально: время тех слов прошло, поколение сменилось, даже мир вокруг изменился и теперь «рулят» абсолютно другие термины. Такова жизнь. Если немного отвлечься, то можно сравнить это со стилем письма: в XIX веке романы писались долго, и они были толстыми. Эта традиция сохранялась примерно до середины XX века, но постепенно размывалась, и теперь толстый роман на двадцать и более авторских листов — большая редкость. Или другой пример: советская литературная школа породила не только великих писателей, таких как Шукшин, Распутин, Астафьев, но и множество авторов, тяготеющих к уныло-официозному стилю, которым нелепо писать книги для современных читателей. Поэтому использование текущего сленга бессмысленно: через пару лет от него останется в лучшем случае два-три всем понятных и доросших до общеупотребительного уровня слова, как это

произошло с некоторыми выражениями «олбанского языка» и прочих «модных течений».

Более того, в такой огромной стране, как наша, сленговые термины меняются от области к области, то есть даже в рамках одного поколения существуют различные вариации «современного молодежного сленга» и не факт, что их состав совпадает.

Однако самая главная причина, по которой я избегал современных словечек, заключается в том, что, по моему глубокому убеждению, язык должен быть изначально предельно правильным, особенно когда книга пишется для подростков. Нельзя идти по легкому пути и писать на том языке, на котором они говорят с друзьями и родителями, нельзя чрезмерно упрощать, чтобы «стало понятнее». Книга — это не компьютерная игра, книга призвана развивать человека, учить думать и задавать ориентиры. Ориентир нормального человека — правильный, качественный, литературный язык, а ему нужно учиться, к нему нужно привыкать, его нужно ценить. Если книга подарит читателю пару-тройку новых понятий — это хорошо, поэтому я нарочно не заменял некоторые непонятные слова, а делал сноски, давая их определение и помогая, надеюсь, развиваться.

Современная жизнь быстра, мы вечно торопимся и в том числе — торопимся писать. Наши SMS и посты в соцсетях переполнены орфографическими ошибками и грубыми сокращениями, имитирующими разговорную речь. О пунктуации я вообще молчу... Но мы, во всяком случае, многие из нас, обладаем качественным образованием и способны эти же тексты набрать правильно, на нормальном русском языке. Чуть медленнее, но правильно. В этом преимущество образованного человека — планка изначально выше. Он сможет спуститься до уровня сленга или нарочито обедненной речи, но может быстро вернуться на свой

★

 уровень. И ни в коем случае нельзя делать эталоном нечто упрощенное или изначально неправильное, потому что именно это и называется деградацией.

Итак, краткий вывод: язык подростковой книги должен быть не сложным, но не упрощенным, без изысков, но не бедным, и не надо бояться вводить в него новые, возможно — незнакомые слова.

КТО ТЫ, ВРАГ?

Следующее, о чем пришлось очень серьезно подумать, — о злодеях. Точнее, об описании отрицательных персонажей вообще и главного антагониста в особенности, ведь его фигура неимоверно важна для любой книги, не только для фэнтези.

Каким он должен быть?

Разумеется, могущественным, очень сильным и очень опасным для всей Вселенной. По возможности главный злодей должен представлять глобальную угрозу, его цель — кардинально поменять структуру описываемого мира, но важно не переборщить с дифирамбами в его адрес, поскольку литература знает огромное количество «чОрных колдунов, мечтающих покорить мир», разной степени достоверности, и необходимо добиться того, чтобы наш «плохой парень» выгодно отличался от коллег по нелегкому злодейскому ремеслу. Он должен быть предельно реальным, в него нужно верить. Главный злодей должен быть фигурой демонической, но чтобы в его угрозу поверили, необходимо дать его внутренний мир; и возникает вопрос: какой он в данном случае? Как описать мерзавца в книге для подростков?

Мы, люди взрослые, понимаем, что мир, даже мир фэнтези, не может быть черно-белым, мы понимаем, что у каждой стороны конфликта есть своя правда, ко-

торую она отстаивает. Мы понимаем, что каждый человек преследует свои интересы, и если нам он видится злодеем, врагом, подлецом, то для своей стороны, для тех, ради кого он идет на войну или на преступление, этот же персонаж является героем и образцом для подражания. Мы понимаем, что сторонники могут оправдать любой поступок «своего».

Мы это понимаем.

Но мы — взрослые. У каждого из нас есть большой багаж знаний, сложившиеся принципы, личный опыт и определенные этические установки. Мы твердо знаем, что такое хорошо и что такое плохо, и в том числе — благодаря полученной в детстве информации. Благодаря тому, что раньше мы не путались и нас не пытались запутать. Поэтому я сознательно исключил полутона из описания отрицательных персонажей. Проводя аналогию, я не хотел и не показал в романе, что вампир может быть хорошим, как это, к примеру, сделано во многих современных книгах. Я хотел дать четкое понимание, что есть добро и есть зло — два безусловных полюса, которые никогда не сойдутся, и, надеюсь, показал.

Однако эта принципиальная позиция породила другую проблему: как избежать «картонности» отрицательных персонажей? Ведь чем больше делаешь злодеев черными, злыми, тем более плоскими, ненастоящими они становятся, и в какой-то момент в них перестают верить. История превращается в сказку в плохом смысле слова и становится слишком простой для сопереживания.

И поэтому для описания главного отрицательного персонажа я решил использовать его подчиненных, вспомнив поговорку: «Короля играет свита». То есть давать главного антагониста не столько самостоятельно, сколько через помощников, благо их у Захариуса Удомо оказалось предостаточно. Помощники полу-

чилились разные, каждый со своим характером и положением в иерархии темной армии, и поэтому образ Захариуса, сформированный из диалогов, отношения и отзывов о нем, получился достаточно выпуклым. Но не настолько, чтобы зло стало привлекательным.

Я знаю, что «плохие парни» часто получают яркими, смотрятся гораздо выигрышнее главного героя, и старательно избегал этого эффекта.

Вопрос: Какой допустимый уровень насилия в детской книге, для той аудитории, для которой вы пишете?

В.П.: Этот вопрос тесно переплетается с сюжетом и жанром книги, напрямую зависит от того, чем будут заниматься и в каком окружении пребывать персонажи. Поскольку мы говорим о фэнтези, то история, безусловно, должна быть приключенческой. А там, где приключения, там обязательно присутствуют сражения: против армий, разбойников, драконов — не важно. Важно то, что схватки являются органической частью повествования, и значимой частью, поскольку абсолютное зло должно быть уничтожено. Однако на мой взгляд, многие авторы подростковых книг злоупотребляют описанием, а иногда даже смакуют жестокие подробности, пытаясь привлечь читателей тем, что «у меня — как в жизни». В арсенале писателя имеется достаточно средств, чтобы передать ужас сражения или чьей-то гибели, не скатываясь в дешевый натурализм, а вот низменные приемы не красят ни детскую книгу, ни взрослую. Художественное произведение не должно иметь ничего общего с лекцией по анатомии, и авторам следует избегать излишнего натурализма.

Хотя бы потому, что это пошло.

Я искренне считаю, что благодаря нашим масс-медиа, точнее, их безумной погоне за высоким рейтингом, читатели любого возраста видят достаточно

насилия: в кинофильмах, играх и даже программах новостей. К насилию привыкли и не воспринимают с той смесью ужаса и отвращения, как даже 30—40 лет назад. Насилие стало частью повседневной картинки, но книга не может, да и не должна соревноваться с художниками и создателями спецэффектов в его описании и уж тем более — в его смаковании. Книга — это Слово. А Слово — это интеллект. И потому, переворачивая страницы, мы должны находить на них в первую очередь пищу для ума. Вульгарное описание подробностей обращает книгу в фильм ужасов категории «В», в то время, как истинно писательское умение позволит создать эталонный триллер.

Как вы уже поняли, я против натурализма.

Читателя должна увлекать история, сюжетные повороты, неожиданные ходы (не путать с «роялями в кустах»), внезапно выстреливающие ружья, но уж никак не грязные детали, больше подходящие для «желтой» прессы.

И самое главное: любое сражение, любой бой — это этап становления человека. Даже из банальной уличной драки герой может выйти не таким, каким в нее попал, и именно этот момент мне наиболее интересен. Особенно в финале, в главном сражении книги, которое становится для главной героини, для Ириски, своего рода переходом через Калинов мост. С одной стороны, это отчаянный бой с силами зла, с другой — сражение внутреннее, сражение со своим страхом, сражение за себя, чтобы победить и стать другой.

КТО ТЫ, ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ?

Есть широко распространенное мнение, что главный герой детской книги должен обязательно вызывать жалость, должен быть несчастным по определению и печальной историей своей жизни вызывать

у читателя сочувствие, а лучше — вышибать слезу. Золушка, Оливер Твист, Гарри Поттер — все они глубоко несчастные дети, лишенные любви, тепла, ласки, и тем сразу же накидывают на читателя «крючочек» жалости к себе. Читателю хочется, чтобы у них все получилось, чтобы им наконец повезло в жизни, читатель сразу оказывается на их стороне, что хорошо для восприятия книги... Но мне такой подход кажется не совсем честным приемом, ведь получается, что мальчик или девочка, у которых присутствуют оба родителя и все хорошо в семье и жизни, не имеют шанса на читательское признание, если, конечно, их зовут не Алиса и они не бегут за белым кроликом. Я понимаю, что идти проторенной и проверенной дорожкой не только легко, но и благоразумно, однако сознательно лишил главную героиню поводов для жалости.

Герои в ней не нуждаются.

Ириска — обыкновенная девочка, оказавшаяся в необыкновенной ситуации и вынужденная вступить в противоборство со страшным врагом. Она может отказаться от сражения в любой момент, но обстоятельства сложились так, что от ее решения зависит будущее целого мира, и девочка понимает эту ответственность. И сражается.

Какая в этих обстоятельствах разница, полная или неполная у нее семья? На мой взгляд — никакой.

КТО ВЫ, СТОЯЩИЕ РЯДОМ?

Хорошая детская книга не может обойтись без большого количества интересных и забавных персонажей. В хорошей книге — как и в хорошем фильме, — обязательно должны быть короткие, но запоминающиеся эпизоды, раскрывающие героя с разных сторон и, соответственно, звезды этих эпизодов. И не важно, комедийным будет эпизод или трагическим, появится

сей персонаж дальше или навсегда сойдет со сцены, главное, что он запомнится, обратит на себя внимание.

Важность эпизодов невозможно переоценить, они наполняют глубиной не только героя, но историю и сам мир. Эпизоды — те самые мелочи, детали, из которых складывается Вселенная книги, мелочи, которые делают ее живой и настоящей.

Бытует мнение, что эпизод «тормозит» развитие сюжета и снижает динамику, но я с этим категорически не согласен. Во-первых, потому что любой эпизод можно написать достаточно энергично, во-вторых, потому что грамотное добавление не тормозит историю, а украшает.

К сожалению, современный мир пытается навязать и авторам, и читателям свои правила. Скорость жизни сейчас неимоверно высока, особенно в больших городах, и многим отчего-то кажется, что книга «должна соответствовать», быть такой же быстрой, как пост в социальной сети, а главное, что в ней «не должно быть ничего лишнего». Я с этим мнением категорически не согласен. Хорошую книгу я читаю медленно, мне нравится узнавать то, что осталось за рамками сюжета, нравится погружаться в мир, который меня увлек, и я благодарен тем авторам, которые создают для меня небольшие, но такие значимые эпизоды. И тем же стараюсь радовать своих читателей. Я обожаю придумывать «звезд эпизодов» — смешных и умных, глуповатых и гадких, «постоянных» и проходных, обожаю возиться с ними, подбирать им словечки и отличительные черты. Они — полноправные члены мира.

Но больше «звезд эпизодов» для книги важны спутники главного героя...

Вопрос: Обязательно должны быть Страшила и Железный Дровосек?

★

В.П.: И Трусливый Лев. На самом деле, спутники главного героя являются обязательными персонажами и особенно — для детской книги. Причем у каждого из них есть своя, ярко выраженная «специализация»: один обязательно «умник», который очевидно знает больше других, способен разгадать загадку, вспомнить нужное событие из истории или прочитанной книги и составить внятный план действий; другой — «верный солдат», преданный, честный, в меру сильный (или очень сильный), который без колебаний бросается в любое приключение или же закрывает главного героя собой, этому персонажу частенько выпадает умереть во имя сюжета. Возможны и другие помощники, но они встречаются редко, поскольку мало кто рискнет перенасытить «основную компанию», то есть группу главного героя и спутников, увеличив их количество — в этом случае остается риск, что кому-то из персонажей либо не хватит места в сюжете, либо второстепенные герои начнут закрывать главного. И если во взрослой книге (вспомним, хотя бы, «Три мушкетера») эксперименты с количеством основных действующих лиц допустимы, то в детских книгах стараются не рисковать.

Вопрос: Насколько важно для вас, когда вы планируете главного героя и его спутника, чтобы второстепенные герои не затмевали по яркости главного?

В.П.: Если честно, предсказать этот момент очень и очень трудно, поскольку главный герой наиболее понятен читателю. Да, можно придумать ему сложную историю, необычные мотивы, глубокие внутренние переживания, другими словами — создать сложнейший, противоречивый образ, но... Но перед нами все равно останется главный герой. Каким бы сложным ни был его внутренний мир, он все равно поступит как главный герой, он все равно окажется «хорошим»

и положительным. И подсознательно об этом знает любой читатель.

А вот помощники главного героя такими жесткими рамками не связаны, и им разрешены многие вещи, которые главному герою недозволительны. Быть жадным, себе на уме или не очень честным, или глуповатым, вечно влипающим в истории, из которых его приходится выручать главному герою. Или же наоборот: быть честным и верным на фоне чересчур хитроумного главного героя, при этом сильным и смелым.

После окончания «Анклавов», я как-то провел опрос, попросив проголосовать за любимого героя, и первое место в нем занял Олово, классический «второй номер», тень главного героя, его слуга и телохранитель. Олово, который всегда оставался самим собой и не раздумывая исполнял любой приказ Кирилла. И его полюбили. Кирилла и Мертвого уважали, к Патриции с самого начала было двойственное отношение, а Олово полюбили. Затмил ли он главных? Не думаю. Но он крепко запомнился.

Но затмить главного героя могут не только его помощники. Еще одна опасность, которая подстерегает авторов, — чересчур качественный злодей. Его роль для повествования огромна, в действительности он «тащит» на себе изрядную часть истории, и не случайно среди голливудских продюсеров бытует мнение, что «Качественный злодей — это 80% успеха картины». Отрицательные персонажи обладают известным «обаянием зла», весьма притягательным для некоторых людей, и при определенных условиях способны перевернуть историю, заставив читателя встать на свою сторону.

Как видите, любой персонаж способен оказаться на первых ролях, и потому одна из задач писателя заключается в том, чтобы каждому персонажу указать его законное место и проследить, чтобы он его не покидал.

★ — В заключение нашего семинара хочу сказать, что работа с детской литературой оказалась для меня не только тяжелой, но и необычайно интересной. Я учился, писал, снова учился и снова работал над текстом. Роман «Ириска и Звезда Забвения» потребовал от меня полтора года напряженного труда, но я по-настоящему доволен результатом. И надеюсь, опыт, которым я поделился, будет вам интересен и полезен.

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ТРИ КИТА И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ...

или немного об истоках лингвистической фантастики

Земля, как известно каждому здравомыслящему человеку, покоится на трех китах...

Здание лингвистической фантастики, так уж получилось, тоже стоит на плечах трех титанов, чьи столь разные и по судьбе, и по содержанию книги были написаны почти одновременно, в конце сороковых.

Именно эти три автора и три текста определяют развитие жанра до настоящего времени:

Джон Толкиен и его трилогия «Властелин колец» (закончена в 1948, вышла в 1954 — 1955).

Роберт Хайнлайн и повесть «Бездна» (1949).

Джордж Оруэлл и роман «1984» (1949).

Первого «кита», самого большого, с роскошным и обильным фонтаном над ним, можно обозвать антуражно-лингвистическим: на нем по литературным морям путешествуют тексты, в которых идеи, связанные с языком и его использованием, применяются для создания антуража.

Запустил в плавание этого исполина «Властелин колец» Толкиена, самая известная, пожалуй, фэнтезийная сага.

Даже далекий от фантастики человек знает, что народы, обитающие в Средиземье Профессора, говорят на разных языках и что языки эти обладают словарем, грамматикой, а некоторые даже и письменностью. Толкиен увлекался созданием проектных языков (конлангов) с молодости, он был профессиональным лингвистом и поэтому подходил к делу основательно, можно даже сказать — академически.

Вот как он сам писал о «Властелине колец»:

«...основополагающим «фактом» о всей моей работе является то, что она целостна и фундаментально лингвистична по своему замыслу. [...] Это не «хобби» в смысле чего-то совершенно отличного от основного занятия человека, того, чем человек занимается для отвлечения и отдыха. Изобретение языков является основой моих трудов. «Истории» были написаны более для того, чтобы создать мир для этих языков, а не наоборот»¹.

Толкиен создал для своей трилогии полтора десятка искусственных языков, перечислять их нет смысла, упомянем только самые известные и разработанные.

Квенья, высокое эльфийское наречие, основой для которого стали финский, латынь и греческий. После смерти Профессора язык не погиб в неизвестности, на нем говорят, издают журналы и даже защищают диссертации по его грамматике.

Синдарин, язык «серых» эльфов, выросший из различных кельтских наречий, в первую очередь из валлийского, и из книжного, искусственного, также ставший живым, разговорным.

¹ The Letters of J.R.R.Tolkien, pp. 219 – 220.

★ Адунаик, язык Нуменора, построенный по модели языков семитской группы.

Черное наречие, использующее экзотическую для Европы эргативную модель построения предложений.

Последователи Толкиена в том, что касалось использования языков в антураже — нет им числа, — чаще все же шли иным путем, сначала выдумывали мир, персонажей, а уже затем в качестве украшения пришивали к этому делу более или менее разработанный конланг.

Для того чтобы перечислить всех, кто развлекался подобным образом, нужна отдельная статья, поэтому ограничимся самыми интересными примерами.

Большинство авторов ограничивается словами или фразами из чужих наречий; кто-то, как Кэролайн Черри, строит на этих словах и фразах мощное здание чужой культуры. Другие идут дальше, разрабатывая грамматику, порой на весьма экзотических основаниях.

Сильвия Сотомайор, чьи тексты на русский не переводились, например, придумала для своих эльфов келен, язык без глаголов, что является не просто экзотикой, а чистой фантастикой, поскольку естественное наречие такого типа на Земле не существует, ну или по крайней мере пока не обнаружено.

Т. Донелли — к сожалению, известна только фамилия — сконструировал язык, предназначенный вовсе не для человекоподобных существ, и учел особенности их анатомии. Раса мачи, использующая этот конланг, является инсектоидами, и речь у них порождает сложная трахейная система, не особенно похожая на человеческую «спарку гортань — рот».

Чайна Мьевиль в своем «Посольском городе» описал язык, на котором можно говорить, только имея два рта, издавая два параллельных потока звуков. Люди, чтобы общаться с носителями этого языка, вынужде-

ны использовать пары особым образом подготовленных близнецов, которых именуют Послами. Но что еще более интересно, в языке негуманоидных Хозяев слова не обозначают вещи, а указывают на них, являются не символами, как у людей, а фрагментами реальности, и поэтому здесь немыслима ложь, метафоры, а сравнения существуют лишь такие, что основаны на реально разыгранной сцене с живыми участниками.

Слова этого языка «прозрачны», за ними нет слоя знаков, как в любом из человеческих, а непосредственно просвечивает разум, их использующий, поэтому невозможны такие вещи, как письменность и аудиозапись.

Некоторые образцы фантастики такого рода можно взять и из кино.

Это клингонский, разработанный по заказу Paramount Pictures для сериала Star Track на основе санскрита и нескольких языков американских индейцев, а также на'ви, придуманный на основе амхарского и маори для синеккожих аборигенов фильма «Аватар».

Второе морское млекопитающее куда менее упитанно, и на его округлом боку можно различить рекламную надпись «трансформация сознания с помощью языка».

Породил его на свет Роберт Хайнлайн, написавший повесть «Бездна».

Сам текст на фоне «Звездного десанта», «Чужака в чужой стране» или «Луна — суровая хозяйка» выглядит примитивным, обыкновенным, не особенно искусно выстроенным боевиком, и не зря он, в отличие от вышеназванных произведений, почти забыт.

Но есть одно «но»...

★ В «Бездне» Хайнлайн описывает язык, названный им «спидтолк» (speedtalk), в вольном переводе «быстроречь», которым пользуется некая тайная секта товарищей, пытающаяся управлять человечеством, развивая его в нужном им направлении.

Язык этот идеально логичен, полностью соответствует нашему мышлению, и на нем человек думает в семь раз быстрее, чем на английском.

В основу спидтолка положены сто фонем из разных человеческих языков, каждая (с которой это возможно сделать, как я понимаю) подвергнута вариациям по длине, ударению, тону, и в зависимости от сочетания этих параметров от нее производится несколько разных фонем.

Затем был взят словарь из восьмисот пятидесяти наиболее распространенных слов — он был составлен в 1925 году для проектного языка Бейсик-инглиш — и каждому слову в соответствие поставлена одна фонема.

Таким образом для выражения каждого из базовых понятий нужен всего один звук.

Фраза в таком случае получается не длиннее слова, отчего растет скорость мышления и речи.

Дополнительные словари с более сложными терминами создаются по особым правилам, по каким именно, Хайнлайн не сообщает. Зато пишет о том, что благодаря логичности этот язык меняет мышление говорящего так, что на нем нельзя говорить чушь, ошибаться, впадать в заблуждение, в нем не существует вербальных парадоксов, как нет их в реальной Вселенной.

Этот кит не столь громаден, но зато на его спине можно обнаружить куда более интересных пассажиров, чем на первом, поскольку лингвистика здесь является не столько украшением, сколько источником оригинальных идей.

Здесь у нас знаменитейший «Вавилон-17» Сэмюэля Дилэни, классика лингвистической фантастики. В этом романе тоже описан компактный, аналитически точный язык, организованный по принципу матрицы, где каждое «слово» может означать разные понятия в зависимости от контекста. В этом языке нет понятия «я», он ускоряет мышление пользователя, но при этом вынуждает его думать и действовать строго определенным образом, перепрограммирует на некие действия, в процессе их выполнения отключает рефлексию и самоконтроль.

Идеальное средство зомбирования, при использовании которого ни «зомби», ни окружающие его люди не догадываются, что с ним происходит, пока не становится слишком поздно.

Тут же «Имбединг» (или «Внедрение») Йена Уотсона, текст, в котором с помощью языковых средств люди и нелюди пытаются ощутить, нащупать границы реальности, основанной на нашем восприятии, и вырваться за них.

И рядом с ним — сравнительное свежая «История твоей жизни» Теда Чана, повесть, в которой выведена разумная раса, что воспринимает мир не каузально, с точки зрения причины, как люди, а телеологически, через цель. Язык для них некая форма действия, с его помощью они не информируют, а актуализируют то, что уже знают.

И человек, сумевший выучить этот язык, начинает думать и воспринимать мир совсем иначе.

Третий левиафан крошечный, почти эфемерный, самый фантастичный, но зато над ним гордо реет транспарант «языковая инженерия».

Его «папой» является писатель, которого с фантастикой, а тем более с лингвистической, ассоциируют не часто, а именно Джордж Оруэлл. Меж тем

★ в его «1984» имеется специальное приложение, посвященное описанию упомянутого в тексте языка «новояз».

Новояз — проектный язык, он призван обслуживать идеологию «ангсоца» — английского социализма. Сформирован он, понятное дело, на основе английского, и цель его создания — загнать мышление носителей в определенные рамки, навязать ему параметры, нужные тоталитарному государству.

В обществе, что будет говорить на новоязе, никакие другие течения мысли, кроме официальной доктрины, станут просто немислимы.

Для этого производятся перемены в лексике: изобретается масса новых слов, другие меняют значения (например «свобода»), третьи просто ликвидируются за ненадобностью («наука», «мораль», «честь»). Значение слов определяется куда строже, чем в естественных языках, образование новых слов происходит по так называемому «гнездовому принципу», когда от одного корня образуется масса семантически связанных слов (например «писатель» от слова «карандаш»), а все синонимы, в гнездо не попадающие, ликвидируются.

Все исключения и нерегулярности языка-исходника уничтожаются, все глаголы сделаны переходными.

Слова обычной речи по возможности усекают до одного слога, названия сокращаются, везде, где возможно, сводятся к аббревиатурам.

Цель подобного насилия над языком — чтобы речь стала отрывистой и монотонной, рождалась не в мозгу, а непосредственно в гортани, автоматически, без участия мозга.

Самый известный, помимо Оруэлла, текст этого направления — «Языки Пао» Джека Вэнса. Автор жестко связывает строй используемого народом языка с характером этого народа: полисинтетический (он же

инкорпорирующий) дает расу покорных, мирных земледельцев, изолирующий — расу манипуляторов-ученых, холодных эгоистичных прагматиков.

Соответственно, можно изменить привычки и образ жизни целого народа, или создать на его основе несколько, используя только языковые методы. Разрабатывая наречия с заданными характеристиками и заставляя группы людей говорить на них, ты через некоторое время получишь общины со склонностью к деятельности определенного рода: воинов, торговцев, изобретателей...

Понятно, что до такого рода технологий современная лингвистика далека, а описать их более-менее реалистично сложно, поэтому и текстов здесь исключительно мало.

Если говорить откровенно, то общее число фантастических произведений, к которым можно приложить ярлык «лингвистическое», сравнительно невелико, они исчисляются десятками,

Почему так?.. Это тема для другой статьи.

ДМИТРИЙ ЛУКИН

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВЫХ НАЧАЛ РУССКОЙ ФАНТАСТИКИ

ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ

Писатели-реалисты пишут либо о настоящем, либо о прошлом. Будущее для них закрыто. У фантастов ограничений нет. Прошлое, настоящее, будущее — выбирай любое время и твори на радость людям.

★ Чудо, тайна, достоверность органично впишутся в любую эпоху.

И все же для большинства читателей фантастика — это о будущем. Для некоторых фантастика и будущее — это синонимы. И неудивительно. Да, социальная и научная фантастика уверенно чувствует себя в декорациях дня нынешнего, но только будущее способно предоставить безграничную площадку для социальной инженерии и научных экспериментов. Антиутопии, киберпанк, львиная доля НФ, космические направления (от путешествий и заселения планет до звездных войн) — это все будущее. Ограничений нет, от возможных декораций голова идет кругом. Идеальные условия для творца новых миров.

К сожалению, бывают времена, когда и фантасту важнее сосредоточиться на настоящем. Иначе будущее, до которого нам хочется дожить, может просто исчезнуть.

Сейчас именно такое время.

Сегодня на некоторых конкурсах фантастического рассказа организаторы требуют РЕАЛИЗМА. Звездолеты и новые технологии многих в фэндоме уже достали и раздражают. Народ не верит! Народ требует писать О НАСТОЯЩЕМ. Народ чувствует, что его элементарно разводят. В воздухе явно витает что-то нездоровое. Многие это ощущают, но не могут четко осознать и выразить. Отсюда и требования реализма от фантастов, и аллергия на футурхайтек со звездолетами, и желание достоверного «прекрасного далека».

Телевизор, Интернет и газеты каждый день рисуют нам совершенно нефантастическое будущее. Для стран «арабской весны» оно уже наступило. Выжженная земля, банды грабителей и террористов, торжество порока под маской ислама, отсутствие электричества и водоснабжения, ни школ, ни больниц. Я сейчас говорю не о политике, я говорю О РЕАЛЬНОМ БУ-

ДУЩЕМ, которое готовят и нам. Тут фантастов явно отодвинули в сторонку нервно покурить. Пришли парни покрепче. Точнее, вышли из тени, изменив правила игры. Что фантасты до последнего времени считали своим долгом (коммерческую литературу не учитываем)? Предугадывать будущее? Предупредить о грядущих угрозах? Строить прогнозы? Угадать развитие науки? Сегодня это неактуально. Что угадывать, если главное направление очевидно. В будущее нас целенаправленно ведут. Ведут уже давно, однако только сейчас проводники перестали прятаться.

Первый проблеск — это «1984» Оруэлла. Многие до сих пор уверены, что Оруэлл попал в точку, предугадал будущее. На самом деле он писал о том, что видел. Родился в семье кадрового сотрудника британской спецслужбы, учился в Итоне, служил в колониальной полиции в Бирме. Оруэлл был «в теме». Он видел, как проектируется будущее, к чему все идет. Можно сказать, побывал в соответствующем конструкторском бюро.

В 90-х на русском языке вышла книга Джона Коулмана (Колемана) «Комитет трехсот». В то время у нас уже были авторы, глубоко анализирующие положение СССР и России в рамках глобальной политики (вспомним «Манипуляцию сознанием» Сергея Кара-Мурзы), но именно Коулман наглядно и скрупулезно показал скрытую механику процессов, описал работу реальных контор по социальной инженерии. «Времена не меняются — их меняют. Все изменения заранее запланированы и происходят в результате тщательно рассчитанных действий». Особое внимание в книге уделено «Тавистокскому институту человеческих отношений» и «Стэнфордскому исследовательскому институту». Проанализирована программа «Изменение образа человека». Показано, как на основании программ и рекомендаций этих институтов

★ работают СМИ, политики, спецслужбы, школы... По Коулману, наркотики, новояз, мультикультурность, рок- и поп-музыка — это всего лишь инструменты в умелых руках сочинженеров.

После «Комитета трехсот» в России появилось много книг, раскрывающих все ту же «скрытую механику» глобального управления. Например, «Исповедь экономического убийцы» Джона Перкинса и «Доктрина шока» Наоми Кляйн.

Не менее интересна и книга «Новый цифровой мир», написанная Эриком Шмидтом (председатель совета директоров Google) и Джаредом Козном (директор Google Ideas). Это уже взгляд с другой стороны. Представители крупнейшей корпорации сами берут слово и задают направление развития. Книгу глубоко проанализировал публицист Дмитрий Перетолчин в лекции «Корпорация монстров. Google и цифровая диктатура будущего». Лекция выложена на «Ютубе». Вот его вывод: «Такое впечатление, что у Google другой задачи, кроме как сменять правительства, просто нет. В книге красной линией идет смена правительства: что делать при смене правительства, как делать при смене правительства... Вся книжка об этом. Все технологии и перспективы развития у людей должны сконцентрироваться на смене власти».

Перечисленные книги и сейчас официально продаются в магазинах.

Ничего тайного.

Только что с этим делать фантастам? Что предсказывать? Зная реальное положение дел, закрыть глаза и продолжать фантазировать о звездолетах, «стальных крысах» и заселении новых планет? Или вообще, наивно хлопая ресницами, сделать вид, что ты ничего не знаешь, что будущее непредсказуемо, что все может быть... Тогда и проблемы нет.

Наше будущее, уже всю реализуемое, выглядит так: избранное меньшинство получает АБСОЛЮТНУЮ власть и все плюшки технического прогресса (от комфорта до продления жизни); большинство превращается в рабов с урезанными функциями мозга («служебный человек» по Ковальчуку); социальные лифты невозможны; где-то на выжженных землях бегают группы отверженных, убивая за еду («не вписались в рынок»). Для реализации плана необходимы всего два условия: максимальное расчеловечивание общества и сокращение населения. Что мы сейчас и наблюдаем.

Предупреждать об опасности уже поздно. Все говорится открытым текстом.

Представители западной элиты, не стесняясь, разглашают о необходимости сокращения населения. Принц Филипп, герцог Эдинбургский, мечтал после смерти «вернуться на землю вирусом-убийцей, чтобы уменьшить человеческие популяции». Билл Гейтс заявил: «В мире сегодня 6,8 млрд человек. Это число возрастет до примерно 9 миллиардов. Теперь, если мы действительно сделаем большую работу по новым вакцинам, здравоохранению, услугам в области репродуктивного здоровья, мы уменьшим его, возможно, на 10 или 15 процентов». Не просто заявил — выделил 10 млрд долларов на разработку нужных «вакцин» для развивающихся стран. О стерилизации женщин после рождения второго ребенка мечтает и Джон П. Холдрен (John P. Holdren) советник по науке президента США Барака Обамы. Той же политики сокращения населения придерживается и ООН, и ВОЗ. Цивилизованная элита объясняет свои людоедские намерения исключительно заботой о Земле и экологии. При этом «элитарии» даже мысли не допускают о более скромном потреблении ресурсов.

★ — Зачем скромничать и лишать себя роскоши, если можно сократить население?!

О чем и кого после этого предупреждать?!

Сегодня речь должна идти о разработке собственных концепций развития и, самое главное, о сохранении человечности. Иначе оглянуться не успеем — нас уже сократят.

В деле предсказания будущего — мы в одной лодке с футурологами. Или в одном углу: стоим и нервно курим. Одно дело — разрабатывать будущее, другое — пытаться его угадать. У футурологов сегодня те же проблемы, что и у фантастов, та же избирательная «слепота» и маниакальная вера в стереотипы из серии «технологии спасут мир». Неумение вовремя предугадать события — это еще полбеды. Непонимание событий, происходящих прямо под носом, намного хуже.

Будущее очень дифференцировано. Оно многомерно и разнообразно. Каждому — свое. Нет единого будущего для всех. Будущее разнится по времени, месту, нации, социальной группе и множеству других параметров. Кому-то прямо сейчас — выжженная земля, смерть или рабство, кому-то завтра — богатство, власть и продвинутые технологии. Украина уже двумя ногами в будущем (накормили печенькой, поманили членством в ЕС, теперь грабят и убивают, обвиняя во всем Россию и Путина). Сирию под визг «мирового сообщества» ВКС России возвращают в прошлое, возвращают обратно к мирной жизни, к домам, в которых есть электричество и водопровод, в прошлое, где люди разных религий и верований жили мирно. А халифат в Европе — это фальстарт, будущее, прошлое, настоящее или все вместе? Беженцев подвозят четко по расписанию, изнасилованная Европа послушно улыбается и заявляет, что все хорошо. Ведь агрессор один — Россия. Во всем этом прослеживается четкая стратегия. Терракты — лишь ее часть. Самое время на-

травить местных на беженцев. Работают профессионалы. А мы... мы по-прежнему где-то в углу. И даже не наблюдаем — отворачиваемся.

В книге «Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет» под редакцией Джона Брокмана (у нас издана в 2011 году) опубликован очерк психолога и кибернетика Джона Х. Холанда «Что произойдет и как это предсказать».

Холанд пишет: «Неизвестно, сможем ли мы не допустить реализации жуткой фантазии Дж. Оруэлла, представленной в романе «1984». Святая наивность! «Сможем ли мы не допустить...» Неудобно говорить, но ведь уже переплюнули! Технологии со времен Оруэлла ушли далеко вперед! Посмотрите на освещение АТО в украинских СМИ, на выступление украинских чиновников, на политику ЕС в отношении России и беженцев, на улыбающуюся Ангелу Меркель во время выступлений Сары Вагенкнехт, на формулировку, с которой США и Франция отвергли предложенный Москвой проект резолюции Совбеза ООН в защиту суверенитета Сирии («У российского документа нет будущего»). Вспомните заявление Обамы с трибуны ООН: «Что хорошо для Америки, хорошо для всех». «Исключительной нации» можно все! Вот и Марк Тонер, представитель госдепартамента США (страны, возглавившей антиигиловскую коалицию!), выступая перед журналистами в конце марта 2016-го, *отказался* приветствовать освобождение Пальмиры от боевиков ИГИЛ и не скрывал своей печали. Как тут не взгрустнуть, когда террористов победили?! Запланированное будущее под угрозой! Ведь Россия должна быть агрессором и причиной всех бед! А она помогает Сирии побеждать террористов! Срыв шаблона.

Кое в чем «1984» безнадежно устарел! Теперь мало кто прикрывается эвфемизмами. Незачем! Все уже схвачено, и нет смысла притворяться.

★ Еще два предсказания Холанда (психолога!): «Совершенствование знаний в области биологии даст нам беспрецедентный контроль над болезнями и травмами и освободит от боли», «...технологическая автоматизация разработки и производства лекарств приведут к снижению стоимости даже редких препаратов. Снижение стоимости лечения и усовершенствование методов диагностики позволят наконец укротить цены на медицинское обслуживание». Все та же святая наивность.

По поводу контроля над болезнями. Их уже давно (с середины прошлого века) очень хорошо контролирует мировая медицинская мафия: от бизнеса на лекарствах никто просто так не откажется. Итальянец Тулио Симочини излечивал больных от рака за копейки, используя соду. Попробовал запатентовать свой способ — тут же угодил в тюрьму. Еще раньше в Америке чиновники от медицины гнобили Рояла Райфа и всех его последователей за излечение рака методом биорезонанса. Разрушали лаборатории, уничтожали приборы, документы, архивы. Причина: дешевизна и эффективность метода. Копеечное лечение контролерам болезней не нужно. Как же тогда дорогие лекарства народу втюхивать? А бесконечные гранты на изыскания? Последние двадцать лет лекарства от рака изобретают по несколько раз в год. Сейчас — уже каждый месяц. И будут изобретать дальше. Год за годом. Одно дороже другого. Рак — золотая жила. Его будут холить и лелеять, всячески оберегая от гениальных идеалистов.

Теперь о снижении цены на редкие препараты и медобслуживание. В августе 2015 года американец Мартин Шкрели выкупил патент на производство лекарства от токсоплазмоза «Дараприм» (применяется для лечения ВИЧ-инфицированных) и поднял цену с 18 до 750 долларов за таблетку. Шкрели уверен, что

«делает доброе дело», ведь он установил «адекватную цену» и «доходы от продажи будет вкладывать в исследования и доработку устаревшего препарата».

Нет, никакие технологии нас от Шкрели и ему подобных не спасут. Уже и в России отказываются производить дешевые лекарства — невыгодно. Здоровье людей, общественная безопасность, будущее страны? Не, не слышали. Чистый бизнес.

Иногда, чтобы сориентироваться в будущем, не нужно заглядывать на полвека вперед, достаточно просто открыть глаза и посмотреть, что происходит у тебя под носом, или серьезно проанализировать прошлое.

Будущее, настоящее, прошлое сегодня сменяют друг друга с поразительной быстротой. Такие парадоксы.

ПОЛИТИКА ПРОТИВ ФАНТАСТИКИ

Когда Обама называет Россию в числе трех самых страшных угроз наряду с терроризмом и вирусом лихорадки Эбола, он политик или фантаст? Очень тесное переплетение. А каменный век, в который нас мечтают отправить «элиты» «цивилизованных» стран, — это альтернативная история, фантастика ближнего прицела или наше будущее?

Раньше на каждом конвенте если не со сцены, то в кулуарах обязательно говорили про объединяющую силу фантастики. Дескать, политики создают границы, а фантастика их стирает. Наше гражданство — русский язык. Иногда добавляли что-то о миротворческой миссии искусства. Это были сладкие речи.

Реальность все испортила.

Мы не лезли в политику, это она пришла к нам.

Когда началась война в Чечне, мы успокаивали себя тем, что там Кавказ, там у людей горячая кровь, там другая религия, а славян друг с другом не поссорить.

★ Когда Америка понесла демократию в Ирак, Ливию, Сирию и каждый раз дело оборачивалось войной, мы убеждали себя, что там арабы, а у нас такое не прокатит. Было очевидно, что Украина встала в очередь за демократией, но мы не верили в очевидное. Или боялись верить. Мы — славяне. Мы братские народы. Мы единый народ. У нас одна вера. Между нами войну не разжечь. У нас семьи живут на две страны! Украинцы не станут убивать русских. А русские — украинцев. Так мы думали. Реальность оказалась куда страшнее. Нам и в голову не могло прийти, что ради американских и европейских интересов украинцы начнут убивать украинцев, используя авиацию, артиллерию, танки и системы залпового огня...

Для всего Русского мира 2014 год запомнился проамериканским вооруженным переворотом на Украине и приходом к власти фашистской банды с очень простыми установками: перевод страны под полное внешнее управление, геноцид народа Украины любыми способами и развязывание войны с Россией. Разумеется, личное обогащение банды и приближенных никто не отменял.

Больше трех лет назад на Майдане в центре Киева вместе с коктейлями Молотова и криками «Хто не скаже, той маскаль!» Украина ускоренно стартовала в кровавое будущее. Братоубийственная гражданская война идет уже третий год, но заокеанские кураторы продолжают требовать крови и натаскивать киевскую власть на Донбасс.

А что фантасты? А ничего! В Киеве, как и прежде, встречаются любители фантастики, устраивают конвенты, приглашают маститых писателей из Харькова, из Москвы и, к собственному удовольствию, говорят ТОЛЬКО о литературе, не отвлекаясь на политическую ситуацию. Дабы не разжигать. Этакий «Декамерон» с поправкой на темы.

Почему нет?

Потому что бегство от реальности для писателя (особенно для фантаста) — это не просто профнепригодность, это предательство.

После сожжения людей в Одессе и Мариуполе, после расстрела артиллерией деревень и городов Донбасса киевский фэндом устраивает мероприятия, где разговаривают ТОЛЬКО о литературе, изо всех сил делая вид, что все в порядке (про игры в бандеровцев на встречах местных КЛФ вообще помолчим). В Киеве все хорошо. Сие означает полную потерю берегов и связей с реальностью.

Народ отдельно, писатели отдельно. Что дальше? Социальная значимость писателя или равна нулю, или уходит в минус. Другими словами, грош нам цена. Мы превращаемся или в сферического коня в вакууме, или в мультяшных страусов, прячущих от страха голову в песок.

Это в Киеве, а что фантасты в России? Ровно то же самое.

Если мы посмотрим журналы, посвященные русской фантастике, за 2013-й, 2014-й и начало 2015-го года, то не увидим особой разницы. Та же история — с фантастическими сайтами. Что в тринадцатом году, что в марте пятнадцатого — круг проблем не изменился.

Но изменился мир, а мы этого не заметили.

Вот как на «Фантлабе» представили очередной номер журнала DARKER в 2015 году: «В Сети появился мартовский номер онлайн-журнала DARKER. Главная тема: секс и хоррор. Насильники, порносадисты, суккубы, некрофилия, хентай... Будьте готовы, в номере хватает очень жестких и подчас шокирующих материалов». Очень актуально! Понятно, что журнал ужасов, но берега-то надо видеть! Что это, если не издевательство? Выпускать садистский номер, когда

★ на территориях Донецкой и Луганской областей без всякой фантастики, в натуре творился такой хардкор с расчлененкой, что никакие DARKERовские насиль-ники, порносаdistы и некрофилы рядом не стояли. Наш Следственный комитет не успевал возбуждать уголовные дела. Там одних фотографий минимум на десятки томов.

Две параллельные реальности.

Мы не просто умудрились проглядеть самую страшную трагедию Русского мира за последние десятилетия, но и сейчас продолжаем ее игнорировать, сами себя загоняя в туннельный сценарий. Если раньше фантастику называли «литературным гетто», то сейчас мы превращаемся в секту. Все, что не касается интересов секты, для нас не существует. Война на Донбассе? Гибель десятков тысяч русских людей? Снаряды падают в Ростовскую область? Ежедневные обстрелы, несмотря на перемирие? Не, не слышали. Надоело уже как-то. Привыкли.

Казалось бы, выразить свою позицию проще простого. Разве трудно было фантастическим сайтам и журналам поставить в правом верхнем углу на главной странице или обложке георгиевскую ленточку с текстом: «Столько-то дней войны на Донбассе»? Аллергия на георгиевскую ленточку? Можно было поставить черную ленточку в знак траура по погибшим, а на ней — тот же или похожий текст. И мы уже не в стороне. Мы бы из наблюдателей превратились в участников процесса, способных если не формировать будущее, то хотя бы влиять на него. Такие же ленточки можно было внести и в эмблемы конвентов. Нельзя оставаться равнодушными, когда идет война и гибнут наши люди.

Ни один фантастический журнал не вышел с георгиевской ленточкой, по сайтам и конвентам — та же картина. Мы предпочли равнодушие.

Давайте посмотрим на ситуацию глубже и представим наш фэндом как часть Русского мира, ведь наше гражданство — русский язык. Попробуем выйти за пределы «гетто» на уровень русской культуры.

Вдумчивый читатель может искренне удивиться моим словам. С какой радости профильные фантастические издания и ресурсы должны как-то реагировать на гибель простых людей? Тем более на Украине? Читатель, разумеется, будет прав. Он всегда прав и может удивляться сколько угодно. Наша задача — объяснить и просветить.

Да, большая часть погибших на Донбассе людей не имела никакого отношения к фантастике. Но мы имеем к ним отношение. Фантастика — вид литературы, литература — вид искусства, а истинное искусство неотделимо от народа. Когда часть народа гибнет, оставшаяся часть испытывает боль утраты. Искусство не имеет права оставаться в стороне и не замечать эту боль. С начала Майдана весь Русский мир жил мыслями о людях на Украине и до сих пор переживает за судьбу Донбасса. Очевидно, что армии ДНР и ЛНР не только сражаются за Новороссию — они защищают Россию от американо-украинского фашизма. Весь Русский мир это прекрасно осознает. Но мы, фантасты, почему-то прикидывались глухими и слепыми. Стоило кому-то заикнуться о событиях на Донбассе, сразу же слышались окрики: «Давайте не будем разжигать!», «Мы здесь говорим только о литературе!», «Давайте обойдемся без политики, иначе мы все тут переругаемся!» и т. д. Это путь вырождения, и нам нужно быстрее с него сворачивать. Иначе мы окончательно превратимся в секту. Потом поздно будет плакать о тиражах. Нам нет дела до народа, народу нет дела до нашей писанины. Какие претензии?

Наше молчание работало на врага. Не возмущались, боялись выразить свою позицию — значит,

★ одобряли произвол киевской власти и предавали Русский мир.

Самое интересное, что в ЖЖ фантастов и сочувствующих вопросы Украины и Донбасса обсуждались постоянно. Уютные жэжэшечки буквально оцетинились блогпостами. Однако почти ничего из этих обсуждений не отразилось в наших печатных и сетевых ресурсах. Пришлось наступать на горло собственной песне. В личных ЖЖ одно, в книгах, журналах и на официальных сайтах — совсем другое. «Одни слова для кухонь, другие для улиц».

Социальный эксперимент на Украине удался. Ребята из Тавистока и Стэнфорда провели шикарный мастер-класс. Чистая классика: переписывание истории, новояз, двоемыслие, манипуляции в СМИ — и уже наш брат фантаст не видит ничего страшного ни в гражданской войне со всеми ее ужасами, ни в расстреле жилых домов артиллерией. Он просто не хочет это обсуждать. Он лучше напишет рассказ в жанре хоррор и попытается пристроить в журнал DARKER или в антологию «Самая страшная книга». Только не надо про Донбасс!

Под соусом «Давайте не будем говорить о политике» нам закрывают глаза на реальность. Когда по административным зданиям и жилым домам бьют ракетами и артиллерией, а людей сжигают заживо, это не политика — война. А говорить о войне писателя обязывает и долг перед Родиной, и совесть.

Сейчас мы еще немножко поговорим. Не пугайтесь. Потому что точно такое же будущее готовят и для России. Обсудим наши ошибки и попробуем найти место фантастики в новой реальности. Подумаем, что мы, фантасты, могли и можем сделать для снижения кровавости событий и недопущения подобных сценариев в России.

О НАШЕМ ПОРАЖЕНИИ

На фоне Майдана и последующих событий дала трещину вся культурная жизнь Русского мира. Тут нечему удивляться, в тяжелые времена страну первыми предают элиты и интеллигенция. Постепенно трещина превратилась в разлом и окончательно разделила творческую интеллигенцию на два лагеря. Некоторые, правда, не определились: пытались устоять одной ногой здесь, другой — там, но логика событий подсказывала, что такая неустойчивая позиция обречена. Чем сильнее разлом, тем шире придется раздвигать ноги. Не успеешь определиться, упадешь в пропасть.

Мы видели певцов и актеров, словом и делом поддержавших Донбасс. Многие из них не просто приехали в Донецкую и Луганскую Республики с фильмами или концертами, но и привезли с собой гуманитарную помощь (в основном лекарства), купленную на свои деньги. Сразу вспоминаются Кобзон, Розенбаум, Пореченков, Сляяр, Охлобыстин, Нетребко... С другой стороны, не меньшее количество российских актеров и певцов поддержали киевскую банду.

Точно так же разделился и наш фэндом. Что примечательно, разлом прошел не по государственным границам, а по мировоззренческим. Суть конфликта лучше всего отразилась на поэтическом уровне.

Сначала появилось стихотворение Насти Дмитрук «Никогда мы не будем братьями», в котором очень четко отразилась позиция сторонников Майдана. Стихотворение со страшной скоростью распространилось в Интернете, превратилось в песню, появился проникновенный клип, и Настя Дмитрук стала одной из икон Майдана.

Чем же объясняется дикая популярность стихотворного произведения «Никогда мы не будем братьями»? Почему Настю Дмитрук раскручивали украинские те-

★ — леканалы? О поэтических достоинствах говорить не приходится. Дело не в рифме и размере, дело в содержании и уровне мировосприятия. Поэзия — штука возвышенная по определению. Утверждение: «Мы хорошие, вы плохие, уходите из нашей песочницы, забирайте свои бумажки!» кое-как сгодится для майданных лозунгов, но априори выходит за рамки поэзии. Итак, перед нами не столько стихотворение, сколько провокация, смысл которой — разжигать ненависть, генерировать рифмованные ответы из серии «На самом деле это вы плохие, а мы хорошие» и опустить идеологических противников на свой уровень.

Провокация удалась частично. Запланированные ответы стали появляться как грибы после дождя, разжигая ответную ненависть, и вдруг все затихло: Русский мир отозвался стихотворением Леонида Корнилова «Ответ украинке». Выберем для примера несколько строк из этих стихотворений и поставим их рядом.

Настя Дмитрук:

«Никогда мы не будем
братьями
ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть
свободными —

нам не стать с вами даже
сводными.

Вы себя окрестили «старши-
ми» —
нам бы младшими, да не
вашими.
Вас так много, а, жаль,
безликие.
Вы огромные, мы —
великие.

Леонид Корнилов:

«Ты напугана и растеряна
И не те говоришь слова;
Только грудью своей про-
стреленной
Дай прикрою тебя сперва.
Я всегда это делал вовремя.
Но теперь времена не те.
И в когтях полосатых воро-
нов
Ты не чувствуешь их когтей.
И забыла про наших
пращуров.
И кричат в тебе боль
и страх.
Мы с тобою — «родня
не зрячая»,
Потому что глаза в слезах.

А вы жмете... вы все
маетесь,
своей завистью вы
подавитесь.
Воля — слово вам незнако-
мое,
вы все с детства в цепи
закованы.

Вам шлют новые
указания —
а у нас тут огни восстания.
У вас Царь, у нас — Демо-
кратия.
Никогда мы не будем
братьями».

Но, обиду смахнув
украдкою,
Я тебя к груди притяну,
И за счастье твое, украинка,
Я пойду на твою войну.
Ты нашла во мне
виноватого.
Я желаю тебе добра.
Никогда ты не станешь
братом мне,
Потому что ты мне —
сестра».

Все. Позиции обозначены. Ни убавить, ни прибавить. Тема закрыта.

Теперь о том же самом прозой. Пророссийские силы (от политиков и ополченцев до интеллигенции) считали сторонников Майдана, пусть заблудшими, но братьями. Отсюда постоянные призывы одуматься и словосочетания: «братский народ» или «единый народ». Промайдановские силы двадцать три года следовали принципам: «Украина не Россия!» и «Убей русского в себе!». У них получилось. Мы для них не люди. Отсюда лозунги: «Москалей на ножи!», «Москаляку на гиляку!» и «Хто не скаче, той москаль!». Вот главное зерно конфликта. Например, для Яны Дубинянской бескровная «оккупация» Крыма — это крах гуманистических ценностей, нацистские кричалки на Майдане — всего лишь способ согреться, а фраза «Крым полит русской кровью» — просто шутка. Яна регулярно размышляет о критериях человечности, о российской «агрессии» в Крыму, но почему-то не замечает, как подконтрольные Киеву силы ежедневно

обстреливают из тяжелого вооружения города и села Донбасса. Там живут не люди — «москаля», «колорады», «вата», — чего беспокоиться? Человечность и гуманизм — это только для своих, свидомых.

Пока на полях сражений владычествовал бог войны, убивая и солдат, и мирных жителей, наш брат фантаст устраивал разборки в блогосфере (сейчас уже поутихли). Большинство почему-то подливало масло в огонь.

Казалось бы, кто, если не мы, должны были первыми попытаться наладить мосты через пропасть, если уж не смогли предотвратить раскол. Ополченцы с нацгвардией регулярно пытались договориться. Алексей Мозговой, командир бригады «Призрак», участвовал в телемостах с сотниками Майдана и сторонниками киевской власти с единственной целью: показать всем, что мы не враги, что у нас один общий враг в Киеве, что единый народ разделили и сталкивают лбами. Ополченцы, чтобы снизить кровавость конфликта, предлагали окруженным частям ВСУ оставить оружие и выйти из окружения.

А мы, на радость кукловодам, превратили уютные жэжэшечки в блогпосты. Все начиналось мило и незатейливо. С шутками и прибаутками. И как-то незаметно, само собой, вялотекущий «хохлосрач» перерос в полномасштабные боевые действия информационной войны.

Мы вносили в списки «народного трибунала» коллег по фэндому и бывших соавторов, просили Путина дать гадину (украинскую территорию) и не стесняться стратегических комплексов; они желали нашей стране гибели, потому что только так их страна выживет, и учились нас убивать, потому что другого выхода нет.

Подробно цитировать жэжэшные баталии смысла нет: любой желающий найдет их сам. Тут важна суть. Вместо того, чтобы спокойно раз за разом доносить

до одурманенных коллег и граждан Украины взвешенную, адекватную позицию, мы сорвались с цепи.

Уверен, что работники Тавистока и Стэнфорда аплодировали стоя, читая жэжэшные разборки наших фантастов. Классическая схема «разделяй и властвуй» сработала «на ура». Энергия успешно канализирована. В официальных профильных ресурсах — только о литературе.

Отсюда следует простой вывод: или фантастика у нас прогнила и правильно ее называют недолитературой, или мы отошли от настоящей фантастики куда-то очень далеко. Мы заигрались. Второстепенное вышло на первый план, заслонив главное. Все эти премии, конкурсы, проекты, пираты, тиражи, гонорары, рейтинги затуманили нам глаза не хуже водки, и в какой-то момент мы забыли, за что когда-то всей душой полюбили фантастику — вид литературы, который даже в самой кровавой войне на краю Вселенной поет гимн миру и человечности.

Одна из главных задач нашего врага — перессорить русских и украинцев. К сожалению, мы сами этому всячески способствовали. Другая важная задача — расчеловечивание. Враг хочет уничтожить нашу нравственность, духовность, душевность. Хочет превратить нас в нелюдей. План Даллеса никто не отменял. В ход идут любые провокации. Проамериканские фашисты растворяются среди мирных граждан Украины и, спрятавшись за их спины, кричат свои лозунги. А нам кажется, что все украинцы — фашисты. Фраза «перемирие по-украински» уже вошла в историю, как и «последнее китайское предупреждение». Низость и подлость нынешней украинской власти и ее карательных подразделений очень легко перенести на всех украинцев. Стоит поддаться эмоциям — и мы потеряем человечность. Потом — кипящая ненависть, рождающийся нацизм, и мы становимся как они. Из

лучших побуждений. Слишком тонкая грань, слишком просто ее переступить. После гибели нашего «Ту-154» с ансамблем имени Александрова украинские политики и блогеры начали радостно глумиться над погибшими. Но киевляне несли к посольству России цветы. Нам нужно быть очень осторожными. Что толку, если мы победим фашистов, но сами станем такими же? Это будет наше самое страшное поражение.

Как мы уже выяснили, одна из главных задач фантастики — моделирование будущего и предупреждение общества о возможных негативных сценариях — нами полностью проигнорирована. Одно выступление главы Курчатовского института Михаила Ковальчука на заседании в Совете Федерации, посвященное будущему российской науки, показало больше проблем, опасностей и направлений развития, чем мы найдем в нашей фантастике за последние десять лет. Какой там моделировать и прогнозировать! Мы за реальностью не успеваем.

Ученые уже не мечтают реализовать идеи фантастов. Сегодня мы бежим за учеными, пытаюсь догнать. Получается не очень. В современной научно-популярной книге по физике тайны и чуда куда больше, чем в научной фантастике.

С воспитательной функцией литературы (а фантастика — это литература) все еще хуже. К сожалению, ее нельзя просто проигнорировать или отключить. Хочет автор или не хочет, осознает или не осознает, но воспитательная функция всегда присутствует в тексте. И очень часто работает «в минус», очень часто текст не воспитывает, а развращает, ужесточает читателя. Утрата функции моделирования будущего и уход воспитательной функции «в минус» — важнейшая проблема нашей фантастики. Дальше — вырождение, потому что фантастика становится социально бесполезной. Мы забыли наставление Стругацких: «Глав-

ное — на Земле». Наша избирательная слепота и глухота — следствие начавшегося вырождения.

Но не все так плохо. Были у нас и победы. Я расскажу об одной из них. Во время Майдана в одном из крупнейших российских издательств состоялось совещание редакторов, на котором решали, как быть с украинскими авторами, поддержавшими Майдан и выступающими против России. Стоит ли их печатать дальше или пришло время вводить санкции. В итоге понадеялись, что все образуется, и решили ничего не менять, «ведь все это безумие закончится, так зачем портить отношения с людьми?». У редакторов хватило ума и выдержки, чтобы максимально сгладить конфликт. Честь им и хвала. Украинским писателям дали шанс образумиться. Но тогда они просто поддерживали Майдан. Еще не было ежедневных обстрелов городов Донбасса из систем залпового огня. Сейчас уже ясно: шансом воспользовались единицы, в массе своей промайдановские писатели так и не одумались.

К сожалению, война не закончилась. От бандеровского рассадника Россию защищают ДНР и ЛНР, от исламского терроризма — сирийский фронт. А информационная война идет в голове каждого из нас. Любой, кто может сложить слова в читабельные предложения и донести их до публики, — солдат на этой войне. Нас тоже покупают и будут покупать. Европейский отдых, членство в солидных организациях, выгодные проекты, контракты и прочие ништяки все чаще будут пахнуть Майданом и печеньками Нуланд.

КОСМОС ПРОТИВ РОСТОВЩИЧЕСТВА

За призывы молодежи во ВТУЗы советскую научную фантастику пинали и до развала Союза, и после. Дескать, социальный заказ, партийная линия, голимая пропаганда, никакой свободы творчества и т. д. Для

★ критиков было очевидно, что соцзаказ — это плохо, что работа фантастов на интересы страны — это тоже плохо, что писатель должен быть абсолютно свободен в выборе тем, иначе полноценное творчество невозможно. От последних призывов молодежи во ВТУЗы прошло больше полувека. Что изменилось? Соцзаказа (финансово подкрепленного) от государства нет и в помине. У фантастов полная свобода творчества. Ничто не мешает творить гениальные произведения. Но почему-то целая волна писателей ушла в проекты. Очевидно, свобода вскружила голову и захотелось поскорее засунуть себя в рамки. Заданные локации не смутили. Кушать же хочется! Сеттинг и тематические сборники отнюдь не воспринимаются как прокрустово ложе для полета фантазии. Все пучком. Все о'кей. Только бы взяли. Можно даже бесплатно! Про зомби? Нормально. Ктулху? Вампиры? Пойдет! Сегодня — про ювеналку, завтра — про мистических чудовищ. Мы напишем про что угодно. Только скажите тему! Гениальные произведения? Ну... это как-нибудь в другой раз.

В общем, за что боролись...

Советские фантасты не просто звали людей во ВТУЗы и обещали, «что на Марсе будут яблони цвести», не просто дарили мечту — они выполняли важнейшую социальную функцию: программировали будущее. Дети читали фантастику, стремились к мечте, получали образование, поднимали страну. Векторы развития страны и фантастики совпадали. Поэтому в Советском Союзе фантастику обожали и уважали. Писатели жили с народом одной жизнью, одними проблемами.

После развала Союза ситуация изменилась. Страна перестроилась на капиталистическую экономику с идеологией ростовщичества, усиленно не замечая атомизацию общества и сокращение населения. А фантастика разорвалась на несколько частей.

Вдруг выяснилось, что отстаивать идеалы человечности, познания, дружбы, взаимовыручки уже не актуально. Рынок диктовал свои условия и требовал другой фантастики. Так появились всевозможные «С.Т.О.Ч.К.Е.Р.Ы», бесчисленные романы о магических школах, о попаданцах, об избранных, о подростках, управляющих государством, и т. д. Чуть позже мы слышали требования издателей о количестве трупов на страницу текста. И много достойных авторов, увы, послушно начали калькулировать.

(Когда наши фантасты справедливо осуждали Майдан и украинцев, продавших страну за печенки, кружевные трусики и вступление в ЕС, мне почему-то вспоминались авторы, послушно заполняющие страницы оговоренным количеством трупов.)

С научной фантастикой возникли проблемы. Чтобы отправиться в далекую экспедицию, совершить научное открытие или стать капитаном космического корабля, нужно долго учиться и много работать. При этом в стране, на земле, априори должны быть соответствующая инфраструктура и кадры: университеты, КБ, заводы, студенты, ученые, рабочие. Здесь тоже мы выходим на два ключевых слова: УЧИТЬСЯ и РАБОТАТЬ. Для ростовщической идеологии это неправильный подход, неправильные слова. Кто же будет скакать, скандируя волшебные заклинания? Другое дело — добиваться всего с помощью меча, волшебной палочки и таинственных артефактов! А еще лучше — просто быть избранным. Так ученых вытеснили наемники, маги и авантюристы.

Научная фантастика пыталась дать отпор. Устраивались «круглые столы», на конвентах и в профильных журналах долго шли обсуждения (и сейчас идут) на тему «умерла или не умерла?». В 2008-м появилась группа НФ-возрожденцев, главным идеологом которой стал Глеб Гусаков. НФ-возрожденцы абсолютно точно почувствовали проблему и стали бить в набат.

★ Они выпустили несколько программных статей, доказывая прямую связь между могуществом государства и научной фантастикой. Увы, идею НФ-возрождения в фэндоме сразу же приняли в штыки, и не поглумился над ней разве что ленивый. Это был даже не глас вопиющего в пустыне — все вылилось в цирк. Зрители занимали места, запасались поп-корном и ждали, подзуживая друг друга: «А где результаты? Не возродили еще, нет? Давай-давайте, ждем-с!» Кое-кто из НФ-возрожденцев и сам давал повод пошутковать, то участвуя в «сточкерных» проектах, то отжигая что-то вроде «литературка подождет», «главное — идея, художественность вторична».

К набату не прислушались. А стоило.

Для ростовщической идеологии научная фантастика — очень неудобный подвид литературы, потому что способна конкурировать на концептуальном уровне и создавать альтернативу развития.

Один из самых ярких маркеров научной фантастики — экспедиция на космическом корабле. Это не что иное, как модель полноценного общества. Здесь нет денег (ростовщичество невозможно), жизнь всей команды зависит от каждого члена экспедиции (соборность, один за всех и все за одного), изначально обусловлены и высокая нравственность, и отсутствие демократии, и жизненная необходимость называть вещи своими именами. Плюс большая ответственность перед страной и народом. Это упрощенная модель общества, мобилизованного на решение любых проблем и внешних угроз. Без артефактов и волшебных палочек. Вместо них — знания, интеллект, навыки, совесть. Все то, что реально работает.

Но и с космическими полетами не все так просто. Классический вариант, описанный выше, сегодня стараются исказить, вывернуть наизнанку или выхолостить из него самое ценное. Пример искажения и обо-

ротничества — рассказ «Космос есть космос» Игоря Пронина. Здесь все наоборот: безнравственные герои-матершинники, цель полета — личное обогащение, вместо «все за одного» — «каждый за себя», вместо дисциплины и порядка — бардак. Экипаж полностью профнепригодный. В самом начале рассказа капитан Гаррисон (в нарушение инструкции) запрещает врачу и биологу Чен проверить груз на предмет заражения. В реальности ни такой экипаж, ни такой полет невозможны в принципе. Никто в здравом уме не рискнет доверить корабль столь оригинальным космонавтам. Рассказ напечатан в журнале «Если» (№ 7, 2010) и получил премию «Филигрань».

Выхолащивать из научной космической фантастики самое ценное любят западные авторы. Этот способ сложнее оборотничества и направлен на более продвинутую публику. Классический пример: «Ложная слепота» Питера Уоттса. Критики относят «Ложную слепоту» к твердой НФ, но при этом единогласно отмечают дрейф в сторону научпопа. По сути, перед нами уже не художественная литература, а смесь фантастики и научпопа. Такая химера опасна именно тем, что не выполняет функций художественной литературы. Здесь нет глубокого психологизма в отношениях между героями, нет человечности и опыта преодоления угроз, нет зерна, из которого потом в читателе прорастает тяга к звездам, желание учиться, творить и совершать открытия. Химеры бесплодны.

Оборотническая фантастика воспитывает потребителя. Приключения холодного разума в декорациях модных научных теорий сгодятся для воспитания «человека служебного». Хотим чего-то большего? Тогда нам нужна другая фантастика. И вы сами это чувствуете. Правда же?

Одна фантастика, освоившись в омуте псевдоискусства, канализирует энергию, способствует атомизации

★ общества и сокращению населения в рамках ростовщической идеологии, другая — помогает обществу выжить за счет собственных ресурсов, развиваться и противостоять внешним угрозам. Выбор очевиден.

Только сейчас речь идет не о могуществе и величии нации, не о борьбе искусства и псевдоискусства, а об элементарном выживании нашей страны. И, конечно, о праве самим проектировать свое будущее.

Или мы так и будем стоять в сторонке?

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ

Раскол русскоязычного фэндома поставил перед нами очень важный вопрос: «Может ли человек, находящийся по одну сторону военного конфликта и черпающий информацию только из официальных источников, воспринимать ситуацию более-менее объективно, или он обречен принять поведенческие и концептуальные императивы, навязываемые СМИ. Будет ли артиллерийский обстрел жилых домов восприниматься как однозначное зло обеими сторонами или возможны варианты? Другими словами, так ли всеильны СМИ и есть ли у человека шанс не поддаться их воздействию? Специалисты по информационным войнам дают неутешительный ответ и советуют меньше смотреть телевизор. Но нас подобный ответ не устраивает.

Инженеры человеческих душ хотят знать больше!

Ситуация напоминает физический принцип относительности движения. Два поезда стоят на станции. Пассажир, сидящий в вагоне одного поезда и смотрящий в окно на другой, не сможет определить, какой поезд набирает ход, а какой остается на станции. Нужна система отсчета. Например, столб или здание вокзала.

Существует ли система отсчета для людей по разные стороны конфликта? Или выбор стороны предо-

пределяет все? Вопрос философский, и ответ на него тоже стоит поискать у философов. Сразу же приходит на ум «Критика чистого разума» Иммануила Канта. Но сейчас мы вспомним только одну его мысль: «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом — звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Кант имел в виду нравственные императивы, заложенные в человека Творцом изначально («внутренне присущие»). Вот она — внутренняя система отсчета. Человек, по Канту, ведет себя правильно не из-за боязни ада или тюрьмы, а просто потому, что он человек... если он человек.

Но ведь звездное небо и нравственный закон внутри нас — это наша вотчина, это вечные и основные направления фантастики, претендующей называться литературой. Звездное небо — это фантастика космоса и большая часть жесткой НФ, нравственный закон внутри нас — это социальная фантастика. Иногда они объединяются, и связь эта не случайна: упустим нравственный закон, потеряем и звезды.

Сегодня уже невозможно не заметить, что ведется активная подрывная работа по уничтожению нравственности, по расшатыванию нашей внутренней системы отсчета. Работают и с нашим братом писателем.

Последние годы нам агрессивно навязывают концепцию серости. Ее продвигают на семинарах для молодых писателей и на курсах сценаристов. Суть концепции в следующем: не должно быть очень хороших или очень плохих героев. У каждого положительного героя обязательно должен быть скелет в шкафу (Шерлок Холмс употреблял морфий), а каждый злодей обязательно должен хоть раз проявить себя с хорошей стороны (Димас в сериале «Физрук-2» спасает героиню от избиения). Объясняются эти танцы с бубном очень лукаво. Речь не идет о сложном характере героя, о духовном росте, о покаянии и искуплении или, нао-

★ борот, о деградации. Все намного проще. Стопроцентно положительный или отрицательный герой — это скучно и плоско, почти картонно, это деление мира на черное и белое. Небольшой компромат на хорошего парня и легкое отбеливание злодея придадут героям объемности, сделают их более живыми и добавят тексту оттенков. К тому же интересно изобразить стопроцентно положительного героя очень сложно и мало у кого получается. Другими словами, вместо черно-белых героев нам предлагают серость. Но мы же помним: «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные». Концепция серости работает на черных. Она компрометирует хороших парней и возвышает злодеев. В результате мы лишаем читателя и зрителя положительных героев. У народа отбирают последний свет в окошке. В жизни мы все видим, кто пробирается наверх и стоит во главе «пищевой цепочки», но черным некомфортно чувствовать себя черными! Им очень мешают светлые герои. Не должно быть хороших людей даже в книгах и фильмах! Сопереживайте и соотносите себя с серостью! Будьте идеальными потребителями! Вот ваши ориентиры! Тогда вы сделаете все, что мы вам скажем. Но как промывать людям мозги, как насаждать алкоголь, беспорядочные половые связи, разврат и потребительский образ жизни (для слома внутренней системы отсчета), когда у писателей и сценаристов рождаются из-под пера герои, не хуже пушкинской Татьяны Лариной или гриновского Грея? Чертовски сложная задача! Что толку выливать на читателя потоки запредельного насилия и пошлости, если он хотя бы изредка на страницах книг будет встречать ремарковскую «нежность, в которой растворялось желание»? Не тот получится эффект.

Сегодня не важно, возрождаешь ли ты научную фантастику или просто любишь писать в этом направлении, не важно, присягнул ли ты перед Абсолютным

Порталом на верность фэнтези или твой конек — альтернативная история с «попаданцами», не важно, издаются ли твои книги «космическими» тиражами или тебе изредка удастся пристроить рассказик в сборник. Главное — сберечь нравственный закон внутри себя и пытаться ему следовать. Тогда каждая твоя публикация — наша маленькая победа.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Мы еще помним, что «поэт в России больше чем поэт», но это ведь не про фантастов? И даже не про писателей. И хотя в глубине души каждый из нас понимает, что было бы хорошо «глаголом жечь сердца людей» или «чувства добрые лирой пробуждать», но кто ж это будет печатать? Неформат! Вот и приходится писать несколько о другом... Так что во всем виноваты издатели.

В конце концов, книги же покупают, гонорары какие-никакие платят, а значит, статус писателя подтвержден, чего же боле?

В мирное время можно было везде найти виноватых и оправдать себя десятком разных способов. Но случилась война и все изменилось. Наши самолеты падают, наши посольства обстреливают, наши люди гибнут. Народ не верит газетам и телеэкранам: у каждого СМИ свой спонсор со своими интересами. К тому же у нас что ни блогер, то аналитик. Со своими интересами. Потоки информации могут запудрить мозги до полной неспособности адекватно оценивать ситуацию. Кому верить? И тут народ вспомнил, что у него есть не только СМИ, но и писатели. Много писателей. Много писателей-фантастов. И что же они? Как восприняли войну? Что думают наши провидцы? Какие дают рекомендации? Народ ведь не в курсе про формат и неформат, про сериалы и проекты, про из-

дательскую политику и наши внутренние заморочки. Для народа писатель — по-прежнему инженер человеческих душ. Писатель ведь в шахте кайлом не работает, и на комбайне урожай не убирает, и даже на стройках бетон не льет. Он ведь все свое время только и осмысливает происходящее да в книжки это осмысление вкладывает. Стало быть, куда лучше комбайнеров да шахтеров в ситуации разбирается. Вот пусть и скажет свое веское слово.

Оказалось, что с писателями у народа туго. Оказалось, что коммерческий автор и писатель — это, что называется, две большие разницы. Какое осмысление ситуации?! Какой трезвый анализ, когда пираты очередную новинку потырили?! Вот кто настоящий враг! Некоторые из нас так увлеклись борьбой с пиратами, что стали сравнивать свои произведения с продуктами в супермаркете. Ни в коем случае не оправдываю пиратов, но ведь никто за язык не тянул. Сами поставили на один уровень свои тексты и колбасу, не видя разницы. Имеют полное право. Пишут, что хотят, никому ничего не должны! Демократия с ростовщицким уклоном! Только ни к литературе, ни к фантастике такие произведения отношения не имеют. Это уже литературоподобный коммерческий продукт, категория: «колбасные» тексты.

Хотим сами строить свое будущее, придется убрать фантастику с продуктовых полок (хотя бы в собственных головах).

Недаром появление многих великих произведений в литературе часто приходится на военное и послевоенное время. Что у нас, что в Европе и Америке. Это естественная защитная реакция общества. Война четко показывает, ради чего стоит жить и за что стоит умирать, показывает главное и самое важное, отменяя шелуху. Именно на войне становится очевидно: если мы хотим остаться людьми, то жестокости и смерти

можно противопоставить только чувство долга, любовь и высокую нравственность.

Но идут годы, ужасы войны забываются, на первый план выходят вопросы экономики и коммерческой выгоды, писатели потихоньку перекочевывают в сферу услуг (категория: развлечения), снова популярны «колбасные» тексты, и уже никто никому ничего не должен.

До следующей войны.

А требуется немного. Основная задача писателя — способствовать в меру своего таланта нравственному развитию общества: беречь родной язык, сеять разумное, доброе, вечное и в тяжелое для страны время не бояться высказывать свою позицию. Этого достаточно, чтобы вполне заслуженно носить высокое звание русского писателя.

АЙНУР СИБГАТУЛЛИН

ЗЕМЛЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Рецензия на роман Роберта Ибатуллина «Роза и червь» (М., Селаго, 2016)

Долгая и изнурительная дорога к публикации из беспросветной самиздатовской трясины. Стремительный марш-бросок на прилавки центральных книжных магазинов. Яркая вспышка на небосклоне русскоязычного фэндома. Восторженные и разгромные рецензии известных критиков. Ожесточенные столкновения читателей на форумах любителей фантастики. Попадание в орбиту литературных премий. И, наконец, блистательное восхождение на писательский Олимп под сень наград АБС, Интерпресскона, далее везде. Не правда ли, впечатляющее начало для дебютанта? Что

★ — же это — удачное расположение звезд или заслуженное признание за цепляющий сюжет добротной НФ, столь редкой у нас?

Итак, дано. Или информация к размышлению, господа присяжные читатели. Роберт Ибатуллин, потомок известного татарского поэта и драматурга Фазыла Туйкина, переводившего Коран на татарский язык в начале XX века. Физик из Уфы. Кандидатская по истории Римской империи. С 2003 года в Москве. Преподает физику в институте, занимается переводами. Пишет. Рассказы, фанфики, таймлайны альтернативок. Например, сценарий «Мир без Ислама». Начинает и бросает незаконченным роман «Роза и червь». Текст висит несколько лет на сайте «Самиздат», пока в июне 2015-го автор не сообщает о своем решении дописать роман. Причины тому, по его словам, две: забрезжила перспектива публикации и то, что «в уме наконец-таки сложилась точная идея финала, неожиданная и закономерная». Публикация из призрачной перспективы стала фактом. А вот финал — стал ли он тем, каким его обозначил автор? Но обо всем по порядку.

Начнем с жанра. Одни читатели относят роман к миксту космооперы с постапокалипсисом. Другие уверяют, что это чистой воды киберпанк. Пожалуй, как говаривал в подобных случаях Ходжа Насреддин, правы все. Но, может быть, этот роман еще несет и черты какого-нибудь нового течения в НФ или вообще в художественной литературе? Что-то вроде неопосториентализма? Ведь роман от начала и до самого конца насквозь пронизан крепко впечатанными элементами будущего с исламским контекстом. Не случайно основное действие после ударного пролога начинается с появления в постыдаерном Поволжье верховного эмира Иделистана, предложившего выжившим космонавтам помощь на Земле в обмен на ору-

жие. И все же спусковой крючок сюжета вне нашей планеты. Космос. Вторжение. Коварные инопланетяне, сумевшие обойти защиту космического флота. Ракетный удар по планете. Уничтожение флота захватчиков. Кажущееся. И снова борьба. Покой нам только... И не только с чужими. Борьба за власть между астероидами и космическими станциями землян. А внизу на поверхности Земли ровно то же самое. С поправкой на то, что аквилиане начали заражение жителей планеты.

Ибатуллин мастерски закручивает сюжет, делая его настолько непредсказуемым, насколько это возможно в жанре НФ. Однако его фантазия не безгранична. Автор задает рамки и ограничения, которым строго следует. Некоторые фандоупущения претендуют на оригинальность. Например, недоуничтожение Земли как способ стимулировать развитие цивилизации. Этакая прививка от космического снобизма землян. Доминионы как симбиоз семьи, трудового коллектива и половых партнеров.

Но что же все-таки с сюжетом? Многие читатели интернет-ресурса «Лаборатория Фантастики» (<https://fantlab.ru/>) ставят в упрек автору провисание и скомканность финала, при том, что первые две трети романа вряд ли кого-то могут оставить равнодушным. И это несмотря на достаточно простоватый и «нелитературный» язык, скудность эпитетов и красок. Да, язык Ибатуллина прост. Но эта «простота» дорогого стоит. Автор дает читателю тот необходимый словесный минимум, которого вполне достаточно, чтобы сложился тот многоплановый сеттинг, на фоне которого разворачивается действие на Земле и в Космосе.

Первая сюжетная линия завязана на двенадцатилетнем мальчике Саиде Гафурове из мусульманского предместья Новой Москвы. Автор при этом практически игнорирует то, как, что и когда произошло с нашей страной. Стала ли она частью одной из трех

сверхдержав Земли — Амеропы, Пацифики или Индокеании. Или она вообще исчезла с лица Земли?

Ибатуллин оставляет историю вопроса за скобками, ставя читателя перед фактом. Есть Новая Москва, есть Иделистан, есть прочие осколки — Нижгород, Зеленый мост и так далее. А вот России нет. Той страны, в которой мы живем и в будущее которой нам все-таки хочется верить, нет. Но что же с нашим мальчиком? Поначалу кажется, что Ибатуллин применит к данному персонажу классические подходы, описанные у Пропа, Воглера, Маки и других классиков сюжетостроения в художественной литературе и сценарном искусстве. И действительно, Саид пускается в странствия героя подобно Джиму Хокинсу из «Острова сокровищ». И ближе к финалу читатель предвкушает его чудесное спасение или если не подвиг, то что-то героическое. И вот здесь читателя ждет — нет, увы, не сюрприз. Разочарование. Пустота. Но вряд ли грусть. Потому что персонаж на всем протяжении романа умудрился не вызвать ни малейшей капли симпатии. Впрочем, это системная проблема всех действующих лиц романа. Они вовсе не герои, а скорее функции. Говорящие функции, перемещающиеся со страницы на страницу романа, где настоящие главные герои — это планета Земля и человеческая цивилизация.

А что же мальчик? Да и был ли он? Саид ведет себя так, будто ему не двенадцать, а тридцать девять. Даже в мире постапа, через сотни лет после нас, ребенок должен оставаться ребенком. Увы, ребенка автор нам так и не смог предъявить. Как бы то ни было, в одном из интервью Ибатуллин честно признает, что претензии читателей к психологии персонажей обоснованны.

Следующий главный герой — Брэм Конти. Наемник. Классический одинокий волк на тропе войны. Ходульный персонаж из голливудских боевиков. Пьющий все, что горит, и ... все, что движется. Еще один

герой-функция. Который, тем не менее, в финале пытается начать свою игру в Уральских горах Башкирии с выжившими представителями постчеловечества на заброшенной военной базе.

И, наконец, Зара Янг. Светлое будущее ЛГБТ в космосе. Главный персонаж второй сюжетной линии, связанной на противостоянии орбитальных станций, колоний на планетах и Космофлота. Единственная из жителей космических станций, кто приходит на светские приемы и оргии в одежде. Готовая уничтожить десятки тысяч человеческих жизней. То во имя своей любовницы, то ради того, чтобы заслужить любовь отца, а то и просто из-за нездоровых карьерных амбиций. И, тем не менее, именно она становится в итоге посредником между человечеством и представителями Галнета, предложившими помощь в борьбе заражением от аквилианских «роз».

Остальные персонажи еще более картонны и безлики. И все же, невзирая на это крайне досадное упущение, роман читается с интересом — настолько увлекательно и вкусно сконструирован мир будущего: тьюринги и сигиллы, земляне и космики, правоверные и кяфиры, а еще антропофабрики, циклики, нульдевы и хайгравы. И все это вселенское великолепие затягивает читателя в гигантскую воронку сюжета, длящегося на протяжении нескольких веков — с бомбардировками Земли релятивистскими снарядами, земными поселениями на Марсе и Венере на фоне погибшей Москвы — «великого города кяфиров».

Можно поспорить, что лучше удалось Ибатуллину, — мусульманский постап или холодные космические декорации. С одной стороны, автор скупыми, но броскими мазками рисует тяжелые будни Иделистана. Сильно смахивающими на нынешние Афганистан, Ирак и Сирию. И снова умолчание о предыстории возникновения такой ситуации в ближайшем Подмо-

★ **588**

сковье представляется гораздо более выигрышным, чем подробный рассказ. Ибатуллин словно намекает читателю на то, что автор прекрасно понимает отсутствие необходимости пояснения такого почти реального будущего. Ужасного кровавого будущего, прорастающего ядовитым цветком уже не так далеко от наших южных границ. Там, где наши воздушно-космические силы пытаются упредить вторжение вроде бы землян, ведущих себя подобно самым злейшим врагам человеческой цивилизации.

С другой стороны, блистательно разработанный космический антураж, в который влюбляешься сразу, не обращая внимания на мелкие шероховатости по матчасти. Автор, правда, уверяет, что тщательно прорабатывал каждую деталь сеттинга. Что ж, большинство читателей, ругавших автора за ляпы и ошибки, в конце концов признают, что роман хорош. Это ли не наивысшая похвала по гамбургскому счету?

Ну а что у нас с истинными врагами Земли? Уничтожившими миллиарды человеческих жизней, превратившими в пепел и прах нашу цивилизацию. Ибатуллин не пытается вызвать хоть какие-то эмоции у читателя. Потому что понимает — мы настолько привыкли к тому, с какой легкостью убивают нашу планету, что проглатываем эту часть сюжета почти на автомате. Наверное, потому, что мы морально готовы ко всему, Карл. Ну, прилетели, ну разбомбили. Эка невидаль. Наше дело правое, инопланетные захватчики будут разбиты, победа будет за нами. Ибо Земля превыше всего! Ах, если бы. Превыше всего оказывается амбиции, власть и иногда секс. Ничего нового со времен первобытных людей. И ничего личного. Потому что у Земли нет постоянных друзей и врагов. Есть только постоянные интересы. И единственные союзники — Космофлот и армия милитантов. Но только ли они?

В финале автор окончательно выбивает почву из-под ног читателя. Показывая то, сколь ничтожно мала дистанция от вражды до сотрудничества. И сколь порой неотличимо поражение от победы. Впрочем, нам ли, землянам, удивляться? Все это мы уже проходили и пройдем снова и снова. Римская империя. Арабский халифат. Золотая Орда. СССР. Гибель. Симбиоз. Возрождение. Кто следующий, земляне?

АЛЕКС БОР

ПУТЬ ИЗ АНТИУТОПИИ В УТОПИЮ И ОБРАТНО

*Рецензия на роман Ольги Кай
«Городская Ромашка» (Севастополь,
Шико-Севастополь, 2015. — 318 с.)*

Постапокалипсисом в наше время никого не удивишь. Тема в современной российской фантастике популярная и, видимо, коммерчески выгодная.

Вот и кочуют из романа в роман одинаковые, как сямские близнецы, супергерои, которые пытаются не только выжить после глобальной катастрофы, но построить новую цивилизацию, причем скрепить ее каркас кровью. Поневоле вспоминаются стихи Некрасова: «Дело прочно, когда под ним струится кровь...».

Но очень мало постапокалиптических романов рассказывают о том, как стали жить люди после того, когда цивилизация возродилась. Самый известный из них — «Дивергент» Вероники Рот.

Роман Ольги Кай как раз и заполняет эту лакуну в постсоветской фантастике.

Ольга Кай — писательница, которая стала известна благодаря Интернету, в первую очередь благода-

★ —
ря другому своему роману — «Невеста императора». удостоилась статьи в «Википедии», где о ней сказано: «Работает в направлениях приключенческого и романтического фэнтези, а также социальной фантастики, пишет сказки для детей».

Роман «Городская Ромашка» — как раз яркий образец социальной фантастики. О мире, в котором глобальная катастрофа произошла так давно, что о ней уже почти никто ничего не помнит. Известно лишь только, что прежний мир когда-то уничтожил «каменный дождь» (можно предположить, что речь идет о падении на Землю гигантского астероида или даже нескольких астероидов). И на осколках прежнего мира возник мир новый.

Название романа может настроить читателя на лирический лад. Лирические моменты в книге действительно есть. Однако это очень жесткая книга. Местами — даже жестокая. Хотя и очень женская — в тех эпизодах, в которых речь идет о зарождении и развитии романтических чувств.

Эта книга ставит перед читателем вопросы, не давая ответов.

Читатель должен сам найти их.

«Городская Ромашка» — роман о мире, в котором человеку очень нелегко жить. Особенно если он не такой, как все, если он выделяется из серой массы. И умеет не только думать, но и мечтать.

Мечтать о совсем другом мире, который живет в мечтах и фантазиях.

Правда, как вскоре выясняется, мечтать в этом мире запрещено. Мечта — это преступление, за которое могут жестоко покарать. Как это напоминает антиутопии Замятина и Оруэлла, в которых герои тоже поставлены в жесткие рамки! Однако в том мире, о котором пишет Ольга Кай, почти никому не приходит в голову думать о том, что за стенами городов может существовать другая жизнь.

Героиня романа Ольги Кай, девушка по имени Ромашка, предприняла попытку вырваться из жесткой антиутопии. И это ей сделать удалось — она оказалась совсем в другом мире, который первоначально воспринимается как счастливая утопия.

Жанр романа — это действительно попытка противопоставить антиутопию и утопию.

Антиутопия — это мир городов, жестко структурированный, где каждый человек — «винтик» в системе. А над людьми стоят государственные службы, которые контролируют не только их жизнь, но и мысли.

«Город» в романе — это символ технической цивилизации, которая берет от природы все, что ей нужно, убивая при этом саму природу.

Утопия — это сельская пастораль, где люди радостно живут на лоне природы и работают на земле, где, на первый взгляд, нет жесткого подчинения государственной власти.

«Деревня» — это естественная цивилизация, которая живет в ладу с природой, совершенствуя то, что в них природой заложено. «Деревенские» отказались от технологического развития, чтобы не губить мир, который их окружает.

На первый взгляд — идиллия, которую описывал еще Жан-Жак Руссо более двухсот лет назад.

Но идиллия — это только на первый взгляд.

Потому что чем дальше, чем больше возникает вопросов.

О которых — чуть дальше.

Главным конфликтом романа можно назвать как раз конфликт «города» и «деревни», если воспользоваться советской терминологией. Причем этот конфликт пытаются решить силой оружия: горожане и сельские жители бьются не на жизнь, а на смерть, не считаясь с жертвами, — ни своими, ни тем более чужими, и перевес в этой войне — явно не на стороне городов.

★

Да и первоначально симпатия читателя — тоже на стороне жителей сельской утопии. Потому что, как уже было отмечено, города — это тоталитарные государственные образования, в которых люди априори несвободны. Правда, они особенно и не стремятся к свободе — никто из горожан не интересуется, что находится за стенами, слепо веря тому, о чем вещает пропаганда (как это всем нам знакомо!) Никто — кроме, опять же, главной героини — девушки с цветочным именем Ромашка. Я бы назвал Ромашку романтической героиней: она, в отличие от своих подруг и остальных горожан, смотрит на небо и мечтает вырваться из тесных городских стен на простор, мечтает увидеть другой мир. Окружающие считают девушку «белой вороной», не принимают ее всерьез — и вполне закономерно, что итогом внутреннего бунта героини против существующего миропорядка становится бунт внешний: Ромашка помогает раненому незнакомцу, который, как вскоре выясняется, оказывается вражеским лазутчиком. Однако, что интересно, у девушки не возникает вопроса, который сразу приходит в голову читателю: что делает чужак в ее городе? И тем самым — внимание! — делает первый шаг к предательству. Предательству пусть не очень уютного, но все-таки родного мира, предательству всех горожан, в том числе и тех, кого она считает друзьями. Героиня становится на сторону тех, кто является врагами городов. Она очень быстро находит компромисс со своей совестью — скорее всего, потому, что влюбилась в Мирослава — того самого вражеского лазутчика, которого спасла. То есть Мирослав рассказывает ей, что собирал информацию, которую нужно будет довести до старейшин — они и должны в итоге решить судьбу городов. Если назвать вещи своими именами, то он занимается разведкой. Но не только: он активно формирует «пятую колонну» из числа тех,

кто недоволен существующим положением вещей и кто готов пойти против своего города. Кто готов с оружием в руках бороться за свободу, против бесчеловечных порядков, против угнетения.

Как можно назвать таких людей?

С точки зрения городских властей, они являются террористами.

Но для противоположной стороны они — борцы за свободу.

Не правда ли, знакомая ситуация?

И автор, судя по всему, симпатизирует этим людям — как, впрочем, и вообще «деревне», которая сознательно противопоставляется городам.

И Ромашка, которая вместе с Мирославом бежит из города, с радостью входит в этот естественный мир, который наполняет гармонией ее душу. Девушка понимает, что именно на лоне природы, а не в душных стенах города она может стать по-настоящему счастливой.

Но, как уже было сказано ранее, «город» и «деревня» находятся в состоянии перманентной войны. И в этой войне девушка, осознанно встав на сторону «деревни», становится невольной виновницей гибели своего города. То есть предает своих ради чужих, которые стали для нее своими. И что характерно: Ромашка понимает, что предала. Но она пытается оправдать предательство тем, что в городе ей было плохо... Возникает явная параллель с нашей историей: и Российская империя, и СССР были разрушены изнутри теми, кто пошел на сговор не только с совестью, но и с внешними силами.

Потом они радостно плясали на руинах убитой при их содействии страны...

Не уверен, что автор романа сознательно закладывала в книгу такую аналогию. Тем не менее она просматривается. И оправдать некоторые поступки Ромашки трудно... В первую очередь — предательство.

Впрочем, Ромашка на руинах не пляшет. Но и сожалеет о содеянном недолго. И не потому ли, что на ее сознание было совершено некоторое воздействие?

Потому что если рассматривать конфликт «города» и «деревни», то не совсем понятны его истоки и причины. Автор романа, которая априори стоит на стороне «деревни», пытается всеми силами убедить читателя, что именно «город» пытается уничтожить «деревню» — а «деревня», уничтожая города, лишь защищает себя от агрессии. Однако проблема в том, что читатель об этом узнает исключительно от вождей «деревенских». То есть именно сельские старейшины убеждают Ромашку, а вместе с ней и читателя, что в конфликте виноваты именно города. Тогда как точка зрения правителей городов читателю остается неизвестной. Да и, если вдуматься, старейшины — весьма умелые манипуляторы. Обладая и даром убеждения, и некими сверхъестественными способностями, можно убедить кого угодно в чем угодно...

То есть в итоге получается весьма неприглядная картина: мы видим города, в которых правители подавляют людей, — однако получается, что и «деревенские» не такие уж и свободные, потому что находятся целиком во власти тех, кто ими управляет.

Сельская пастораль, с такой любовью показанная нам автором романа, из утопии (мира, в котором хотелось бы жить) превращается в такую же авторитарную антиутопию, из которой мечтала вырваться Ромашка. И выходит, что девушка, которая осознанно становится на сторону врагов городов, приняла другой вариант авторитаризма, который только на первый взгляд кажется вариантом свободы. Да и осознанно ли?...

Может быть, все-таки кто-то повлиял на ее решение, через воздействие на сознание?

Не потому ли так быстро успокаивается ее совесть, что ее угрызения подавлены извне?

И не оттого ли в какой-то момент Мирослав, который влюблен в Ромашку (хотя личные взаимоотношения героев романа сами по себе интересны, речь сейчас не о них), начинает избегать общества девушки — потому что знает правду? А правда состоит в том, что девушку сделали пешкой в большой политической игре, то есть просто использовали, как разменную монету. Вполне можно допустить, что и сама встреча Ромашки с лазутчиком может быть совсем не случайной — ведь Мирослав, как уже было сказано ранее, ищет тех, кто недоволен устоявшимся порядком вещей. И использует наивную девушку в своих целях. Более того — даже подставляет ее. Допускает, что она попадает в лапы городских спецслужб, которые прямо обвиняют девушку в измене. И спасает ее только в самый последний момент... Хотя он вполне мог не допустить пленения девушки, которая спасла ему жизнь. Но, видимо, ему (или тем, кто за ним стоит) было нужно, чтобы девушка как можно быстрее «созрела» — то есть встала на нужную сторону.

Цинично, конечно... Но политика никогда не делалась в белых перчатках. И простые люди во все времена были пешками в играх сильных мира сего...

И вывод можно сделать такой: Ольга Кай — вольно или невольно — показала, что любое общество, которое делит людей на своих и чужих, очень жестоко не только к чужим, но и к своим. Свои, чтобы не стать чужими, должны подчиняться тем, кто правит обществом. И не важно, каким способом власть добывается повиновения: прямым ли насилием или при помощи воздействия на сознание... Последнее гораздо страшнее: оно априори лишает человека способности к сопротивлению.

Такие вот не совсем веселые мысли рождает роман «Городская Ромашка», который был написан чуть больше десяти лет назад, но пришел к читателю только сейчас.

ПОЛИНА МАТЫЦЫНА

О ЧЕМ ДУМАЮТ
ЭКСПЕРИМЕНТЫ?

Рецензия на роман Вячеслава Рыбакова
«На мохнатой спине»

Роман Вячеслава Рыбакова «На мохнатой спине» — вещь, на первый взгляд, совершенно не фантастическая. Это размышление, не отягощенное сложным сюжетом, захватывающими приключениями и даже бытовыми зарисовками повседневности: это поток оформленных в единое целое мыслей. И не так уж важно, совпадает ли позиция героя с позицией автора, важно, что автор говорит с читателем о вещах, которые его волнуют. И собеседники романа абстрактны в основном потому, что это — читатель. Читатель задает вопросы, а автор вкладывает в уста центрального персонажа свои ответы.

Да, герои очень абстрактны, и не только из-за стоящего за каждым образом и пласта знаний читателя — зачем говорить, кто такой Сталин, описывая его так или иначе, если у читателя есть собственный образ, связанный с этим именем? Персонажи безлики, как безлик для автора читатель, неведомый человек с собственным характером и мировоззрением. Да, герои, в отличие от читателей, задают автору только нужные ему вопросы, и с нужным ему акцентом — но это потому, что в героях воплощен читатель, которого интересует именно эта эпоха и поднятые ею вопросы, актуальные и сегодня.

А эпоха выбрана сложная, очень сложная. 1939 год, как можно вычислить из романа, год огромного внешнего и внутреннего напряжения для многих стран,

и особенно — для Советского Союза. Но прямо где-нибудь не указан, и, если не считать упоминаний событий и имен того времени, время действия можно смело соотнести с сегодняшней эпохой, до такой же степени наполненной вопросами без ответов. Время автора абстрактно... не менее его героев.

Уже название заставляет задуматься. На чьей спине? Кто именно на ней находится? И о ком роман, ведь он же о людях, а они — не блохи. Или — блохи? Есть предрасположенность событий, некая неизбежность, и как бы ни пытался человек, предначертанного не избежать?

Внешний сюжет прост: герой влюбляется молодую девушку, и жена догадывается об этом. Герой вспоминает, как он впервые встретил жену, как они сражались рядом в Гражданскую войну. День за днем течет жизнь в обстановке страшного предвоенного напряжения, особенно ощутимого в дипломатической сфере. В конце концов герой вынужден принять два решения. Первое — семейное: он не способен предать жену ради другой. Второе — следует подписать пакт, практически жертвующий Польшей (1939 год). И Маша, оказывается, неспособна простить ни первого решения, ни, главное, второго — она полька. Вспомнив все политические обиды, начиная с царской России и заканчивая надуманной ненавистью к Польше ее современников, она делает собственный выбор.

Хотя в романе так и оставшийся безымянным герой почти поучает окружающих, говоря им непривычные и неожиданные для них вещи, которые они боятся осознать, уверенности в его словах все же нет. Может быть, как раз потому, что существует эта предначертанность. Даже в собственной его семье ситуация сформировалась не за один или два дня, она лежит в противостоянии, закладывавшемся веками. Что именно разрушило семью: влюбленность героя или

★ — убеждения его жены? И то и другое — самый простой ответ, лежащий на поверхности, но ведь решающий шаг жена героя делает вовсе не из-за ревности к женщине. Для автора ситуация внешняя — всего лишь оболочка, под которой лежат более глубинные факторы. Да, влюбился — пережила бы и простила. В крайнем случае — развелась. В самом крайнем случае — им пришлось бы жить в лживой ненависти, как живет немало семей. Но это было слишком просто, именно потому, что это внешнее проявление ситуации.

Герои автора — не люди, а убеждения. Каждый из героев — носитель того или иного взгляда на мир, и именно в их столкновениях, замаскированных под мягкие разговоры, смысл романа. Свои убеждения несет Надя, свои — Сергей, свои — Маша. Каждый из них воплощает что-то, и влюблен герой не столько в красоту Нади, сколько в молодость ее взглядов и убеждений. Но он выбирает прошлое — и оно мстит ему выстрелом. Может быть, потому что прошлым жить нельзя, и человеку следует меняться, как бы больно это ни было.

Именно поэтому роман — фантастический. Люди здесь — оболочки мнений. И конфликт заключается именно в поисках каждым из них единственно верного решения. Но такого решения не существует. И герой знает это — он то и дело упоминает о событиях будущего, которые персонажу неизвестны. Он знает о последствиях, к которым приведут его действия, как знает читатель. Однако изменить прошлое невозможно. А оно всегда будет воздействовать на будущее.

Книга очень своеобразна. Трудно сформулировать свое отношение к ней. Внешней бессюжетностью — живет человек, разговаривает с разными людьми — она оттолкнет большинство читателей. Даже заявленная в начале лирическая линия сюжета, основанная на влюбленности героя, предполагает больше семейные,

чем моральные конфликты, и их отсутствие может удивить неподготовленного читателя. Это не биография и не эпизод из нее, это не роман о семье, ее становлении или распаде, это не политическая история (хотя такие моменты есть), это не... В общем, это много что «не». А что же в книге есть, кроме размышлений? Даже конфликты очень мягки и не разрешаются — герой прав априори, — если, конечно, не считать конфликта основного.

Наверное, главная сложность как раз в том, что это книга-дневник. Заметки автора, которыми он хочет поделиться, оформив их в полубиографической подаче. Это необычное решение, своего читателя найти ему нелегко. Невозможно до конца понять роман, не перечитав его несколько раз. Он заключает в себе поистине сложное чтение, рассчитанное на неглупого читателя. Можно сказать, книга представляет собой эксперимент, предназначенный для аудитории интеллектуалов.

Книга мудрая и... усталая. С ней можно даже не соглашаться, но мнение автора начинаешь уважать практически на автомате — настолько спокойно и весомо выглядит его альтер-эго. Наверное, именно в этом и заключается главное достоинство романа: способность заставить взглянуть на чужое мнение не как на повод для конфликта, а как на повод для размышления о «своей» и «чужой» правде. Маша не пыталась понять правду мужа, что привело к печальному итогу. Но ведь и герой со всей мудростью, со всем пониманием, так и не осознал, насколько важна для жены ее правда, считая, что он выбрал жену — и этим автоматом заставляет ее все понять и принять. Может быть, кроме понимания, необходимо еще и взаимопонимание? Ведь как раз его герои и не смогли найти.

Герой сделал выбор. Он убежден в одном: цепляясь за прошлое, мы убиваем себя. Стоит меняться, как бы

★ — больно это ни было, и искать ответы в будущем. Об этом и есть странный роман-размышление «На мохнатой спине». Спине вечности.

Осталось сделать выбор и читателю.

ПОЛИНА МАТЫЦЫНА

Рецензия на книги Варвары Еналь из цикла «Живые»:

1. Мы можем жить среди людей
2. Мы остаемся свободными

Еналь В. Живые. Мы можем жить среди людей / В. Еналь — М.: Росмэн, 2015.— 416 с.

Еналь В. Живые. Мы остаемся свободными / В. Еналь — М.: Росмэн, 2015.— 544 с.

Научная фантастика — жанр крайне многогранный. Не в последнюю очередь потому, что под маской фантастического допущения писатель может задуматься о человеке и его месте в мире и обществе. Недаром в формулировке С. Снегова научная фантастика — это «выдуманное, но правдивое зеркало человеческой сущности». Правда, в последнее время большинство так увлеклось самими фантдопущениями, что уже не задумывается о том, что это допущение должно что-то значить и к чему-то приводить героев и читателя.

Особенно это заметно в литературе для подростков. Если там не преобладает магия, то правит «экшен». Иногда авторы пытаются заявить что-то вроде осмысления места человека, но обычно все это скатывается в стандартную победу «хорошей» фракции над плохой. А настоящая НФ появляется редко, и еще реже появляется НФ удачная.

В основе действительно удачной НФ лежит не просто фантастическое допущение, а общество и челове-

ческая сущность. Писателей интересуют последствия фантдопущения, его воздействия на мир, а сильнее всего такие воздействия сказываются именно на человеке и создаваемом им обществе.

Книга, точнее две книги из, возможно, трех (четырёх?) Варвары Еналь, цикл «Живые», написана для подростков, но ее неплохо бы прочесть и иному взрослому. Потому что это почти классическая НФ, пусть и в современной обработке.

Итак, фантастическое допущение: космическая станция МОАГ, практически автономный город, населенный исключительно детьми до пятнадцати лет и роботами. Нет, все знают, есть еще один уровень станции, где работают взрослые, но детям нет туда допуска. Зато стоит отпраздновать школьный выпуск — и ты присоединишься к тем, кто работает на благо человечества, не тратя времени даже на минутные свидания с детьми. Только вот некоторые подростки почему-то сбегают от счастливой участи служить станции и человечеству. Они предпочитают жить в заброшенных уровнях, куда нет хода роботам, и вынуждены голодать и воровать продукты.

Классическая вроде бы для современных подростков система противостояния «государства» — станции — и отдельных «избранных». А уж с учетом того, что на известных беглецам уровнях нет ни одного взрослого человека, только роботы, в том числе способные напасть, искушенный читатель и вовсе может придумать что угодно, в меру своих знаний и предпочтений.

Перед ним предстают Таис, воровка, добывающая продукты, и правильно-безупречная Эмма, готовая вот-вот перейти в мир взрослых. Симпатии подростка изначально отданы «плохой» Таис — она понятнее и ближе «стукачки» и зануды Эммы. Но Таис с друзьями вынуждены спасти зловредную врагиню, и вместо

★ идеального мира взрослых Эмма оказывается в путающем и до противного неуютном мире беглецов. Выход у нее один: раскрыть тайну станции и доказать, что прячущиеся ребята ошибаются в своих знаниях.

При этом удача автора не столько приключения на станции — хотя и они способны заставить сопереживать героям. Главное — сами герои. Постигая секреты станции, они вынуждены меняться и в чем-то взрослеть, зачастую принимая совсем не детские решения. А еще — поднимая извечные вопросы.

Душа. Любовь. Семья. Ответственность. Что отличает человека от робота, делая его — человеком? И, главное, что отличает человека от безумных, вечно голодных тварей, которые оказались на станции МОАГ?

Характеры мальчиков более статичны и типичны — автор сделала их изначально «правильными». А вот главным героиням приходится нелегко: им приходится едва не полностью пересмотреть все жизненные принципы.

«Закон — ложь. Главное — ты сам», — живет Таис.

«Закон превыше всего. Всегда поступай по Закону», — живет Эмма.

А правда, как всегда, лежит где-то посередине. Оказывается, нельзя отречься от Закона станции, если хочешь остаться человеком. И иногда нельзя соблюдать Закон, если хочешь человеком остаться. А как ее найти, эту середину, если тебе всего пятнадцать, и вас всего четверо, а за спиной — дети, которым угрожает смерть? И при этом нужно уцелеть, не став ни кровавой тварью, ни ее добычей.

Непростая задача для любого человека, избалованного безмятежной и беспроблемной жизнью. Роботы смогли дать детям все, но не научили главному: человечности. Этому героям приходится учиться самим, ведь, выясняют герои, научить быть человеком может только семья.

И потому во второй книге дети станции МОАГ пытаются «выйти к людям». На станции немало детей, а четверо главных героев в себе-то не уверены, где им воспитывать малышку. Мало того, Эмму удерживают от превращения в чудовище только таблетки, а их запас не бесконечен.

Таис проще. Ее, Федора и Кольку спасает нечто, дающее природный иммунитет — простая человеческая любовь. Это и есть единственный верный антидот. Но любви нельзя научиться, а Эмма умеет только зубрить.

Люди разные, напоминает автор. Кому-то хватает искусственного тепла, скажем, роботов, кто-то — влюбляется без раздумий раз и навсегда, кто-то и вовсе не нуждается в «глупых чувствах». Только как быть, когда фантастическое допущение мира делает любовь единственным средством от превращения в безумное, вечно голодное чудовище? А люди на Земле, куда удастся добраться Федору и Таис, давно «прочипованы» роботами и тоже, как оказалось, не слишком-то разбираются в чувствах. Правда, и среди роботов оказываются человеческие — это те, кто рос в любви семьи, словно настоящий человек.

Кто же настоящий враг? Неведомая болезнь, твари со станции, роботы, уже почти превратившие людей в стадо? Пока ответа нет — ведь написано лишь две книги и готовится третья.

Единственный серьезный недостаток серии — инопланетяне. Как-то очень уж они не к месту. То ли автор решила, что НФ без инопланетян не НФ, то ли не могла придумать иного выхода из почти безнадежной ситуации, но выглядят они во второй книге неуместно. Этаким «рояль из космоса». Возможно, они найдут объяснение и применение в третьей книге, но пока они смотрятся лишними. Просто там, где идет речь о человечности, инопланетяне не нужны. Хотя, если автору удастся обосновать их появление в сюже-

★

те и найти некий еще один эквивалент человечности, иной и чуждый нам, это будет удачей. Получится ли у автора? Надеюсь, что да, ведь пока потенциал книги значительно больше этой неудачи.

А главная заслуга «Живых» — что она не поучает, а просто «думает». Герои вынуждены решать проблему за проблемой — во вполне «экшеновом» антураже, не дающем заскучать, и вместе с героями читатель размышляет и приходит к выводу.

Семья. Любовь. Ответственность. Что все это? Нужно ли оно? И как быть, если вместо родительского тепла — машинный Закон, вместо любви — пустота, а вместо ответственности — безалаберность? Как из ничего создать... Человека? Да и что такое — человек?

Подросткам нужно задумываться на такие темы. Только так они вырастают людьми, а не просто членами общества. И именно в этом, в способности заставить думать, главная задача фантастического допущение. И в этом главная сила НФ.

Варваре Еналь удалось создать книгу, где приключения — не просто развлечение скучающего читателя, а процесс, заставляющий заново осознавать очевидные, но постоянно отвергаемые из-за «банальности» вещи. В этом ее огромная заслуга. Стоит лишь пожелать ей сохранить это мастерство и в следующей книге или книгах. Ждем третьей части и надеемся, что она не будет уступать первым, а инопланетяне окажутся не украшением сюжета, а еще одним поводом подумать и вспомнить о себе нечто важное.

ВСЕЛЕННАЯ — РАЗУМ ИЛИ КОСМОС?

Михаил Савеличев

НА ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЕ ВЕНЕРЕ... .. 7

Игорь Вереснев

ТАЛАНТ РИСОВАТЬ ЗВЕЗДЫ... .. 44

Духина Наталья

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА... .. 67

ТЕХНОМИСТИКА БУДУЩЕГО

Ирина Лазаренко

ГЕНКА, МИЛКА И АЙБОГГАРД... .. 95

Айнур Сибгатуллин

ДЖИХАД ONLINE... .. 119

Всеволод Алферов, Александр Ивицкий

КАК БОГИ... .. 147

Немытов Николай

ДУХИ СРЕДИННОГО МИРА... .. 163

ФЭНТЕЗИ-НУАР

Михаил Савеличев

МОБ ДИК, ИЛИ ОХОТА БЕЛОГО КИТА... .. 185

Юлиана Лебединская

КРАСНЫХ ЯБЛОНЬ САД... .. 209

Юрий Никулин

ПРОЧНАЯ ПАМЯТЬ... .. 249

Ирина Лазаренко

НЕ-НА-ВИ... .. 284

Николай Немытов

«БЕЛАЯ ЛИЛИЯ» НА ЧЕРНОМ БЕРЕГУ... .. 302

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА .

Майк Гелприн

УЛЫБКА 327

Алекс Бор

ГНИЛОЙ 353

Дмитрий ЛУКИН

БОДИТЕК..... 382

Дмитрий Казаков

ФАСАД 428

Айнур Сибгатуллин

ПОСЛЕДНИЙ ДЖИХАД ЗА ЛЮБОВЬ 450

Григорий Панченко

ВРЕМЯ УХОДИТЬ 485

Сергей Битюцкий

ДОРОГА В НИЧТО..... 509

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

Дмитрий Володихин

КОТ В РЕБРАХ БРОНТОЗАВРА 515

Ярослав Веров

ОТЧЕГО НА РУСИ НЕТ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ? 526

Вагим Панов

«ДЕТСКИЙ МИР: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ» 533

Дмитрий Казаков

ТРИ КИТА И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ... 546

Дмитрий Лукин

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВЫХ НАЧАЛ РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ 553

Айнур Сибгатуллин

ЗЕМЛЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО 583

Алекс Бор

ПУТЬ ИЗ АНТИУТОПИИ В УТОПИЮ И ОБРАТНО 589

Полина Матыцына

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКСПЕРИМЕНТЫ?..... 596

Полина Матыцына 600

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА-2017

Ответственный редактор *И. Минаков*

Редактор *Е. Кондратьева*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Зотова*

Компьютерная верстка *Г. Балашова*

Корректор *Т. Остроумова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 10.05.2017. Формат 84x108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.

Тираж 3000 экз. Заказ № 1709290.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

В электронном виде книги издательства Вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
Один клик до книги

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижний Новгород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской
Обороны, д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,

г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.

Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7 (383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7 (4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96 / 97 / 98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014,

Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д. 9.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-97996-7

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2017

Венера – это вторая Земля, но чтобы сделать венерианский ад пригодным для существования человека, нужно победить не только извержения вулканов, тепловые бури и кислотные дожди, но и загадочное Красное кольцо, приманивающее зловещих Огневиков...

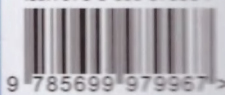
Сгусток вещества и энергии замер в трехмерной пустоте, готовясь к транспространственному смещению. По многовековой традиции, сгусток назывался «космическим кораблем», а смещение — «межзвёздным полетом». Странная традиция. Что общего с кораблем у хрупкой ажурной конструкции, похожей на опоясанную кружевами гирлянду мыльных пузырей?..

Кто не ошибается? Двести пятьдесят лет назад, когда только было подписано Соглашение о дружбе разумных планет, в космос отправились три корабля. Ни один из них не вернулся, и поэтому было принято решение не посылать четвертый. До тех пор, пока не пришло сообщение о планете, населенной очень близкими к нам существами...

Вадим Панов, Ярослав Веров, Дмитрий Казаков, Майк Гелприн и другие в традиционном ежегодном сборнике, выпущенном по итогам Международного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг-2016»!

skOmm.ru
СНЕЖНЫЙ КОМ

ISBN 978-5-699-97996-7

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2017 ВАДИМ ПАНОВ • ДМИТРИЙ КАЗАКОВ •
МАЙК ГЕЛПРИН • ЯРОСЛАВ ВЕРОВ

